

Максим АЛЕКСАШИН

«ЮНОНА» И «АВОСЬ»

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ:

Дегтярева Алина Геннадьевна	культуролог, этнограф
Евдокимов Ростислав Борисович	член Союза писателей России, историк
Колесов Владимир Викторович	д.ф.н., профессор Санкт-Петербургского университета, филолог
Маковкин Лемир Филиппович	член Союза писателей России, переводчик
Морозов Глеб Александрович	библиотекарь-библиограф
Никитин Александр Дмитриевич	студент СПбГУ
Никитина Елизавета Васильевна	филолог
Саранцев Михаил Кузьмич	полковник в отставке, садовод-любитель
Слевич Евгений Семенович	пенсионер
Соколов Юрий Борисович	ст. научный сотрудник Государственного музея политической истории России
Хайдоров Александр Дмитриевич	к.т.н., доцент
Шелов-Коведяев Федор Вадимович	к.и.н., профессор факультета политологии ГУВШЭ

КАКИЕ ГЕРОИ? КАКИЕ ЭПОХИ? КАКИЕ СТРАНЫ?

Присоединяйтесь к читательской редколлегии,
присылайте свои предложения!

Ваше участие определит состав серии
исторических романов.

E-mail: history@lovetoread.ru

Максим Алексашин

«ЮНОНА» И «АВОСЬ»

Максим Иванович
АЛЕКСАШИН

Москва
«Вече»

Максим Иванович Алексашин родился в 1976 году на Буковине, в г. Черновцы — литературном центре Украины. Яркая книга о Куликовской битве — первая из прочитанных будущим писателем и публицистом — произвела на шестилетнего мальчика неизгладимое впечатление и предопределила дальнейшую литературную жизнь. Свое первое произведение в стихах автор написал уже в восемь лет, а в одиннадцать состоялась проба пера в жанре прозы. Погружение в литературу расширило кругозор ребенка, норма чтения которого составляла не менее 100—150 страниц в день. Научная фантастика, книги по спорту и политике, детективы и приключения — казалось, ничего не ускользнуло от взора будущего писателя, но любимым жанром так и осталась история. С годами жажда знаний уже невозможно было удовлетворить чтением исключительно книг, многие из которых порождали вопросы, ответы на которые автору пришлось выискивать самому. Так, книга-воспоминание Евгения Крамаренко «Против “мессеров” и “сейбров”», в которой автор поднял вопрос о несправедливой исторической оценке личности Василия Сталина, заставила взяться за перо, чтобы рассказать о том, каким же на самом деле был сын «отца народов». Несколько лет кропотливой работы в архивах, встречи с однополчанами и друзьями опального летчика-генерала вылились в дебютную книгу «Последний бой Василия Сталина». Тогда же автор окончательно определился с жанром документально-исторического романа.

В течение года с небольшим из-под его пера выходит дилогия «Шаги за горизонт», первую книгу которой вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках. Романтическая история любви калифорнийской красавицы Кончиты д'Аргуэльо и русского камергера Резанова и предвзятая оценка их личностей современниками подтолкнула на поиски истины. Автор собрал огромное количество материала, охватывавшего период с 1789 по 1821 год, на базе которого и была написана книга. В ней Резанов выступает не в роли героя-любовника, а в роли устроителя новых земель,

Алексашин, М.И.

А46 «Юнона» и «Авось» : роман / Максим Алексашин. — М. : Вече, 2014. — 416 с. — (Серия исторических романов).

ISBN 978-5-4444-2584-8

Знак информационной продукции 12+

Роман Максима Алексашина рассказывает о жизни выдающегося русского дипломата и путешественника Николая Петровича Резанова (1764—1807). В результате большой исследовательской работы в отечественных и зарубежных архивах писателю удалось собрать огромный материал, дающий яркое представление о реальной истории событий, связанных со знаменитыми русскими кораблями «Юнона» и «Авось» и героической судьбой их капитанов.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Рос)

ISBN 978-5-4444-2584-8

© Алексашин М.И., 2014

© Оформление. ООО «Метрпресс», 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

расширившего влияние России до Калифорнии и Гавайских островов, а Курильско-Сахалинский рейд кораблей «Юнона» и «Авось», организованный Резановым, позволил закрепить за Россией весь Курильский архипелаг. Настоящее научное изыскание, к которому удалось подключить американских и немецких ученых-историков, а также их российских коллег, расшифровка малоизученных документов и перевод книг спутников камергера с немецкого и английского позволили по-иному взглянуть на личность Резанова в разрезе его деяний.

Библиография М. Алексашина пока что скромна, всего несколько книг, но трудолюбие и педантичность, с которой автор подходит к вопросам истории, позволяют надеяться на плодотворность его литературной деятельности. На сегодня практически завершена очередная книга, посвященная вопросам начала проникновения России в Закавказье. Это первая книга трилогии, главными героями которой выступают полковник Павел Михайлович Карягин и его егеря П.С. Котляревский и Д.Т. Лисаневич, чьи имена некогда вызывали восхищение как в самой России, так и в стане ее врагов. К сожалению, ныне они забыты, а ведь некогда А.С. Пушкин называл Котляревского «бичом Кавказа», а поход полковника Карягина изучается в военных вузах США и стран Ближнего Востока. Также заложен фундамент и проводится сбор материала для очередного проекта, посвященного семье Бутаковых, каждый член которой является легендарной личностью.

На сегодняшний день автор проживает в городе Севастополе. Диапазон его увлечений широк. Кроме литературных изысканий в круг его интересов входят альпинизм, авиационный спорт, судомоделизм. Кроме того, он занимается поэзией, пишет сценарии.

Избранная библиография Максима Алексашина:

- «Последний бой Василия Сталина» (2007)
- «Надежда» и «Нева» («Замысел камергера») (2013)
- «Юнона» и «Авось» («Ответ камергера») (2014)
- «Врата Кавказа» (2014)

Глава 1 СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДЖОН

Принесите бокалы силезские
Из поющего хрустала,
Ведёшь влево — поют «Марсельезу»,
Ну, а вправо — «Храни короля!»

А. Вознесенский

Джон сидел на подоконнике одной из комнат второго этажа в доме своего дяди Чарльза. Прекрасный трёхэтажный особняк вычурной архитектуры на склонах Род-Айленда утопал в зелени. Непривычное для глаза двадцатичетырёхлетнего моряка зелёное море из сосен и лиственниц сливалось с нежными оттенками гавани Бристоля. Отвыкший от этого земного великолепия, Джон д'Вольф с удовольствием поглощал спелые персики, вызревшие во владениях его дяди.

Уйдя в море тринадцатилетним мальчиком, Джон за годы скитаний по Атлантике и Индийскому океану возмужал и помудрел. Только сейчас он понимал, почему дядя Чарльз* отправил его простым юнгой на своём «Чёрном принце» к берегам далёкой Африки. Своего отца, Саймона д'Вольфа, Джон никогда не видел. В далёком 1779 году его 26-летний отец, бывший бесстрашный капитан на службе её величества британской королевы, примкнувший к американско-французской эскадре командора Джона Пол Джонса, погиб в борьбе за независимость Северо-Американских Соединённых Штатов. Дурные вести нанесли страшный удар по матери Джона, оставшейся в одиночестве с младенцем на руках в разгар кровопролитной войны. Благо родственники отца, будучи самыми известными в городе работаровцами и кораблестроителями, ста-

* Чарльз де Вольф (25.02.1745–20.08.1820, Бристоль, Род-Айленд). Крупнейший американский судовладелец. Занимался работаровлей, торговлей в Китае, каперством. Был членом Республиканской партии, активным участником войны за независимость и англо-американской войны 1812 года. Владел одним из лучших особняков в Бристолье.

рались всячески помочь осиротевшему семейству. Как правило, дядюшка Чарльз не оказывал материальной помощи даже близким родственникам. «Только тот достоин жизни, кто готов своими трудами завоевать себе место под солнцем», — любил говаривать он. Но в случае с Джоном он проявил едва ли не отцовское великодушие. И стать бы юноше управляющим плантацией, если бы в самый разгар споров между дядюшками Чарльзом и Джеймсом и кузеном Джорджем* тринадцатилетний мальчишка не вошёл в зал с небольшим деревянным кораблём в руках и не произнёс:

— А можно я стану моряком?

Так маленький Джон сам выбрал собственную судьбу, о чём впоследствии нисколько не жалел. Его мать, Анна, по-особенному любила своего белокурого последыша и всё строила планы на его будущее, но в то на редкость холодное лето 1792 года она простыла и умерла. Единственным воспоминанием детства Джона остались спелые персики, которые так любила мама и которых в доме всегда было вдоволь.

Предки д'Вольфов появились в Новой Англии в 1683 году и стали одними из основателей Бристоля. Родословная семьи корнями уходила в древний и могущественный род Вольфов, пришедших из глубины Евразии и поселившихся на берегах Балтийского моря. Самый первый из известных, Хаг, воевал в легионах Римской империи, за что был пожалован землями на территории Курляндии. За внешний вид и повадки его прозвали в легионе Лупус, что означало «волк». Однако балтийские ветра не охладили воинственного духа семейства Лупус. Потомки Хага стали викингами — отчаянными и бесстрашными господами северных морей. Один из них, Хью Лупус, снискал себе славу, командуя лёгкой пехотой в битве при Гастингсе под началом Вильгельма Завоевателя. Общее сражение началось обстрелом английских рядов нормандскими лучниками и арбалетчиками, однако англосаксы чувствовали себя достаточно безопасно за сплошной стеной больших щитов. Тогда в атаку пошла нормандская рыцарская кавалерия, во главе которой находился сам герцог Вильгельм. Вооружённая длинными датскими топорами, англосаксонская пехота смогла сдержать напор конницы и нанести ей значительные потери. Бретонцы и норманы на левом фланге, столкнувшись с сильным сопротивлением, стали

отступать. За ними бросился в контратаку правый фланг англосаксонской армии. Казалось, победа у англосаксов в кармане, но ситуацию спас нормандский рыцарь, носивший волчью фамилию. С криком «Нам помогает Бог!» он увлёк за собой подвижную лёгкую пехоту в атаку, пройдя как нож по маслу сквозь строй англичан. Добравшись до раненного в глаз короля Гарольда, он убил его. Это повлияло на ход всей битвы, и победа досталась Вильгельму. Благодаря своей отваге Хью стал графом Честером, а латинское «Лупус» превратилось в романское «Вольф», приставка «де» подчеркнула благородное происхождение героя.

Эту старинную легенду любил рассказывать отец Джона перед сном своим детям. Маленькому Джону тоже хотелось быть рыцарем-норманном, покорителем океанских стихий и героем великих сражений.

За одиннадцать лет плаваний кем ему только ни пришлось побывать: и капером, громящим испанские торговые суда, и торговцем живым товаром — рабами с северо-западного побережья Африки. Он прошёл нелёгкий путь от юнги до первого помощника капитана, знал любой корабль лучше, чем Библию, но самое главное — он научился чувствовать стихию, поведение судна, настроение команды. Море заставило его слушать своё сердце и верить ему, как компасу. А сердце жаждало свершений! Нормандский дух был жив в юноше, и он требовал действия.

Джон наблюдал из окна за спокойным, лишённым опасностей и преград течением жизни. Чернокожие рабы сустились на лужайке у дома, по улицам изредка проезжал экипаж или одинокий наездник. Море было спокойно и величественно, и только одинокий парусник на горизонте нарушил к обеду это его спокойствие. Громада парусов росла с каждой минутой, пока не превратилась в красивое и величественное судно. Плавность обводов и чёткость линий судна заставили Джона вздрогнуть. Как сильно за какой-то десяток лет изменились обводы кораблей... На смену тяжёлым ютовым и баковым надстройкам пришла прямая палуба, совершенно исчезли блинда-рей и рю. Формы корпуса стали более обтекаемы и лаконичны, отчего приобрели необычное очарование. Юный д'Вольф буквально влюбился в это окрылённое белоснежной чистотой парусов судно.

За время своего пребывания в Бристоле Джон частенько бывал в гавани, но корабля со столь совершенными обводами он ещё не встречал. Чтобы удовлетворить своё любопытство, Джон бегом спустился по лестнице и, выбежав на улицу, устремился к шумной набережной.

* Джордж де Вольф (15.06.1778, Бристоль, Род-Айленд. — 7.06.1844, Дедхам, Массачусетс). Купец, судовладелец и работорговец. Во время англо-американской войны бригадный генерал, с 1822 года — генерал-майор милиции Бостона. После банкротства сбежал на Кубу на собственную сахарную плантацию.

Однако его путь пресек экипаж дядюшки Чарльза, который без особых церемоний заволок племянника вовнутрь и сообщил, что у него к Джону серьёзный разговор.

Вечером в большой гостиной зале за семейным столом собрались Чарльз и Джордж д'Вольфы. Зарывшись в бумаги, они что-то считали и, довольные собой, потирали руки.

— А, сынок, подходи ближе к столу! — воскликнул дядя Джордж, заметив своего племянника Джона, стоящего в проёме двери. — Есть дело, Джонни!

— Готов вам служить! — отозвался младший из д'Вольфов.

Подойдя к столу, он увидел большой судовой журнал в кожаном переплёте. Перевернув первую страницу, он прочёл: «Juno. Bristol. 1799». Пролистав еще несколько страниц, Джон узнал, как 15 июня 1801 года судно готовилось к отплытию с целью установления торговых связей с Китаем. Томас Дингли стал первым капитаном сошедшего со стапелей тремя месяцами ранее корабля. Согласно записям ровно за два года он совершил плавание в китайский Кантон и обратно. Томас Дингли и его «Юнона» стали одними из американских первенцев, совершивших коммерческое плавание по прямому маршруту. Стоимость товаров, доставленных в порт Бостона, оценивалась в 80 000 долларов. «Юнона» стала вторым после «Колумбии Редививы»* судном молодого американского государства, обошедшим вокруг света и первым совершившим кругосветное плавание в исключительно коммерческих целях. «Юнона» уже однажды побывала у северо-западного побережья Америки, богатого пушниной, и вот сейчас решался вопрос о повторе маршрута, которым прошёл корабль, принеся богатую прибыль его владельцам. После разгрузки в Бостоне — крупнейшем торговом порте северо-восточного побережья Америки «Юнона» вернулась в Бристоль. Оторвавшись от своих расчётов, первым прервал молчание Джордж д'Вольф:

— Работоторговля становится опасным бизнесом, каперство запрещено, а торговля мехами на китайских рынках — это новое направление. Ты же знаешь, Чарльз, удача улыбается не лучшим, а первым, «Юнона», несмотря на столь длительное плавание, находится в отличном состоянии!

* Плавание исследовательской экспедиции под руководством капитана Джона Кендрика началось 1 октября 1787 года на судах «Колумбия-Редивива» и «Леди Вашингтон». У северо-западного побережья Америки суда разделились, и 9 августа 1790 года «Колумбия Редивива» под руководством Роберта Грея вернулась в Бостон, став первым судном независимых США, совершившим кругосветное плавание. Сверхприбыль, полученная в этом рейсе от торговли мехом калана, стала причиной активной экспансии американцев в северной части Тихого океана.

— Капитан Дингли слишком стар для подобных авантур! — ответил, поморщившись, Чарльз.

— А другие капитаны?

— Смит болен, Делакруз много пьёт — я его дальше Балтиморской гавани не отпускаю, у Гибсона семья — он не согласится. Все остальные в плаванье... У нас нет капитана для «Юноны».

Эти слова обожгли сердце Джона. Несмотря на просьбы дяди оставаться до вечера дома, юноша всё-таки успел сбежать в порт и осмотреть вновь прибывший корабль. В такие суда можно только влюбляться, как в женщину, как в море, которое дарит свободу, как в ветер, наполняющий жизнь моряка смыслом. Носовая фигура была выполнена с особым изяществом и олицетворяла греческую богиню, держащую в руках лавровый венок. «Юнона» — прочёл на корме Джон д'Вольф. Это название врезалось в память юноши. Как он мечтал отправиться на этом чудесном корабле в сказочную Индию или в полный чудес Китай!

— Ах, дорогой Чарльз! — прервал дядя Джордж тягостную паузу, повисшую над столом, заполненным картами и бумагами. — Ты ошибаешься! У нас есть капитан!

— И кто же это?

— Наш Джон! — весело ответил тот.

Юноша, услышав своё имя, вышел из оцепенения и, не веря своим ушам, переспросил, не ослышался ли он. Получив утвердительный ответ своего дяди-весельчака, Джон узнал, что «Юнона», капитаном которой ему предложили стать, построена три года назад. Дно 250-тонной красавицы было обито медными листами, что практиковалось только на военных судах и океанских кораблях очень богатых судовладельцев. Медь спасала от древоточа и продлевала жизнь судна, но из-за дороговизны редко использовалась на коммерческих судах. Длина корабля по палубе равнялась 82,5 фута при ширине 24 фута. «Юнона» представляла собой типичное торговое судно того времени, рассчитанное на длительные океанские переходы. При высоте 12 футов «Юнона» имела просторные и вместительные трюмы.

Для обеспечения безопасности судно изначально было вооружено десятью чугунными пушками и шестью фальконетами. Кроме того, оставшиеся четыре артиллерийских порта занимали деревянные орудия. Толку от них было мало, но воинственный вид кораблю они придавали. По мнению хозяев судна, большое количество орудийных портов гарантировало минимальную безопасность от пиратов, не рискующих атаковать хорошо вооружённые корабли.

Для Джона такое предложение было неожиданностью, так как он считал себя слишком молодым и неопытным, чтобы вступить

на совершенно новый для него путь торговли, и у него возникли некоторые опасения по поводу собственной квалификации для таких серьёзных предприятий. В то же время он нисколько не сомневался в собственных способностях, чтобы пренебрегать таким выгодным предложением, и поэтому с радостью принял его.

В этот же вечер созрело решение отправить «Юнону» под командованием Джона д'Вольфа на северо-западное побережье Америки с целью сбора меха для китайского рынка. Это предприятие, учитывая первый, более чем удачный опыт, сулило неплохие прибыли.

Джон ожил. Приняв на себя обязанности капитана, он развёл бурную деятельность по подбору команды и снаряжению судна. По предварительному плану «Юнона» должна была покинуть Бристоль не позже начала августа, чтобы успеть обогнуть всё побережье обеих Америк, пользуясь благоприятными ветрами и течениями. По совету своих дядюшек в помощники себе Джон выбрал Самюэла Ньюэлла, своего сверстника, плававшего на «Юноне» в предыдущем рейсе. Самюэлу новый капитан судна поручил найти людей, в то время как сам он приступил к закупке и погрузке провианта на «Юнону». Кроме провизии необходимо было наполнить трюмы корабля товарами, пользовавшимися наибольшим спросом на берегах северо-западного побережья Америки, куда был проложен курс судна. Алкоголь, ружья, порох, пули, ядра, солонина, листовое железо, медь, ножи, топоры, бостонское сукно — вот неполный список товаров, которыми успел наполнить корабль капитан Джон. Кроме всего прочего, после предварительного осмотра судна д'Вольф попросил дядю Джорджа сменить паруса, потрёпанные после первого плавания «Юноны».

— Хорошо, — согласился старый работородец. — Я подарю тебе смену парусов, но пошиты они будут не из английского сукна, а из русской парусины. Мне она досталась после одного из рейсов «Фэнни оф Лондон». На ней плавали несколько русских, которые были посланы своей императрицей для установления связей с нашим молодым государством. У них мы купили много товаров, в том числе и пушнину. Свою парусину русские считают лучше английской. Мы её не использовали. Вот ты заодно и расскажешь о её свойствах. Пойдёшь под старыми парусами, а подарок мой пусть пока полежит в трюмах. Эти русские — странный народ, многие носят немецкие фамилии. Они даже встречались с президентом*.

* И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский, плававшие на «Фанни оф Лондон» и «Фетиде», в 1797 году во время посещения Филадельфии встречались с американским президентом Джорджем Вашингтоном, который предложил морякам американское гражданство в обмен на службу в составе флота САСШ. Предложение было отклонено.

Впрочем, на Северо-западе у тебя будет шанс познакомиться с ними поближе.

Когда сборы были окончены и «Юнона» была готова к выходу в море, её груз оценивался в 35 000 долларов. «Юнона» к тому моменту считалась первоклассным судном и была оборудована всем необходимым для комфортного плавания. После первого китайского рейса количество пушек сократилось до восьми, и здесь, в Бристолье, пустующие порты были заполнены ещё двумя деревянными орудиями, имитирующими настоящие пушки. Впрочем, они были вполне пригодны для салюта. Незадолго до отплытия старпом Самюэль Ньюэлл привёл собранную им на берегу команду. Вторым офицером на «Юноне» стал Джон Томас. Оружейники Джеймс Мурфилд, Клерк, Ричард Каммет и Иосиф Хупер сразу по прибытии на корабль взялись за осмотр своего нового артиллерийского хозяйства. Имени одного из них — Клерка — никто не знал, поэтому команда называла его «малюткой» за небольшой рост. Боцман Томас Хант, похлопав ладонью по планширю, с удовольствием заявил, что на таком чудесном корабле ему ещё не приходилось плавать. Выстроив матросов: Джона Джонса, Карпентера, братьев Баклин, Трипа, Джека Тагтона, двух Джеймсов — Стокса и Уилера, старика Уилфрида Фойя, Маршалла, тёзку великого путешественника Джеймса Дэвида Кука, Фиппса, Уиснера, Джека Державного — русского эмигранта, весельчака Паттерсона, а также юнг Мерфи и Махоуни, боцман разбил команду на вахты и начал отдавать первые распоряжения. На камбузе готовил первый ужин для новой команды кок Джеймс Хэнсон. Под прекрасную музыку Эндрю Паркера — слуги капитана д'Вольфа, неразлучного с ним во всех его плаваниях, 13 августа 1804 года в 00:11 пополудни «Юнона» снялась с якоря и вышла в открытое море. Вооруженное судно при выходе из гавани имело весьма грозный и воинственный вид.

Юный капитан д'Вольф предусмотрел всё до мелочей. Памятуя об основной цели экспедиции, Джон взял на борт даже портного Хичкока, который прекрасно разбирался в мехах и умел разделять шкуры пушных зверей.

В судовом журнале «Юноны» капитан делал записи, придающие вполне посредственному плаванию эмоциональную окраску: «Мы следовали в юго-восточном направлении с легким бризом. Так потянулась однообразная череда дней, какую море создаст для тех, кто уже давно привык к нему. 20 сентября мы увидели на горизонте Сан-Антонио, один из островов Кабо-Верде. Затем мы повернули на юг, давая предпочтение мелким ведущим ветрам, пока не достигли той области океана между северо-восточными

и юго-восточными пассатами, которая обречена на вечные шквалы и штили, гром, молнию и дождь. Эта беспокойная погода, однако, дала нам одну выгоду — появилась возможность наполнить бочки пресной водой*, которая имеет важное значение в дальнем плавании, особенно при незначительном продвижении вперед».

«Юнона», несмотря на полные носовые обводы, показала выдающиеся мореходные качества для торгового судна. Корабль шёл со средней скоростью семь узлов, при попутном ветре и подходящем течении он мог разогнаться и до двенадцати узлов. Джон не мог нарадоваться новым кораблём, который преподносил только приятные сюрпризы. Будучи сторонником безопасной навигации, д'Вольф, опираясь на свой опыт, сумел преодолеть путь от Бристоль до экватора всего за 56 дней! Это был настоящий рекорд, учитывая кривизну маршрута и слабость ветров, которые приходилось постоянно ловить.

9 ноября 1804 года «Юнона» пересекла экватор на 24° западной долготы. Капитан проявил весь свой талант, который был оценен командой. Многие из 26 человек, управлявших судном, впервые пересекали экватор, поэтому был устроен настоящий праздник с Нептуном, которого сыграл Уилфрид Фой, купанием в океане и душевной моряцкой попойкой. При этом «Юнона» ни на секунду не останавливалась, спеша навстречу приключениям, за которыми гнала судно пушнина — эта новая золотая жила северной части Тихого океана. Войдя в Южное полушарие, судно наконец-то поймало устойчивый попутный ветер.

— Добавить парусов! — скомандовал Джон д'Вольф, чувствуя пьянящий солоноватый привкус стихии.

— Капитан! — отозвался боцман. — Мы идём на всех парусах!

— Ставить лиселя! — не унимался Джон.

— Капитан, ветер излишне крепкий! Добавим всего пол-узла, но рискуем потерять мачты!

— Рисковать так рисковать! Выполняй команду, боцман!

Первыми поставили лиселя на грот-мачте, а затем на фок- и бизань-мачтах. «Юнона», разогнавшись до десяти узлов, как будто кто-то невидимый подстегнул корабль, устремилась к бразильским берегам.

10 октября 1804 года, по истечении 90 дней с момента отплытия, команда красавицы «Юноны» встретила большой испанский

корабль, следующий из Гаваны в Рио-де-Жанейро. Идя под американским флагом, капитан Джон мог позволить себе общаться с капитанами судов любой державы, так как Америка на тот период не была связана никакими союзническими или военными договорами ни с одной державой и ни с кем не находилась в состоянии войны. Встреча с испанцем свидетельствовала о том, что «Юнона» наконец-то достигла зоны активного мореплавания. Судно находилось в нескольких градусах южной широты, где погода была спокойной, море — гладким, а с юго-востока дул отличный ветер.

12 октября д'Вольф встретился и переговорил с капитаном ещё одного, на этот раз португальского, корабля, также идущего из Порты в Бразилию. Португалец жаловался, что судно переполнено пассажирами, многие из которых были больны, так как на судне полностью закончились овощи. Джон снабдил их луком и картофелем, за что португальцы были очень благодарны. Благодарность была выражена в нескольких бочонках портвейна.

Прекрасная погода, сопровождавшая «Юнону», позволила команде произвести различный ремонт в такелаже, который промок и сильно пострадал от непрерывных бурь на севере от экватора. Последние события, казалось, воодушевили весь экипаж и вдохнули новую жизнь в судно. У всей команды руки были постоянно чем-то заняты. Все до единого, даже сменившие с вахты матросы, нашли себе работу: оружейники — в кузнице, плотник тут же на палубе строил лодку для исследования побережья, остальные чинили паруса. Вскоре судно было приведено в отличное состояние и готово к жестоким штормам у мыса Горн, первая встреча с которыми произошла на 40° южной широты.

Следующие две недели прошли в непрерывной борьбе со свирепыми штормами и бурями, в которых «Юнона» потеряла практически весь прежний набор парусов. По команде капитана в одно из редких затиший на судне поставили паруса с клеймами российских мануфактур.

12 ноября 1804 года на 48° южной широты и 51° западной долготы «Юнона» повстречала судно «Мэри», которое под руководством капитана Трескотта направлялось из Бостона к северо-западному побережью Америки с той же целью, что была поставлена семейством д'Вольф перед Джоном. Капитаны обоих судов решили вместе огибать мыс Горн. План совместного путешествия был одобрен к каюте «Мэри» и устраивал обоих капитанов, так как суда были почти равны по парусному вооружению. Однако эта затея дорого стоила кораблям, о чём свидетельствуют воспоминания Джона д'Вольфа: «15 ноября мы увидели в пятнадцати милях от нас по азимуту с юго-

* Пополнение пресной водой на парусных океанских судах того времени производилось посредством сбора дождевой воды с помощью растянутаго между реями паруса.

востока на юго-запад Фолклендские острова. Следуя выбранному курсу, мы решили держаться ближе к западной оконечности, но ветер, склоняясь к западу, заставил нас пройти к востоку от них. 19 ноября западный ветер усилился до шторма с тяжелыми шквалами, который застал оба корабля при малых парусах. В восемь пополудни «Мэри» пробивалась сквозь непогоду, характерную для этих широт, примерно в двух милях от нас. В десять ветер продолжался, и я ушел с палубы, попросив вахтенного офицера следить за тем, чтобы мы с «Мэри» не подходили друг к другу слишком близко.

На рассвете мы увидели, что судно значительно к нам приблизилось, хотя по-прежнему находилось на достаточном расстоянии от кормы нашего корабля, поэтому мы чувствовали себя в безопасности. Но из-за невнимательности офицера, стоявшего у руля «Мэри», она встала на волну с подветренной стороны, о чём я не был проинформирован вахтенным помощником капитана. «Юнона» продолжала движение, медленно преодолевая высокие волны и двигаясь на малых парусах. Борясь с сильным морским течением, я вынужден был направлять корабль по ветру, чтобы избежать столкновения. Таким образом, судно можно было удерживать так, чтобы оно отклонялось на два-три градуса независимо от положения руля, хотя «Мэри» при приближении выкидывало на гребень волны в тот момент, когда «Юнона» ныряла. Когда оба наши судна набрали скорость для достаточного движения вперёд, чтобы успеть быстро среагировать рулями, они с треском столкнулись бортами, да так, что у обоих треснули обшивки. Я сразу же бросился на палубу и с ужасом оценил всю опасность ситуации.

Несмотря на все наши усилия, чтобы разойтись, мы потеряли почти пятнадцать минут, расцепляя и проламывая наши фальш-борта, бархоуты и планшири и проделывая отчаянные работы с нашим такелажем. Наконец наши суда разошлись, по-видимому, без всяких повреждений ниже планширя.

Этот эпизод, быть может, покажется многим неинтересной рабочей записью, но он свидетельствует о том, что аварии в море, как нигде, часто происходят от безрассудного пренебрежения, или, если хотите, от простой халатности. Никто не хотел признавать своей вины. Но этот случай лишний раз показывал, что осторожность следует рассматривать как ключевой момент практической навигации. Я могу смело утверждать, что, если бы я был проинформирован о нашей близости с «Мэри», столкновения никогда бы не произошло.

Когда беда, казалось бы, миновала, очередная высокая волна подняла «Мэри» на гребень и с яростью бросила в морскую пучи-

ну. Стремясь освободить запутанный такелаж своего корабля, первый помощник капитана «Мэри» Стетсон опёрся на перила судна и, не удержав равновесие, сделал прыжок на «Юнону», точно приземлившись на палубе судна д'Вольфа. Если бы Стетсон правильно не среагировал на ситуацию, он отправился бы на дно, так как противостоять стихии в такую погоду было практически невозможно. Так команду «Юноны», неожиданно для себя и капитана судна, пополнил ещё один член команды.

В течение следующего дня погода немного успокоилась. Приняв Стетсона на палубу своего корабля, Джон, конечно же, продолжил путешествие, не пытаясь сохранить компанию с «Мэри».

С улучшением погоды команда получила суточную передышку. Добравшись до 56° южной широты, «Юнона» вновь попала в полосу тяжелейших штормов, нагоняемых сильными западными ветрами, которые продолжались с неослабевающей силой в течение десяти дней. 13 декабря 1804 года судно д'Вольфа, как назло, снова сблизилось со своей старой попутницей «Мэри», вместе с которой и продолжило путь вплоть до 29 декабря. Выйдя из очередного шторма, капитан Джон д'Вольф счел целесообразным посоветоваться со своими офицерами, стоит ли менять маршрут в сторону побережья Чили, хотя сам бы предпочел продолжить движение к Сандвичевым островам, которые были его предыдущей целью. Джон решил изменить свой первоначальный план по причине достаточных сильных повреждений судна за время его тридцативосьмидневного перехода, полного опасностей. На протяжении долгих путешествий в течение предыдущих трёх лет медная обшивка, которой было покрыто дно корабля, постепенно истончалась, пока наконец не стала не толще бумаги. К тому времени в обшивке появилось множество дыр и во многих местах были оторваны целые листы меди. Эти и другие повреждения не могли быть отремонтированы в море. Кроме того, все припасы были съедены, за исключением тех, что были размещены как груз. В скором времени команда на какое-то время была вынуждена отказаться от приготовления горячей пищи чаще, чем раз в неделю. Это заставило д'Вольфа снова расстаться с «Мэри», вернув обратно незадачливого старпома Стетсона, и взять курс на Консепсьон*.

Джон д'Вольф был хорошо осведомлён о природной и глубоко укоренившейся вредности испанцев, населявших западное побережье Южной Америки, но пока он старался не думать о тех неприятностях, которые могли бы возникнуть у команды по прибы-

* Город-порт в Чили.

тии к перуанскому побережью. Капитан «Юноны» после отказа от своего первоначального плана посещения Сандвичевых островов был полон решимости войти в любой порт.

В первый день нового, 1805 года в два часа дня марсовый огласил тишину океана криком «Земля!». Пройдя в пятнадцати милях западнее острова Святой Марии, «Юнона» устремилась к Перу. Несмотря на близость берега, у которого матросы сумели рассмотреть китобойное судно из Нью-Бедфорда, капитан Джон принял единственно верное решение следовать в порт, где была возможность привести корабль в порядок.

На закате сильный ветер, гнавший судно вперёд, стих, и до Консепсьона оставалось не более четырёх-пяти миль. «Было бы очень кстати войти гавань в ночное время», — размышлял д'Вольф, рассчитывая незаметно под самым носом у испанцев прошмыгнуть в порт, откуда утром его уже никакими пушками не выгонишь.

Изменив курс, «Юнона» остановилась у побережья, чтобы продержаться с наветренной стороны до утра, и в полночь стала на якорь. Однако на рассвете Джон с удивлением обнаружил, что течение отнесло его корабль на значительное расстояние к северу от порта. «Видимо, самой судьбой нам было угодно, чтобы мы посетили Консепсьон», — подумал суеверный капитан и решил идти на всех парусах на Вальпараисо, поскольку это был главный порт в Чили. У капитана «Юноны» были все основания ожидать лучшего приема, чем в любом другом месте, где присутствие американцев могло возбудить несправедливые подозрения в незаконной торговле. Единственной целью Джона было восстановление судна и получение провизии для дальнейшего путешествия. Полагаясь на гуманизм и искренность такой цивилизованной нации, каковой являлись испанцы, д'Вольф считал, что они не станут искать поводов для отказа в ремонте пострадавшего корабля. Погода продолжала оставаться удивительно спокойной и приятной, радуя легким бризом. Судно шло вдоль берега на расстоянии восьми-десяти миль от него. Команда любовалась великолепным видом Анд, возвышающихся над облаками. Утром 8 января «Юнона» вошла в бухту Вальпараисо.

Прежде чем судно достигло безопасной якорной стоянки, его посетил офицер с полномочиями от губернатора. Он желал знать, кого занесло в воды испанских колоний и откуда прибыл корабль. Целиком удовлетворив его любопытство, д'Вольф сообщил о цели визита. Лодка вернулась на берег с сообщением для губернатора, после чего офицер повторно посетил «Юнону», заявив, что он не может разрешить встать судну на якорь, пока не получит соответ-

ствующих указаний. Но прежде чем лодка вернулась, корабль проворного д'Вольфа достиг якорной стоянки у берега. Не теряя зря времени, Джон и его первый помощник немедленно направились к губернатору, несмотря на протесты со стороны офицера. Естественно, американцев, чья смелость граничила с наглостью, не пустили к губернатору и заставили вернуться восвояси.

При следующем визите лодка с берега принесла ультимативное распоряжение покинуть залив, о чём не могло быть и речи. Джон д'Вольф ответил категорическим отказом. Видя настойчивость американца, от которого не представлялось возможности избавиться, испанцы пошли на попятную. Джон был вызван к губернатору для предоставления к осмотру своих документов и с требованием объяснить свое поведение.

После предоставления грузовых накладных «Юноны» и других документов, откровенно объяснив причины, которые побудили направить судно в порт, д'Вольф сумел убедить губернатора в том, что целью американцев было северо-западное побережье Америки. Капитану Джону и его команде было разрешено остаться, пока не будут получены дальнейшие распоряжения из Сантьяго от генерал-губернатора, к которому был послан почтальон. К обеду д'Вольфу разрешили взять на борт столько древесины, воды и свежей провизии, сколько могли вместить трюмы «Юноны». Гавань была слишком глубокой, чтобы произвести необходимый ремонт. Поэтому, как только погрузка была окончена, корабль поднял якоря и отбыл в Кокимбо, куда благополучно прибыл 20 января и бросил якорь на западной стороне залива в восьми милях от города.

Здесь экипаж американского судна задержался до 28 января. Максимально быстро закончив ремонт, «Юнона» вышла в море с прекрасным южным ветром. 20 февраля 1805 года в районе экватора команда наблюдала скопление огромного количества зеленых черепах. Поймав несколько штук, кок пополнил лакомствами корабельную кладовую.

Плаванье продолжалось спокойно и весело. Вплоть до 4 марта ветер оставался очень легким, пока не изменился на свежий северо-восточный. А ещё две недели спустя «Юнона» попала в зону тропических штормов. К этому моменту снова задул переменный шквалистый ветер.

7 апреля 1805 года судно попало в сильнейший шторм с грозным небом и непрерывными дождями. В пять утра следующего дня команда «Юноны» увидела землю, которая оказалась северо-западной частью острова Ванкувер. С наступлением темноты облака обрели мрачный вид, но «Юнона» продолжала упорно про-

двигаться на запад при малых парусах. В полночь была сильная гроза, которую судно обошло стороной, но в свете молний серым призраком на горизонте мелькнула полоска земли островов Скотта. Весь следующий день прошёл в борьбе со стихией. Ветер усиливался и капитан д'Вольф решил как можно скорее достичь гавани до наступления темноты и изменил курс на Навитти.

Если взглянуть на современную карту, то на северо-западной оконечности острова Ванкувер можно обнаружить плато и реку с одноименным названием. Эта территория до прихода европейцев была населена индейцами квакиутль. Гавань Навитти была расположена на месте современного города Порто-Харди. Мысленно проложив маршрут «Юноны», можно прийти к выводу, что для того, чтобы попасть в эту гавань, необходимо пройти узким проливом между островами Скотта и островом Ванкувера. Когда измученный штормами корабль приблизился к этому проходу, ветер ослаб, и до заката судно находилось всё еще в трех милях от него. Будучи совершенно незнакомым с берегом, капитан собирался положить «Юнону» в дрейф до утра. Но офицеры судна, плававшие в этих краях, были более или менее с ними знакомы и настолько уверены в своих знаниях, что Джону не оставалось ничего другого, как уступить их настойчивости и продолжить плавание. В восемь часов вечера судно преодолело отмель рядом с устьем пролива и вошло в него. Ветер стих. Стоял мертвый штиль, но корабль попал под действие очень сильного течения, которое подхватило его и увлекло в протоку. Стало очевидно, что судно приближается к берегу слишком быстро, но даже это обстоятельство не смогло преодолеть восторга моряков от картины окружавшей их природы. Краски темно-синей воды и изумрудного леса, белеющих бурунов, разбивающихся о холодную серость скал, и переливы играющего в воде серебристого лосося были смешаны и залиты оранжевой пастелью заходящего солнца.

Судно, перестав слушаться руля и парусов, стало фактически полностью неуправляемым. Джон, видя опасность складывающейся ситуации, приказал спустить за борт все малые суда своего корабля для его буксировки. Баркас, самый эффективный из всех лодок для таких случаев, сразу же затонул у борта. Ял и вельбот, находившиеся впереди, с помощью длинных тросов пытались хоть как-то удержать судно по курсу, но были такими лёгкими, что практически не оказывали влияния на его движение. Не привыкший сдаваться, Джон д'Вольф сам стал у штурвала, а его старший помощник с бака отдавал приказы на лодки. Замер глубины показал сорок пять морских саженей. Только когда отдали верп, пыта-

ясь удерживать нос корабля неподвижно, действия команды дали желаемый результат. Неимоверными усилиями лодок кораблю была оказана помощь. Джон перебрался на головной ял и налег на вёсла. Команде едва удавалось удерживаться подальше от скал, до которых сейчас каждый её член мог бы дотронуться везлом, а волны, накрывающие матросов, грозили им гибелью в морских пучинах. Наконец «Юнона» вышла из зоны непостоянных течений и приблизилась к берегу. Когда было пройдено примерно две трети пути, капитан отправил шлюпку с офицером для поиска причала. В назначенное время шлюпка не вернулась, и Джон выстрелил из мушкета, подавая сигнал. Со стороны судна, дрейфующего в гавани, раздался ответный выстрел, и вскоре один из офицеров этого судна поднялся на борт «Юноны». Он сообщил, что прибыл с корабля «Жемчужина Бостона» капитана Эббетса. Офицер очень вежливо предложил д'Вольфу опытного лоцмана и свою помощь, которая с радостью была принята.

Наконец, 10 апреля 1805 года, потрепанное сложным переходом и штормами судно встало на якорь у северо-западного побережья Америки. Навитти был одним из самых южных портов, посещаемых американскими торговцами пушниной. Порт принадлежал Гудзон-Бейской торговой компании, которая после громкого инцидента с испанцами пока не расширяла своих владений севернее 51° северной долготы. Американцы, конечно, не прочь были бы похозяйничать и в более северных широтах, но там надёжно закрепились русские, а фамилия Баранов стала для тех мест именем нарицательным. Американский порт был не более чем глухим местом на северо-западной оконечности острова Ванкувер. На этой стоянке д'Вольф обнаружил, что здесь судно довольно хорошо защищено от всех ветров.

Индейцы не жили здесь постоянно. Они использовали это место для торговли с приплывающими сюда судами. В то время гавань Навитти считалась лучшим портом на побережье с немалым количеством больших деревень в окрестностях. Судно ежедневно посещалось множеством индейцев, которые приносили с собой шкуры каланов, но их было недостаточно для того, чтобы сделать торговлю оживленной. Несмотря на то, что индейцы выглядели нищими, они были чрезвычайно резки во время общения с экипажем «Юноны». Д'Вольф, столкнувшийся впервые с такой бесцеремонностью этих детей природы, пришёл к выводу, что их высокие запросы касательно мехов удовлетворить невозможно. Они были готовы хвататься за все, что попадало в поле их зрения, и сильно обижались, когда команда пыталась внушить этим дикарям, что корабельное имуще-

ство не продаётся. Не помог даже тот аргумент, что судно без части заинтересовавших их деталей попросту не сможет продолжать плавание. Индейцы были очень крепкими и сильными людьми, во многих вопросах не лишенными смекалки и талантов торговцев. Их назойливость через какое-то время начала раздражать команду, и, решив, что торговля здесь не принесет большого дохода, капитан Джон отдал команду заняться приведением корабля в порядок. К 20 апреля ремонтные работы на судне были завершены. «Юнона» снялась с якоря и вышла в море в компании с «Жемчужиной», державшей курс на север в сторону гавани Кайгани. Находясь севернее 54° и имея центральное положение на побережье, она считалась излюбленным местом стоянки судов, впервые прибывающих сюда для налаживания торговых связей с индейцами. В течение нескольких дней суда шли в густом тумане, который, периодически рассеиваясь, открывал виды на красоты островов Королевы Шарлотты. Прибыв в порт 27 апреля, команда «Юноны» встретила там суда «Ванкувер» капитана Брауна и «Кэролайн» капитана Штургиса. Оба корабля прибыли из Бостона. «Кэролайн» уже загрузилась и покидала побережье, отправляясь в Кантон.

Во время пребывания в Кайгани матросы «Юноны» установили новую бизань-мачту вместо старой треснувшей и загрузили своё судно ещё несколькими такими же рангоутными деревьями, чтобы иметь их в случае необходимости про запас. Пока корабль чинился, его ежедневно посещали индейцы, которые, как правило, приносили несколько шкур, но эти туземцы были настолько экстравагантны в своих требованиях, что торговлю с ними наладить было невозможно. Частенько тридцать или сорок индейцев, валяющихся на палубе целый день, совершенно безосновательно пытались заламывать цены на свои меха, в то же время демонстрируя полное равнодушие к тому, будет ли их товар продан. Иногда они были весьма грубы, но в надежде на возможную сделку команде приходилось мириться с их оскорблениями.

Многочисленные бухты в окрестностях порта изобиловали лососем и другими видами рыбы. Леса кишели дичью. Но в целом гавань была плохая и небезопасная. Здесь, как и в Навитти, берег крутой и обрывистый, сильно возвышался над водой и был покрыт густыми лесами, в основном пихтовыми. Глубина здесь была столь велика, что для того, чтобы встать на якорь, суда вынуждены были становиться близко к берегу, из-за чего подвергались враждебным действиям со стороны дикарей. Нападения здесь не были редкостью, особенно если в порту находился только один корабль. Благодаря длительному общению с американскими купцами туземцы

вскоре стали большими специалистами по оружию, в выборе которого они проявляли накопленные знания и проицательность. Индейцы неизменно пользовались длинноствольным оружием, предпочитая его более совершенному дробовику.

С учетом многих случаев кровопролития Джон д'Вольф запретил подниматься на борт своего корабля вооруженным индейцам. При этом вся команда вынуждена была проявлять перед ними всю свою доброжелательность в пределах благоразумия.

Новое место для торга оказалось не лучше предыдущего. Не увидев большой пользы от длительного пребывания здесь, Джон решил сразу же отправиться к русскому посёлку в Норфолк-Саунде, так как большая часть моих грузов состояла из предметов, которыми могли заинтересоваться русские: ром, табак, патока, сахар, рис, изделия из дерева, шерстяные свитера и прочее. Индейцы же могли взять всё это только в качестве подарков. Кроме того, на борту «Юноны» были товары, изначально предназначавшиеся для торговли с русскими, — одеяла, ружья, порох и ядра.

Седьмого мая при благоприятной погоде и слабом западном ветре «Юнона» вновь вышла в море, взяв курс на север. Преодолев очередной шторм, через день вперёдсмотрящий в густой пелене тумана рассмотрел землю, обнаружив, что судно находится у входа в залив Норфолк примерно в середине прохода. Приблизившись к долгожданной земле, под полными парусами около одиннадцати часов дня «Юнона» стала на якорь в так называемой гавани Маги на западной стороне Ситкинского залива, или залива Норфолк-Саунд, как его называли в те времена.

...Лисянский измерял шагами каюту. Обстоятельства загнали его в тупик: команда резко сократилась, а раненые, которых на Кадьяке выхаживал доктор Либанд, ещё полностью не восстановились. Однако оставаться дальше на островах не было ни смысла, ни желания, ни возможности. Голодная зима подкосила здоровую часть команды, раненым нужны были свежие овощи и фрукты, количество мехов превысило грузоподъёмность «Невы», да и лишние рты для полуцивилизированной колонии были лишней обузой.

— Вы готовы? — спросил Баранов Лисянского, когда тот наконец-то замер в углу каюты.

— К выходу в море — да! — ответил Юрий Фёдорович. — Да вот вас оставлять боязно.

Баранов погладил ноющее предплечье и поправил перевязь, которую после ранения носил на руке. На его столе лежало письмо Резанова. Баранов специально не стал его прятать, чтобы дать Лисянскому понять, что речь пойдёт о предписании камергера.

— Если оставите врача, вашего славного Либанда, тогда нам и опасаться нечего.

— А как же далее без лекаря?

— Вы же сами ввели правила, которые позволили вам привести сюда абсолютно здоровых матросов. Авось обойдётся? Нам же без доктора никак. Один Корюкин чего стоит. Организм молодой — выдюжил, но случись чего... А цинготных сколько... В общем, милейший Юрий Фёдорович, господина Либанда, согласно распоряжению его превосходительства господина Резанова, вам придётся оставить у нас в Новоархангельске. Компания возьмёт его на своё содержание, за это не переживайте. А Корюкину сам Бог велел остаться — не окреп ещё плотник-то ваш корабельный!

Баранов часто общался с Корюкиным в последнее время и очень надеялся его оставить при себе, ведь, согласно его планам, которые нашли поддержку у Резанова, именно Корюкин должен был построить эллинги для спуска на воду новых компанейских судов. Последний разговор плотника и правителя состоялся как раз возле только что поменянной фок-мачты «Невы». Корюкин без всяких обиняков показал изрешеченную мачту и объяснил, откуда берутся подобные повреждения.

— Что мне Резанов! — взорвался Лисянский. — Он сейчас на другом конце земли, но и здесь мне указывает вашими устами!

Произнеся это, Лисянский вновь начал нервно вышагивать по каюте, погружаясь в собственные мысли. Корюкин... Хороший плотник, отличный график и математик, но характер... Его честность и прямота иной раз доводили Лисянского до бешенства. Это он открыл правду перед Резановым о возрасте его судна и вскрыл аферу с покупкой кораблей в Англии. Это он, Корюкин, всегда заступался за командора, когда споры выплёскивались на палубу судов. И вот сейчас появилась прекрасная возможность избавиться от этого неудобного человека.

— Ладно, — смилостивился Лисянский, — Корюкина забирайте. А вот насчёт доктора Либанда подумаю. Хотя и впрямь он вам здесь нужнее.

Налив по бокалу вина, Лисянский предложил тост за Новоархангельск.

— Скорее уж за ваше счастливое возвращение! — ответил Баранов.

Вернувшись в барак, который служил правителю домом, Александр Андреевич расположился за столом у единственного окна, чтобы успеть дописать прошение на имя императора и руководства Компании с просьбой освободить его от управления делами Ком-

пании здесь, в Новом Свете, и разрешить вернуться домой. Формулируя мысль, Баранов вглядывался в мрачную серость ненастного горизонта. Вдруг из этой серости появилась точка, которая вскоре обрела очертания прекрасного судна. Прервав свою работу, Баранов вышел из помещения и попросил разыскать ему лоцмана для проводки судна в гавань. Он надеялся, что наконец-то при-был Резанов, на помощь которого он сильно рассчитывал. В лице столь влиятельной особы Баранов надеялся обрести настоящего губернатора, назначенного государем, а самому вернуться домой в милую Тотьму. К тому же все вопросы насчёт столь нужных в поселении людей были бы сняты сами собой.

Войдя в гавань, Джон д'Вольф обнаружил возведенный на берегу блокгауз, указывающий на новое поселение, о котором до этого не слышал от бывавших здесь американских капитанов. Вскоре судно посетили несколько байдарок с кадьякскими индейцами, от которых молодой капитан сразу попытался разузнать всё, что касалось нового посёлка. Однако индейцы владели только единственным иностранным языком — русским и американского капитана не поняли. Единственное слово, произнесённое индейцами, которое смогли понять матросы, было «Баранов», о котором знал каждый, кто продвинулся севернее 50°. Вскоре весть о прибытии нового судна достигла слуха местных жителей. Уже к обеду на палубе «Юноны» в рваной одежде появился лоцман. Пользуясь благоприятным ветром, управляя судном, он обогнул поселение, и 10 мая 1805 года «Юнона» благополучно бросила якорь рядом с фортом.

Некий господин Абрахам Джонс, американец, находящийся на службе у русских промышленников, поднялся на борт с приветствием от губернатора, предлагавшего покровительство и любую помощь, какая только может понадобиться потрепанному штормами судну, а также всё остальное, что было во его власти. В сопровождении канонира Джеймса Мурфилда капитан принял приглашение сойти на берег и встретиться с Правителем. Господин Джонс выступил в качестве официального переводчика. Джон д'Вольф был представлен Александру Андреевичу Баранову, который как умел проявлял знаки дружбы и гостеприимства в отношении молодого незнакомого американского капитана. После обмена любезностями Баранов и Вольф отправились в поселение, где в честь прибытия судна был накрыт такой роскошный стол, какой только можно представить в суровых краях тихоокеанского Северо-запада. Пока изголодавшийся капитан Джон угощался изысканными кушаньями, разговор потихоньку перешел на тему груза его судна. Баранов проявил готовность и желание на спра-

недливых условиях обменять пушнину на те предметы, в которых остро нуждалась новая столица Русской Америки. Только к вечеру, закончив выгодные переговоры, капитан в сопровождении своего канонира вернулся на борт, оставшись очень довольным радушным приемом в Новоархангельске. Новые сутки начались записью в судовом журнале «Юноны»: «Из-за любезного обхождения со стороны губернатора у меня сформировалось о нём очень благоприятное мнение. Ему было шестьдесят пять лет. Последние восемнадцать лет своей жизни он провел в различных местах на побережье в качестве агента и сотрудника Российско-американской компании, изолированный, так сказать, от всего цивилизованного общества вместе с несколькими такими же, как и он, авантюристами. Он обладал большим умом, легким нравом и манерами и был, по-видимому, хорошо приспособлен к местам, куда попал. Он пользовался величайшим уважением среди индейцев, которые смотрели на него со смешанным чувством любви и страха.

Я, можно сказать, был приятно разочарован, так как у меня были все основания полагать, судя по различным сведениям, что мы должны будем встретить русских, мало отличающихся от дикарей...»

Слухи о дикой стране, где по улицам бродят медведи, а кресты находятся в полурабском положении, были лишь одной стороной медали. Чистоплотность и аккуратность русских, их смекалистый ум и природная выносливость, беспрецедентная работоспособность и умение широко отдыхать, логика свершений, а не логика прибыли — всё это оставалось той обратной стороной медали, которую иностранцы или не видели, или не хотели признавать. А медведи в те времена действительно забредали в города и посёлки, особенно расположенные на Аляске и Алеутских островах. Точно так же, как и тогда, они до сих пор посещают американские поселения на этих землях.

Выспавшись, д'Вольф пришёл к выводу, что успех его путешествия зависит от скорости принятия решений. Не теряя времени на установление обменного курса со своими новыми друзьями, которые откорректировали его к общей взаимной выгоде, Джон наконец-то получил возможность освободиться от большей части громоздких грузов, обременявших его судно.

Но нескончаемая череда бурь и дождей, которые неизбежно должны были негативно отразиться на дальнейшем плаванье, продлили пребывание экипажа «Юноны» у русских до 27 мая. Наконец при хорошей погоде и умеренном ветре судно снялось с якоря и вышло из залива Норфолк-Саунд.

Вскоре, продолжив своё движение на север до 59° северной широты и пройдя пролив Чатем, Вольф достиг Линн-Канала. Догрузив судно шкурами калана, песца, лисы и медведя, капитан Джон отдал распоряжение разворачивать судно и двигаться на юг, чтобы снова попасть в Навитти, стараясь по возможности больше не задерживаться в промежуточных портах и не вступать в торговлю.

«Юнона» достигла Навитти 28 июня одновременно с бригам «Лидия» и судами «Ванкувер» и «Азавальпа». Последнее судно было атаковано индейцами, которые убили капитана Портера и всех офицеров, а многих матросов ранили. Израненная команда «Азавальпы» сумела обмануть индейцев и ночью, тайно снявшись с якорей, покинула недружелюбные места. Когда в открытом море «Азавальпа» встретила с другим судном и бригам, которые принадлежали тем же владельцам и спешили к ней на помощь, из полусотни человек команды в живых остался едва ли десяток измученных моряков. В Навитти также стояли «Перл» и «Мэри» — конкуренты, команды которых, так же как и экипаж «Юноны», жаждали обогатиться на меховом промысле.

Оказав всю необходимую помощь по формированию экипажа и снаряжению «Азавальпы» в Кантон, 11 июля Джон д'Вольф снова покинул Навитти и поплыл на север к проливу Чатем. Во время перехода, касаясь дна в ряде мест, 27 июля «Юнона» вошла в устье пролива и продвинулась вплоть до отметки 58° северной широты.

Памятуя прикормленные места, Джон решил вернуться и забить свой корабль до отказа мехами, на котором благодаря «Азавальпе» вновь появилось свободное пространство. В этом месте индейцы были весьма многочисленны и, как казалось д'Вольфу, имели большое количество шкур на продажу, но отказывались от торговли, требуя, чтобы капитан поставил судно на якорь. Не видя в этом необходимости, несмотря на то что ветер был слабым, а море спокойным, Джон, проигнорировал требования индейцев, в действиях которых чувствовалась искренность, и продолжил плавание в поисках более удобного места для стоянки. Сделав несколько попыток бросить якорь для замера глубины, тем не менее он не собирался менять своих намерений. Однако индейцы, как только были отданы якоря, сразу же в большом количестве окружили судно. Боцман насчитал от тридцати до сорока каноэ. Когда команда поняла, что дикари неплохо вооружены огнестрельным оружием, появились опасения, что индейцы более склонны к насилию, чем к торговле, если учесть то упрямство, с каким они осаждали «Юнону». Солнце практически село. Не видя никакой перспективы договориться с дикарями, Джон пришел к выводу, что лучше будет

вернуться назад в проливы. Ветер был слабым, и судно оказалось развернутым навстречу волне. Индейцы, ясно поняв, что в течение ночи не будут иметь шансов на успех, отправились на берег и вернулись только на рассвете. Они пришли с твёрдой решимостью подняться на борт корабля, но в их отсутствие команда сумела достаточно подготовиться, чтобы встретить их во всеоружии, а также обезопасить себя. Видя, что с помощью силы кораблём овладеть невозможно, индейцы изменили свою тактику и проявили присущую им хитрость, заявляя, что намерены мирно торговать. У трапа Джон принял одного из их вождей. При его посредничестве началась оживленная торговля, продолжавшаяся до тех пор, пока экипаж не скупил у индейцев весь запас мехов. Когда они покинули корабль, Джон д'Вольф отдал команду срочно сниматься с якорей и ставить все паруса, чтобы, избавившись от назойливости этих детей природы, спокойно продолжить свой путь вниз по проливу.

Пятого августа судно встало на якорь в обширной гавани, расположенной рядом со входом в пролив Чатем, между мысами Салливан и Эллис. Здесь «Юнона» была задержана на несколько дней штилем. Вход в пролив был настолько узок, что стало ясно: без повреждений пройти его невозможно. Новая напасть не заставила себя долго ждать. 10 августа начался сильный отлив, и корабль понесло к маленькому острову, лежащему посреди канала. Команда спустила на воду лодки для буксировки и предприняла титанические усилия, чтобы избежать опасного дрейфа. Бросив якорь, матросы налегли на весла, в темноте вступив в противоборство с бурным течением. Но берег приближался быстрее, чем можно было предположить, пока в конце концов киль не ударился о скалы. Злую шутку с судном сыграли сброшенные за борт якоря, которые стали сильно раскачивать его по вертикали. Слишком быстрый отлив довершил дело.

Единственная оставшаяся альтернатива заключалась в максимальной защите левого борта.

Это нужно было сделать прежде, чем судно начнёт опрокидываться. Кроме того, необходимо было подготовиться к обороне в случае внезапного нападения индейцев. Собрав все паруса и спустив реи с брам-стенг и мачт, уставшие матросы привязали тяжёлые пушки посреди корабля и погрузили на все три лодки оружие, боеприпасы и продовольствие. У Джона д'Вольфа были веские причины опасаться того, что его корабль может пробить днище, поскольку осадка его была достаточно низка из-за находившегося на борту груза, заполнявшего трюмы на две трети.

Поутру, когда отлив обнажил судно, матросы обнаружили, что оно не столь сильно лежит на краях бимсов, как им показалось ночью.

«Юнона» упёрлась в три острых камня: один у миделя, и два других рядом — в носовой части судна и у основания крепления мачты. Киль судна зацепился за скалы в нескольких местах.

С восходом солнца индейцы начали собираться у обездвиженной громады корабля. Сначала они держались в стороне и, казалось, с подозрением относились к действиям команды, но после обхода судна и очень тщательного изучения его положения они решили, что ничего интересного в этом нет, и отправились к пристани. Джон дал им понять, что собирается отбуксировать судно к берегу для починки медной обшивки. Чтобы убедить их в этом, он разрешил прикоснуться им руками к днищу судна.

В девять утра начался отлив, и поскольку вода спала более чем на пятнадцать футов, матросы могли теперь ходить вокруг корабля и даже в некоторых местах проходить под килем. Однако американцы не были бы американцами, если бы и в критической ситуации не думали об устройстве своих дел и получении прибыли. Пока Джон думал, что же делать с застрявшим на скалах кораблём, несколько его предприимчивых офицеров занялись скупкой мехов у индейцев. Стремясь обезопасить себя на случай, если у торговцев появятся какие-либо враждебные намерения, команде удалось заманить на борт одного из вождей, которого матросы удерживали в качестве заложника. Таким образом, оградив себя от любой атаки со стороны индейцев и максимально облегчив корабль, американцы, не теряя времени, взялись за чеканку и устранение поломок в наиболее поврежденных местах при ударе о скалы. Планширь дюймовой толщины треснул в двух местах, от носа до бизань-мачты разошелся каждый шов. Во время очистки пробитого днища судна с помощью одного из корабельных насосов матросы откачали через основной люк огромное количество ила и воды. После окончания оживлённой работы, чтобы удостовериться, что судно исправлено и не течет, команда стала с нетерпением ждать прилива. К всеобщей великой радости, высокая вода сдёрнула «Юнону» с камней, как пушинку, и судно осталось держаться на плаву. Когда экипаж снова отбуксировал корабль в пролив, капитан остался доволен ремонтом, заметив, что судно не течёт так, как можно было ожидать. Ошутимые повреждения были только со стороны удара о скалы. Вмятина глубиной в полфута осталась как напоминание о Чатемском проливе и приключениях в нём. После того как был освобождён заложник, индейцы стали проявлять верх дружелюбия, желая, чтобы судно подольше задержалось в их бухточке.

В то время пока судно сидело на мели, Джон осмотрел медную обшивку, которой было обито днище корабля. Она оказалась сильно

разрушенной. Зная об этом, Джон д'Вольф решил, не задерживаясь, отправиться к русским поселениям в Норфолк-Саунде. Только там, защищенная от индейцев пушками форта, команда смогла бы разгрузить своё судно и произвести ремонт в спокойных условиях.

Итак, 12 августа «Юнона» в очередной раз вышла в море и направилась по наикратчайшему пути в сторону Новоархангельска. По пути «Юнона» снова встретилась с «Мэри», и 14 августа в старой доброй компании оба судна прибыли в Норфолк-Саунд, бросив якорь на траверзе Новоархангельска.

Вновь, как и полагалось, приняв от Правителя Баранова обязательные в таких случаях знаки гостеприимства, с помощью которых демонстрировались любовь и уважение к каждому прибывшему, не теряя времени на выяснение степени повреждения лежащей на берегу «Юноны», Джон д'Вольф и его команда приступили к ремонту своего судна. Баранов как мог помогал американцам: он предложил помощь своего плотника Корюкина для скорейшей починки корабля, накормил измученную команду и позволил занять старую хибару, в которую был перевезён весь груз, за исключением пушнины. Вся тысяча шкур калана, которую успела собрать команда «Юноны» к этому времени, была загружена в трюмы «Мэри» и отправлена в Кантон. 20 августа 1805 года «Мэри» снялась с якоря вместе с «Невой» капитана Лисянского, и через час оба судна исчезли за горизонтом.

Глава 2 ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

Земли новые — *tabula rasa*.
Расселю там новую расу —
Третий Мир без деньги и петли —
Ни республики, ни короны!
Где земли золотое лоно,
Как по золоту пишут иконы,
Будут лики людей светлы.

А. Вознесенский

Когда высокие сопки и мысы Камчатки были еще покрыты снегом, 14 июня 1805 года, покинув Петропавловскую гавань, стопятидесятитонный галиот «Святая Мария Магдалена» под командованием лейтенанта Военно-морского флота Андрея Васильевича Машина, проследовав вдоль северной стороны Алеутских островов, взял курс на восток. «Жестокие туманы и бус, а более дуриота судна «Марии», кривобоком построенного, сде-

дали плавание наше весьма затруднительным, но благополучные ветры доставили нам удовольствие 30-го числа прийти к острову Уналашке...» — позже поделится впечатлениями о своём плавании к американским берегам Резанов. На борту «Марии» вместе с Резановым и Лангсдорфом находились лейтенант Хвостов, мичман Давыдов и с полсотни промышленников. Кроме того, Резанов прихватил егеря, который должен был обеспечивать всю эту братию едой. Наши старые друзья — морские офицеры Хвостов и Давыдов — и были теми людьми, которых откомендовал Кошелев Резанову на Камчатке. Заслышав фамилии своих протеже и будучи наслышанным об их плаваниях, камергер окончательно утвердился в мысли посетить Русскую Америку без «Надежды» и Крузенштерна, выбрав в спутники людей, готовых следовать его планам. Летом 1805 года в своих письмах императору и графу Н.П. Румянцеву Резанов охарактеризовал Хвостова как «офицера, исполненного огня, усердия, искусства и примерной неустрашимости».

Сам же Хвостов, восхищавшийся камергером, так отозвался о нём: «Вот человек, которому нельзя не удивляться! Скажу справедливо, что я и Давыдов им разобижены: до сих пор мы сами себе удивлялись, как люди, пользующиеся столь лестными знакомствами в столице, имея добрую дорогу, решились скитаться по местам диким, бесплодным, пустым или, лучше сказать, страшным для самых предприимчивых людей. Признаюсь, я не говорил и не приписывал одному патриотизму, и в душе своей гордился: вот была единственная моя награда! Теперь мы должны лишиться и той, встретившись с человеком, который соревнует всем в трудах... Все наши доказательства, что судно течет и вовсе ненадежно, не в силах были остановить его предприимчивого духа. Мы сами хотели возвратиться на фрегате в Россию, но гордость, особенно когда сравнили чины, почести, ум, состояние в ту же минуту сказали себе: идем, хотя бы то и стоило жизни, и ничего в свете не остановит нас». Хвостов и Давыдов были «разобижены» тем, что в лице Николая Петровича встретили еще более увлеченного, одержимого, предприимчивого человека, чем были они сами. Одним словом, эти энергичные и амбициозные люди встретились в очередной раз, чтобы вместе навечно войти в историю России.

Имея в запасе достаточно времени до наступления холодов, Резанов решил исследовать едва ли не весь Алеутский архипелаг. Туманная и дождливая погода стала настоящим бичом для команды судна. Часть людей из-за недостатка места во внутренних помещениях корабля вынуждены были ютиться прямо на палубе.

Пораженный, Лангсдорф описал «экипаж» «Марии»: «Вместо моряков на борту у нас было около шестидесяти человек, состоя-

щих на службе Российско-американской компании в роли охотников и сборщиков меха. Наша команда состояла из авантюристов, пьяниц, обанкротившихся купцов или форменных преступников, гнавшихся за удачей. Большинство из них, в прошлом году уже плававших из Охотска на Камчатку, несмотря на это, вынуждены были учить заново даже названия парусов и канатов. Они всегда стояли на пути друг у друга, и в случае смены ветра пятнадцать человек едва ли могли выполнять работу, с которой справилось бы десять обычных моряков».

Эти полуголодные, цинготные люди отправились на Аляску в поисках лучшей жизни, в надежде на удачу и с верой в собственные силы. Брезгливый Лангсдорф вынужден был скрываться в каюте, опасаясь вшей, которыми кишела команда. Однако врачебный долг вынуждал профессора заниматься медициной. К его счастью, больных на судне оказалось не так много, как он мог предположить. Единственной болезнью, свирепствовавшей в тех местах, была цинга, но кроме раздачи чеснока, ничем другим облегчить участь несчастных Лангсдорф не мог.

29 июня 1805 года стал первым ясным днём, открывшим перед взором измученных странников остров Уналашку — первый в планах Резанова, отмеченный для посещения. Однако противный ветер не дал судну приблизиться к берегу, и Резанов как руководитель экспедиции приказал разворачивать судно на северо-запад и направляться к острову Святого Павла. Свежий ветер, словно подыгрывая камергеру, наполнил паруса и придал судну ход в полных четыре узла. Только на пятый день, пробиваясь сквозь шторм, путешественники добрались до острова, который с трудом разыскали в густом тумане.

Недолго думая, Резанов отдал приказ спустить на воду единственную шлюпку, в которой устроились Лангсдорф, Машин и Хвостов, и двулучную байдарку, искусством управления которой Резанов решил овладеть под руководством мичмана Давыдова. Разместившись позади Гаврилы во втором люке байдарки, Николай Петрович оттолкнулся веслом от борта «Марии». Блистательный царедворец и знатный вельможа, Николай Петрович никогда не забывал своего простого происхождения и ради поставленной задачи готов был смириться с неудобствами и лишениями, особенно, когда они сулили новизну ощущений или отвечали интересам дела. Утлая компанейская байдарка текла. Лишенная минимального уюта, она заставила путешественников бороться за плавучесть. Стоит отдать должное Резанову — к моменту высадки на берег он уже весьма ловко и, главное, синхронно с Давыдовым рассекал вёслами водную гладь.

На берегу ничего, кроме стоящих на вершинах сопок православных крестов, не свидетельствовало о присутствии на острове людей. День был посвящён охоте на морского льва и заготовке свеженны для команды. Только на следующее утро их встретили 12 русских промышленников и 15 алеутов.

Узнав, какая важная персона прибыла на остров, промышленники тут же отчитались о добыче, которую строгий Резанов окрестил «безобразием». Весь день Николай Петрович посвятил расследованию деяний горе-промышленников. За время пребывания на острове Святого Павла нерадивые охотники уничтожили 227 000 котиков, из которых только за прошедший месяц было добыто 16 000. Всё это можно было бы посчитать дорогим компанейским добром, если бы снятые с них шкуры не были сильно пересушенными на солнце, отчего потеряли свою эластичность. Промышленники оправдывались тем, что Компанией перед ними была поставлена задача заготавливать мясо на зиму, а о шкурах ничего сказано не было. Теперь всё это богатство годилось только разве что на растопку печей. Резанов тут же приказал прекратить хищнический промысел и заняться подготовкой к зиме и сохранением тех немногих шкур, что не успели испортиться.

Решив сократить промысел, Резанов думал, что осчастливит половину русских промышленников, которых хотел вывезти с этих Богом забытых островов. Но он жестоко ошибся. Узнав о намерениях Николая Петровича, те из промышленников, на кого пал жребий собираться в дорогу, бросились к ногам посланника, умоляя остаться на острове и утверждая, что здесь есть всё необходимое для жизни. Решив, что желание промышленников было продиктовано их благоразумием и добрыми отношениями с алеутами, Николай Петрович решил удовлетворить их просьбу, но тут к нему обратились сами алеуты, сообщив о том, что находятся едва ли не в рабстве у русских промышленников. Разгневанный Резанов, услышав это, приказал оставить на острове только троих самых миролюбивых русских, а остальным в течение часа прибыть на судно.

В последующие два дня изголодавшаяся команда отъедалась на острове мясом ластоногих. Лангсдорф радостно отметил улучшение состояния команды: «Понадобилось всего несколько дней хо- рошего питания, чтобы увидеть поразительные изменения, произошедшие с этими несчастными людьми. Признаки цинги заметно уменьшились, и я с радостью отмечал живость и веселость, до сих пор не свойственную им». Погрузив на переполненную «Марию» 2000 уцелевших котиковых шкур и более полутысячи песцовых, Резанов продолжил обзор колоний.

Между тем лейтенант Машин, будучи сам отличным капитаном судна, заметил, сколь искусен в судовождении лейтенант Хвостов, неплохо знающий особенности плавания вдоль Алеутской гряды, и потому всё чаще стал прибегать к его помощи, а к концу плавания как-то незаметно самоустранился от управления кораблём. Хвостов же, напротив, воспользовался возможностью проявить себя и не отходил от штурвала. Гаврила Давыдов, взяв на себя роль старшего офицера и боцмана в одном лице, управлял действиями команды. Резанов не мог нарадоваться расторопности морских офицеров и, делая очередные пометки в своём дневнике, оставил следующее замечание: «Офицеры у меня Хвостов и Давыдов — искусные, знающие и предприимчивые, словом, такие, каких для предприятий наших желать нельзя лучше, и может быть, не поймал ли мы вместо бобра какого-нибудь английского судна...»

Ещё по дороге на Кадык Резанов был прекрасно осведомлён о подстрекательстве индейцев к войне с русскими со стороны английских капитанов. Если англичане объявили Компании негласную войну, то почему один из английских кораблей не мог бы стать добычей отважных промышленников? «Зимовать, — продолжил Резанов свою запись, — не знаю, где Бог велит, хочется в Чугацкой губе, дабы, имея таких достойных и ревностных сотрудников, каковы господа Хвостов и Давыдов, успеть помощью их построить при себе два судна: бриг на военную руку пушек в 12, да тендерок для приближения к берегу. Впрочем, ежели будет возможность и удобство устроить верфь близ Ситки, то мы и там останемся». Мыслями об острой потребности в морских судах пронизано каждое письмо камергера. Даже те суда, которые использовала Российско-американская компания на тот момент, были катастрофически маленькими и неспособными решать обширные задачи русской экспансии на северо-западном побережье Тихого океана. Это видно и из записок самого камергера, называвшего бриг «Мария», на котором ему предстояло достичь берегов Америки, не иначе как «плоской».

Резанов вполне обоснованно опасался конкуренции в промысле со стороны американцев и англичан, которые, имея прекрасные океанские корабли, наращивали грузооборот с каждым годом. Вспоминая четверть миллиона котиковых шкур на острове Святого Павла, которые пропадали из-за отсутствия торгового флота, способного вывозить с островов такие объёмы, камергер, ещё не побывав в главных промысловых районах России, сделал правильные и далеко идущие выводы: «Вся торговля Компании, ежели не будет далее иметь видов, как одною рухлядью, истинно трудов не стоит и все минимые интересы кончатся великими расходами и гибелью...»

Государственник, строитель империи, Николай Петрович Резанов со своими широкими взглядами на положение дел в Русской Америке прекрасно понимал, что без мощной поддержки государства усилиями одних промышленников вновь обретенные земли не удержат. И бобровый промысел должен стать лишь отправной точкой, накоплением стартового капитала для планомерного и взвешенного освоения тихоокеанского Севера. А иначе... События 1867 года полностью подтвердили справедливость его взглядов*.

Начало XIX века для России стало той эпохой, когда шатающаяся, словно разбуженный среди зимы медведь, русская внешняя политика кидалась из стороны в сторону в попытке найти хрупкое равновесие на весах европейской политики. Зажатый договорами и союзами между воюющими Англией и Францией, Александр I не мог чётко определить приоритеты России и вынужден был всё время оглядываться на Запад даже тогда, когда геополитические устремления государства были направлены на Восток. Острые проблемы, которые встали перед русскими при освоении новых территорий, нужно было решать немедленно. Но императору, ввязавшемуся в войну с Наполеоном, было не до них...

Через две недели «Мария» вернулась к острову Уналашка. Однако противный ветер и обилие рифов, отмеченных на воде пеной бурунов, не позволили судну войти в бухту Иллилюк, где находилось главное селение русской фактории. Тогда Машин вновь прибёг к помощи Хвостова и Давыдова, которые направили «Марию» вокруг острова. 16 июля 1805 года, обогнув Бобровую губу и войдя в небольшую уютную одноимённую бухточку, судно «Мария» бросило якоря на траверзе острова Уналашка с его восточной стороны. Вскоре к борту судна пристало множество байдарок. Местные алеуты сообщили путешественникам, что они смогут через горы добраться до селения, до которого, по их словам, было пять-семь верст. Часть алеутов немедленно отправилась на байдарках к посёлку, чтобы доложить начальнику партии Ларионову о прибытии камергера. Резанов же, проявляя особый интерес к положению дел в здешнем посёлке, не колеблясь принял решение идти туда пешком, прихватив с собой Хвостова, Давыдова и Лангсдорфа в качестве сопровождающих. Спустив на воду всё ту же текущую байдару, Давыдов с Резановым добрались до берега. Погода была туманная и в целом достаточно скверная, поэтому камергер, мичман, лейтенант и профессор решили не задерживаться. Проблуждав до сумерек

* В 1867 году Российско-американская компания была якобы банкротчена, а Аляска и все территории, которые было принято именовать Русской Америкой, были проданы за бесценок Соединённым Штатам.

среди скал, отчаявшиеся спутники случайно, к великой своей радости, отыскали тропу, которая, как им казалось, вела в посёлок. Как следует из воспоминаний Лангедорфа, новоявленные сусанины во главе с профессором вскоре попросту заблудились в темноте. Пройдя за ночь более шестнадцати вёрст, пробираясь среди скал по безлюдным местам, только к утру уставшие и измождённые путники вышли на берег Капитанской гавани. Двигаясь по колено в воде, офицеры тем не менее не потеряли присущей им жизнерадостности и то и дело весело подначивали Лангедорфа, принявшего за тропинку русло местной речки, которая и вывела искателей приключений к селению. В посёлке их ночные страдания были с лихвой компенсированы тёплой встречей местных жителей.

«Селение в Капитанской гавани, — записал в своём дневнике Резанов, — состоит из земляных юрт, но все такие, какие лучше желать невозможно. Во всякой куче земли находишь прекрасные комнатки, обитые обоями, и большие окна, службы отдельно и люду покойное помещение. Магазины, бараборы и казармы компанейские, кузница, слесарня, также рыбные промысла, топка жиров, некоторые огороды и, словом, все хозяйственные части порядком своим доказывают бывшую его деятельность. Желательно бы, чтобы когда-нибудь Петропавловская в Камчатке гавань могла с сим селением сравниться, хотя там бездна лесу и природа во всём изобильнее, а здесь, кроме выкидного, нет ни прутика».

На острове Уналашка Резанов и его спутники встретили два судна: «Константин» штурмана Потапова, искусного и умелого морехода, и «Святой Феодосий», которым командовал лейтенант Сукин. Потапов, которому впоследствии Резанов дал самую высокую характеристику, рассказал о штурме Ситки и о том, что экипаж «Невы» в связи с боевыми действиями русских на островах уменьшился на треть. Кроме погибших в бою моряков, многие из команды не сумели пережить зиму и остались лежать на землях Кадьяка.

— «Нева» ещё на Кадьяке? — поинтересовался Резанов.

— Когда я отплыл, стояла на рейде Новоархангельска, — уточнил Потапов.

— Хвостов! — позвал лейтенанта камергер, заметно оживившись. — За сколько мы дойдём до острова Ситка?

— Простите, — вмешался штурман Потапов, — но ныне Ситка носит имя Баранова, так что правильно будет «остров Баранова» говорить!

— Много слышал о Правителе Баранове! Зря острова народ не называет. Слава о Баранове докатилась до меня, а я уж приложу усилия, чтобы имя этого великого сына Отечества не кануло в ве-

ках! Спешу на встречу с ним, чтобы посылить помощь ему в его начинаниях. Что ж, остров Баранова так остров Баранова!

— Зимуйте здесь, ваше превосходительство. А летом отправляйтесь к Баранову, — посоветовал Потапов. — Припасов вам хватит, а лето у нас скорое, можете не успеть добраться по чистой воде. Прошлую зиму «Нева» на Кадьяке зимовала. Так при отплытии оной из Новоархангельска господин Баранов начальника Кадьякской конторы Ивана Баннера попросил зимой скот не резать, а кормить команду только битой птицей и рыбой, сберегая, сколько возможно, скот, чтобы до его размножения такая важная часть хозяйства, как скотоводство, не могла прийти в упадок. На «Неве» отправили четверых колош*, взятых в плен лейтенантом Арбузовым при взрыве индейской байдары. Баранов предписал Кадьякской конторе разослать их по дальним артелям и употреблять в работы наравне с работниками из алеутов и в случае озорничества штрафовать; однако ж обувать и одевать. Дикие зиму пережили все, а вот морячки... Между тем на «Неву» по весне было погружено 5000 бобровых, 150 000 котиковых шкур и много других товаров на суммы, по обыкновенным установленным в колониях, около 450 000 рублей. По предложению Баранова, господин капитан-лейтенант Лисянский принял в Кадьяке на борт трех мальчиков из креолов**, обученных грамоте, дабы доставить их в Санкт-Петербург для дальнейшего образования***. «Неву» если и застанете, то знайте — Лисянский своё дело сделал, колонии спас, доставит и товар. А зимой на Ситке тоскливо. Да и люди у вас полугодные и нагие. Хоть припасы на зиму для себя сбережете.

— «Мария» переполнена съестными припасами и кораблестроительными материалами. Это что ж, выходит, Баранов там в окружении врагов в крепости с голоду умирать будет, а мы здесь — жировать? — возмутился Резанов.

— До острова Баранова меньше чем за месяц придём, аккуратно до прихода льдов! — почувствовав настроение камергера, доложил Хвостов, отрываясь от карты Алеутских островов.

Потапов удивлённо взглянул на смелого лейтенанта, но, переведя взгляд на Резанова, понял, что спорить с людьми, одержимыми идеей, бесполезно.

— Что ж, господин Потапов, и вы плывите с Богом! — сказал Резанов уже более мягким тоном, крепко пожимая руку штурма-

* Русское название племени тлинкитов.

** Дети от смешанных браков русских и жителей Алеутских островов и Аляски.

*** На борту «Невы» с острова Кадьяк были отправлены: Андрей Климовский, Иван Чернов и Герасим Кондаков, которые по настоянию правления Российско-американской компании были отданы в штурманское училище. После окончания обучения вернулись в колонии. Климовский командовал судном, а Чернов и Кондаков служили штурманами на судах Компании.

ну. — Семь футов вам под килем! Спасибо, что беспокойство о нас проявляете, но, смею вас уверить, оно излишне в сложившихся обстоятельствах.

— Как знаете! — пожав плечами, сказал Потапов и, бормоча под нос что-то о невозможности в столь короткий срок достичь новой столицы русских владений в Америке, направился к берегу, где его ждала лодка.

Когда лодка отчалила, Потапов крикнул на берег: — Ваше превосходительство, если понадобится, я на судне буду!

Уже на Кадьяке до Резанова дошли сведения, что «Константин» до Охотска не дошёл. Ранняя зима заставила повернуть его из Охотского моря в Авачинскую бухту. Там штурман Потапов встретился с Крузенштерном, которому также описал события, связанные с завоеванием Ситки и участием в этом мероприятии «Невы» и Лисянского. Капитан «Надежды» странным образом отреагировал на геройства своего друга Лисянского на Ситке: «услышав о сем, почитали мы себя гораздо счастливейшими, что вместо воинственных предприятий против диких, употребили время на трудное, но уповательно и на бесполезное упражнение...».

Однако, благодаря тем же дневникам Крузенштерна, мы можем представить, на чём пустились в путь Николай Петрович Резанов и его спутники: «Судно во 150 тонн, каковым была “Мария”, хотя и не имело бы великого груза, крайне тесно для 10 человек, не причисляя к тому начальника, офицеров, приказчиков и других пассажиров; но сие было с полным грузом. Больные, коих на судне было 20 человек, с трудностью уместились, следовательно, для 50 здоровых не оставалось уже места под палубою. Они должны были или спать на палубе, что по тамошнему суровому климату крайне вредно для здоровья, или ложиться внизу вместе с больными один на другого. Коек совсем не имели и по недостатку места иметь не могли. Каждый ложился где попало, во всём своём платье, которое показывало величайшую бедность. Все они покрыты были рубищами и жили в великой нечистоте. На некоторых только видел я рубахи, а прочие одеты были, невзирая на теплоту июня, в замаранных разорванных шубах. Почти все имели небритые бороды, лице и руки немые.

Мы осмотрели больных сего судна. В каком гибельном и жалком состоянии нашли мы сих несчастных! Цинготные и застарелые венерические раны казались у большей части неизученными, хотя и находились они на берегу уже 10 месяцев и пользуемы были петропавловским лекарем. Теперь следовало перевести их с великими трудностями в другие места, где ожидает их не лучший жребий.

Я любопытствовал знать, какою пищею кормят больных на судне. Мне показали две бочки солонины, для них назначенной; но едва открыли одну из них, вдруг распространилось такое зловоние, что я принужден был тотчас от них удалиться. Сии две бочки солонины и несколько мешков черных сухарей, покрытых плесенью, должны были служить единственным подкреплением 20 больных, которых было столько на судне “Мария” еще до отхода оного из Петропавловского порта. Осведомясь о пище больных, нельзя было не любопытствовать, чем кормятся здоровые. Главную сию последних пищу составляют тюлений жир и сушёное сивучье мясо; юколы или сушеной рыбы берут с собою малое количество. Вместо сухарей употребляют ржаную муку, разведенную водою (сию смесь называют промышленники бурдуком), да и то не каждый день. Горячего вина, сего целительного напитка в туманном и холодном море, не дают промышленникам вовсе.

Крузенштерну действительно было тяжело понять, почему на «Марии», благодаря дисциплине экипажа и контролю со стороны Резанова, был перекрыт доступ к вину. Ведь на «Надежде» запасы спиртного, принадлежавшие Российско-американской компании, уничтожались командой без всякого стеснения. Между тем вино, доставленное на Кадьяк и в Новоархангельск, впоследствии спасло жителей русских колоний. Нетрудно представить, чем окончилась бы очередная зима в новых русских поселениях, если бы на борту «Марии» царствовала свобода в той же мере, что и на «Надежде». А питание жирами и мясом в суровых климатических условиях для человека более рационально и калорийно, чем питание рыбой. К слову сказать, Резанов и офицеры питались ровно тем же, чем и команда корабля.

Как только утихло волнение, экипаж и пассажиры «Марии» перебрались на берег острова. Там мореплаватели узнали, что начальник Уналашкинской конторы Емельян Григорьевич Ларионов сильно болен и встретить гостей сам не может. Уже более года все промышленные дела вела его жена, Елена Фёдоровна*, которая и приветствовала путешественников. Она сообщила, что ещё со вчерашнего дня в их доме поселились Резанов с Давыдовым. Пока Гаврила наслаждался видами острова, прогуливаясь с шестнадцатилетней дочкой хозяев по окрестностям, Николай Петрович Резанов тут же принялся за работу.

Первым делом он ознакомился с промыслом и нашёл его в плачевном состоянии. Калан уже несколько лет как не появлялся на острове,

* Жена Правителя Уналашки Е.Г. Ларионова была сводной сестрой тещи Резанова, Наталии Алексеевны Шелиховой.

а промысел куниц и котиков не приносил большого дохода. Но этот неприятный факт стал тем не менее положительным стимулом для обитателей острова, которые занялись необычным для них делом возделывания огородов и выращивания домашней скотины. Уналашка, по наблюдению Резанова, на момент его прибытия мало чем отличалась от любой сибирской деревни. Разве что говорили на непонятном пока ещё камергеру языке. Найдя поселение в исправности, Николай Петрович завёл разговор о золотой мечте своего тестя — посёлке Славороссия, который Шелихов мечтал сделать столицей Аляски.

— Там сейчас мой брат, Ларионов Степан Фёдорович, управляет промыслом. Он забурился туда ещё при покойном Шелихове. Хотели сменить его, да ни в какую: жёнкой обзавёлся, детишками. С дикими мира нищет. Лучшего человека и не придумать для тех мест. Он единый, кто может идею Шелихова о создании там города привести в действие, — начал свой рассказ Ларионов. — Но, как и у нас, промысел его сходит на нет. Калан уходит южнее. Славороссия находится на Якутате, посёлок небольшой, обнесён деревянным частоколом.

— Может, жалобы есть?

— Какие там жалобы, ваше превосходительство. Довольны тем, что Бог посылает. Только с хлебом совсем беда. В течение тех пяти лет, что живём с семьёй на острове, мы почти не вкусили хлеба. Недавно я закупил шесть или восемь пудов муки, прибывшей из Охотска, но жена моя только то и делает с ней, что в исключительных случаях выпекает хлеб или печенье.

— А как хозяйство?

— Мы пытались разводить свиней, но кормить их, кроме рыбы, нечем, поэтому и жира никакого не могли они нагулять, а мясо рыбной пахло. Единственная наша корова потерялась в горах. Вот, кур разводим.

— Что о здешних диких сказать можете?

— Послушные и добрые, даже наивные, словно дети, но...

— Не стесняйтесь, говорите.

— Веры в них нет. Вся их религия состоит из суеверий. Многие из них были крещены, но вряд ли они понимают, зачем крестятся. И нет здесь ни церкви, ни покаяния, ни отпущения грехов. Так, махание руками. Нам бы батюшку сюда, а то дикие же: не то что девочек — мальчиков продают в рабство.

— Экое неподобство! Батюшку пришлю к вам, обещаю. Содомино прекратим, алеутов просвещать будем. А с колошами как отношения?

— Да воюют они постоянно, какие там отношения! Им бы мирное занятие найти. Как вон нашим алеутам или чугачам. Весной

пашут, летом охотятся, осенью урожай собирают, зимой жируют. Нас боготворят. Ещё бы! Мы их детей в Кадьякскую школу для мальчиков хотим отправить. Они пока сопротивляются, не понижают. Но с огородами то же самое было. Теперь довольны. А якутатские чугачи закон наш приняли, Степану во всём помогают. Небось про брата-то слыхивали?

— Наслышан уж, Емельян Григорьевич! Похвально стремление брата вашего Родине послужить! Как только льды сойдут, отправлюсь на Якутат. Надеюсь по приезду застать Славороссию столь же процветающей, какой я вижу Уналашку. А как поселение здешнее зовётся, кстати?

— Да никак. Оно на острове одно, так Уналашкой и называется.

— Это единственный беспорядок, который здесь мною замечен, и позвольте мне исправить эту неприятность. Отныне поселение ваше, которое я нашёл в добром согласии и в мире цветущим, так и величать — Согласием.

На том и порешили. Разместив больных промышленников по избам местных жителей, Резанов попросил присмотреть за ними Ларионова, сообщив, что эти промышленники после выздоровления в следующем году усилят колонию на острове. Доктор Лангсдорф сделал всё возможное, чтобы облегчить участь несчастных, и, надо отдать должное его искусству лекаря, все его пациенты пережили зиму. Выйдя из последней избы, где только что был окончен осмотр очередного больного, Лангсдорф остолбенел. Перед его глазами предстала идиллическая картина: по берегу моря гулял Давыдов в компании прекрасной незнакомки европейской наружности. Подойдя к парочке, учтивый доктор поинтересовался на французском, не помешает ли он своим присутствием. Девушка рассмеялась, прикрываясь веером. Лангсдорф недоумённо взглянул на мичмана.

— Она не понимает французского! — пояснил Гаврила. — Мы, конечно же, не против такой компании, как вы, Георг. Единственное, вы вряд ли сможете нас понять.

— Какой я осёл! Гаврила, пообещай мне, что научишь русскому! — взмолился доктор.

— Ну что? — весело подмигнув своей спутнице, спросил Давыдов. — Поможем этому прекрасному господину освоить русский язык? Тем более что мы с Хвостовым уже занялись просвещением профессора.

— Ах, Гаврила Иванович! — ответила барышня. — Вы пишете такие прекрасные стихи! Кому, как не вам, открывать перед людьми всю прелесть нашего чудесного языка!

Урок русской словесности продлился до вечера, и вскоре по случаю прибытия высокого гостя был организован праздник с плясками и жертвоприношениями. Хотя все жители острова были поголовно крещены в православную веру, это отнюдь не мешало им чтить обычаи предков. При этом в верховные вожди был выбран сам правитель Ларионов, которого алеуты любили и почитали как отца. Великим Отцом они называли царя, которого никогда не видели, но заочно поклонялись.

Собрав вместе всех тойонов и толмачей, Резанов обратился к ним с вопросом, нет ли им притеснения со стороны русских? Окончание вопроса утонуло в монотонном отрицающем гуле. Удовлетворённый таким ответом, Николай Петрович задал следующий вопрос:

— Может, какие нужды есть у вас? Говорите, смелее! Мой приезд есть следствие монаршего к вам покровительства и попечение о вашем благе!

Из толпы вышел старый тойон и спокойно произнёс:

— Мы всем довольны! За работы наши всегда платится нам исправно теми вещами, в каких имеем надобность. А кроме того, никаких нужд не имеем.

— Может, вы боитесь? Или запуганы кем-то? Так знайте, что представляю я здесь власть императора вашего Александра I, и если вас кто обижает, так наказан будет. Будьте откровенны и говорите без всякой боязни. Я настоятельно требую сказать сухую правду!

Алеуты замахали руками и знаками дали понять, что всем довольны. Старый тойон дождался, пока утихнет шум, и произнёс, обращаясь к Резанову:

— Хорошо, мы объявим истину завтра!

На следующий день Рязанов с Ларионовым вышли на прежнее место в ожидании жалоб от осмелевших островитян. Вперёд выступил тот же старик. Он обошёл вокруг Резанова, заглянул ему в глаза и сказал полусёпотом:

— У нас есть одна просьба, да и та не к вам, а к правителю, отцу нашему Емельяну Григорьевичу.

— И что же это за просьба? Я, как и Емельян Григорьевич, могу разделить с вами радости и выслушать ваши нужды. К тому ж готов удовлетворить любое ваше пожелание скорейшим образом.

— Пожелание у нас одно, но главное: чтобы правитель и Великий царь-Отец так же любили нас, как и прежде, и не меняли своего с нами обращения, от которого мы столь спокойны и счастливы.

Стоя в окружении простых алеутов, Резанов впитывал человечность этих детей природы. В какой-то момент он перестал чувствовать себя государственным человеком, высоким чиновником. Ему

захотелось стать простым островитянином с его тихим счастьем, которым человек награждает сам себя своей чистотой и честностью. По щекам чувствительного Гаврилы Давыдова, этого доброго и умного мальчишки, текли слёзы умиления. Хвостов перевёл сказанное тойоном на немецкий, и Лангсдорф, всплеснув руками, стал выражать своё восхищение Ларионову, не забыв упомянуть и русского царя. Резанов про себя отметил, столь важна демонстрация добрых чувств со стороны местных жителей перед иностранцами, которые, в большинстве своём не зная России, считают её дикой и по совершенно непонятным причинам жестокой. Не без удовольствия он сделал замечание в своём дневнике: «Неожиданной анекдот сей был столько чувствителен, что у предстоящих при том гг. офицеров извлек слезы от радости, и доктор Лангсдорф, бывший сего ответа свидетелем, был от восхищения вне себя, а я ещё более был доволен тем, что иностранец был очевидцем кротости правления россиян...»

Ночь прошла в веселье и плясках. Русские и алеуты, живущие бок о бок, братались и попеременно заводили народные песни. Не знающим ни алеутского языка, ни слов народных песен, Лангсдорфу с Хвостовым оставалось только подвывать. Кульминацией праздника стала сольная партия на флейте в исполнении самого Резанова, музыка которого навсегда покорила чувствительные сердца островитян.

Однако утро следующего дня началось с неприятности. Накануне правителю Ларионову доложили, что некий мешанин Куликалов с острова Ахти до полусмерти избил свою жену-алеутку за то, что та посмела заступиться за их малолетнего сына. Утром подлеца Куликалова привезли в селение. Выслушав эту скверную историю из уст отца потерпевшей, Резанов решил на беспрецедентное в истории взаимоотношений русских и туземцев действие. По его приказу помощники Ларионова подготовили на главной площади селения, ещё не остывшей от жарких совместных танцев, трибуну, с которой Николай Петрович как действительный обер-прокурор Сената должен был восстанавливать справедливость. Привезённого в клетке Куликалова при собрании всех жителей посёлка, а также матросов с кораблей Резанов приказал заковать в кандалы и отправить в Иркутск. Тем самым Николай Петрович попытался внушить и русским, и алеутам, что перед законом все равны. Суд над русским человеком был не просто актом восстановления справедливости, но и знаком того, что отныне на островах русские и алеуты уравниваются и в правах, и в обязанностях. Куликалов же был отвезён на «Константина»,

после чего штурман Потапов отклонялся Резанову и, сняв судно с якорей, отбыл с Уналашки.

— Что касается промышленных людей русских, — заявил Николай Петрович после окончания суда, — знайте: любое взаимное неуважение, а особенно убийства и зверства, строго будут наказываться!

Оставляя остров, Николай Петрович «на сей конец предписал россиянам и американцам избрать из себя по два человека и, придав им пятого от Компании, привести их к присяге и открыть здесь суд под названием: “Расправы промышленных и американцев”, каковые расправы и в других местах компании открыты будут. Оба сии сословия будут в них разбираться во всех частных между собой делах. Правители Компании, от недовольных сторон иногда пристрастием упрекаемые, избегнут сего нареkania, а между тем и к образованию областей первый шаг уже сделан».

Тойоны острова Уналашки в знак восхищения справедливостью и другими добродетелями Резанова преподнесли ему песцовую шубу, в которую камергер тут же укутал алеутку с грудничком — незадачливую жену Куликалова и его сына. Посчитав, что на этом его миссия на острове закончена, камергер отдал распоряжение капитану Машину и лейтенанту Хвостову готовить «Марию» к отплытию.

Между тем произошло несколько событий, о которых стоит упомянуть. Во время пребывания на острове Резанов имел случай познакомиться с ещё одним офицером морского флота, фамилия которого говорила сама за себя. В то время как все приготовления к отплытию были окончены, к камергеру явился лейтенант Сукин, прибывший на бриге «Елизавета» и назначенный ныне капитаном на судно «Феодосий». Представившись друг другу, Сукин протянул Резанову рапорт.

— Милейший, — ответил Николай Петрович, — я ни от кого рапортов не принимаю. У вас есть правитель. Как лицу, представляющему государя и Компанию, в его обязанностях рассматривать подобные документы.

— Но Ларионов — подлый человек. Купец! Мне ли, дворянину, ползать перед ним? Мы требуем отставки! Мы люди вольные, не хотим служить, назад идем!

— Господин лейтенант, — с ноткой раздражения в голосе произнёс Резанов, — потрудитесь покинуть помещение, в которое вас никто не приглашал! Ропща на Ларионова, вы на батюшку-царя ропщите! Произносите грубости мне, вы чести себе не делаете! Я не уполномочен решать вопросы о вашей дальнейшей службе, так как я вас на

эту службу не принимал и не мне решать, двигать ваш рапорт или нет. Порядок службы требует, и воля самого государя есть в том, чтоб и в Америке правителю областей, как хозяину, все подчинялось.

Всю ночь Сукин пьянствовал и бузил, а наутро «Елизавета» таинственным образом исчезла, оставив на берегу нашего старого знакомого — охотского подмастерья Попова, который и поделился подробностями плавания с Сукиным.

По его словам, Сукин отправился в 1804 году из Охотска раньше «Марии». Получив приказ идти прямо на Кадьяк, он вместо этого, возмнив себя великим первооткрывателем, решил отыскать какие-то острова. Вместо Кадьяка он пришел зимовать на Уналашку. Вытащив судно на берег для производства ремонта, он остался здесь жить до весны. Отстранив большого Ларионова от дел, вскоре Сукин все дела на острове от компанейских распоряжений до свадеб взвалил на себя, разрешив промышленникам пить и вольничать. Вскоре и вправду дальнейшее плавание потеряло всякий смысл, так как большинство провианта и алкоголя было успешно употреблено.

Ларионов же, получив из Кадьякской конторы письмо, в котором Баннер требовал поскорее доставить людей и провиант к нему на остров, был не в силах справиться с Сукиным, пока наконец-то весной его, пьяного, не побили собственные подчинённые — мичман Кашинский и подмастерье Попов. Погрузив тело на судно, Кашинский приказал сниматься с якоря.

Выслушав эту историю, Резанов приказал поставить Попова на довольствие и взять с собой как искусного плотника и кораблестроителя в Новоархангельск. Можно представить, как были обрадованы Хвостов и Давыдов, когда на «Марии» объявился их старый знакомый. Тогда же к ним подошёл Лангсдорф, который поинтересовался, почему его новые друзья так старательно избегают Сукина на берегу, хотя профессору он был представлен как знающий своё дело военно-морской офицер. Тогда Хвостов с Давыдовым рассказали ему, что Сукин был сослан в Сибирь за неестественные связи (поговаривали, он жил со своей матерью), но вскоре он нашел средства, чтобы поступить на службу в Российско-американскую компанию.

— Как только Компания нанимает таких людей? — искренне удивился Лангсдорф.

— А вы представьте себе, милейший профессор, — ответил Давыдов, — как живёт морской офицер. Если война — он в море, если нет — на суше. А жалованье флотским офицерам начисляется, несмотря на наличие или отсутствие военных действий. И даже притом, что Российско-американская компания хорошо платит за

наше морское искусство, немногие офицеры готовы броситься из родных тёплых усадеб на край земли только из любви к своему делу. Поэтому из-за недостатка опытных моряков Компания и вынуждена нанимать всех, кто может отличить корму от носа, не спрашивая о тонкостях их морали.

Когда последние приготовления подходили к концу, Резанов имел удовольствие наблюдать удивившее его зрелище. На берегу у лодки его ждал сам правитель Ларионов с женой и дочкой. Лангсдорф и Давыдов, управляемые юной особой, грузили в лодку многочисленные тюки и корзины. Суетливое щебетание прелестницы было прервано вопросом Резанова:

— Господа, позвольте поинтересоваться, что здесь происходит?

Ответ последовал от самого Ларионова:

— Николай Петрович, милостивец вы наш, не сгуби! Сил больше нет жить в дикости и лишениях. Не можем мы более здесь оставаться! Не меня — ребёнка моего пожалей! Девочка на выданье, а женихов нет. Выросла и воспитывалась среди невежества. Сроки всех контрактов давно уж истекли. Пусти домой! Компании мы послужили славно, и ей на нас обижаться грешно.

— Вы думаете, Компании служите? Оглянитесь, вот кому вы служите. И ради них, ваших соотечественников и диких, которым несём свет просвещения, вы здесь. Компания будет или нет — это как Бог даст. А люди простые здесь остаются навеки. Глядя на вас, обрывается сердце. Но ещё более болит оно от мысли, что на вас посёлок держится и что, покинув его, вы обрекаете жителей на лишения. Кого ещё, Емельян Григорьевич, будут они почитать более чем отца родного? Вы здесь нужны, а деток ваших и брата вашего, обещаю, в следующем же году в Иркутск отвезу. Дочке от имени Компании наследство выхлопочу, племянника Василия в мореходное училище, в Кронштадт определю! Одну только зиму потерпите, Емельян Григорьевич...

Так утром следующего дня жена Ларионова снабдила команду небольшой бочкой ягод, дала в придачу к ней соленого и солёного гуся, рыбного паштета и нежирной ветчины — вероятно, лучшее из собственных запасов. После этого была произведена замена части полуголодного экипажа: наиболее страдающие цингой и не способные к работе остались на острове, а на их место были взяты несколько здоровых юношей из посёлка.

Утром 25 июля 1805 года «Мария» покинула Уналашку и направилась к острову Кадьяк — главной базе русских промышленников на тихоокеанском Севере. Судно шло при свежем попутном ветре — мечте мореплавателей тех времён. Но в приключившейся

с «Марией» истории сильный ветер едва не стал причиной крушения корабля. Первой же ночью у судна был сломан бушприт и вырван форштевень. Коля Хвостов, стоявший на вахте, спас корабль, перебив ванты и штаги, закрепленные на бушприте, как раз в тот момент, когда корабль стало поворачивать вокруг оси, и он получил резкий крен на нос. Все паруса, кроме грота, были спущены. Стеньги и реи также пришлось снять. Только на шестой день потрёпанная «Мария» сумела достичь Чинакской губы, открывающей вход в Павловскую гавань. «Такое построение Охотских судов — сетовал Резанов, — где невежество судостроителей и бесстыдное и примерное грабительство от компании определенных доставляют ей суда дороже, нежели где-либо стоящие и притом никуда негодные».

Однако все неприятности были позади, и по заведённому ещё Сарычевым правилу 31 июля 1805 года небольшой форт, возведённый Иваном Баннером, салютовал судну пушечными выстрелами и троекратным «ура» выстроенных вдоль частокола двух десятков юношей. На пристани камергера встретили трое священников в сопровождении тех же молодых людей. Впоследствии выяснилось, что это воспитанники Кадьякской школы для мальчиков. Под колокольный звон путешественники во главе со священниками направились в церковь. Здесь экипажу от лица местных жителей была выражена благодарность за благополучное доставление такой важной персоны. Когда путешественники попали в церковь, они смогли наблюдать картину молитвы Резанова. Как голодный человек, взявший в руки кусок хлеба, изголодавшийся по духовной пище, камергер припадал к иконам, жадно и страстно целуя их. А после молился долго и чувственно, отбивая земные поклоны и повторяя за священниками слова Святого Писания.

По окончании службы Баннер пригласил Резанова и его спутников к себе в дом. Отличное угощение заставило утомлённых путешественников позабыть, где они находятся. Вкусный суп из хорошей говядины, бобовые, превосходная рыба, кондитерские изделия, сладости, фрукты и другие европейские блюда, от которых они давно уже отвыкли, вызвали восторженные отклики в адрес чудесной хозяйки, какой оказалась жена Баннера.

Поблагодарив за столь радушный приём, команда отправилась обустраиваться. Резанову был отведён новый аккуратный дом, строительство которого занимались в прошедшем году моряки капитана Лисянского. Остальные были размещены по двое-трое в других домишках посёлка. Не без удивления камергер обнаружил в доме немало книг из своей библиотеки, которые прибыли сюда на «Неве», а также электрические машины, предназначенные для Японии, хранящиеся

му земледелию... Далее объяснил им, в чем состоит обязанность миссии; стыдил, что не знают они американского языка по сие время, что должны достигнуть, чтоб не только молитвы, но и самые проповеди на американском языке сочиняемы были. Поручил им собирать словарь, чтоб не быть жертвою иногда со всем противного толмачами перевода, но как всякое новое дело медведом кажется, то между тем приступил я сам к сочинению словаря сего, который довольных мне трудов стоил и который при сем прилагаю, покорнейше прошу напечатать в пользу американских училищ и, переплетя его, сюда выслать...»

6 августа 1805 года начальник духовной миссии отец Гедеон получил от Резанова предписание, которое возлагало на него не только и не столько обязанности по делам духовным, сколько по управлению быта кадыякских жителей. Первое, что потребовал Резанов, — произвести перепись населения. Затем Николай Петрович посягнул на основной принцип эксплуатации местного населения — институт каюрства. Каюрами называли местных жителей, которые осуществляли промысел для Российско-американской компании. Однако Компания каюрами считала всё мужское население от мальчика до глубокого старика. Резанов своим решением поставил крест на подобном положении вещей. По его замыслу у промышленников должны были быть списки не самих алеутов-каюров, а их семей, чтобы «семейства чрез то не разорялись, а высланные, исполнив свою обязанность, таки отпускались в зоны, заменяясь присылкою других на места их, дабы все жители несли повинность равномерно и, достигая, елико можно, чтоб никто из них пред другим излишне отягощаем не был...». Следующей мерой, полностью уничтожившей институт каюрства, должны были стать реформы, в ходе которых место каюров заняли бы повзрослевшие креолы, работавшие на Кампанию не за еду, как было ранее, а за достойное вознаграждение. Затем шли распоряжения по заготовкам на зиму и их равномерному распределению среди всех жителей острова. И последнее, на мой взгляд, самое важное распоряжение Резанова состояло в том, чтобы для детей островитян — как самих алеутов, так и креолов от смешанных браков с русскими — основать школы. А самых способных учеников отправлять на материк в столичные школы и училища. «Таковым образом — заключил Резанов, — сохранится вся должная мера в уважении человечества и соблюдается прочная польза компании, а жители, увидев на опыте человеколюбивое об них попечение правления и благоустроенной во всех повинностях порядок, усерднее будут исполнять на них возложенное и сделаются к россиянам приверженными».

Этот первый деятельный шаг Николая Петровича был полностью реализован, чем доказывалась необходимость и состоятельность изменений во внутренней политике всей Русской Америки. Единственной загадкой остаётся вопрос: почему распоряжение адресовано не Баннеру, правителю острова, которому по долгу службы стоило бы озаботиться этими вопросами, а отцу Гедеону, духовному лицу, в обязанности которого не входило исполнение большинства пунктов инструкции.

Тем не менее Резанов сделал правильную ставку, и уже через несколько дней закипела работа по строительству здания новой школы. За прошедшую зиму отец Гедеон выучил алеутский язык и подготовил словарь кадыякского наречия алеутского языка. Гуманный и хорошо образованный, он взял на себя бремя возрождения школы, созданной архимандритом Иоасафом и пришедшей в полный упадок после смерти учителя — старого промышленника Юдина в 1803 году. Незадолго до открытия учебного заведения он отправился по селениям с просьбой свозить детей к школе. За неделю обойдя на байдарке весь остров, отец Гедеон вернулся в Павловскую гавань.

Незадолго до прибытия Резанова в марте 1805 года иеромонахом Гедеоном в Павловской Гавани было открыто двухклассное училище для мальчиков. В нём подростков обучали чтению, письму, арифметике, географии, священной и светской истории, а также некоторым полезным навыкам и ремеслам, в частности, сапожному делу и огородничеству. До прибытия Резанова на Кадыяк в училище обучалось всего 22 ребёнка. Все они были креолами — детьми от смешанных браков русских промышленников и туземных женщин. Именно эти дети и встречали Резанова, стоя на укреплениях форта. Сразу по прибытии Резанова в училище состоялись публичные экзамены, и Николай Петрович наградил наиболее отличившихся учеников. По распоряжению Резанова училище было превращено в полноценную школу, расширено количество предметов, увеличился штат учителей, преимущественно из состава православной миссии. По замыслу Николая Петровича начальное образование на островах должно было стать поголовным.

Вспоминая превосходный стол в доме гостеприимного хозяина острова, Резанов решил, что неплохо было бы подобную встречу организовывать в дальнейшем всем морским офицерам или служащим Российско-американской компании. Поэтому он попросил Наталью Петровну Баннер взять под покровительство несколько девочек лет четырнадцати-пятнадцати и обучать их ведению домашнего хозяйства и кулинарии. Его желание было немедленно

выполнено. Буквально через пару дней несколько девочек, одинаково одетых в платья, сшитые по европейской моде, приступили к занятиям. Резанов тешил себя мыслью о том, что прибывшие на остров мореплаватели будут поражены красивым, правильно выстроенным городом, большой школой, многочисленными библиотеками, электрическими машинами, кабинетом естественной истории, хорошими поварями, да и самими жителями, одетыми по последнему писку европейской моды.

К осени благодаря деятельности Резанова численность учащихся возросла до ста человек, среди которых были даже ситкинские тлинкиты. Ко времени отъезда Гедеона из колоний лучшие из его учеников уже сами могли обучать других. А после публичного экзамена школьников в апреле 1807 года присутствовавший на нем Александр Андреевич Баранов был настолько растроган, что даже выдал из собственных средств отцу Гедеону 500 рублей награды, а еще 200 рублей пожертвовал наиболее способным ученикам.

Результаты своих действий уже с первых дней Резанов начал освещать в будущем докладе императору. Учитывая высокий уровень смертности креолов, Николай Петрович призывал руководство Компании не высылать всех подряд для получения образования в Иркутск и Санкт-Петербург, где из-за резкой смены климата многие из креолов умирали, не завершив своего обучения. При этом также предлагал не препятствовать вывозу детей креолов промышленникам и служащим Российско-американской компании, которые после окончания срока службы в Компании возвращались на родину и стремились забрать детей с собой.

Уже год спустя Резанов не без удовольствия наблюдал за деятельностью школ и училищ. Не только мальчики, но и девочки, креолки и алеутки, обучались в школах, где осваивали различные традиционные ремесла и домоводство. По задумке Николая Петровича финансирование данных образовательных заведений должно было осуществляться на основе процентов, отчисляемых из ежегодной прибыли РАК на основании решения общего собрания акционеров Компании. Благодаря хорошо налаженной системе начального и среднего образования грамотность среди креолов, в отличие от несмешанного коренного населения, была практически стопроцентной.

Не знал тогда камергер, что по прошествии шестидесяти лет, когда звёздно-полосатый флаг сменит на флагштоке Новоархангельска компанейский триколор, местное население будет ввергнуто в пропасть бесправия и безграмотности. Произойдёт откат (а не замещение, как пытаются представить это современные американ-

ские власти) культуры, и русскую эпоху, равно как и русские песни, танцы, речь, образование, аляскинцы будут вспоминать как лучшее время в своей истории. А креолы — новая раса, о которой мечтал Резанов, — перестанут быть полноправными хозяевами своей земли. Жители центральных штатов будут относиться к ним как к людям низшего сорта. Будут закрыты все без исключения школы, жители бывшей Русской Америки лишатся всех своих прав. А ведь во времена Российско-американской компании именно креолам отдавалось предпочтение при найме на работу в Компанию и их целенаправленно готовили к работе на младших административных постах колониальной администрации. Многие креолы стали выдающимися людьми — священниками, морскими офицерами, служащими Компании, исследователями Аляски и Калифорнии. В 1860-х годах половина компанейских судов находилась под командованием креолов. К сожалению, Резанову не суждено будет увидеть триумфа взвешенной государственной политики на новых землях, равно как не дано будет камергеру пережить позор продажи Аляски.

Но всё это было где-то в неясном сумрачном будущем, а пока Резанов не уставал удивляться тому, как деятельность одного человека или группы сподвижников может изменить окружающую обстановку. Удовлетворённый своими делами и мыслями, запершись в ангажированной у Баннеров комнатке, Резанов в очередной раз вчитывался в строки инструкции, которую перед отъездом вручил ему Румянцев: «...По прибытии же вашему на остров Кадьяк, где находится духовная миссия и главное в Америке правление компании, вы займетесь всем, что до распространения христианской веры, просвещения края того, устройства в нем торговли, кораблестроения, укреплении хлебопашества, скотоводства и прочих хозяйственных частей относиться будет. Вы вникните в нравы американцев*, в нужды их, в образ компанейского правления, дадите оному сообразные тому краю начертания, устройте по возможности суды и расправы, удалите все то, что тяготеет жителей, положите всякому благоустройству прочное основание и, получив верные сведения о всех отдаленных от Кадьяка российских принадлежностях и народах, тамо обитающих, употребите всю возможную кротость и ласку, чтоб выиграть у них вящую к России приверженность, снабдить их всем, что только может облегчить нужды их и, буде против всякого чаяния остались каковые-либо зверские обхождения промышленных с жителями, о которых повествуют бывшие до путешествия капитана Ванкувера там мореплаватели, то добрым примером вашим истребите память их, внуша

* Имеются в виду индейцы — жители Американского континента.

россиянам, что должны они всюду свято почитать человечество и что в противном случае строгому подвергнутся взысканию: американцам вперите, что главный предмет прибытия вашего есть всемилостивейшее об них попечение монарха, под покровом которого они яко подданные охраняются не только в личной безопасности, но и в самой собственности их».

Прочитав это положение инструкции, Резанов вспомнил о том, что ему рассказывали о европейских колонизаторах Северной Америки, которые совсем недавно создали собственное государство и стали именоваться американцами. За короткую свою историю новая нация уже успела отличиться бесчеловечностью по отношению к коренным жителям. Индейцы Северо-Западной Америки ещё не знали, что именно с образованием Северо-Американских Соединённых Штатов начнётся их планомерное истребление и изгнание с собственной земли. В 1792 году американцы отбили у индейцев земли Кентукки, которые после превратились в новый штат. В 1796 году та же участь постигла индейцев Теннесси. Новые звёзды, обогранные кровью местных жителей, стали украшать американский флаг.

И вот сегодня здесь, на Кадыяке, Резанов узнал новость. В Огайо были замечены американцы, раздававшие медали с изображением президента Джефферсона вождям местных индейских племён.

Международного права как юридического понятия в те годы просто не существовало, и государства регулировали отношения на вновь обретенных землях по правилам, установленным Ост-Индийской компанией. Она первой ввела систему раздачи туземцам медалей с изображением правителей и надписями, свидетельствующими о подданстве государству, от имени которого получена медаль. Той же практикой воспользовалась и Россия, для чего были отлиты из серебра и взяты в первую русскую кругосветку триста серебряных медалей с изображением Александра и надписью «Союзные России». И хотя медали имели чёткое предназначение, Резанов позволил частью их наградить матросов «Надежды». Он как умел проявлял доброе отношение к простым морякам. Замечание Левенштерна о том, что медали были розданы не по адресу, лишний раз свидетельствует о кичливости офицеров. Неужели простой матрос, обогнувший во славу Родины земной шар, заслужил знаки уважения со стороны государства меньше, чем вождь туземного племени, пока ещё ничего для России не сделавший? Так или иначе, но большинство этих медалей попали по назначению. Но одними медалями народы к себе не приласкаешь, новые земли не благодетельствуешь. Нужны были дела, способные укрепить государство на новых землях.

Николай Петрович понимал — надо спешить! Его интересовали не только и не столько открытия как таковые, сколько те позиции, которые могла потерять Россия ввиду гиперактивности новых соседей. Он видел, что на данный момент уже устарел и следующий пункт предписания Румянцева, которое камергер получил в Петербурге: «В рассуждении принадлежностей Российской империи имеете вы чертою последнее открытие, в 1741 г. капитаном Чириковым произведенное, разумея по 55-й градус северной широты. Дайте правителю Америки предписание, чтоб далее сего места отнюдь не простирался из россиян никто в пределы, другими морскими державами занимаемые. Внушите им, что сие должно быть тем паче свято соблюдаемо, что чрез то удалены будут навсегда от союзных нам морских держав всякие неприятности и что компания, ограничиваясь приобретениями, неоспоримо России принадлежащими, и обеспечивая себя в единой токмо собственности своей, утвердит себя более дружественными сношениями с местами, иностранцами посещаемыми, и тем поспешнее достигнет надлежащего к себе уважения и всеобщей доверенности».

Остановка на 55-й параллели, обозначенной в документе границей русских земель, означала конец Компании и всей Русской Америки. Без тёплых урожайных угодий Калифорнии можно было бы уже сворачивать промысел, а не вгрызаться в промёрзшую землю Аляски зубами. Резанов лучше понимал обстановку и оценивал реалии. Северные земли не могут прокормить людей. Жить от корабля до корабля, прибытие или неприбытие которых полностью зависит от воли стихии, постоянно находясь на грани голода, впадать в опасную зависимость от англичан и американцев, которые всё активнее проникают во владения Российско-американской компании, нельзя. Нужно суметь обеспечить русских людей, бросивших вызов суровому климату и условиям. А без продвижения на юг, оставив позади эту проклятую 55-ю параллель, ничего не получится.

Камергер в своих планах рассчитывал ценою оказавшихся в изобилии непринятых подарков японскому императору выкупать земли у индейцев вдоль всего западного побережья Северной Америки до тех пор, пока границы России не сомкнутся с границами испанских колоний на юге. Этот дерзкий и далеко идущий по своему замыслу и масштабам план предусматривал не подчинение, а скорее ассимиляцию с местным населением, что подтверждалось и позицией русского правительства. Ни у кого до этого, кроме России, в основу колонизации не были положены человечность и любовь к людям. Для обозначения принадлежности новых граждан России были выбраны медали: «Его императорское величество по-

велеть соизволил отпустить с вами 25 золотых и 300 серебряных медалей. Вручите оные в награду тем тойонам, князькам или родоначальникам американским, которые примерные оказали опыты верности и повиновения». Следуя примеру американцев в Огайо, Резанову предписывалось раздать медали на вновь приобретаемых землях. Заключалась инструкция словами: «Уверяюсь, что предприимчивый дух ваш, воспаленный новою силою, проложит новый путь к славе государства, имя ваше оставит незабвенным, а меня наречет порукою, что в нынешнее благополучное царствование достойный подвиг усердноподданного есть лучшая жертва благотворительному обладателю России».

Раздачу медалей для проявления особого благорасположения к деятельности местных алеутских властей Резанов практиковал ещё на Уналашке. Накануне отплытия «Марии» за заслуги в освоении новых земель и приведение алеутов в российское подданство Николай Петрович наградил правителя Уналашки Ларионова золотой медалью, а переводчика Попкова — серебряной. Жители Кадьяка тоже не остались без наград. Незадолго до отплытия в Новоархангельск, когда набор в училище шёл полным ходом, к Резанову, окружённому детьми — как обычно во времена его пребывания на Кадьяке, — подошёл тойон Акилак, старшина Кенайской губы, приведший со своего селения туземных мальчишек. Акилак пришёл из любопытства. А ватага мальчишек просто увязалась за ним. Представив своего сына, тойон был удивлён, когда Николай Петрович взял на руки ребёнка и прижал его к груди. Возможно, думал Резанов, и его сына там, в далёком и недостижимом Петербурге, к своей груди прижимает такой же добрый человек и утешает словами, что папа скоро вернётся. Мальчик ещё не понимает всего того, что ему рассказывают об отце, но странные слова «Аляска», «Кадьяк», «алеут» заставляют его испытывать гордость за отца, причастного к чему-то неизвестному и таинственному.

Алеутский ребёнок, заинтересовавшись цепочкой на брегете Резанова, начал ею играть. Поцеловав мальчишку в лоб, Николай Петрович уже готов был опустить его на землю, но длинные волосы юного алеута запутались за белоснежные острые лучи Мальтийского креста*. Чтобы не причинить мальчику боли, Резанов

* Орден Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест) — орден Российской империи, утверждённый императором Павлом I. Носился на шее на чёрной ленте. Орден представлял собой белый восьмиконечный крест с золотыми лилиями между лучами, увенчанный короной. В годы правления Павла I орден Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест) стал, по существу, высшим знаком отличия, жалуемым за гражданские и военные заслуги. Всего Мальтийским крестом награждено более 350 человек. Резанов был удостоен титула Командора Мальтийского ордена.

присел на колени. Пока камергер пытался распутать длинные локоны ребёнка, мальчишка-алеут с улыбкой наблюдал за этим процессом.

— Генерал! — вдруг произнёс Акилак. — Судьба привязала к тебе моего сына, он более не мой, но принадлежит государю. Тебе поручаю его: блюди за ним, дабы он сделался полезным монарху. Это знак свыше! Духи определяют тебе быть его отцом! Да будет так! Он останется в училище, и все дети, что я привёл, тоже!

Так детское любопытство местных мальчишек и суеверность старого алеута пополнили школьные ряды новыми учениками.

— Какие же знания ты хочешь, чтобы мы вложили в него? — спросил довольный таким оборотом дела Резанов.

— Всё то, — ответил Акилак, — что поможет ему стать лучшим тойоном, чем я! Однако, — продолжил Акилак после некоторой паузы, хитро взглянув на Резанова, — имею жалобу на Баранова: детей, рожденных от брака русских с женщинами нашего народа, воспитывают в ваших училищах, почему же не оказывать сей милости нашим детям?

Наблюдавший за этой сценой Баннер попятился назад. Взгляд Резанова остановил его.

— Эта ваша затея, ваше превосходительство, будет стоить больших растрат, — заключил Баннер.

— Иван Иванович, отныне приказываю принимать в школу всех без исключения детей! Компания наша не только для уничтожения каланов и котиков предназначена. Мы должны что-то давать людям, у которых отбираем то, чем наделил эти земли Бог. А иждивение... На первый год выделю из своих личных средств и средств, которые выделил Священный Синод для обеспечения отца Гedeона.

Вечером при собрании всех жителей посёлка Резанов наградил Акилака серебряной медалью, на которой было выгравировано «Союзные России» — знак признания заслуг государем, а от Комании тойон получил суконное платье. После этого кадьякцы начали привозить своих детей, а Резанов щедро одаривал родителей табаком, сукном и парками.

После обеда прогуливающийся по берегу Резанов встретился с Хвостовым, который только что закончил с погрузкой провианта на «Марию».

Хвостов взглянул на Мальтийский крест командора и вспомнил, что точно такой же он видел у отца перед своим отправлением в первый вояж к берегам Нового Света. Резанов перехватил взгляд лейтенанта:

— Что, жалеешь о наградах, которыми обделён?

— Да я не о том, ваше превосходительство! Просто отца вспомнил... А награды... Они своего владельца всегда найдут.

— Наград не обещаю, да и не за тем мы в далёкое плавание отправились, чтобы грудь свою украшать. Мы избраны судьбой на подвиг во имя России, мы свет просвещения государства нашего в земли дикие несём! Когда я плывал посланником в Японию, составил инструкцию для матросов и офицеров, в которой просил их отличить себя среди чужестранцев только делами благородными, являя добродетели российские. В молодости мне наградой была милость командира и благодарность отца. В четырнадцать, как и ты, Коля, я поступил на службу. Мы, Резановы, дворяне без душ, только службой могли отличиться. Матушка моя, Александра Гавриловна, в девичестве Окунева, имела усадьбу в Псковской губернии. Это и было всё её приданое. Отец, Петр Гаврилович, через год после моего рождения отправился на службу совестным судьей в магистрат далёкого Иркутска, который незадолго до этого стал столицей вновь образованной губернии. Меня же на деньги, высылаемые отцом, обучали студенты, которых нанимала матушка. Но дела у отца шли всё хуже, ведь он получал жалованье от рассмотренных дел, а процветающее мошенничество чиновников не позволяло выносить справедливые приговоры. Вскоре подсадили и его. Чтобы облегчить участь семейства, я отбыл в армию. Приписан был к артиллерии. В столице я перебрался жить к своему дяде, Ивану Гавриловичу Резанову, который к тому времени стал сенатором. В его доме бывали граф Чернышёв и Гаврила Державин, который всегда подшучивал над дядей. Дядя-то заведовал производством русского рубля во всех пределах государства Российского. Екатерина дядю ценила особо, говаривая: «Вон, Резанов, все деньги страны в руках держит, а в карманах пусто». Это были первые уроки нестяжательства. Дядя мне тогда и сказал: «Жить нужно так, чтобы перед детьми было не стыдно за костюм, который носишь. Как жить сможешь, если не сумеешь объяснить им, откуда взял деньги на золотые нитки, которым камзол расшит».

По делам дипломатическим стал к дяде захаживать герой турецкой войны Николай Васильевич Репнин. По его настоянию я был переведён в его лейб-гвардейский Измайловский полк. Благодаря этому я, безусый юнец, отправился в Крым, сопровождать императрицу Екатерину II. По возвращении в столицу наш полк стал охранным при цесаревиче Павле. Командира полка Репнина Павел особенно ценил, доверяя ему все свои тайны. К тому времени будущий император уже состоял в масонской ложе, втянул

в неё и Репнина. Однажды генерал предложил и мне приобщиться к «вольным каменщикам», пояснив, что это положительно отразится на продвижении по службе. Я был честолюбив, поэтому принял предложение. Павел, хоть и бывал строг, но всегда оставался справедлив. Он стал последним рыцарем России, стараясь ввести в свое правление принципы справедливости и христианского равенства. Спесивые барчуки не поняли, что царь может жить не для них только одних или для себя, но и для всего народа российского.

Но с цесаревичем мы общались недолго. Императрица настороженно отнеслась к слухам об участии Репнина в планах возведения на престол её сына — Павла, а также о его связи с масонами. Вскоре генерала, а вместе с ним и весь полк направили в Умань. Чтобы опальному генералу не жилось совсем сладко, его назначили к тому же псковским генерал-губернатором. Сопровождая Репнина, в 1781 году я попал в Псков, наведаясь в имение матери, которое нашёл в совершенном запустении. Однако в Пскове пробыли мы недолго. Репнин, ссылаясь на неотложные дела, срочно отбыл в Петербург. Как оказалось, императрица Екатерина решила наградить его. Репнин, да и я вместе с ним опять были приставлены к цесаревичу Павлу. Тогда же я проникся идеями будущего императора по наведению строгой дисциплины и искоренению в русском офицерстве барственности и вседозволенности — того, что сам Павел метко окрестил «потёмкинский дух». И всё бы ничего, да ближе к зиме 1783 года Екатерина решила окончательно возвести на трон своего внука, Александра, нынешнего императора. Павел попал в опалу и был отправлен в Гатчину. Тогда Екатерина своему сыну всё припомнила: и масонство, и его проекты реформ. Репнин как близкий к цесаревичу человек вынужден был срочно покинуть Петербург. Угроза нависла и над моей головой. Помог, конечно же, дядя, Иван Гаврилович. Выслушав меня, он посоветовал оставить военную службу и перевезти семейство в Псков, в материнское имение. На вопрос, кем же мне там быть, он предложил должность коллежского асессора в псковской палате гражданского суда. В надежде на мои природные способности дядя выходил мне чин, до которого иные всю жизнь растут. В начале 1784 года я был пожалован из сержантов к статским делам капитаном. Сменив военную форму на синий кафтан с малиновыми обшлагами, 8 марта 1784 года я приступил к новой службе в городе Пскове. Перебрался я в провинцию вместе с матерью, се-

строй и двумя братьями. Мои сослуживцы Петя Оболянинов* и Саша Радишев** открыли глаза на мир. Они объяснили мне самое главное: закон — это некий свод людских правил, и он должен служить только людям, а не против них.

А на следующий год в Иркутске арестовали отца. Позже я выяснил, как обстояло дело: между неким стеклозаводчиком Савельевым и его помощником Ширяевым вышел разлад из-за жалования последнего. 23 января 1785 года Ширяев подал прошение о возврате денег. Савельев внёс необходимую сумму в совестный суд. Вскоре выяснилось, что в суде денег в наличии нет. Чиновник иркутской уголовной палаты Веденяпин объяснил причину потери денег присвоением их моим отцом и потребовал рассмотреть это дело в суде. Опуская подробности тяжбы, скажу только, что дело счастливо разрешилось. Мой отец Пётр Гаврилович Резанов был признан невиновным. Постановление об оправдании было вынесено Сенатом в 1793 году.

Между тем я, не получая вестей от отца, начал всё чаще навещать в столицу, где вновь попал в поле зрения Гавриила Державина. Тот сломал зубы в битве с чиновничьим отребьем, будучи назначенным на пост губернатора Тамбовской губернии. Вскоре я окончательно переехал в Петербург и некоторое время служил в казённой палате. Неожиданно мне дали место начальника канцелярии у вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа Чернышёва, а затем — эзекутора Адмиралтейств-коллегии. Когда Державина назначили статс-секретарём императрицы Екатерины II в должности председателя императорской комиссии прошений, Гаврила Романович предложил мне место правителя своей канцелярии. После увольнения Державина на его место назначили Платона Зубова.

Став секретарём у Зубова, тогдашнего фаворита императрицы Екатерины II, я с интересом начал вникать в дела промышленника Шелихова, которому Зубов благоволил и осуществлял протекцию. Почтение мое к Шелихову, которого лично знать не имел я до того случая, заставило меня искать повод для включения в состав ин-

спекционной экспедиции. Видя мой интерес к делам промышленным, а также будучи наслышанным о моей набожности, Платон Зубов отправляет меня в составе духовной миссии архимандрита Иоасафа. Я надеялся вместе с батюшкой Иоасафом добраться до Алеутских островов, где архимандрит должен был заняться просветительской деятельностью. Я бредил открытиями и жалел, что не стал моряком. Мой дед Гавриил Окунев, кстати, был одним из первых русских кораблестроителей. Чернышев, у которого я служил, возродил русский флот. Он-то и внушил мне мысль, что плавать надо! Даже с риском для себя. Расширять границы необходимо и флотом русским укреплять их, свет отечества нашего нести под крыльями парусов.

По пути на мне лежала ещё одна задача: в Иркутске я должен был сделать остановку и проинспектировать деятельность компании Шелихова. Я с радостью согласился выполнить это поручение, так как это позволило бы встретиться с отцом, которого я не видел ни разу в жизни.

К тому времени как я попал в Иркутск, мой отец продал дом, состоящий из трёх покоев, чтобы хоть как-то выжить, и перебрался в дом к промышленникам Шелиховым, помогая им в судебных тяжбах с нечистыми на руку компаньонами. Прибыв в Иркутск, я вручил именные депеши иркутскому генерал-губернатору Ивану Андреевичу Пилю и «российскому Колумбу», как его называл Державин, Григорию Ивановичу Шелихову. В благодарность за доставленные долгожданные правительственные депеши Григорий Иванович Шелихов пригласил меня в свой дом. Встретила нас хозяйка Наталья Алексеевна, женщина умная и отважная, плававшая вместе с мужем к Алеутским островам. Говорят, она была староверкой, и влюблённый в неё Григорий Иванович сменил православие на старый обряд. О красоте Натальи Алексеевны и говорить не приходится. В неё влюблён был весь Иркутск. Она ловко пользовалась своей красотой для решения дел своего мужа, оставаясь при этом верной женой. Как-то позже Шелихов мне за тайну рассказал, что штурман Алексей Корсаков — не её отец. Он её отбил ещё девочкой у айнов на Курилах и удочерил. Черты лица Натальи Алексеевны были во многом схожи с теми, что я видел у японцев. Но сам Шелихов считал, что она из далёкой Кореи. Однако же восточные черты только подчёркивали природные достоинства Шелиховой.

Вскоре в доме купца был дан званый обед. Меня познакомили с детьми. И здесь произошло событие, которое наполнило смыслом всё дальнейшее моё существование. Когда в комнату, где мы обедали, вошла старшая дочь Шелихова, Анна, я понял, что лучшей девушки

* Петр Хрисанфович Оболянинов (1752–1841). При Павле I сделал головокружительную карьеру, став генерал-прокурором и правой рукой императора. При имени Оболянинова дрожала вся чиновная Россия. Впоследствии помогал по службе Н.П. Резанову.

** Александр Николаевич Радишев (1749–1802) — русский поэт, писатель, философ. Автор жизнеописания адмирала Ушакова. За произведение «Путешествие из Петербурга в Москву» с резкой критикой крепостного права был сослан в Сибирь. Возвращён из ссылки Павлом I. Сторонник либерализации гражданского общества. Умер при невыясненных обстоятельствах. По одной из версий доведён до самоубийства реакционерами Александра I.

мне не встретить за всю свою жизнь. Анечке тогда шёл пятнадцатый год. Она была умна, образованна, обладала природными способностями к математике и тягой к естественным наукам. После того как я выхлопотал для своего отца дом, мы с ней стали всё чаще проводить время вместе. Каждого вечера я ждал, как благословения. Мы стали помногу гулять, и вскоре минуты, проведённые порознь, начали казаться нам несносной мукой. Однако же архимандрит Иоасаф торопил меня. Близилось время разлуки. Узнав о моей сердечной привязанности к дочери, её отец Григорий Иванович договорился с архимандритом, и тот благословил меня на брак с Анной, освобождая от обязанности продолжить путешествие в его компании. Это были самые счастливые минуты моей жизни!..

Да простит меня читатель, но я осмелюсь прервать рассказ Николая Петровича. В то время многие сочли бракосочетание Анны и Николая браком по расчёту, однако о тёплых отношениях в молодой семье, наполненных любовью и уважением, свидетельствует письмо Резанова своему тестю Григорию Шелихову: «Милостивый государь наш батюшка Григорий Иванович! В Петербург с любовью моею приехали здоровы и невредимы за сто дней. И чудо из чудес — сверчок родительский прибыл с нами в столицу благополучно и, спущенный за печь, к хору поварни тотчас присоединился. Аннет уверяет, что голос его, исполненный сибирской дикости, и посейчас от прочих отличается...» По старинному русскому обычаю при переезде от родителей в дом мужа невеста брала из отчего дома сверчка «на счастье».

Но вернёмся в общество Резанова и Хвостова и выслушаем рассказ камергера до конца:

— Наше с Анной Григорьевной Шелиховой венчание состоялось 24 января 1795 года. Свадьбу тесть мой закатил такую, что вздрогнула вся Сибирь! И только мы перебрались в Петербург, как вскоре получили печальную весть — 20 июля 1795 года умер отец Анны, Григорий Иванович Шелихов.

В ноябре 1795 года, повысив в чинах до подполковника, Зубов определил меня на службу в свой Смоленский драгунский полк. Граф Платон Зубов очень переживал смерть Аннушкиного отца. У него был свой расчёт на его промысел. Когда моя Аннушка появилась при дворе, Зубов тут же сообразил, что посредством дочери Шелихова он может прибрать к рукам всю Компанию. Он начал грубо приставать к моей жене. Я вызвал его на дуэль, заранее предвкусывая возвращение в Сибирь, но в указанное время Зубов не явился. Меня и мою Анечку от этого подлого человека спасло то, что в ту ночь отошла в мир иной матушка-императрица Екатерина.

На трон взошёл император Павел, а Зубова отправили в ссылку. Мне же, едва успевшему решить дела моего отца, пришлось взять на себя обязанности по содержанию новой семьи.

Учитывая юный возраст моей Анечки, малограмотность Натальи Алексеевны, моей тёщи, и малолетство её детей, мне пришлось взвалить на себя груз хозяйственных забот покойного Григория Ивановича. Само исполнение важных планов пало в жребий моей неопытности. Тут-то и родилась идея преобразовать промышленное общество Шелихова в нечто более существенное — Российско-американскую компанию, которую сам Шелихов задумывал как монопольный промысел на берегах Америки и Курилах. Взвалив на себя устроение дел Компании в Петербурге, иной раз я отчаивался, что взял я на себя непосильную ношу. Не знаю, как сложилась бы дальше судьба Компании, но в 1797 году у меня появился помощник и друг, наверное, единственный человек, которому я доверял больше, чем самому себе. В том году сестра Аннушки, Авдотья, вышла замуж за Михаила Матвеевича Булдакова, с которым у нас сложились дружеские отношения ещё в Иркутске. Михаил стал моими глазами и руками в Сибири, в то время как я всячески содействовал продвижению дела Шелихова в столице по различным инстанциям. Кстати, перед отправкой в плавание с Крузенштерном Михаилу Булдакову я доверил своих малолетних детей. Но вернёмся к Компании. С пришествием на трон императора Павла я добился для тёщи, Натальи Андреевны, дворянского титула. На следующий год был написан устав новой Компании, но мне он не понравился, и пришлось его срочно перерабатывать, чтобы выделить для Компании привилегии. Булдакова как человека грамотного и от природы умного пришлось уговаривать возглавить Компанию, так как не особо искусные в денежном управлении Шелиховы могли свести на нет все труды своего отца и мужа.

Идея, однако же, по известным следам тестя моего, я представил императору Павлу I записку о соединении торгующих в одно общество и причинах, к тому побуждающих. Она удостоена была Высочайшего внимания, рассмотрена в Высочайшем Совете. И наконец, 8 июля 1799 года, вышел Высочайший указ Павла I, даровавший Российско-американской компании правила и привилегии и бравший её под высочайшее Его императорского величества покровительство. Таким образом, мы с Булдаковым произвели слияние частной компании с государственной структурой. Отныне купцы получили возможность в своей торгово-промышленной деятельности опереться на мощь государства и получать кредиты на сотни тысяч рублей, а государство с помощью крупного монопольного

объединения закрепляло за собой тихоокеанские колонии. Едва совершилось основание сего общества, как получены были от торгующих в Сибири купцов просьбы об устранинии других там торговых обществ, а им от главного правления дать доверенность защищать Компанию, представляя повсюду лицо ее. Я представил правительству мой кредитив, который августейший покровитель и утвердил, вручив мне корреспондентские полномочия новой компании и назначив ходатаем у престола о её пользах*.

Вступив в новое звание, не мог я из-за отдаленности Компании заботиться о её нуждах. Предприятия её останавливались, и к отвращению такой медлительности наконец, по примеру всех иностранных компаний, имеющих в столицах главное правление, 19 октября 1800 года по особому указу Российско-американская компания переведена в Санкт-Петербург.

Император Павел I в знак моей преданности его особе продвигал меня по службе и повысил в чине до обер-прокурора I департамента Сената, пожаловал в Командоры ордена Мальтийского креста, который в России возглавил самолично. К тому времени я уже был хорошо знаком с твоим отцом, Коля. Его практичный ум и моё знание дипломатии и законов позволяли нам вершить такие дела, за которые перед потомством не стыдно. Это ведь его идею сделать остров Мальту русской военно-морской базой император Павел положил в основу своей политики на Средиземноморье. Жаль, смерть императора не позволила осуществиться этим грандиозным замыслом. В 1798 году после захвата Наполеоном Мальты российский император Павел I предоставил мальтийским рыцарям**, изгнанным французами, убежище в Санкт-Петербурге. Я и твой отец, Коля, стали одними из первых кавалеров Мальтийского креста. После организации Компании я был произведён в Командоры ордена. Белый крест на чёрной ленте на шею мне повесил сам император. Когда его не

* По сути, торговая компания Резанова выполняла также и функции банка. Например, ассигнации, выданные Российско-американской компанией, можно было обменять в любой момент в любом банке мира на соответствующую валюту, а акции продать или использовать как залоговый финансовый инструмент.

** Мальтийский орден (Суверенный военный странноприимный орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты) — старейший в мире рыцарский религиозный орден. Рыцари ордена отличались глубокими познаниями в медицине, алхимии и других тайных науках, без которых не мог в то время обойтись врач. Сложными и неоднозначными оставались отношения ордена с Ватиканом. В 1798 году, когда Наполеон I во время экспедиции в Египет захватил Мальту, рыцари ордена обратились к российскому императору Павлу I с просьбой принять на себя сан Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского, на что последний согласился.

стало, многие орденосцы предали орден и постарались поскорее избавиться от знаков признания Павла. Некоторые не удосужились даже прочесть девиз ордена, выгравированный на нём, который гласил: «Защита Справедливости и Помощь Бедным и Страждущим»*. Поснимавшие со своих шей этот символ благородства вроде как отказывались от служения справедливости и помощи нуждающимся. Однако вернёмся к Компании.

Перевод главного правления вскоре ознакомил соотечичей с пользами его предприятий, и при Александре I общество наше приняло уже другой вид. Новый император и вся его семья благоволили стать акционерами Российско-американской компании. Этому примеру последовали знатнейшие особы дворянства и купечества, и в начале 1802 года из первоначально 17 человек, всю компанию составлявших, число акционеров возросло до 400 её членов.

Такое попечение государя о распространении торговли было счастливой для Компании эпохой. Она, не упуская времени, возобновила у престола неоднократно подаваемые мною от её имени представления о трудностях при доставке из Якутска в Охотск тяжестей, о дороговизне провозных цен, год от года возрастающих, и о средствах к удобнейшему доставлению этих товаров в Америку из европейских портов. Как ходатай Компании вызван я был из Выборга, где тогда пребывал по Высочайшим поручениям, и нашел уже проект сей в руках министра коммерции, который, уважив смелое предприятие, восхищался случаем, дающим ему возможность столь полезно звание службы его соединить с обязанностями истинного россиянина. Граф Николай Петрович Румянцев немедленно доложил императору: представление опробовано, способы облегчены, Компания в том же году определила купить два судна для вояжа сего; а бывший тогда министром морских сил адмирал Мордвинов с равною деятельностью приступил к назначению офицеров. Капитан-лейтенант Крузенштерн, подававший некогда сходный с представленным Компанией проект об удобности торгова в Кантон, был назначен начальствующим морской частью, а капитан-лейтенант Лисянский — на другом судне командиром.

Россия сделала первые шаги за горизонт людских представлений о мире. И мы с тобой, Коля, не просто несём императорскую волю диким народам, просвещая их, но и сами, наполняясь знаниями о мире, должны принести их в саму Россию. Постигая основы материи, мы вдыхаем жизнь в то, что кажется мёртвым и бесполезным. Открывая что-то новое, мы наполняем душу радостью и лю-

* Гравировка наносилась на латыни: «Tuitio Fidei et Obsequium Pauperum».

бовью. Любовь оправдает все потери. Только ей можно служить, незабвенно и преданно. Когда умерла моя любимая жена, из любви к соотечественникам я отправился в полное лишений путешествие. Из любви к отечеству я кладу на алтарь его устремлений самого себя.

— Как же произошло ваше сближение с молодым императором Александром? Ведь вы же были человеком Павла? Опального Зубова должны были приблизить, а вас отослать в изгнание, как и произошло с моим отцом...

— Всё сложнее, Коля. После восшествия на престол Александра I все, кто был так или иначе причастен к смерти его отца, были отдалены от двора. Новое окружение императора состояло из людей, рвение которых Александр наблюдал ещё при правлении отца. А от убийц Павла юный император поспешил избавиться. К тому же Александр вспомнил, что я начинал службу в Семёновском полку, шефом которого покойный император Павел назначил своего сына.

— Вы считаете, что император Павел был убит?

— Я не считаю, а точно знаю это.

— И так свободно об этом говорите. За подобные речи можно головы лишиться. Не боитесь?

— Чего? Того, что ты донесёшь? Так некому — кругом медведи да волки. К тому же об этом весь Петербург болтает. И все — под страхом смертной казни. А тебе я верю! Как верил некогда в меня твой отец!

Пока Резанов делился с Хвостовым деталями своей жизни, к берегу нагнало волной пару спящих каланов, сцепившихся во сне лапками. Казалось, что сон их был настолько глубок, насколько велико равнодушие к опасностям, подстергавшим их в воде и на берегу. Хвостов, выхватив из ножен шпагу, уже ступил в воду, чтобы добыть драгоценных шкурок, которые сами подплыли к его ногам, но тяжёлая рука камергера остановила лейтенанта.

— Не стоит! — шёпотом произнёс Резанов, удерживая за руку Хвостова, чей клинок уже готов был лишить жизни беззащитных животных. — Не наше дело — промысел. Позовите лучше Лангсдорфа и Давыдова. Пусть увековечат повадки зверя, который приносит прибыль России на этих берегах. А то с такой бездумной добычей шкурок, чего доброго, лишимся мы морского бобра, а с ним и всей Русской Америки. Пора бы подумать не о промысле, а о жизни здесь, основанной на иных видах жизнедеятельности человека. Хлеб растить, торговать, плавать, медь и железо выплавлять, лесом торговать — да мало ли ещё чем можно укрепиться на этих берегах! Вон, твой друг Гаврила занимается изучением бобров. Мы их тысячами бьём. А он наблюдает, записывает. Мы для себя стара-

емся, а он — для будущего. Мы оставим позади себя пустые земли и моря, а его записки, может быть, помогут сохранить зверя.

Хвостов, прислушавшись к доводам Резанова, позвал Лангсдорфа и Давыдова, и уже через несколько минут Резанов имел удовольствие наблюдать гармонию человека и природы. Профессор Лангсдорф с альбомом в руках срисовывал чудесную парочку каланов, дрейфующих у берега, в то время как мичман Давыдов записывал в дневник свои наблюдения за этим зверем.

Калан, или, как его ещё называли, морской бобёр, был символом экспансии России на Аляске и Алеутах. Именно в погоне за драгоценными шкурками этого животного русские устремились в северо-западную часть Америки. Зверя били нещадно, его ареал резко сокращался в тех местах, где появлялись люди. В погоне за новыми, более богатыми на калана, местами русские дошли до островов королевы Шарлотты. Теперь уже спускаясь на юг вдоль береговой линии Тихого океана, промышленники во главе с Александром Андреевичем Барановым устремили свои взоры к более тёплой и плодородной Калифорнии. В погоне за каланом русские зверобои и не знали, что их руками вершится история новых земель России, статус которых приехал определить камергер Его величества императора Александра I Николай Петрович Резанов.

Чем же так ценен был калан? Конечно же, мехом, плотность которого и тепловые свойства были самыми высокими среди всех его мохнатых собратьев. Слово «калан», вошедшее в русский язык, имеет корякское происхождение: по-корякски «калага» (колаха) означает «зверь». Каланы — исключительно дружелюбные животные как по отношению друг к другу, так и к окружающим животным, кроме тех, которые входят в их рацион питания. Каланы изначально дружелюбно и доверчиво относились к человеку, что сделало их лёгкой добычей охотников в период массового истребления. В XVIII—XIX веках человек, подходя к группе каланов, расположившихся на берегу, не вызывал у них беспокойства. Матери каланов исключительно привязаны к своим детёнышам. Самки нежно ласкают своих малышей, а в случае непослушания «награждают» шлепками. В случае опасности мать в первую очередь защищает детёныша, рискуя собой. Этим обстоятельством регулярно пользовались охотники на каланов: группы из матерей с новорождёнными становились их лёгкой добычей.

Вечером, делясь впечатлениями пережитого дня, Лангсдорф и Давыдов отметили сходство многих аспектов поведения каланов с человеческим поведением. Впоследствии наблюдения Давыдова за жизнью этих животных заняли видное место в его книге о путешествии в Америку, выпущенной адмиралом Шишковым: «В Российской торговле зверь сей известен под неправильным именем бобра

морского, хотя совершенно сходствует с речною выдрой, и тем только от неё разнится, что обитает по морским берегам, от оных никогда далеко не отходит и кормится произведениями моря. Животное сие водится около Курильских островов, Камчатки, Алеутских островов и по всему берегу Америки, от широты 60 градусов и до 30, а может быть, несколько и далее.

Морская выдра достойна лучшего, нежели моё описание; ибо шкуры сих животных, по драгоценности своей, были причиною всех частных предприятий, там учиненных. Известно, что Беринг потерял свое судно и скончался на острове, получившем имя его, а спасшиеся его спутники вывели в Камчатку множество шкур выдр морских, ич-продали оные чрезвычайно дорогими ценами. С того времени купцы, побуждаемые надеждою обогащения, стали вооружать суда в Охотске и Камчатке и отправлять оные к востоку. Сии мореплаватели, подобно Аргонавтам, имели единственную целью предприятий своих отыскание выдр морских; ибо в сравнении с шкурами сего зверя остальная часть приобретаемой мягкой рухляди очень мало значила.

Животные сии любят жить во множестве, где человек не навел еще им страху и не рассеял их; большую часть времени проводят на воде, иногда выходят на отмели, но от берегу далеко не отлучаются: почему, увидев, морскую выдру в море, можно быть уверенным в близости земли. Они не имеют известного времени для сокопления; ибо случается видеть вдруг ценных самок, с большими щенятами и с малыми. Самки носят по одному щенку, а редко по два, и отменно любят их; маленьких носят всегда на себе, достают им со дна морские растения или раковины и весьма заботятся о их сбережении. Когда увидят самку с щенком, то стараются поймать последнего, ибо хотя сначала мать и унырнет, но потом подплывает обыкновенно к байдарке, смотрит с жалостью на отнятого щенка и бывает убиваема. Нежность их к детям наиболее доказывается тем, что они не только мертвых, но даже сгнивших, и часто одну оставшуюся кость, на себе носят...

К наблюдающим за спящими каланами русским офицерам беззвучно подошёл старый тойон Акилак, на шею которого гордо красовалась недавно врученная медаль на алой ленте. Он поведал легенду, занимавшую центральное место в алеутском фольклоре, о двух влюблённых, бросившихся в море и обратившихся в каланов...

Вечерело. На небе стали зажигаться первые звёзды, когда весь небосвод вдруг озарился яркими вспышками северного сияния. Вся компания, задрав головы вверх, так и замерла, поглощённая увиденным.

— Это души нерождённых детей играют на небесах, — тихо произнёс тойон.

— Где-то там среди них есть души и моих детей. Они своим светом наполняют сердце их отца, — прошептал Резанов. — Моя милая Анечка успела подарить мне только двоих. Она так и не успела насладиться жизнью. Какая же она была красавица...

Эту ночь Николай Петрович провёл на судне в компании верных друзей — Хвостова, Давыдова и Лангсдорфа. На следующий день, 21 августа 1806 года, полностью приведённая в порядок «Мария» под пушечный салют покинула Кадьяк.

Глава 3 «ЮНОНА»

В море соли и так до черта,
Морю не надо слез.
Наша вера вернее расчёта,
Нас вывозит «авось»!

А. Вознесенский

Общество доверило мне лицо свое. Государь — образование края, и важность такого поручения глубоко лежит в сердце моем. Знаю, что судьбою определено страдать мне, но знаю, что между тем судьбы многих тысяч мне вверены, и так не пощажу ни сил, ни трудов моих. Пусть как угодно ценят подвиг мой, но при помощи Божией надеюсь хорошо исполнить его потому что, кроме пользы общей, ничего не вижу, да и видеть не желаю. Все оставя, всем-то пожертвовав, теперь ставлю счастьем не получать ни похвал, ни награды. Может быть, умру я здесь, но умру благополучным, когда совесть моя повсечасно говорит мне, что слишком уже награжден я Государем милостивым, его заключение доставившим мне счастье первому ходить по острою.

Н. Резанов

26 августа 1805 года на горизонте у берегов Ситкинского залива забелел парус. В это время Александр Андреевич Баранов как раз заканчивал завтрак в компании тойона Сийгинаха, брата Катлиана, который прибыл для ведения переговоров о торговле между тлинкитами и русскими. Баранов ещё не знал, что в тот самый момент, когда он угощал знатного тойона, индейцы обрисовывали план новой крепости и искали уязвимые места, всё ещё надеясь взять реванш.

Громкие пушечные выстрелы, возвестившие Новоархангельску о прибытии брига «Мария», распугали ошивавшихся у стен крепо-

сти тлинкитов, и они, разбежавшись, оставили Сийгинаха одного в обществе Правителя.

Наскоро доев, Баранов вышел из крепостного сруба и велел разыскать незаменимого Кускова. Вскоре они уже вместе готовили встречу полномочному представителю Российско-американской компании, действительному камергеру двора Его императорского величества Николаю Петровичу Резанову и его спутникам. Артиллерийской канонадой с укреплений Новоархангельска Баранов приветствовал Резанова, как только шлюпка с камергером коснулась берега. Им навстречу с традиционным жареным гусем вышел сам Правитель Аляски в сопровождении Кускова, нескольких американцев и жителей посёлка.

— Рады приветствовать такую уважаемую персону на наших диких берегах! — подавая гуся, произнёс Баранов.

— Много слышан о вас и ныне рад познакомиться, уважаемый Александр Андреевич! Однако же откуда известно о моём прибытии?

— Намедни прибыл лейтенант Сукин на «Елизавете» и сообщил о вашем скором прибытии. Капитан Лисянский велел вам кланяться и также говорил о ваших планах! Но, слава богу, вы здесь! Как прошло плаванье?

— Счастье нам столько благоприятствовало, что мы не имели других, кроме фордевинда, ветров, и я думаю, ежели б и на плоту из Камчатки вышли, то и тогда б достигли здешнего места. Не носите, однако ж, сего нимало к доброте судна — компанейские служащие воруют безбожно, а мастеров в Охотске мало. Кстати, имею честь представить двоих из них Попова — флотского плотника из Охотска и корабельного подмастерья Корюкина, фрегата «Невы» служащего. Впрочем, с ним вы уже должны быть знакомы. Также представляю флотских офицеров Хвостова и Давыдова — людей надёжных и проверенных мною! Будем у вас здесь флот военно-морской заводить.

Хвостов сделал шаг навстречу, чтобы принять у Баранова гуся, и встретился взглядом с Правителем.

— А-а, батенька, и вы здесь? Николай Александрович, я никак не чаял, что вы вдругорядь к нам пожалуете!

— Стало быть, мне и знакомить вас нет нужды, — заметив ироничное настроение Правителя, произнёс Резанов.

— Совершенно никакой, — отвечал Баранов с прежним сарказмом. — Кажется, в прошлую зиму мы отлично друг с другом ознакомились.

Поднос с гусем застыл в руках Баранова и Хвостова. Ситуацию разрядил Давыдов, ловко приняв блюдо из рук оппонентов и пере-

дав его Лангсдорфу. Резанов, так и не поняв причины иронии Баранова, решил не придавать этому инциденту значения.

Когда первые эмоции от прибытия гостей улеглись, Баранов и Резанов, запершись в комнате, обсудили будущее колоний. Поделившись своими приключениями и неудачей японского посольства, Резанов раскрыл перед Барановым планы в отношении намечавшейся экспедиции на Курильские острова и Сахалин.

На следующий день, 27 августа 1805 года, на стол Правителя легло первое в новых землях предписание Резанова о строительстве судов в Новоархангельске, которое гласило: «Имея в предмет на будущей год особую для пользы Российско-американских заведений экспедицию, нужны мне к весне два по военному образу вооруженные и в ходу легкие суда: военной брига длиною от 80 до 90 футов о 16 пушках, чтоб и грузу носило до 200 тонн; второе для удобного приближения к берегам — тендер от 50 до 55 футов о 6 или 8 пушках. Имея удовольствие лично знать добрую нравственность господ корабельных подмастерьев Корюкина и Попова, уверен я, что они, несомненно, столько же поревнуют быть здесь основателями военно-коммерческого флота, без которого компания существовать не может. Я назначаю командирами брига г-на лейтенанта Хвостова, а тендера — г-на мичмана Давыдова, которые как начальники судов сих должны уже при строении их безотлучно находиться и присмотром к лучшему успеху содействовать...»

Как видно из письма, мысли Резанова пока что были полностью заняты укреплением России на Дальнем Востоке. Но, вникая в положение дел здесь, в Новом Свете, Николай Петрович постепенно переключился на виды русских у берегов Америки.

Между тем старый хитрый индеец Сийгинах растворился в посёлке. Появился он только на третий день, когда всю шёл праздник в честь прибытия дорогих гостей.

В Резанове Баранова поражало всё: и та прямота, с которой он отзывался о компанейских служащих, и скромность в желаниях, которую проявляла столь знатная особа, но самое главное — фантастическое трудолюбие и искренняя заинтересованность делами вверенного ему поселения. Пожалуй, Резанов был единственным, кроме Баранова, у кого болела душа за происходящее. Однако вскоре правитель убедился, что и доктор, прибывший на «Марию», и мичман Давыдов, и даже слуга Резанова, Иван, станут добрыми его помощниками. Более того, Резанов сумел добиться главного — он заставил морских офицеров, поражённых язвой «потёмкинской вольницы», относиться к Баранову с должным уважением и почтением.

Пока Николай Петрович занимался приведением в порядок своих бумаг, к Баранову, готовившему праздник в честь прибытия высокого гостя, явился посыльный от Сукина, таинственным образом исчезнувшего с Уналашки. Здесь в Новоархангельске от офицеров «Елизаветы» Баранов с Резановым узнали продолжение истории горе-капитана. Сукин, пришедший в себя на борту «Елизаветы», тут же приказал менять курс и... вновь отправляться на поиски таинственных островов, которые существовали в его воображении, но не на картах. В итоге, посетив Кадык, где Сукин переругался со всеми своими офицерами, он с великим трудом был выпровожен Баннером в Новоархангельск. Баранов решился потревожить Резанова, чтобы обсудить, что же дальше делать с этим неугомонным Сукиным. Не считая себя подчинённым Баранова, Сукин, как, впрочем, и все офицеры, общался с ним записками, а не рапортами. Взяв в руки сочинение Сукина, Резанов вспомнил, что примерно так же себя чувствовал и он на борту «Надежды».

В сообщении говорилось, что Сукин открыл острова и поэтому требует немедленно приготовить ему другое судно и экипаж в 24 человека, в том числе плотников. По его словам, он надеялся найти там для пользы Компании зверя и предполагал опять зимовать на Уналашке, откуда весной собирался приступить к промыслу.

— Что ж, Александр Андреевич, поблагодарите сего Сукина за усердие, но на Уналашку не отпускайте! Ему, подлецу, там понарилось свои порядки заводить.

— У нас, ваше превосходительство, есть дела поважнее. Дикое беспокоить стали в последнее время. Не к добру это. Замышляют они недоброе.

— Вот и скажите Сукину, что в будущем вооружите его судно «Екатерина». Убедите его, что теперь не то время, что Ситка в опасности, что поиски в тех параллелях островов никуда не уйдут, и что честь открытия всегда ему представится.

В дом, постучавшись, вошёл Кусков. Извинившись за вторжение, он сообщил, что у частокола найден раненый индеец-тлинкит, который сообщил, что его соплеменники угрожают напасть на возвращающуюся с летнего промысла партию алеутов.

— Вот и Сукину дело нашлось! — обрадовался Резанов. — Господин Кусков, передайте ему, что, согласно представленной надобности, приказываю ему тотчас отправить судно «Святая Елизавета» с шестью пушками с тем, чтобы оно направилось в пролив навстречу партии. А дикие сами разбегутся. Они хорошо помнят салюты «Невы» в их честь!

Однако Сукин пустился на всякие уловки, лишь бы не выполнить приказ Резанова. То балласт не грузит, то водой налиться не может, то порох отсырел. Не выдержав этого издевательства, Ре-

занов послал лейтенанта Хвостова на судно с приказом передать командование старшему помощнику — мичману Карпинскому. На палубе Хвостов столкнулся с мичманом.

— Вы что же стоите? — возмутился Хвостов. — Ветер приятный! Сукин решил дразнить господина камергера весьма не вовремя, когда мы в критическом положении, а более 600 человек русских и кадыкцев у американцев под ножами!

— Спросите начальника, чего мы дрейфуем? — ответил Карпинский.

— Где он?

— Спит, и добудиться не можно.

Спустившись в каюту, Карпинский с Хвостовым кое-как разбудили горе-капитана.

— Зачем стою, не вашего ума дело! На то соображения есть и свои причины, — спросонья нагрубил Сукин, разглядывая бумаги. — А кто подпись ставил? Купчишко Баранов...

Глаза Сукина налились кровью, и он в клочья разорвал предписание:

— Ишь, чего вздумали — на моём судне распоряжаться! Мичман, верните-ка все инструменты, они компанейские, и я за них отчёт держу.

Лишив таким образом Карпинского возможности следовать по указанному Барановым маршруту и оставив на судне по требованию Хвостова лишь линейку и транспортёр, Сукин в одиночку съехал на берег и расположился в лесу. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы вышедший из себя Резанов не приказал доставить Сукина к себе и, отчитав, не повелел жить в посёлке до особого распоряжения.

Необходимо было дисциплинировать людей и, в первую очередь, офицеров. Отсутствие единоначалия создавало дополнительные трудности в тех сложных обстоятельствах, в которых пребывал Баранов. И тогда, вспомнив свой опыт на Уналашке, камергер распорядился, чтобы все вопросы решались с Барановым непосредственно. Морские офицеры, естественно, взбунтовались и послали Хвостова как человека наиболее близкого к Резанову, поговорить с ним.

Хвостов же, почувствовав особое к себе расположение, начал распоряжаться товарами в магазинах Компании. Проявляя излишнее усердие, вскоре он, обеспечив суда и их команды провизией на всю зиму, поставил Новоархангельск перед перспективой очередной голодовки. Резанов вызвал излишне расторопного лейтенанта к себе и отчитал его за самоволие.

Поделившись с Давыдовым своими неприятностями, Хвостов с удивлением услышал от друга, что последствия не столько для него, сколько для его родителей могут оказаться пагубными. Поэтому на следующий день Хвостов явился к Резанову с извинениями. Сочтя своим долгом помочь камергеру, Хвостов разложил перед Резановым всю обстановку на острове, которую, как казалось лейтенанту, он знал лучше других:

— Машин медлит с отплытием за провиантом на Кадьяк. Подселите в его дом Сукина, которого тот на дух не переносит, и он тут же умчится куда скажете. Опять же двойная польза. Сукину судов доверять нельзя, пусть на суше посидит. Промышленники, что на судах, — лентяи! Линьками учить их нельзя, а порядок нужен.

— Знаю, Коля, знаю! Не ручаюсь, чтоб когда-нибудь спившиеся промышленники сами хуже колошей Компанию не разорили. Что же касается Сукина и других офицеров — ни управы на них нет, ни власти. Баранова не слушают, потому что тот купец, меня не слушают, потому что по Морскому ведомству им командиром не являюсь. Я этих песен от Крузенштерна наслушался вдоволь. Об этом весь посёлок говорит, да и ты в курсе — пенял мне наемни. А теперь о Баранове: укоренившееся в благородном сословии презрение к коммерческому состоянию делает здесь всех хозяевами. И как же Компания при таком количестве хозяев жить будет? Ты поразмысли, Коля, и другим передай. А для вас с Давыдовым как для людей испытанных дело будет.

Резанов протянул Николаю только что дописанное предписание о подготовке судов для предстоящей экспедиции.

— Каких судов? И что за экспедиция? — потирая руки от радости, спросил Николай.

— Первый шаг ваш в Америку доставил мне удовольствие узнать вас лично со стороны решительной предприимчивости и уверенности, сколь глубоко лежат в сердцах ваших благородные чувствования истинной любви к отечеству. Экспедиция должна проложить путь новой торговле и дать необходимые силы краю сему, отвратив его недостатки. Для сего нужно иметь два военных судна — бриг и тендер. Они могут быть здесь построены, и я дал уже о сем господину правителю мое предписание. Теперь остается мне, милостивые государи мои, сказать вам, что первые суда сии, в первую экспедицию назначаемые, должны иметь и первых офицеров. Я не нахожу еще нужным распространяться в предмете моей экспедиции, о которой в своё время получите вы от меня полное наставление. Я признаюсь, что с моей стороны нетерпеливо жду времени быть свидетелем подвигов ваших. Итак, приступим общими силами к совершенно вели-

кого дела и покажем свету, что в счастливое наше столетие горсть предприимчивых россиян бросит вес свой в те огромные дела, в которых миллионы чуждых народов веками участвуют.

Вылетев пулей из дома, Хвостов разыскал Давыдова и передал ему слова Резанова, дав прочесть предписание. Николай не знал, что человеку, с которым он столкнулся на лестнице, покидая комнату камергера, суждено сыграть в их судьбе решающую роль. Этим человеком был капитан «Юноны» Джон д'Вольф. Только что он обсудил с Барановым свой дальнейший план действий.

— Несмотря на все наши усилия, — жаловался американец Главному Правителю, — к 1 сентября ремонт вряд ли будет завершен. К тому же, к моему большому удивлению и сожалению, я обнаружил, что древесина нарушена на уровне двадцатого пояса обшивки, а медные листы, которыми покрыто днище, тоньше бумаги. Однако могу сказать с удовольствием, что все доски, судя по звуку, в хорошем состоянии, кроме одного места, из которого плотник Корюкин вырезал большой фрагмент скалы, проникший в подводную часть корабля и приставший так плотно, что предотвратил течь во время нашего перехода. Когда мы завершим ремонт, можно будет отправлять наш корабль в плавание. У нас нет другой альтернативы, кроме как на искалеченном судне попытаться с большой осторожностью пройти оставшуюся часть нашего пути. Восстановив такелаж и пополнив наши припасы дерева и пресной воды, я сложил весь груз в лучший для морского перехода трюм и теперь готов представить вам, господин губернатор, план экспедиции на южное побережье Нового Альбиона и в Калифорнию.

Обсудив проект дерзкого американца, Баранов его принял, пообещав выделить алеутов и байдарки для промысла. Но сначала, по мнению Правителя, в детали этой затеи следовало посвятить Резанова.

Капитан Джон постучал в дверь. Войдя в неё, он застал камергера за бумагами, количество которых превосходило все мыслимые рамки. За его спиной тут же вырос Баранов и, представив д'Вольфа, отрекомендовал американского капитана как прекрасного человека и своего друга, требующего помощи в починке судна. Баранов также ознакомил Резанова с замыслом экспедиции, которую планировал д'Вольф на южное побережье Калифорнии. Идея американского капитана заключалась в том, чтобы взять на борт пятьдесят или шестьдесят алеутов с Кадьяка с их каноэ для промысла калана и других животных у пока ещё свободного побережья Нового Альбиона. Замысел американца Резанов одобрил, но попросил дождаться промысловой партии, навстречу которой так и не вышел Сукин. Кроме того, на следующий день намечался праздник, который Бара-

нов устраивал в честь прибытия полномочного представителя Компании, обер-прокурора Сената, камергера Резанова.

Получив заверения Резанова, что для исполнения калифорнийских планов д'Вольфу будет оказана помощь во всем, что в его власти, камергер пожелал остаться один.

Выглянув в окно, которое больше напоминало бойницу, Николай Петрович с радостью отметил, что даже при имеющемся флоте, стоящем на рейде, колоши вряд ли рискнут напасть на Новоархангельск. В гавани стояли: доставивший его бриг «Мария» — ста двадцати тонн, «Александр» и «Елизавета» — каждый по сто тонн, «Екатерина» — восьмидесяти тонн. Также должны были прибыть суда «Ермак» — сорока и «Ростислав» — двадцати двух тонн. Кроме того, на рейде находилось американское судно «Юнона».

Давайте попытаемся увидеть детище Александра Андреевича Баранова — город Новоархангельск глазами камергера Резанова. «Место для крепости избрано на высоком камне или кекуре, вышедшем в губу полуостровом. В левую сторону в полугоре на таком же к кекуру прилегающем полуострове построены огромные казармы с двумя к защищению места будками и башенками. В фундаменте сделаны погреба. Еще подле корпус, заключающий две лавки, материальный магазин и два подвала. Подле него для кормов большой балаган на столбах и под всем балаганом род сарая для производства работ компанейских. От него в бок против крепости преогромный сарай для поклаж с рубленным к морской стороне магазином, а между им и крепостью пристань. В правую же сторону к подошве горы корпус с покоем, содержащий кухню, баню и отделение к помещению служащих в компании; на берегу поставлена большая связь, заключающая в середине обширную с тремя горьми кузницу, а по бокам отделения с мастерскими. Подле скотный двор. Сверх сих строений есть еще баня и другая баня с светелкой внизу крепости. Вверху же на кекуре поставлена временная связь с двумя комнатами и сенцами. В одной живу я, а в другой — оба корабельные подмастерья».

Компания корабельщиков Корюкина и Попова, которых камергер считал «самыми полезными людьми», особенно радовала Резанова. «Первый чертит и рисует прекрасно, — отзывался о корабелях высокопоставленный сосед, — делает съемки мест и в точном и деятельном исполнении на него возложенного угодит каждому. Второй также сверх искусства своего парусный мастер и пристрастен к механике, почему полезен и для устройства заводов». Вечерами, когда Новоархангельск замирал на ночь, Корюкин, Попов, а также приглашаемые Хвостов, Давыдов и Лангсдорф, бывало,

о чём-то долго спорили, но чаще слушали друг друга, отдавая дань уважения профессионализму каждого.

Однако настоящей точкой бифуркации для Русской Америки стало 1 сентября 1805 года. Этот день не просто предопределил судьбы всех наших героев, но изменил весь ход истории.

В этот день Баранов устроил праздник, и все дела были полностью приостановлены. Появление такой уважаемой персоны, как камергер Резанов, чей авторитет на некоторое время затмил собой даже авторитет Правителя, стало событием большой важности. Именно здесь, на празднике, под пляски алеутов и тлинкитов решалось будущее восточных земель России. Резанов, Баранов, Хвостов, Давыдов, Лангсдорф, д'Вольф, Корюкин и Попов встретились вместе в центре Новоархангельска в эту светлую ночь, чтобы своими словами и решениями создать легенду о великой любви, в очередной раз спасти Русскую Америку и твёрдой ногой стать на землях Южных Курил и Сахалина. И объединит их всех прекрасный корабль, носящий имя идеала красоты, богини Юноны.

Ещё днём, незадолго до начала праздника, прибыла партия алеутов и промышленников, закончивших охотничий сезон. Полтысячи человек тут же приступили к благоустройству Новоархангельска. За день выросли юрты алеутов, а промышленники так же спорно выстроили свои полуземляные лачуги, в которые тут же вселились. Те же, кто не успел въехать в новое жилище, разбили палатки, и к вечеру зажгли праздничные костры, а алеуты зашлись в своих излюбленных танцах.

Пока шёл праздник, Баранов как сторонник экономии был введен в немалое замешательство совершенно неожиданным приходом столь крупной партии поселенцев: сезон уже подходил к концу, и ему представлялось нелегким делом изыскать средства обеспечения для такого количества людей и увеличения припасов в зимних магазинах. Утром его замешательство усилилось, когда на зимние квартиры вернулись промышленники. Своими тревожными мыслями Баранов поделился с камергером.

Посоветовав Александру Андреевичу отложить решение этих сложнейших вопросов до завтра, Резанов достал из футляра скрипку, с которой никогда не разлучался, и, поведя смычком по струнам, заставил замереть сердца людей, огрубевшие от лишений.

В разговоре с Лангсдорфом, когда доктор жаловался на трудности при строительстве и оснащении большого судна, Джон д'Вольф сквозь прекрасные звуки скрипки Резанова шутливо заметил, что намерен продать свой корабль, который позволит избежать необходимости строительства нового судна.

После окончания праздника Лангсдорф передал содержание беседы с американским капитаном Резанову и Баранову. Те решили узнать, действительно ли Джон д'Вольф собирается продать свой корабль, и если да, то какова будет его цена. Это был вопрос, в котором д'Вольф не ориентировался, и потому попросил дать ему подумать и произвести расчёты.

Имея около двух третей груза на борту, Джону необходимо было его оценить. Самой серьезной трудностью для него был вопрос о том, как американские офицеры и экипаж судна покинут побережье Норфолк-Саунда. Тут-то д'Вольф вспомнил о двух небольших кораблях — «Ермаке» и «Ростиславе», вернувшихся с промысла. Первый, судёнышко сорока тонн, оказалось подходящим для реализации его замысла, и поэтому, воспользовавшись возможностью, Джон д'Вольф оценил своё судно и остаток грузов в 68 тысяч долларов и корабль «Ермак» в придачу.

Теперь вопрос о деньгах встал перед Резановым. В наличии всей суммы не было. Пришлось приложиться даже к кассе отца Гедееона, чтобы собрать необходимую сумму, но Резанов и здесь нашёл выход. Он вспомнил, что в его распоряжении есть векселя РАК, обеспеченные золотом в столичных банках. Поэтому выплата за «Юнону» была предложена в следующем порядке: векселя на имя директоров Российско-американской компании в Санкт-Петербурге на сумму \$54 638, 572 шкуры морских выдр на сумму \$13 062 и \$300 наличными вместе с судном «Ермак», полностью оснащённом двумя комплектами парусов, четырьмя фальконетами, снятыми с «Юноны», тридцатью ружьями, боеприпасами к ним и обеспечением американской команды на сто дней. Это предложение было принято Джоном д'Вольфом и его командой, после чего «Юнона» перешла в собственность Российско-американской компании. 5 октября под салют из крепостных и корабельных орудий д'Вольф передал командование «Юноной» Хвостову и поднял звёздно-полосатый флаг на «Ермаке», который стал его собственностью. На «Юноне» взвился Андреевский стяг.

Русские промышленники, услышав режущее их слух название «Джуно», сразу перекрестили судно в понятное русскому человеку «Оно», таким образом лишив красивый корабль характера и превратив его в безликий предмет. Это не понравилось Резанову, и он дословно перевёл английское «Джуно» на русский — «Юнона».

По завершении этой сделки Российско-американская компания получила отличный быстроходный парусник с богатым грузом белья и шерстяных тканей, кухонной утвари, ножей, топоров, небольшого количества огнестрельного оружия. Но самое важное, русским достался большой запас превосходного провианта, который снимал

нависшую угрозу голода. Трюмы «Юноны» были заполнены бочками с говядиной, свининой, ромом, патокой, сахарной пудрой, рисом, пшеницей. На самом деле, главным образом, ради этого питания и была совершена сделка. Всех этих припасов должно было хватить на то, чтобы пережить зиму, но, увы, этого не случилось...

По словам Резанова, Компания приобрела «новое судно весьма исправное, в ходу легкое, построенное из дубу, оббитое медью и со всем такелажем, парусами и вооружением кроме артиллерии» в 206 тонн груза на 65 000 рублей. Судно сие построено в 1799 году в Северной Америке, в порте Бристолье. Оно о 14 пушках, но мы получили только восемь 4½ калибра; прочие были у них деревянные. Из шести фальконет выговорили они четыре для вооружения «Ермака», на котором экипаж отправился.

До 15 октября «Ермак» приводился в порядок. Когда судно было готово к выходу в море, Резанов заявил о целесообразности отправки одной лишь команды на «Ермаке» в Кантон, предложив капитану Джону поселиться до весны в Новоархангельске, а затем отправиться на корабле с командой в Охотск и далее по суше в Санкт-Петербург. Это предложение было сделано очень вежливо и показалось американскому капитану слишком заманчивым, чтобы не принять его. Учитывая вероятные преимущества при обмене полученных векселей следующей зимой по совету своих новых русских друзей, Джон д'Вольф воспользовался предложением Резанова. Передав командование «Ермаком» своему первому помощнику, Джорджу Стетсону, а управление всеми торговыми делами — Джеймсу Мурфилду, 27 октября Джон проводил свою команду и явился к Резанову с вопросом о своём размещении в Новоархангельске. Застав командора в добром расположении духа и получив от него разрешение поселиться вместе с доктором Лангсдорфом, Джон д'Вольф оставил запись о Резанове в своём дневнике: «Он был добрым и приветливым ко всем окружающим, был всегда готов выслушать любые просьбы и сделать всё, что в его силах, для выполнения моих просьб». Американца многое удивляло в русских, но особенно было непонятно, как к таким особам, каковыми являлись Резанов и Баранов, остальные не проявляли должного уважения. Вот уж где регалии и звания не имели никакого значения, так это в Русской Америке.

Город сразу по приезду камергера, благодаря стараниям лейтенанта Машина, наполнился слухами о пребывании Резанова на «Надежде». В какой-то момент, отождествляя себя с офицерами «Надежды», морские офицеры, кроме Хвостова и Давыдова, отказались подчиняться приказам Резанова. Тут-то камергер вспомнил о предупрежде-

ниях Хвостова, но тем не менее как-то вечером вступил в спор с пьяными Машинным и Сукиным. За Резанова заступился Баранов, и когда Сукин, видимо, чтобы почувствовать свою власть над обидчиками, взвёл курки заряженных пистолетов, их вырвал из пьяных рук вовремя подоспевший Давыдов. Видя, до чего доводит распивание горячительных напитков, Резанов запретил раздавать водку до наступления холодов, а Сукину выдавать вообще.

Современному человеку тяжело понять, как руководителя края и представителя императора можно было совершенно безнаказанно посылать туда, куда Макар телят не гонял. Причина же была проста и прозаична: любая власть, не подкреплённая силой, является властью лишь на бумаге. Резанов опасался открытого противостояния и писал в дирекцию своей Компании: «Я не нахожу средств как исподволь возвратить всех сих молодцов в Россию. Скрутил бы я их давно, ежели б по нравственности промышленных не угрожался гибелью края». Преследуя две цели: укрепление законной власти и защиту интересов Компании от индейцев, Резанов предлагал усилить гарнизон солдатами: «Теперь речь о гарнизоне. Иркутские зверолобцы закричат, конечно: “На что его и к чему такие затеи?” Я скажу им в ответ, что довольно бедны они, когда один счет бобров, а не людей занимает их. Ежели таковым бобролюбцам исчислить, что стоят бобры, то есть сколько за них людей перерезано и погибло, то может быть ниже бобровые шапки нахлобучат. Нет нужды знать нам, какого чина вступающий был в коронной службе, но нужно искусство его и добрая нравственность. Мы можем принимать на вакансии капитанов, лейтенантов, мичманов, штурманов и другие чины по аттестатам прежней службы и потом по указанному усердию и искусству производить по своей. Тоже скажу и о гарнизоне. К чинам привязываться не имеем надобности, но по личным достоинствам. Благонравный и знающий дело поручик может заступить в нашей службе капитаном и пока в ней находится, должен пользоваться всеми правами, чинам присвоенными, но, оставя службу, свободен он вступить, куда желает и, следовательно, сам по себе в прежнее состояние обращается. У нас теперь гарнизон, но из промышленных, стоят часовые, бьют зарю, ходят дозоры, окликают, рапортуют, дисциплина есть, но не одушевлена порядком и уважением. Это вооруженные бутешники, а оттого американцы режут русских. Я уверен, что когда компания к отвращению зла сего представит Государю о столь прочных и нужных началах, то Его Величество с благоволением одобрит их».

Забываясь об одном, Резанов тут же наткнулся на другие подводные камни русской жизни на Аляске и островах. Промышлен-

ники, взявшие на себя функции управляющих, более чем жестоко обходились со своими товарищами. Имея в своём распоряжении магазины Компании, они ни в чём себе не отказывали, а в то время как простые работяги вынуждены были довольствоваться только теми скудными запасами, которые были предусмотрены для них, чтобы дожить до весны или очередного судна. Поэтому сколь ни велики были запасы «Юноны», но даже при самом скромном расходе до весны их вряд ли бы хватило. Тогда Резанов принял решение отправить освободившееся от груза новое судно на Кадьяк к Баннеру, где были самые большие магазины Компании, в которых островитяне, переселившиеся на Ситку, не нуждались так остро. Из писем Резанова директорам Российско-американской компании возник образ Хвостова, который был перенесён в знаменитую рок-оперу. Однако, если разобраться по сути, Резанов несколько стусил краски, показывая иную сторону характера Хвостова, с которой так хорошо был знаком Баранов. «В самое то время покупал я судно “Юнону”, и сколь скоро купил, то сделал Хвостова начальником, радуясь, что он своим делом, а не другими занят будет, и в то же время написал к нему мичмана Давыдова. Вступая на судно, открыл он то пьянство, которое три месяца к ряду продолжалось, ибо он на одну свою персону, как из счета о заборе его увидите, выпил 9 ½ ведер* французской водки** и 2 ½ ведра крепкого спирту, кроме отпусков другим. Я приказал правителю унять его и, наконец, и сам говорил ему, что назначается он на Кадьяк за кормами, а “Марию” я здесь по ненадежности оставляю; чтобы исправился он, ибо он тот офицер, на которого у меня вся надежда. Я должен отдать ему здесь справедливость, что он с охотою за то взялся, чувствуя, что возвращение его будет для него заслугою, но между тем в рассуждении нравственности и воздержания ни малейшей не показал перемены».

Если пересчитать на дни, то Хвостов в одиночку выпивал не менее трёх литров коньяка в сутки, не считая «крепкого спирту». Однако, лихо! Когда же лейтенант умудрялся корабль водить и делать свои неповторимые рейсы? Всё-таки, думаю, всё выписанное Хвостовым на собственный счёт выпивалось всей командой, чему есть и документальные подтверждения. А то как-то с трудом представляется капитан-алкоголик, совершающий столь блестящие плавания.

Так или иначе, угрозы Резанова, пользовавшегося у Хвостова с Давыдовым непререкаемым авторитетом, на нового капитана подействовали, и уже через несколько дней после приобретения суд-

* Ведро – старинная русская мера объёма, равная примерно 12 литрам.

** Французской водкой в XIX веке называли коньяк.

на, 15 октября 1805 года, «Юнона» под командованием лейтенанта Хвостова покинула Новоархангельск, унося с собой на борту, помимо прочего, несколько десятков алеутов, пожелавших вернуться на Кадык. Это было сделано как раз вовремя и позволило несколько увеличить паёк работникам, которые к тому времени уже начали недоедать. Незадолго до этого, также с целью доставки продовольствия на Кадык, отправилось судно «Елизавета» под командованием бывшего заместителя Сукина, мичмана Карпинского.

Хоть на время, но с буйством морских офицеров было покончено. Сукин, лишённый жалованья и судна, никуда и ни к кому не ходил, жил так тихо, как будто бы его не было вовсе. Резанов вздохнул с облегчением: «Далее его я ни худым, ни добрым назвать не могу. Он какой-то бесполезный в природе, которому, однако ж, правитель доверить судна не смеет».

С Машинным произошёл вообще анекдотичный случай. Так уж получилось, что ему и Сукину досталась общая комната. На следующий день после распределения на стол Баранова лёг рапорт Машина об отставке. Когда правитель пришёл выяснять, в чём дело, он застал пьяного Машина у крыльца дома. Машин, когда бывал трезв, поведения был тишайшего, «но в подгулке сам не рад своей бодрости». Резанов, не поняв причины странного поведения капитана «Марии», так охарактеризовал его пребывание в Новоархангельске: «Живут они вместе с Сукиным, упражнения их одни, но как слышу, имеют нечто оригинальное, спят они попеременно, прогуливаться ходят по очереди и прошедшим ли, настоящим ли, будущим ли, но столь озабочены, что к разговору друг с другом и материи не находят». Не знаю, как Сукин — возможно, и настоящим был озабочен, но Машин точно уж был озабочен прошлым, причём прошлым Сукина. Мог ли нормальный человек после того, что знал о Сукине, спокойно делить с ним кров и стол? Да и о чём говорить с таким человеком? Какую общую материю искать, вынужденно находясь в одном доме с извращенцем? Потому и пил несчастный Машин, и в отставку просился, и даже жил в одном доме с Сукиным своеобразным вахтовым методом. Когда тот появлялся в доме, бедняга Машин бежал от его компании, скрывая от Резанова истинную причину своего поведения.

Что же касается нравов местного населения, то, согласно наблюдениям профессора Лангсдорфа, они мало чем отличались от поведения Сукина. Можно сказать, морской офицер попал в родную атмосферу: «О православной религии они вряд ли знают больше, чем то, как осенить себя крестом, хотя здесь имеются церкви и церковные учреждения. Туземцы не знают никаких законов, слепо повинуются тому, что требует от них сильная рука власти. Не похо-

же, чтобы они когда-либо выступали перед своими завоевателями с идеями вселить в их сознание более чистые и правильные понятия нравственности, которые действуют в цивилизованных странах. Мужские половые связи гораздо чаще встречаются здесь, чем на Уналашке. Я уверен, что здесь допускаются самые беспорядочные отношения между мужчинами и женщинами даже среди ближайших родственников: мало того, что братья и сестры сожительствуют друг с другом, и так же живут даже родители и дети. Алеут, которого я спросил об этом, ответил мне совершенно безразлично, что его нация в этом отношении последовала примеру тюленя и калана».

Тем не менее Резанов не терял веры в людей и всеми силами и помыслами стремился не только колонистам, но и индейцам привить хоть какие-то моральные принципы: «Вникая в нравственность диких, преследуя все движения сердца их, нахожу я, что хотя они добросердечны, но в обидах мстительны, вспыльчивы, ленивы, в желаниях умеренны, честолюбивы, понятны и к просвещению столько способны, что буде только не строгие к тому приняты будут меры, то образовать их, по их склонностям, не большого труда стоить будет. Я не откажу им даже и в высоких чувствованиях. Поверьте, милостивые государи мои, что американцам нужны только примеры семейственной жизни и хозяйства — но их нет здесь; нужно заняться ими — но сие упущено из виду; нужны примеры доброй нравственности — но они все реже. Люди, идущие в промысел, суть частью народ буйный, пьяный и столько развращенный, что всякое общество должно счастьем считать, что избавилось от них, но здесь крайность заставила их тише быть, ибо нет праздности, да и к пьянству мало способов».

Русская Америка, равно как и вся Сибирь, всегда жила по административно-бюрократическим законам. Никакого крепостного права не было на большей части России (по территории, но не по численности населения). Аляска вообще руководствовалась некоей республиканской формой правления — смеси американской, французской и русской систем взаимодействия между гражданами, проживающими на этих землях. Однако в этой «республике» Резанов видел зло: «Между тем скажу я, что неоднократно находил я г. Баранова в горьких слезах от того только, что зимующий здесь в порте бостонский капитан и доктор мой нашли здесь пьяную республику тогда, когда Государь, желая образовать области, прислал меня уполномоченным. Бога ради, приступите скорее к порядку, убедитесь, что не рано. Истинно нет сил удержать буйства, и мы лишимся Америки». Эту «пьяную республику» очень подробно описал Лангсдорф, который сильно пожалел о том, что вынужден

был здесь заниматься не биологией и научными исследованиями, а борьбой за выживание. Из его записок мы сегодня можем увидеть ту ужасающую картину, которая предстала перед путешественниками: «Слабость Баранова на склоне лет, позорное поведение подчиненных ему людей, множество колоний, находящихся под его опекой, и огромное расстояние, отделяющее их от метрополии, отсутствие постоянно действующих учебных заведений и справедливого правосудия — это, по моему мнению, основные причины очень многих злоупотреблений, которые даже самый честный человек не может полностью нейтрализовать. Каждый управляющий в отдельном созданном поселении совершенно деспотичен, хотя номинально он находится в зависимости от основной фактории на Кадьяке. Эти управляющие делают только то, что им заблагорассудится, и нет возможности призвать их к ответу. Алеуты с дальних островов, как правило, находятся под наблюдением промышленников или, другими словами, мошенников, которые их всячески угнетают, мучают и грабят. Несправедливость и произвол власти, осуществляемые управляющими Компании по отношению к туземцам, зашли так далеко, что последние потеряли все свое имущество и вряд ли теперь имеют даже одежду, которую они могут назвать своей. И это происходит не только в случае с туземцами: русские промышленники, которые не используются в качестве ремесленников или управляющих, а работают матросами, рабочими в животноводстве или лесорубами, находятся в не лучшем положении. Они чрезвычайно подвержены жестокому обращению, и работают до полного истощения своих сил. Если они больны, они не могут рассчитывать на медицинскую помощь или поддержку в любой другой форме».

Управление этими дикими краями осложнялось многими факторами. Кончиком пера Резанова при написании им отчетов Компании и царю водили не только дальновидность и целесообразность, но и отчаяние: «Не занимаясь нимало плавностью слога, но единым изложением нужных к сведению, хоть я в том успел, когда множество и физических и моральных вмешивалось препятствий. То покрытая корою хранина моя стужею прерывала упражнения мои; то болезни, которым ныне слишком часто повержен я; то тревога от колошей; то благородное сословие, перепившись, караул кричать изволит; то разные лично мне оскорбления...»

Промышленники вели себя вызывающе и вскоре вовсе перестали признавать власть над собой. Случались моменты, когда Баранову и Резанову грозила физическая расправа. Неужто Резанов не мог с помощью наказаний усмирить разошедшихся промышленников и офицеров? Конечно, он, обер-прокурор Сената, мог

с помощью силы навести порядок и спокойствие, но это были бы порядок и спокойствие кладбища. А цели перед ним стояли другие — населить эти земли и образовать их. Поэтому, согласно логике свершений, а не обывательской логике бегства от неудобств, Резанов требует у правительства отсылать сюда себе же на голову людей, далеких от образца добродетели. Взвалив на себя бремя реформ, Резанов отказывается даже от наказания тех, кто действительно этого заслуживает: «Представя средства и устройства образованного людства из здешних жителей и поставя в виде потребное на то время, буду теперь говорить о способах к заселению, на которые потребны пособия от короны: 1-е, испросить у Престола ту милость, что ежегодно из ссыльных на выбор компании дано было хотя от 100 до 200 человек, из которых иных обсемяя* отправить в Америку, а другим доставить из Уналашки женщин, где их числом вдвое мужского пола. Столь малое количество не останавливает никаких казенных заведений и в то же время преступникам будет милостию; 2-е, обратить сюда пьяниц здоровых, мастеровых и в работу годных, соглашая помещиков отдавать их в компанию на добровольных с нею условиях, для обеих сторон выгодных. Я думаю; что многие, имея в домах своих пьяниц в совершенную тягость, крайне довольны будут, буде компания за каждого из них до ревизии от 25 до 50 рублей оброку погодно платить обяжется, но нужно поставить сие фактом, чтоб помещики никогда не требовали возвращения их. Одна Москва снабдит сей край людьми и все еще половины туенядцев не лишится. 3-е, исходатайствовать у Государя в закон, чтоб всех умышленно обанкротившихся купцов по изобличении в преступлении их посылал на поселение в Америке с получением от компании определенных заработком кредиторов их денег. Страх сего закона удержит людей от бесчестных деяний, ибо не будет уже им в виду возможности избежать так называемых партикулярно наказания и общее доверие к торговле чрез то более охранено будет. Словом, все таковые преступники и порочные люди здесь здесь поневоле и исправятся, и будут приносить пользу». В этом документе мы находим продуманную программу населения новых русских земель. Без лишнего пафоса, лаконично, опираясь на собственные расчёты, Николай Петрович раскрывает перед царём Александром перспективные планы, касающиеся Русской Америки. Однако при всех трудностях Резанов видел только один путь усмирения промышленников — примером собственного смирения: «Господа легкосуды может быть будут меня же обвинять слабостью, но я желал бы видеть их в моем положении, когда, заехав в самый

* Женить.

тупик, умирать всем должно с голоду. Обуздание строгостью есть дело немудреное, но здесь начальнику должно уважать последствия. Дорого, конечно, стоят мне дурачества их, но, огорчаясь терпеливостью, по малой мере дошел я до мечты моей и делаю в свое время те экспедиции, которые к благоденствию областей тут кажут, спасают ближних от смерти, и с сим вместе дают и погрешившим к исправлению и заслугам способы. Иначе должен бы я был бросить край на произвол судьбы, возвратиться в Россию и выслать виновных к суду законов, которые не всегда позволяют быть к ближнему столь снисходительны, как желательно и, следовательно, всякий постыдный приговор был бы приговор смерти для чувствительных родителей. Сберегая их, вооружился я тем терпением, которого едва бы и у них самих быть могло, и одержанная с пользою ближнего над самим собою победа уже с лишком заплатила мне все прискорбия».

И это были не пустые слова, вырвавшиеся из уст мечтательно-бездельника. Лейтенант Николай Хвостов ярко описывает характер Николая Петровича Резанова: «Я не могу надивиться, когда он спит! С первого дня нашей встречи я и Давыдов всегда при нем, и ни один из нас не видел его без дела. Но что удивительнее: по большей части люди в его звании бывают горды, а он совсем напротив, и мы, имея кой-какие поручения, делаем свои суждения, которые по необыкновенным своим милостям принимает...»

А ведь Резанову приходилось решать не только задачи внутренние, бытовые, но и думать о будущем новых русских колоний. Лангсдорф считал, что «отбитая у туземцев Ситка, или Новоархангельск, станет крайней точкой русских владений на этом побережье. Благодаря информации, полученной из достоверных источников, я убедился в том, что территории, лежащие к югу и юго-востоку от Ситки, намного больше населены, а также наполнены такой решительной ненавистью к завоевателю Нануку* и его отряду охотников, что весьма вероятно, что его самого и его компанию ожидает катастрофическая судьба, если он когда-нибудь попытается создать поселение южнее Новоархангельска. По той же причине, вероятно, Россия никогда не может и не должна стремиться к предъявлению своих претензий на острова, расположенные южнее Норфолк-Саунда и мыса Чирикова».

Возможно, сегодня слова Лангсдорфа могут показаться пророческими, но на тот момент реалии были другими и Резанов был совершенно противоположного мнения. Немецкий профессор был далек от размышлений над судьбами России в целом и, наблюдая картины тяжёлого быта промышленников, рассуждал близоручно,

* Так туземцы называли Баранова.

исходя из ощущений собственных неудобств и внутреннего либерализма. Считая политику России на новых землях захватнической, Лангсдорф был сторонником экспансивной политики американцев и европейцев, также претендовавших на земли северо-западного побережья Америки. С такой политикой был резко не согласен Резанов: «Не имея возможности уничтожить Российско-американскую Компанию, англичане стараются дать дурной вид возникающим в Америке российским заведениям упрекая россиян варварством. Надеются, чтобы отправили коронных начальников, чтобы ограничить предприимчивость Компании. Капитан Роберт пишет, что россияне убивают тех, кто не соглашается на контрибуцию. Худо знает г-н Роберт россиян, когда обвиняет их такой жестокостью. Бесчеловечные поступки с американцами по многолюдству последних не могли бы Компании доставить столь великих успехов. Известны меры из журнала Шелихова: ласка, подарки и доброе обхождение были единственным способом по привлечению в подданство России тысяч человек. Только для обороны вынуждены были в некоторых случаях применить силу. Сам же Роберт пишет, что стрелял картечью по подплывавшим к нему байдарам. В другой раз потопил много. Какое противоречие! Лаперуз пишет: россияне не имеют причины обвинять себя варварством так, как англичане в Бенгалах и испанцы в Перу и Мексике». При этом Резанов прекрасно был знаком с коварными способами конкуренции со стороны англичан и американцев, пытавшихся вытеснить русских руками местного населения, которому ангlosаксы продавали огнестрельное оружие в сумасшедших количествах: «Вот каково дело иметь с вооружёнными дикими. А всем сим вредом мы обязаны бostonцам. Они до того снабдили их ружьями и порохом, что и сами на трёхмачтовом судне с 8-ю пушками уже в одиночку ходить не смеют и теперь за нами в проливе Чатем два судна Американских Штатов ходят друг за другом неразлучно».

В отличие от Лангсдорфа, считавшего, что 51-я параллель станет пределом русской экспансии в Северной Америке, Резанов, наоборот, видел перспективы развития северных земель только при условии их обеспечения за счёт незанятых земель западного побережья Америки южнее 51-й параллели. Да и это своё мнение Резанов сформировал только после того, как лично побывал во владениях Российско-американской компании. До этого он считал, так же как и Лангсдорф, что России не следует продвигаться в сторону Калифорнии. «Порт Новоархангельск, милостивые государи мои, будет доколе далее к югу не распространяем мы занятий наших, будет столицей земель компанией заведываемых и пребыванием глав-

ного начальства. Коль получим мы возможность на реке Колумбии заселение сделать, то и тогда будет он центральным местом, из которого весьма удобно будет захватить остров Кайганы и, водворясь на нем, против островов Шарлотиных устроить эллинги. Промысел там обильнее, лес еще превосходнее здешнего, гавани добрые и климат южнее двумя градусами. Кайганцы, как случилось мне от кадыкцев, у них в плену бывавших, слышать, одного имени Баранова боятся и пушек не имеют, но на Шарлотиных, как сказал я в первом письме моем, выстроены крепости и снабжены артиллериею. Для нас, однако ж, было бы все равно потому, что промысел свой свозят они в Кайганы, ибо суда Американских Штатов к ним заходить не смеют, а имеют релаш в Кайганах, где жители ими издавна обласканы, и оттуда шныряют по проливам, которые тогда нашими бы судами наполнились, а к проливу Жан де Фука, ежели б удалось нам на Колумбии заселиться, обращали бы мы уже оттуда суда наши, и тогда весь бобровый промысел в одних руках наших был. Для достижения сего нужно скорее устроить здесь военные бригады, чтобы отбить навсегда бостонцев от торга сего и между тем основать на Колумбии селение, из которого мало-помалу можем простираться далее к югу к порту св. Франциска границу Калифорнии составляющему. Ежели только к первым началам сим даны будут способы, то смело сказать могу, что на Колумбию привлечем мы из разных мест жителей, и в течение десяти лет до той степени можно усилиться, что при малейшем стечении счастливых в пользу наших политических в Европе обстоятельств можно б его было включить в число Российских принадлежностей». Новой границей России на землях Америки Резанов определил 31° северной широты, находящийся в благоприятном субтропическом поясе: «Гишпанцы весьма слабы в краю сем, и ежели б в 1798 году, когда гишпанскому двору война объявлена была, находилась компания наша в соответственных занятиях ее силам, то легко бы часть Калифорнии по 31 градус северной широты до миссии Санта Барбара воспользоваться можно было и навсегда за собою удержать лоскут сей потому, что из Мексики по самому положению природы никакой бы помощи сухим путем подать им не можно. Гишпанцы при всей плодородной почве земли сей не пользуются ею ни мало, а подались к северу только для того, чтобы далее обеспечить границы свои, но, оставляя закрытое еще судьбами будущее, буду я продолжать о настоящем...»

Что же касается отношений с американцами, то Резанов видел простой способ устранения конкурентов: «Здесь в проливах гуляют и обторговывают теперь и бостонские суда... Когда избавимся мы

гостей сих и как ежели не будем помышлять о прочном устройении флотилии на той? Так извольте найти и причины, по которым не нахожу я полезным входить с правительством Соединённых Штатов ни в какие о здешних берегах переговоры. Усилите край сей! — Они сами по себе оставят. Сожалеть буду, ежели министерство не вошло в это». Эти призывы, адресованные Александру I, были заглушены пушечными залпами Аустерлица, когда французский император Наполеон нанёс сокрушительное поражение русской военной машине и вывел Россию с первых позиций на политической арене Европы. А дальнейшие переговоры с американским правительством действительно не привели ни к чему хорошему.

В отличие от Резанова, Александр Андреевич Баранов пребывал на этих землях давно и не питал ложных иллюзий по поводу устройства новых земель. Он руководствовался принципом «не до жиру — быть бы живу». Правитель Русской Америки пережил здесь и голод, и войну, и бунты против себя. Живя в стеснённых условиях сам, он вряд ли мог бы сделать для обитателей Русской Америки больше того, чего сумел добиться к этому моменту. Тем не менее люди его власти подчинялись мало, суровый климат бросал всё новые вызовы, соседи-индейцы жаждали реванша за поражение при Ситке. Но Баранов сделал невозможное — он обуздал и подчинил этот край своей воле, власти российского правительства и интересам Российско-американской компании. Резанов отзывался о нём так: «При всем славолюбии, бескорыстии и редко добрых его качествах господина Баранова, брошен будучи судьбою в кучу буйных умов, должен он находить любовь их и повиновение и по неволе к образу жизни их подделывается, а чрез это, принуждая себя к такому сгибу, в котором ум и сердце его противоречат, приобвык он не уважать такими в людях слабостями, которые с доброй нравственностью несовместимы».

Между тем Резанов, внемля просьбам Баранова об отставке и видя, что борьба с промышленниками и офицерами, а также условия обитания Александра Андреевича надломили его, начал интенсивно искать замену. Но не нашёл. «Знание Главного Правителя или Губернатора областей наших требует одновременно помыслить о нем. Лета Александр Андреевича и болезни его не могут польстить вас долговременным его управлением, когда сверх того неотступно просит он увольнения. Впрочем, по важности новых и столь многих предметов должен быть здесь человек не столь старых лет, но помоложе, с сведениями, деятельный, славолюбивый, предприимчивый, трезвый, добронравный и, наконец, и в хозяйстве собственное удовольствие находящий. Знаю, что в приiske

такого человека будет вам затруднение, но не в пятиклассных чинах искать его надобно, где часто и коронное правительство, проходя нашей братии список, ищет в губернаторы и, не найдя остальных, замещается. Может быть, скорее вы сыщете из маленьких чинов, или из нечиновных доброго человека, а поставя в штатах зауряд класс будет лестная для него карьера, и тогда достоинства его, конечно, все принадлежащее посту его уважение удержать, но главное, милостивые государи мои, из них полагаете в доброй нравственности, поколику, она на всю массу людей влияние иметь должна. Нужны в нем склонность к наукам и человеколюбие, тогда и в успехах училищ и порядке больниц удостоверенным быть можно. В отношении к религии столько же фанатик, как и вольнодумец вредны здесь. Я советовался обратиться вам выбором на людей из Московского университета вышедших». Резанов стал подумывать даже о кандидатуре Давыдова на пост губернатора Русской Америки, но юный возраст мичмана остановил его: «Я должен отдать справедливость г. мичману Давыдову, он много достоинств имеет, мог бы весьма полезен быть по морской части и познаниям его о крае сем, но слишком молод, а здесь нужно терпение, которое летами и опытностью приобретается».

Узнав об этом, желавший загладить свою вину перед Резановым, Хвостов ворвался к Баннеру и устроил правителю Кадыяка выволочку. Лейтенант хотел лично доставить иеромонаха в Новоархангельск, считая, что этим он вернёт расположение камергера. К тому же Хвостов, уже знавший о некоей «секретной экспедиции», хотел ближе познакомиться с её предполагаемыми участниками. Баннер грубо нарушил приказ Резанова, и Хвостов не преминул об этом напомнить.

Плавание иеромонаха Гедеона на «Елизавете» окончилось плачевно. Подойдя к Новоархангельску, неопытный Карпинский не сумел ввести судно в гавань. Между тем, по словам отца Гедеона, «люди обносились, появились больные, от частой слякоти не успевали просушивать платья, вода приходила к умалению, потом наступила стужа, еще горестнее, замерзали паруса, кои разволочивали гоншпугами, а руки и зубы уже не помогали, от желанного берега удалены. Что начать? Итак, 10 декабря принуждены были спуститься к Кадыяку, который 18-го и увидели с полуночи». На следующий день «Елизавету» сорвало с якоря и разбило о камни. Только самоотверженность мичмана Карпинского спасла команду, духовника и компанейский груз от гибели. Так, иеромонах Гедеон вынужден был ещё одну зиму пережить на Кадыяке в обществе столь нелюбимого им Баннера.

С Кадыяка Хвостов и Давыдов принесли печальную весть. Прибывшая в гавань Трёх Святителей промысловая партия алеутов-байдарочников сообщила о нападении на поселение Славороссия в заливе Якутат. Этим поселением долгое время управлял помощник правителя Иван Кусков. Около сорока человек поселенцев — русских и алеутов, включая женщин и малых детей, были зверски убиты индейцами. Уцелели лишь две женщины и шестеро мальчиков, находившихся на покосе. Их захватили в плен и потребовали огромный выкуп. Кроме того, во время бури погибло более 200 алеутов, принимавших участие в промысле и вернувшихся 1 сентября в Новоархангельск. Пожелав перезимовать дома, чтобы облегчить жизнь и себе, и остающимся в Новоархангельске людям, байдарочная флотилия из отважных островитян под предводительством Демьяненко-ва вышла в море. Больше её никто не видел.

Ободренные успехом истребления Якутатской крепости, тлинкиты решили идти в Чугацкую и Кенайскую губу и уничтожить ещё две русских крепости. Чтобы не вызывать у русских подозрений, часть индейцев отправилась на восьми больших байдарках к югу в сторону Ситки, спрятав ещё шесть в устье Медной реки. Закончив манёвр, хитрые и воинственные тлинкиты ещё на двух байдарках подошли к Константиновской крепости — русскому поселению в Чугацкой губе.

Крестный сын Баранова — индейский вождь Шада, тойон тивонгского клана куашкуанов, которого русские окрестили Фёдором, пользуясь их доверием, смело явился к начальнику крепости Уварову и заявил, что пришел, как обычно, торгивать с чугачами. Уваров, несколько не подозревая, принял его радушно и даже устроил праздник с плясками, в котором приняли участие как чугачи, так и тлинкиты. Ночью, когда праздник в крепости был в самом разгаре, пленённый в разорённой Славянороссии индеец-чугач прополз шилом одну из байдарок на Медной реке и сбежал. Он сообщил Уварову, что тлинкиты-колюжаны приехали не торговать, а истребить Константиновскую крепость. Уваров, выманив своего вероломного гостя Фёдора, разоблачил его. Между тем чугачи, также узнав о заговоре, созвали к себе на праздник все 70 человек тлинкитов и предали всех смерти. Тойон Фёдор в ту же ночь зарезался. Несколько тлинкитов, вырвавшихся из крепости, пробрались к оставшимся на Медной реке и сообщили им о гибели товарищей. Испуганные индейцы, опасаясь, что чугачи немедленно нападут и на них, тут же покинули негостеприимные места и, невзирая на штормовую погоду, пустились в обратный путь прямо через банку, далеко выдавшуюся от устья Медной реки в море. Байдары на банке были разбиты бурунами, и большая часть тлинкитов погибла в волнах, а немногие спасшиеся были перебиты туземцами враждовавшего с ними племени.

За истребление русских в Славянороссии тлинкиты дорого заплатили: из 200 воинов, участвовавших в нападении, не выжил никто. Что касается пленников, которых увезла вторая партия нападавших, то их участь была незавидна. Более десяти лет провела в индейском плену жена погибшего в Якутате начальника крепости Ларионова и его дети. Только в 1819 году, когда их собирались принести в ритуальную жертву, отважная женщина с повзрослевшими детьми сбежала и добралась до Новоархангельска.

Но вернувшаяся 15 октября «Юнона» принесла и хорошие новости. Во время стоянки судна на Кадыяке из Павловской гавани острова вышло судно «Елизавета» с грузом продовольствия и направилось в Новоархангельск. Там же готовился к выходу «Александр». Со дня на день ждали в Новоархангельске прихода судов. Но время шло, а корабли так и не появлялись. Печальная судьба «Елизаветы» описана выше. «Александр» же, перезимовав на островах, вернулся в Новоархангельск только 26 апреля 1806 года, когда угроза голода уже была снята и резкой потребности в провизии, доставленной им, уже не ощущалось.

Хвостов, Давыдов и их «Юнона», доставившая 70 000 единиц юколы, а также небольшое количество китового жира, масло тми-

на, ягод, корня сараны и других продуктов с Кадьяка, в очередной раз стали спасителями новых русских земель. Помимо этого они привезли полсотни женщин, которые были приняты на борт в приказном порядке по распоряжению губернатора Кадьяка Баннера, выполнявшего очередной замысел Резанова, поскольку в новом поселении был большой дефицит в женщинах. Очередной рейс лейтенантов Хвостова и Давыдова стал новым образцом быстрого решения насущных проблем с наименьшими жертвами. За весь рейс только один промышленник, поднимавшийся по мачте, был сорван сильным ветром в море и утонул.

Быстрое возвращение офицеров на «Юноне» стало замечательным свидетельством мудрости Баранова и Резанова, согласившихся на покупку этого судна. Заполнение магазинов решило многие проблемы. Обитатели фактории могли бы в гораздо большей степени ощутить дефицит провизии и товаров, если бы не состоялось плавание «Юноны» на Кадьяк.

Наконец-то после возвращения «Юноны» был заложен киль небольшого судна, которое должно было быть построено плотниками Корюкиным и Поповым под руководством лейтенантов Хвостова и Давыдова. Работа продвигалась очень медленно: порция пищи, выдаваемая промышленникам, состояла из двух-трёх сушеных рыбин в день. К тому же рабочие были полураздетые и работали в холод, дождь и снег, защитой от которых был лишь небольшой навес. По воскресеньям они питались жидким супом, сваренным из солонины и небольшого количества риса. Иногда они получали стакан коньяка или небольшое количество патоки. Все иные виды продовольствия, такие, как печенье, мука, сахар, рис, соленые мясо и прочее, продавались по завышенным ценам и только по особой любезности лицам, от которых надсмотрщики имели какую-либо выгоду. Свежая рыба, которую легко можно было поймать, очень редко попадала в рацион питания, так как промышленников занимали работой на строительстве зданий, укреплений, а также других работах, необходимых для обустройства поселения.

Только небольшая часть груза «Юноны» была отдана рабочим на верфи. Офицеры же имели доступ ко всем «деликатесам», если их можно так назвать. Они вместе с дичью и рыбой, постоянно приносимыми в изобилии, составляли стол губернатора, который всегда был полон прекрасных угощений. Восемь человек: Баранов, Резанов, Хвостов, Давыдов, Лангсдорф, д'Вольф, Корюкин и Попов — обедали вместе. Иногда в светлицу деревянной башни на Кекуре приглашалось на обед до десяти человек.

Когда жизнь в Новоархангельске стала более ли менее размеренной, вновь оживились тлинкиты. Курсируя на своих каноэ вдоль посёлка, индейцы стали проявлять агрессию и, выкрикивая различные грубости, грозили кулаками наблюдавшим за ними русским. Вскоре одна из девушек-тлинкинок, жена русского промышленника, предупредила Резанова о готовящемся нападении. Резанов немедленно приказал укрепить крепость, обнеся в четыре дня её новым частоколом и развернув все восемь пушек, снятых с «Юноны», в глубь острова. Индейцы-разведчики, забравшись ночью на деревья, проверяли бдительность часовых и следили за приготовлениями к отражению нападения. Тем временем, собравшись с силами, тлинкиты готовились нанести одновременный удар сразу по трём точкам: по лесу, где рабочие заготавливали древесину для нужд верфи и посёлка, по эллингу, на котором уже красовался киль будущего тендера, и наконец третий, самый многочисленный, отряд должен был напасть на каноэ и ботах на Новоархангельск со стороны залива и овладеть укреплениями. Однако, заметив, с какой скоростью и как сильно был укреплен Новоархангельск, индейцы оставили эту затею и начали всё чаще появляться у ворот крепости и просить мира. Баранов решил до весны ни в какие контакты с коварными тлинкитами не вступать. Собранные в боевые отряды тлинкиты и их союзники, видя нерешительность Катлиана, начали разбредаться по домам. К декабрю военный союз индейцев распался окончательно, а у самого Катлиана появились новые заботы, связанные с наступающей зимой. Пожалуй, это была самая большая группировка, угрожавшая русским, численностью 3000 индейцев различных племён. Нашим соотечественникам крупно повезло, что вся эта армада так и не решилась на военные действия, иначе Новоархангельск был бы просто стёрт с лица земли.

В последующие месяцы стало заметно холоднее, хотя в декабре снега не было совсем или было очень мало, зато было много дождей и туманов. Как правило, в первой половине дня Джон д'Вольф в сопровождении Хвостова и Давыдова, вооружённых ружьями, прогуливался к тому месту, где строилось новое судно.

Январь принес холодную, хотя и несуровую, погоду. Рабочие начали слабеть. Несмотря на дождь и снег, бедняги были перегружены работой. Они стали заболевать, и было просто необходимо немного облегчить их труд. Офицеры, напротив, жили достаточно комфортно и даже придумали новый вид развлечений. Русские поселенцы строили добротные кедровые срубы, очень плотно заделывая швы мхом. Некоторые дома были настолько велики, что могли вместить до полусотни человек. Несколько таких домов были

как раз только что закончены, и заскучавшему американскому капитану Джону пришло в голову, что один из этих домов можно превратить в зал для балов, чтобы заполнить долгие скучные вечера танцами. «Мы bravо танцевали котильон и контрданс, — вспоминал впоследствии Джон д'Вольф, — но вначале нам не хватало партнёрш. Некоторые офицеры приходили со своими жёнами, а мы приглашали местных женщин, жительниц Кадьяка, которые уже привыкли к русским танцам и легко запоминали фигуры. Одежды в свои наряды, они выглядели вполне достойно. Его превосходительство всегда бывал с нами и, будучи неплохим исполнителем, не упускал случая сыграть на скрипке. Доктор Лангсдорф и мой слуга Паркер по очереди брали смычок и смолили его большим количеством хорошей канифоли также, как и внутренности животных при изготовлении чучел. Так весело мы проводили время».

Но это времяпровождение одному из участников балов очень быстро опостылело. Николай Хвостов, живший с Давыдовым и всей командой на «Юноне», вскоре впал в пьянство и о его выходках и чудачествах ещё многие годы ходили легенды по острову Баранова. «При всем недостатке в людях, — писал огорчённый поведением лейтенанта Резанов, — Хвостов своих людей с судна не спускает и все возможные дела делает прискорбиа остановкою работ самых нужных. Между тем пьянство нимало не прекращается, ругательства и угрозы всем неимоверные, стреляют ночью из пушек, на верфи за пьянство корабельных подмастерьев работы идут медленно, матросы пьют». Ко всему прочему Хвостов отказался отдать на склады Компании половину привезённой с Кадьяка сушёной рыбы, тайком подкармливая ею рабочих на новой верфи. Будучи противником беспредела приказчиков Компании, Хвостов вступил с ними в открытое противостояние, чем навлёк на себя гнев излишне дипломатичного Резанова.

«Давыдов, быв всегда трезвого поведения, — продолжает Николай Петрович, — всякий день у меня был и дивился моей умеренности. Наконец, приехав 29 числа ноября, просит позволения съехать со всеми на берег; открывается, что сколь не велики его ко всем родственникам Хвостова обязанности, но беспутство его легко с ним и его потерять может, что беспросыпное его пьянство лишило его ума, и что он всякую ночь снимается с якоря, но, к счастью, что всегда матросы пьяны».

Не имея возможности разместить Давыдова на берегу, Резанов попытался уговорить Гаврилу вернуться на корабль.

— Я лучше на открытом берегу жить буду, нежели на «Юноне»! — ответил Гаврила и, сгрузив с ялика свои вещи, всем своим

видом показал, что готов ночевать на камнях. — С Хвостовым я здесь последнюю компанию и более служить с ним не хочу. Отправьте меня на стапели к строящемуся тендеру — в его трюмах ночевать буду!

Видя решительность Давыдова, Резанов распорядился выделить ему любое, хоть как-то приспособленное для жилья, помещение. Гавриле дали холодную комнату, и он так спешил в нее заселиться, что печь клали уже при нём.

Переезд Давыдова встряхнул посёлок и корабельные подмастерья Корюкин и Попов прекратили то пьянство, в которое их вовлекал Хвостов на эллинге. На Новый год Резанов заявил Давыдову, что собирается отправиться в Калифорнию за провиантом и хочет взять Гаврилу с собой. Лейтенант попросил отдать «Юнону» в командование Машину, не видя больше в своём друге Хвостове ни хорошего капитана, ни надёжного товарища.

Ко всем неприятностям этой зимы Резанову не хватало только бунта Хвостова, который начал разделять людей на своих «юнонских» и работников эллинга, поэтому камергер распорядился отпускать на команду «Юноны» не более бутылки в день. Впадая в опасную горячку, Хвостов в ответ на это объявил, что собирается атаковать крепость и пленить Резанова с Барановым. Разузнав об этом, Николай Петрович приказал усилить караулы и расположил вооружённых людей так, чтобы в случае пьяной атаки перевязать бунтовщиков.

Когда закончилась водка, Хвостов явился к Баранову и застал Правителя, камергера и Кускова за очень неприятным разговором. Александр Андреевич Баранов просил отправить его с ближайшим судном на материк, в Россию, на родину. К нему присоединился Кусков. Резанов, чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, которая явно вышла из-под контроля, наградил Кускова золотой медалью, а Баранову пообещал чин коллежского советника. Приняв медали и обещания камергера, тем не менее это маленькое своеобразие правительство не изменило решимости покинуть берега Америки. Затем приказчики и промышленники завалили стол Резанова с прошениями об отставке и просьбами вернуться в Россию. Большинство из них даже от жалованья отказались. Это был настоящий кризис, который усиливался свирепым голодом, от которого не могли спасти уже никакие запасы, хранящиеся на складах Компании в Новоархангельске.

Узнав об этом, Хвостов не решился войти к Резанову, а направился к Корюкину, чтобы поделиться новостями. Однако корабельный мастер отказался пить с Хвостовым. Опрокинув очередной стакан, с криками «Предатель!», Хвостов с обнажённой шпагой набросился на Корюкина, единственным оружием которого оказалась подвернувшаяся

лся под руку кочерга. Хвостов наносил колющие удары, Корюкин отпечал ошеломляющими ударами кочерги. Когда силы горе-дуэлянтов ослабли, они оба, окровавленные, явились к Резанову. Случилось это как раз на Рождество, и Николай Петрович, увлечённый организацией новой экспедиции, не принял их. Между тем раны Корюкина оказались довольно болезненными и к тому же сильно кровоточили. Оставив раненого подмастерья на руках девочки-алеутки, служившей в доме, и Ивана, слуги Резанова, Хвостов направился к Баранову. До смерти перепуганный Александр Андреевич, мирно ужинавший со своей женой-алеуткой и двумя детьми — новорожденной Ириной и Антипатром, впустил в дом побитого Хвостова.

— Бога ради, простите меня, Александр Андреевич! — бросился к ногам Правителя Хвостов. — Все дурачества мои и угрозы простите! Не со зла я кричал их, а только по глупости своей! Водка меня ослепила! В светлый праздник Рождества Христова не держите на меня зла! Я хороший офицер, вы это знаете! Готов вам верою и правдою служить, но жить не смогу далее, если вашего прощения не получу на Святой вечер!

Вывернув карманы, Хвостов достал из них несколько засушенных до состояния камней пряников, которые лейтенант выменял у запасливого д'Вольфа, и отдал их детям. Затем, сняв свою шпагу и встав на одно колено, Хвостов протянул её на вытянутых руках Баранову, низко склонив голову в знак раскаяния.

Приняв шпагу из рук незадачливого лейтенанта, Баранов ответил ему:

— Что ж, Николай Иванович, надеюсь, сим поступком короновались дурачества ваши! А потому прощение своё даю вам вместе со шпагою вашею. Если раскаяние ваше искреннее, завтра жду вас у Николая Петровича Резанова. Он затеял поход к гишпанцам. Назначил капитаном на «Юнону» Машина, но думаю, никто, кроме вас, господин Хвостов, с этим плаваньем не справится. А сейчас прошу вас к столу...

Утром следующего дня Хвостов узнал, что намерен находился на волоске от смерти. Пока Хвостов выяснял отношения с Барановым, у дома Правителя разыгрывались события, которые могли стоить незадачливому лейтенанту жизни. Заметив Хвостова, вошедшего в дом Баранова, один из алеутов сообщил своим соплеменникам, что Правитель находится в опасности. Тогда трое алеутов с ножами скрытно забрались в сени, чтобы по первому сигналу своего товарища, подслушивающего под окном, искрошить Хвостова в куски, если тот попытается предпринять какие-то агрессивные действия. К счастью раскаявшегося Хвостова, он был

выпущен из дома Баранова невредимым. Запирая на ночь двери, Александр Андреевич в сенях нашёл алеутов, собравшихся зашить его, и они признались ему, с какой целью забрались в дом.

Всю следующую неделю Хвостов ежедневно посещал Резанова и просил простить его. Резанов, ссылаясь на занятость, не принимал буйного посетителя, которого некогда считал своим другом. Коля видел, как на рейде оживились работы по приготовлению его «Юноны», корабля, с которым он сросся, к отплытию. Члены команды, также получившие нагоняй от Баранова, здоровались с Хвостовым сухо, в пределах соблюдения субординации. К Крещению город наполнился разговорами о готовящейся экспедиции. А он, Николай Хвостов, лучший капитан всего северо-западного побережья, оставался не у дел. Тогда лейтенант прилюдно извинился перед Кусковым, затем перед Корюкиным и наконец написал ответ на письмо своего друга, мичмана Давыдова. Вскрыв письмо, Гаврила наткнулся на полные отчаяния и раскаяния строки: «Я во всю жизнь мою не был огорчен, когда прочел твое письмо. Мы вместе исколесили всю Россию, до Америки добрались. Мы проскакали и проплыли бок о бок 16 тысяч верст и я почти себе законом умереть за тебя...» Раздался стук в дверь лачуги, в которой обосновался Давыдов на берегу. Опустив голову, в полутьму землянки вошёл Хвостов. Друзья просидели вместе до вечера. Примирение состоялось.

Крешенским утром Баранов, как обычно, созвал всех за общий стол.

— А где Хвостов? — удивился Резанов, глядя на пустующее место.

— Не смеет войти, ваше превосходительство! — чётко ответил Гаврила Давыдов.

— А далеко ли он?

— За дверью, Николай Петрович. Прощения вашего ожидает!

В разговор вмешались Кусков и Баранов, наперебой рассказывая камергеру, как лейтенант помогает Лангсдорфу ухаживать за больными, а всё остальное свободное время проводит на эллинге с Корюкиным и Поповым, помогая советами по постройке тендера.

— Праздник-то какой! — резюмировал Баранов. — Ко мне так же на Рождество являлся, каялся, шпагу свою вручал. Если в душе просветлело — достоин прощения!

— А вы что скажите, господин Давыдов? — обратился Резанов к Гавриле. — Вы ведь друзья.

— Да, ваше превосходительство, друзья! А дружба милосердием и незлопамятством красна. Вот вы в Новый Альбион собрались, а кто корабль поведёт? Машин? Вспомните, как мы из Камчатки

добирались. Хвостов от штурвала уходил только тогда, когда ноги уже не держали. Кто, как не Хвостов, счастливым плаванием славу русскую на этих землях приумножит?

— Что ж, — усмехнувшись своим мыслям, произнёс Резанов, — коли вы простили, то и во мне злобы не стало. А вам, господа, пример того, как добродетель побеждает порок. Это не Хвостов исправился, а вы свои сердца великодушием осветили. Так и краем сим управлять нужно — примерами строгого порядка и благородства.

Вошёл Хвостов. В его глазах стояли слёзы. В душе он действительно искренне раскаивался и грел душу надеждой отправиться в новое путешествие хотя бы простым матросом. За столом пошло радостное оживление. Уже через полчаса Хвостов сам смеялся над своим дурачеством. В самый разгар праздника Д'Вольф прочёл сообщение, доставленное зашедшим в гавань американцем, из которого следовало, что семеро из 25 отправленных на «Ермаке» членов американской команды «Юноны» стали подданными короля Сандвичевых островов Камеамеа Первого. Остальные после посещения китайского Кантона решили добираться на родину через мыс Доброй Надежды.

Однако радость была недолгой. В столовую вошла двенадцатилетняя служанка-алеутка и сообщила, что умер один из промышленников. Он стал первой жертвой голодной и цинготной зимы.

В начале 1806 года, к счастью для фактории, было поймано очень большое число сивучей и тюленей. Вскоре они пополнили склады свежих продуктов, с которых питались рабочие. Многие алеуты, не занятые на работе, ловили рыбу, чтобы обеспечить себя провиантом. Когда им удавалось наловить больше, чем было необходимо, они меняли рыбу на одежду промышленников. Последние, терзаемые голодом, были готовы отдать последнюю рубашку за свежие продукты. Следствием такого обмена было то, что в конце концов на многих из них не оставалось никакой другой одежды, кроме грязных вонючих овчинок, полных паразитов. «Здесь, — жаловался Лангсдорф своему немецкому коллеге Блюменбаху, — в этом новом поселении Российско-американской компании мы испытывали недостаток во всем. Моим жилищем была маленькая комнатка без мебели, и при частых дождях вода лилась прямо на кровать. Эту комнатку я должен был делить с одним охотником, поселенным со мной. Для освещения служила лампа на ворвани. Обед я, как и все сопровождавшие Резанова, получал у управляющего Российско-американской компанией Баранова бесплатно всю зиму. Однако, если я хотел есть что-либо кроме обеда, то был иногда вынужден стрелять ворон, собирать раковины с моллюсками или выпрашивать кусок китового или тюленьего жира, чтобы утолить голод».

Вскоре в борьбу с голодом вступили все вплоть до Резанова, описавшего это страшное для Новоархангельска время: «...При том должен был бороться и с болезнями моими, с климатом, против которого устремленные на одних бобров нужных к предохранению человечества предосторожностей, а от того от проливных дождей день и ночь люди были употребляемы в необходимые работы и, надевая гнилые и прелые одежды, оценожили и начали день ото дня сляпать, и число больных умножалось ежедневно. Я велел кормить их пшеном, давать патоку и варить из еловых шишек пиво, которое как антидот против скорбута, и все мы употребляли здесь и благодаря Богу из сорока труднобольных русских только трое умерли. Совершенно безнадежных еще четверо, а другие начинают оправляться; впрочем, все генерально здоровьем похвалиться не могут, и другие, хотя и не на ногах, но краше их иногда в гроб кладут. В конце ноября перестала уже рыба ловиться, а сильные штормы, беспрерывно продолжавшиеся, давно уже лишили возможности добывать морского зверя. В полнолуние освежились мы найденными ракушками и мамаями, они в это время бывают питательнее, а в другое били орлов, ворон и, словом, ели все, что ни попало, изредка попадались каракатицы и иногда какая-нибудь рыба служила нам лакомством. С января была прекрасная погода, и благодаря Богу появились нерпы и сивучи, которые по сие время составляют главную пищу нашу, потому что купленную с «Юноной» солонину приказал я поберечь для морских компаний. Изредка попадаются палтусы и появились чайки перед сельдами прилетающие, но жаль, что нет нужного количества соли. Число людей так у нас невелико, что едва на необходимость выварить ее могут, и изнуренными силами людям нужен бы хлеб, которого у нас не бывало, а когда сельдь пройдет, то опять только и надежды, что на нерп и сивучей, которых иногда и убивши, не скоро погода позволяет снять с камней и привозятся попорченными, и хотя не столько уже он и полезен здоровью, но мы рады и сему запасу, когда нет другого. Вот вам картина нашего положения».

Резанов метался между двумя вариантами обеспечения продовольствием фактории. Первый путь был простым и однозначно гарантировавшим удачу предприятию. Целью вояжа должны были стать Сандвичевы острова, король которых ласково обходился с русскими и даже приглашал Баранова к себе, желая завести с ним торг. Однако политически этот вариант был проигрышным. Рано или поздно Сандвичевы острова должны были попасть в сферу российских интересов. Судя по общению с Камеамеа, во время посещения островов первой русской кругосветной экспедицией, король был не

против стать подданным России уже тогда. Однако Резанов, перед которым стояли иные задачи, не решился сделать кондиционный акт. Сегодня в продовольствии Сандвичевых островов Русская Америка нуждалась как никогда. Но Резанов резонно рассудил, что вряд ли готовность стать подданными русского царя у Камеамеа пропадёт со временем. И как всегда, проницательный дипломат оказался прав. Через несколько лет русские основали на Сандвичевых островах (опять же следуя инструкциям Резанова) крепость Святой Елизаветы и сделали их одной из баз снабжения Русской Америки.

Второй вариант был более рискованный. По правде говоря, эта была откровенная авантюра. Заключалась она в том, чтобы отправиться в Калифорнию, завязать дружбу с испанцами и начать торговать с ними. Заодно разведать, где на западном побережье Америки можно основать русские поселения, чтобы, пользуясь более благоприятным климатом, кормить Аляску и Алеутские острова. Политически этот план сулил более обширные перспективы. Если русские сумеют завести дружбу с испанцами и установить общую с ними границу в районе 31° северной широты, тогда вся северная часть Тихого океана окажется под властью России. За реализацию этого амбициозного и, как многим казалось, неосуществимого плана и принялся Резанов.

22 февраля 1806 года в дневниках Хвостова, за которые пришедший в себя лейтенант вновь засел, появилась следующая запись: «Я никому так не удивляюсь, как Николаю Петровичу Резанову. Однако и его терпение начинает останавливаться. До сих пор он был удивительно терпелив, но нынче, начиная чувствовать припадки цинготной болезни и боясь последовать образцу наших промышленников, которые ежедневно отправляются в Елисейския*, намерился, спасая несчастную кучку людей, отправиться в Калифорнию, уповав достать хлеб от испанцев». Несмотря на все штормы и невзгоды Резанов знал: плавать по морю необходимо. Море забросило его в эти края и так часто спасало его и товарищей от гибели. И именно морскую стихию он избрал для реализации своих грандиозных проектов.

Среди офицеров часто обсуждался вопрос целесообразности экспедиции в Калифорнию с целью пополнения припасов и налаживания новых морских коммуникаций, а также, насколько это было возможно, торговли с испанской миссией в Сан-Франциско. В конце января вопрос был решен окончательно, и были приняты активные меры для воплощения его в жизнь. Резанов взял всю ответственность на себя.

* Отправляться на Елисейские Поля означало переселиться в лучший мир, то есть умереть.

Удвоив жалование Лангсдорфа, Николай Петрович позвал профессора с собой. Лангсдорф согласился, не раздумывая, а вот д'Вольф, к которому Резанов обратился с тем же предложением, отказался. Слава богу, вопрос о том, кто поведёт «Юнону» в опасный рейс, был решён. Вызвав к себе Хвостова и Давыдова, камергер наконец-то официально объявил им:

— Лейтенант Хвостов, вы дважды спасли Компанию в прошлый свой приезд. Первый раз, когда доставили грузы и провиант, без которого фактория не выжила бы, и второй раз, когда вывезли шкуры на два миллиона, чем спасли Компанию от разорения. Видя скорые рейсы ваши, вменяю в обязанность отбыть скорее к берегам Нового Света. В третий раз на вас ложится почётная для человечества миссия — спасение этого края от голодной кончины! Господин Хвостов, вы назначаетесь капитаном «Юноны». Возвращая вам вашу должность, вверяю в руки ваши жизни людей. Господин Давыдов, видя в лице вашем сподвижника и друга, сочту за честь, если вы примите на «Юноне» должность первого помощника капитана! За сим, господа, отправляйтесь готовить корабль к выходу. Ждать более нечего. Идём или накормить Новоархангельск и твёрдо закрепиться на новых землях, или погибнуть!

Глава 4 КАЛИФОРНИЙСКИЙ РЕЙД

Их ночная вода поила
Вкусом чуда и чабреца,
Чтоб наполнить земною силой
Утомленные небеса.

А. Вознесенский

«Чтоб подкрепить край, должен я идти в Калифорнию и около 20-го сего месяца надеюсь сняться с якоря. Равнодушие угрожает бурей, а здешнее пребывание — голодом; находясь в столь критических обстоятельствах, решился я жертвовать первому, чтоб обеспечить второе. Впрочем, я опять себя волнам поверяю, чтоб спасти от голода ближних моих, или умереть с ними...»
Н. Резанов

Калифорния! Это слово витало в воздухе, наполняя души голодающего Новоархангельска новой надеждой. И у каждого она была своя. Баранов, обрадовавшись, что избавит-ся на какое-то время почти от полусотни голодных промышленников и за счёт этого сможет увеличить паёк оставшимся, вернулся

к исполнению своих обязанностей в должности Правителя. Кусков по замыслу камергера должен был отправиться в следующий за ним рейс, чтобы основать крепость на границе с испанскими поселениями, после чего Россия могла бы претендовать на всё северо-западное побережье Америки вплоть до Калифорнии и с помощью вновь обретенных земель кормить Аляску и Алеуты. Хвостов, вновь вернув доверие камергера, лично занялся подготовкой «Юноны» к сложному рейсу. Прежняя команда судна, выполнявшая рейс на Кадьяк, сейчас была занята на работах по строительству тендера. Но Хвостов не был бы Хвостовым, если бы отнёсся к порученному спустя рукава. В первый же день лихой лейтенант с заряженным пистолетом (единственным действенным средством против приказчиков) взломал двери одного из магазинов Компании и, выпалив вверх, потребовал к себе начальство. На его требование сбежался весь посёлок, включая Баранова, Кускова и Резанова, как раз в тот момент, когда Николай доступно, усиливая слова тумакми, растолковывал приказчику Панаеву, для чего ему нужны самые лучшие продукты и почему команда на судне не должна голодать.

— Ах ты, паскуда! — в сердцах кричал Хвостов. — На верфи люди с голоду помирают, я команду из здоровых людей набрать не могу, а ты мне вместо сахарного песка спёкшиеся головы подсовываешь. Зерно фуражное сам жрать будешь, а мне чтоб на «Юнону» грузили только белую пшеницу!

— Что здесь происходит? — расталкивая толпу, вмешался Резанов.

— Вот, господин офицер опять хозяйничать изволили. Спасу нет от этих морских разбойников... — попытался оправдаться Панаев.

— Ах ты, слизняк! Это кто разбойник, я? Заколю! — Хвостов схватился за шпагу, но на эфес легла тяжёлая рука камергера.

— Господин Хвостов, возьмите себя в руки! — голос Резанова прозвучал строго. В его интонации улавливались нотки гнева.

— Ваше превосходительство, Николай Петрович! Приказчики, подлецы, вас обманывают! Магазины полны товаров и еды. Вы приказали Корюкину и Попову судно строить, а кто строить будет? Работы на верфи остановлены, люди с голоду мрут, моих, юнонских, приспособили, так и те все переболели. Пока мы на балах развлекаемся, людям есть нечего.

— Уже пару месяцев как не до балов, Николай! Нынче и ворона деликатесом считается! Мы их с Лангсдорфом стреляли, пока те прилетали. Алеуты сказывали, что тюлень и сивуч вернулся. Я уже

распорядился отослать партию на их добычу, чтобы обеспечить Новоархангельск свежим мясом.

— А люди? Людей где наберём? Все болезни здесь не от голода, а от безнаказанности приказчиков, которые и вас, Николай Петрович, простите за откровение, начальством не считают. Давить их, как блох!

Хвостов, чьи слова были направлены не столько к Резанову, сколько к окружающим, вдруг наткнулся взглядом на немецкого профессора, и хотя лейтенант немцев не жаловал, но не уважать Лангсдорфа хотя бы за его человечность и чувство долга он не мог.

— Я должен тут говорить, — на ломаном русском произнёс Лангсдорф, который под тяжёлым взглядом Хвостова не выдержал и решил открыть глаза Резанову, а также заступиться за своих друзей, — что преступления приказчиков перешли все границы человечности. Я не имею сил лечить людей как хороший доктор, потому что больные умирают не от болезней, а от голода, который их вызывает.

Позднее в своих записках Лангсдорф изложит подробнее сложившуюся обстановку: «К чести лейтенантов Хвостова и Давыдова, следует добавить, что господа офицеры пытались всеми возможными средствами пресечь эти злоупотребления. Мичман Давыдов был настоящим отцом для больных и всегда был готов помочь им с тем милосердием, какое здесь редко можно встретить. Но черствость приказчиков, которые при исполнении своих обязанностей зачастую выходили за дозволенные рамки, не знала никаких мер. Исполняя свой долг врача, я пытался оказать страдающим всяческую помощь, которая была в моих силах, но мой голос, так же как и лейтенанта Давыдова, выдвинутый против злоупотреблений, был слишком слаб, чтобы быть услышанным. Тщетно я умолял, чтобы больным было выделено сухое, теплое, просторное и чистое помещение. Я даже нашёл то место, где они могли бы сносно расположиться. Напрасно я просил, чтобы мне было оказано сильное содействие в медицине. Когда я обращался к приказчикам с просьбами накормить больных, считая, что сахар, рис, патока и другие полезные виды пищи имеют большее значение для больных, чем медицинская помощь, и что для них можно приготовить целебный напиток из еловой хвои с патокой, приказчики смеялись надо мной и говорили: «Хорош доктор, который вместо лекарства лечит своих пациентов хорошей едой и питьем».

Тем не менее ни Вольф, ни Лангсдорф так и не смогли понять, что на Российско-американскую компанию здесь, в Новоархангельске, работали преступники и воры, убийцы и насильники. Эти

каторжане в глухих лесах Сибири умерли бы уже давно, а здесь, на новых землях, государство в лице Компании давало им шанс не просто выжить, но и принести хоть какую-то пользу.

Однако милосердие не знает условностей, и расчёт Лангсдорфа на великодушие и человечность Резанова оказался верным.

— Всё! — вдруг выкрикнул камергер. — Хватит человечество здесь гробить! Господин коллежский советник, любезный Александр Андреевич, — обратился он к Баранову. — Просьба собрать всех приказчиков в большом зале. При них должна находиться опись магазинов с полным списком провизии и её состояния. Господин Кусков, в помощь ушедшим намеренно алеутам приказываю выслать ещё две партии. Мяса должно быть много. Солонину, струженную с «Юноны», вернуть на корабль, равно как и часть юколы. Ситуация с больными грозит катастрофой, посему повелеваю выделить им дом, который подберёт господин Лангсдорф, и превратить его в госпиталь. Своего слугу Ивана назначаю помощником лекаря, дабы он овладел медицинской наукою и был способен оказывать помощь нуждающимся. Пшеница даётся лишь больным, и то на неделю по три фунта на человека, всем остальным выдавать юколу, по воскресеньям для всех варить кашу с патокою, давать по чарке водки. Господин Лангсдорф, вы обязаны будете каждое утро варить хвойное пиво из шишек и рома, который я приказываю отпускать в нужном профессору количестве. Это то малое, что можно сделать для сохранения человечества в здешних местах. Однако сия умеренность поможет сберечь людей и провизию для морских экспедиций на сей год, а иначе и ни одному судну нельзя будет тронуться, ибо юколы весьма мало, но и здесь оставаться без пищи нельзя.

Вечером после развоза, устроенного приказчикам, которые, впрочем, несильно расстроились, Резанов отправился на верфь проверить, как строится новый корабль. Но на эллинге камергер никого не застал. Только Корюкин и Попов производили какие-то обмеры. Им помогал Хвостов.

— Коля, хотел бы тебя посвятить в планы свои, ибо тебе быть их исполнителем.

Лейтенант свернул чертежи и, взяв в руки ружьё, направился вдоль берега вслед за Резановым.

— Как тендер строится? — спросил камергер. — К маю поспеем?

— Авось поспеем, — без особого энтузиазма ответил Хвостов.

— Не знаю, чем окончится наш вояж. Но надеюсь, что ты, как талисман этих краёв, вновь спасёшь людей от голода да прибавишь России новых земель. Но тут и о старых позаботиться надо. Япон-

цы повадились на Курильские острова. Твоя задача будет с новым судном и «Юноною» выдворить их оттуда. Справишься?

— Авось справимся...

— Что ты всё заладил — «авось» да «авось»?

— Да потому что живём мы здесь на авось. На что же планы наши опираться должны?

— В этом ты прав, Коля! Россия всегда жила милостью Божью, и наше «авось» — это отклик провидения на наши молитвы. Посему и новому судну, первому построенному в Новоархангельске, носить имя «Авось»! Как девиз затеянного нами.

— Мне нравится, ваше превосходительство! — оживился Хвостов.

— Теперь надеюсь, что наш «Авось» в мае на воду спущен будет. Он не успеет отправиться вместе с «Юноною» в Калифорнию, но и для него найдётся работа. Возвратиться сюда на «Юноне», коли Богу угодно будет, я полагаю в мае и тотчас, взяв с собою тендер, отправиться на курильский остров Александр посмотреть партию Звездочётова. Оттуда «Авось» отправится с донесениями в Охотск, а «Юнона» возвратится в Новоархангельск и пойдёт на зиму опять в Калифорнию, где думаю я остаться и пойти на гишпанском судне в Манилу, а оттуда в Батавию и Бенгалы, чтоб сделать чрез Охотск первый опыт торговли индийским товаром. А ты, Коля, на «Юноне» вернёшься с хлебом из Калифорнии на остров Баранова и накормишь промышленных, чтобы более не подвергать людей голоду зимой.

— Мысль хороша, — прокомментировал решение Резанова идти в Калифорнию командир «Юноны» лейтенант Хвостов, — но не очень приятна. Ныне, зная вашу горячность, ваше превосходительство, мы выйдем в море без задержек, забыв, что равноденствие на дворе, а нам надо идти к тропикам, где около этого времени стоят крепкие ветры. Хотя лучше моряку в море мучиться, чем на берегу от голода гнить.

Через какое-то время Резанова и Хвостова догнал Корюкин. Он попросил вернуться на верфь, где неподалёку от строящегося тендера на боку у берега лежала «Юнона». Корюкин показал на большую дыру у двадцать второго пояса обшивки, недавно залатанную свежим кедром и не накрытую медью, затем растрескавшийся планширь, но самая интересная находка ожидала русских дворян внутри. На парусах американской «Юноны» мастер нашёл клейма русских мануфактур.

— Судно, окрылённое русскими парусами, должно выдержать плавание, — заключил Резанов. — Господин Корюкин, сколько времени нужно для подготовки «Юноны»?

— Если людей свежих выделите, то через несколько дней с приливом можно будет спустить судно на воду.

— Господин Хвостов, вам как капитану повелеваю завести судовой журнал на «Юноне» и вносить отныне все события, дабы иметь отчёт перед императором. С завтрашнего дня приступайте к формированию команды.

Зима подходила к концу. За это время от голода в посёлке умерло 17 человек. Ещё 60 были настолько больны, что не имели сил подняться на ноги. Из оставшейся сотни человек Хвостову предстояло набрать людей для управления судном. Задача, поставленная перед ним, была весьма трудна: стоящие на ногах, хоть и не были пока похожи на тени, но все без исключения были поражены цингой. Тем не менее 24 января 1806 года в судовом журнале «Юноны» появилась первая запись: «Получил словесное признание от его превосходительства двора Его императорского величества, господина действительного камергера и кавалера Российско-американской компании уполномоченного Николая Петровича Резанова, чтобы изготовить судно к выходу в море к исходу февраля месяца. Приступя к работам, начал сперва кренгование и конопачение судна, на 30-е число время стояло довольно тёплое и ветры дули тихие от О к W через S».

Однако сильные морозы, начавшиеся пару дней спустя, остановили работы на целую неделю. Но даже это время Хвостов использовал на погрузку трюмов. 7 февраля сильнейший шквал с градом сорвал «Юнону» со швартов. К счастью, лейтенант Хвостов находился на судне и сумел противопоставить своё морское искусство бесчинствам природы. Наладившаяся со следующего дня погода позволила всего за восемь дней установить снятый на зиму рангоут, стоячий и бегущий такелаж — одним словом, вооружить судно и подготовить его к выходу. Памятуя о первом своём плаванье на «Елизавете», когда сорвавшийся груз едва не опрокинул судно, Николай приказал как можно крепче привязывать спущенные в трюм товары, запечатанные в бочки и тюки.

И вот 15 февраля 1806 года «Юнона», проходившая на траверзе крепости для налития воды из речки Калюжанки, салютовала пушечным выстрелом Новоархангельску. Расставленные по вантам матросы криками «ура» приветствовали собравшуюся на берегу толпу. Хвостов существенно перевооружил доставшееся ему судно. Две из восьми 4½-фунтовых пушек были стругены на берег. Их место заняли грозные 12-фунтовые каронады, кроме того, с крепо-

сти были сняты два трёхфунтовых единорога*. Вследствие перевооружения вместо восьми боевых орудий на судне их стало десять. Сверх того добавили и гребных судов: кроме баркаса и шлюпки на борт было поднято два ялика и две трёхлучных байдарки. Наладившись водой, «Юнона» стала на рейде Новоархангельска. За день до отплытия на борт поднялся мичман Давыдов и приказчик Панаев, которые занимались отпуском провизии для команды на берег. И вот наконец-то 25 февраля 1806 года лейтенант Хвостов, уже полноправный капитан судна, оставил следующую запись в судовом журнале «Юноны»: «В 10 часов пополудни поехал командующий с рапортом о готовности к выходу в море. В 12 часов отвалили с берегу его превосходительство Николай Петрович Резанов, при съезде палено с крепости из 7-ми пушек, от нас отвечал тем же числом пушек и поставил людей по вантам. В ½ 1-го часа при тихом ветре меж N и O, подняв гребные суда, вынул якорь, поставил марсель, брамсель, фок, грот, кливер и контр-бизань, салютовал крепости из 5-ти пушек, на что отвечали тем же числом. В то же время командующему судном объявлен ордер его превосходительства, по которому велено следовать на S. В полночь прошли на траверзе гору Эджумб». Так началось плавание в легенду.

К 1 марта 1806 года «Юнона» вышла на широту островов Шарлотты. Резанов намеревался зайти в бухту Кайган, но противные ветры не позволили осуществиться этому намерению, и по его распоряжению на судне были поставлены все возможные паруса, чтобы как можно скорее добраться до устья реки Колумбия. Там камергер намеревался исследовать окрестности, чтобы в дальнейшем построить в этих местах форт, который должен был, по замыслу Резанова, контролировать вход в реку с одной стороны, а с другой — являться убежищем для фермеров-промышленников, которые должны были в будущем снабжать зерном Новоархангельск.

Плавание было тяжёлым. Ежедневно список больных цингой пополнялся новой жертвой этой болезни. 8 марта вскрылась течь в носовой части судна, которую с трудом удалось устранить. Видавшие виды ваны от нагрузки начинали лопаться, как только на судне поднимались все паруса. Спустя две недели после отплытия из Новоархангельска показались скалистые берега той части Америки, где долгожданная река Колумбия впадала в Тихий океан.

* Единорог — русское гладкоствольное артиллерийское орудие-гаубица. Основными отличительными особенностями единорогов были стволы длиной 7,5–12,5 калибров и использование ядер массой от 4 фунтов до 3 пудов (от 1,8 до 40 кг, калибр 246 мм), что обеспечивало дальность стрельбы до 4 км. Стрельба осуществлялась ядрами, разрывными и зажигательными гранатами, бомбами и картечью.

Однако к вечеру радость была омрачена смертью одного из промышленников — Петра Антипина, болевшего цингой. Первые признаки цинги появились и у Резанова.

Крик с салюнга: «Бурун!» вывел команду, стоявшую над телом усопшего товарища, из оцепенения.

— Поворот оверштаг! — что есть сил заорал Хвостов, и прежде чем кто-либо из промышленников успел отреагировать на его крик, сам подскочил к штурвалу и крутанул его в нужную сторону. Давыдов, чётко отдавая команды, приказал убрать лишние паруса, а на гроте и фоке взять рифы. «Юнона» неслась на скалы, но вдруг, как будто упёршись бушпритом в незримый барьер, судно остановилось, и в тот же момент какая-то неведомая сила резко развернула его бортом к торчащим из воды камням, облепленным ракушками.

— Дивлюсь твоему мастерству, Николай! — подбодрил капитана невесть откуда взявшийся на шканцах Резанов. И, как бы продолжая разговор с собой, произнёс:

— Всё-таки не ошибся...

«Браво, Хвостов, браво! — радовался про себя капитан «Юноны». — Ты умел предузнать, ванты мало вытянуть и прочее. Браво! Есть надежда, что со временем выучишься узнавать, что бело, а что черно!»

Положив дагликс, Хвостов распорядился спустить на воду трехлучную байдарку для промера глубин в устье реки и уже намеревался сам отправиться для исследования входа в реку, но профессор Лангсдорф, отлично владевший приёмами промера глубин, напросился вместо него. Николай даже несколько успокоился. После спасения судна от кораблекрушения ему явно необходим был отдых.

Вернувшись, Лангсдорф сообщил, что вход в устье Колумбии слишком опасен, и осадка «Юноны» не позволит судну войти в реку без повреждения киля и днища. В каюте Резанова состоялся совет. Первым начал Лангсдорф:

— Сегодня от цинги скончался промышленник, ещё пятнадцать больны. Едва ли десять оставшихся на ногах моряков смогут безопасно вести судно. В таком состоянии людей продолжать плавание нельзя.

— Именно за тем я и намереваюсь войти в Колумбию, чтобы намять у диких провизии и накормить людей, — объяснил Резанов.

— При таком ветре и течении мы не сможем зайти в устье реки, которую перегораживает песчаная банка, — с тяжестью в голосе заговорил Хвостов. — Нынче дорог каждый час. Если потеряем здесь несколько дней, то уже не сможем ни в Сан-Франциско по-

пасть, ни домой вернуться. Для этого у нас просто не останется людей.

— Что вы предлагаете, господин лейтенант? — глядя на Хвостова, спросил Резанов.

— Идти на Сан-Франциско. Единственное, что нас может сейчас спасти.

— Согласен! — поддержал друга Давыдов.

— Будь по-вашему, господа офицеры! — согласился с ними Резанов. — В таком случае медлить нечего — в путь!

Уже через полчаса Хвостов направил свою «Юнону» к берегам Нового Альбиона.

Долгожданное равноденствие подарило путешественникам тот самый попутный северный ветер, на который так надеялся Хвостов. Лангсдорф получил распоряжение камергера приготовить пунш и раздать по кружке этого напитка команде. Напиток, изготовленный из рома, медного купороса и лимонного сока, вызвал радость у всей команды. Желанием камергера зайти в порт Бодега пришлось пренебречь, оставив мысли о торговле с союзниками-англичанами до лучших времён, так как здоровых людей на судне оставалось всё меньше, а ветер настойчиво гнал корабль к берегам Калифорнии.

«С бледными и полумертвыми лицами, — записал в своём дневнике Резанов, — достигли к ночи марта 24-го числа губы Св. Франциска и, за туманом ожидая утра, бросили якорь». По приказу Резанова на «Юноне» был спущен Андреевский военно-морской флаг и поднят торговый триколор. Николай Петрович осторожничал. Он был прекрасно осведомлён о том, что уже на протяжении более чем полугода Россия находилась в состоянии войны с Испанией, примкнувшей к Наполеону. Но в католической миссии Святого Франциска Ассизского об этом могли и не знать. Пользуясь неведением испанских колонизаторов, Резанов пустился на авантюру, пытаясь найти друзей в стане политического противника.

— Но это же чистое самоубийство! — возразил камергеру капитан «Юноны» Хвостов на маленьком военном совете, собранном в каюте Резанова прямо среди ночи. — По морским законам мы должны испросить представителей испанского правительства в этих землях соизволения на посещение порта Сан-Франциско. По сведениям, имеющимся от бостонцев, форт имеет девять 12-фунтовых пушек.

— Полноте, лейтенант! Зная подозрительный характер испанского правительства, просить о позволении считаю лишним. В случае отказа с их стороны мы обречены на гибель в море. В случае прорыва в гавань два-три ядра, посланных в нашу сторо-

ну, доставят нам меньше неприятностей, нежели их отказ. Предлагаю идти под торговым флагом прямо в порт.

— Но если соваться под пушки, я как военно-морской офицер настаиваю на том, чтобы не по-воровски, как торгошники, красться, а гордо под Андреевским флагом идти навстречу судьбе!

Давыдов поддержал Хвостова, и Резанов, поразмыслив о том, что если пушки с бастионов крепости их угостят ядрами, то им будет всё равно, какой флаг поднят на судне, принял предложение гордых военно-морских офицеров.

Однако намеченный на ночь прорыв в порт сквозь узкий залив Золотые Ворота потерпел фиаско: проклятый встречный ветер и сильное встречное течение охладили пыл Хвостова, и он решил рискнуть ещё раз на следующий день.

В том месте, где сегодня через пролив переброшен мост «Золотые ворота», 28 марта 1806 года разворачивались бурные события. В четыре часа утра Коля Хвостов приказал ставить все паруса вплоть до лиселей. Сменившийся за ночь ветер давал судну шанс проскочить под жерлами крепостных пушек испанцев до того, как они осмелеют и откроют огонь. Развив скорость в семь узлов, «Юнона» буквально ворвалась в гавань Сан-Франциско, оставляя позади суетящиеся расчёты пушек фортов, охранявших узкий пролив. Испанцы так и не рискнули открыть огонь.

На вопрос со стен бастионов о принадлежности судна Резанов по-испански гордо заявил:

— Мы русские! К вам прибыли с миром!

Крики с требованием бросить якорь раздались как раз в тот момент, когда Хвостов вывел «Юнону» за радиус действия крепостной артиллерии и, выполняя требование испанцев, спокойно положил якоря, развернув корабль так, чтобы весь берег оказался в зоне действия корабельных пушек.

— Картечью заряжай! — отдал приказ Хвостов, когда на берегу появились двадцать человек, скакавших верхом, среди которых были комендант крепости и монах-францисканец.

Выждав какое-то время момента спуска испанцами на воду лодки (как впоследствии оказалось, единственной во всём Сан-Франциско), но так и не дождавшись визита хозяев, Резанов послал на берег Гаврилу Давыдова и доктора Лангсдорфа сообщить о своём прибытии и, когда мичман уже устроился на кормовой банке, добавил:

— Скажи испанцам, что я тот самый, о котором они, надеюсь, извещены своим правительством, что шли мы на Монтерей, но жестокие бури, в равнодушие повредившие судно наше, прину-

дили меня искать убежище в первом встречном порту и что, исправившись, продолжим путь наш.

Произнеся это, Резанов вручил Гавриле гербовую бумагу от французского посла в России. «Как же всё-таки хорошо, — подумал при этом Резанов, — что на момент моего отплытия в кругосветный вояж Франция, а следовательно, и Испания состояли в союзе с Россией!»

«Юнона» возвестила Новый Альбион о своём прибытии семикратными пушечными выстрелами. Расставленные по вантам матросы салютовали криками «ура», в то время как испанцы готовили береговые батареи к настоящему горячему бою. На берегу возникла ещё одна проблема. Дело в том, что ни Давыдов, ни Лангсдорф не владели испанским языком. Тогда находчивый профессор заговорил на латыни, которую прекрасно понимали монахи. Как выяснилось после, Резанов оказался единственным, кто был способен свободно говорить по-испански, и это во многом определило его дальнейшую судьбу.

Через полчаса Давыдов привёз ответ, в котором говорилось, что от испанского короля уже прислано повеление об оказании помощи кругосветным пловцам и что комендант просит отобедать столь важную персону у него в Президио, и что все, что будет угодно чрезвычайному послу, с точностью будет выполнено.

На берегу Резанова встретил сын коменданта дон Луис Альварес д'Аргуэльо, заменявший отца, пока тот пропадал в столице, решая многочисленные проблемы края. Он был одет в непривычное для русского глаза полосатое шерстяное пончо и остроносые сапоги с большими шпорами.

— Рад приветствовать вас, дон Резанов, на землях Эрба Буэна*! — обратился дон Луис с особой вежливостью. — Довольно давно комендант получил сведения о вашей экспедиции вместе с приказом от короля Испании, чтобы в случае захода кораблей в наш порт принять вас в самой дружественной обстановке и обеспечить вас всем, в чем вы будете нуждаться. Следовательно, любая провизия, которой мы располагаем, будет предоставлена к вашим услугам. Однако при этом я обязан послать к губернатору курьера и оповестить о вашем приходе и потому вынужден спросить, где находятся суда «Надежда» и «Нева», под командованием капитана Крузенштерна и капитана Лисянского, о приходе которых мы предупреждены и о которых говорится в сопроводительных письмах? Что могло послужить поводом для столь великих изменений,

* Hierba buena (исп.) — хорошая трава. Так по-испански называлась местность, у берегов которой причалила «Юнона». Название «Сан-Франциско» в те времена носила только одна из католических миссий.

вынудивших дона Резанова прийти только на одном судне? Почему ни одного из вышеперечисленных судов с вами нет и вы руководите уже другими офицерами?

Камергер был удивлён тому, насколько подробной информацией обладают испанцы. Особенно его поразило то, что они знали его имя, но, не подавая вида, Николай Петрович тут же ответил по-испански, удивив на этот раз обитателей Калифорнии:

— Я возвратил их в Россию и, получив от государя императора начальство над всеми американскими областями, произвёл обзор поселений, зимовал в Норфолк-Саунде и, наконец, решился встретиться с губернатором Новой Калифорнии, чтобы поговорить с ним как с начальником соседствующей земли об обоюдных пользах.

Дон Луис удивлённо взглянул на камергера:

— Я и не знал, что земли Испанского королевства и Российской империи обрели общую границу.

— Затем я и здесь, чтобы сообщить об этом от лица русского правительства! — не моргнув глазом произнёс камергер, поправляя свой Мальтийский крест, к которому испанцы относились с особым трепетом.

Резанов форсировал события, но и этот блеф, подкреплённый всего десятью пушками «Юноны» и уверенностью камергера, в момент разговора уже прочертили невидимую линию, объединившую под короной Российской империи всё северо-западное побережье Америки. Целых тридцать лет Россия будет удерживать за собой земли, не подкреплённые никакими документами, а только лишь словом великого русского дипломата Николая Петровича Резанова.

Русскому посланнику и его верным друзьям Хвостову, Давыдову и Лангсдорфу подали коней. Корабельный плотник Корюкин, который, пользуясь привязанностью к себе Резанова, напросился в экспедицию, с облегчением вздохнул. Взяв на себя обязанности канонира, он выбирал цели для орудий судна, но заметив радостное оживление на берегу, расслабился. Николай Петрович и его спутники, узнав, что до резиденции коменданта, которую испанцы называли Президио, не больше мили, выразили желание идти пешком. После месяца напряжённого плаванья путешественникам было особо приятно ощутить под ногами твёрдую землю. Между тем корабль стали потихоньку разоружать и свозить на берег прямо напротив судна корабельные принадлежности и больных.

Блестящий ныне Сан-Франциско в те времена едва мог поразить воображение путешественника чем-либо, кроме аскетизма и убогой скромности. Лангсдорф подробно описал увиденное, так что и у нас сегодня есть возможность взглянуть на этот посёлок и

его обитателей глазами любознательного профессора: «Низкие деревянные дома состояли из одной четырехугольной комнаты. Жилище коменданта было маленьким и скромным. Гостиная с побеленными стенами была обставлена очень скудно. Одна половина гостиной с покрытым соломенными циновками полом служила для приема гостей. После сердечных приветствий нам принесли угощения и предложили настолько хороший ужин, насколько позволяла их кухня и винный погреб. Незадолго до сервировки стола, к нашему большому удивлению, мы увидели красивый сервиз из столового серебра. Учитывая скромный характер остальной мебели, стало ясно, что этот дорогостоящий американский металл действительно можно было найти в самых отдаленных [уголках] испанских владений. В целом в поведении этих достойных добросердечных людей царили дружба и согласие. На самом деле, в таком месте они едва ли имели какие-либо удовольствия или развлечения, но от них исходило семейное согласие и домашнее радушие.

Простодушная преданность, которую каждый член этого любезного семейства, казалось, чувствовал к другим, так заинтересовала нас, что вскоре мы пожелали продолжить дальнейшее знакомство с ними и очень жаждали познакомиться с каждым. У мадам Аргуэльо было пятнадцать детей, из которых тринадцать на то время были живы, некоторые из сыновей отсутствовали по долгу военной службы, другие оставались дома. Из взрослых незамужних дочерей нас особенно заинтересовала донна Концепция. Она была живой и подвижной, со сверкающим взглядом, пробуждающем любовь, чудесной белозубой улыбкой, приятными и выразительными чертами лица, прекрасной фигурой и тысячами других прелестей, но ее манеры были совершенно просты и бесхитростны. Подобных красавиц можно найти в Италии, Испании и Португалии, да и то нечасто».

Слова доктора дополняет Резанов, делясь увиденным в письме к Румянцеву: «Президио в рассуждении строения есть квадрат, из которого каждой бок имеет сажень до 60-ти. В нем двое ворот. Против главных фас содержит в середине церковь, а по сторонам казармы; в правом боку покои коменданта, офицеров, канцелярия и лавка, а в прочих фасах казармы и магазины. Строение из необожженного кирпича и покрыто травой. Стекол ни у кого нет, и потому весьма мало окон, чтоб в холодное время иметь более от ветров защиты».

Направляясь к Президио, любезнейший дон Луис д'Аргуэльо — человек вежливый столь же, сколь и словоохотливый, рассказал всю историю своего семейства:

— Рано или поздно наши государства должны были столкнуться на берегах Альта Калифорнии. Ведь к колонизации этих

земель нашего короля Филиппа V подтолкнула в своё время русская экспедиция Витуса Беринга в 1741 году. Узнав о новых землях на севере Америки с христианской миссией были отправлены братья ордена иезуитов, которые вскоре взяли под контроль новые земли. Это очень не понравилось молодому королю Карлосу III и 29 января 1767 он приказал иезуитам, которые создали цепочку из пятнадцати миссий, покинуть Калифорнию. Правда, часть из них уже были к тому времени изгнаны индейцами. На место иезуитов пришли доминиканцы и францисканцы. Они должны были занять старые иезуитские миссии и основать новые, продвигаясь как можно севернее вдоль побережья Тихого океана, и уже не мечом, а примером своего смирения позволить индейцам примерить на себя христианские ценности. 23 января 1768 года вице-король Новой Испании получил распоряжение от Карлоса III подготовить экспедицию, состоящую из четырёх отрядов,двигающихся вдоль океанского побережья на север. Морские отряды состояли из двух судов: «Сан-Карлос» и «Сан-Антонио». Один из сухопутных отрядов возглавил сорокапятiletний Фернандо Ривера, в полку которого служил и мой отец, дон Хосе Дарио д'Аргуэльо. Мой отец появился на свет в 1753 году в Сантьяго-де-Керетаро и стал первым ребёнком в семье, рождённым не в метрополии, а на землях Новой Испании. По достижении совершеннолетия отец вступил простым рядовым солдатом в драгунский полк, которым и командовал Ривера. За шесть лет он дослужился до звания сержанта и ещё через три года получил звание альфареза, которое соответствует вашему званию лейтенанта. Между тем морские отряды с большими трудностями из-за ошибок навигации достигли побережья у залива Ла Пас. Из двухсот пятидесяти человек экипажа судов выжило не более сотни. Тем не менее и морские, и сухопутные отряды продолжили исследование побережья. Всего за месяц люди преодолели гигантские расстояния и достигли Сан-Диего, затем, преодолевая по 10 миль в день отряд Гаспара де Портоллы, достиг небольшого залива, где были основаны ранчо Палос Вердос и миссия Сан-Педро*. Следующей миссией, основанной у океанского побережья стала Санта-Барбара, куда экспедиция Гаспара де Портоллы добралась 19 августа 1769 года. И наконец 1 октября после более чем тысячемильного марша перед исследователями открылся залив, о котором слышали от иезуитов. Следующих шесть тяжелейших месяцев исследований не позволили точно выяснить, является ли он именно искомым заливом Монтерей. Основав миссии Санта-Крус и Санта-Клара, партия де Портоллы двинулась по восточному берегу другого неизвестного залива**, однако вскоре вынуждена

* В настоящее время на этом месте расположен город Лос-Анджелес.
** Сейчас — залив Сан-Франциско.

была вернуться. На следующий год Портоллой прибыл в эти места уже морским путём и, убедившись, что в прошлом году посетил именно залив Монтерей, основал форт Монтерей, который является ныне столицей Калифорнии.

Продолжая начатое Портоллой, второй отряд полковника Хуана Батиста де Анза в 1776 году ступил на земли нашего полуострова. Испанские солдаты стали первыми европейцами, появившимися в этих краях. Мой дед по матери Хосе Хоакин Морага, первый помощник де Анзы, основал пуэбло Сан-Хосе у южной оконечности залива Святого Франциска, а затем севернее, на холме, поросшем высокой, в человеческий рост, травой, было выбрано место для нового поселения. 17 сентября 1776 года мой дед заложил Эль Президио Реал-де-Сан-Франциско — самый северный военный форт в Новой Испании на утёсах пролива, который он за красоту утренних красок назвал «Золотые ворота». Дед и 33 солдата стали первыми поселенцами в этих местах.

А год спустя Ривера, который к тому времени стал губернатором Калифорнии, и под командованием которого служил мой отец в миссии Сан-Диего вступил в конфликт с францисканцами из-за насильственного изгнания из их церкви новообращенного индейца. Он поссорился также с де Анзой и Морагой, которые выступали резко против насилия над индейцами, рассматривая их как будущую рабочую силу. Ривера использовал доминиканские миссии как жилище для испанцев-переселенцев, и это очень не нравилось не только монахам, но и де Анзе. Отец также впал в немилость. Многие годы испанский капитан Ривера и монахи-миссионеры никак не могли найти общий язык. Устав от постоянных конфликтов и стремясь удовлетворить свою страсть к приключениям, Ривера отправился в низовья реки Колорадо с исследовательскими целями. К нему присоединилась группа поселенцев. Отца он повысил в чине до лейтенанта и тоже взял с собой. Однако индейцы не простили Фернандо Риверу и, подкараулив, убили его. Остатки экспедиции Риверы вернулись к побережью Тихого океана и 4 сентября 1781 года отец основал Пуэбло де Лос-Анджелес. Весной 1782 года его назначили комендантом только что выстроенного форта Санта-Барбара, а пять лет спустя — комендантом форта Сан-Франциско. Ещё при первом посещении Сан-Франциско в 1780 году, пытаясь урегулировать конфликт Риверы и де Анзы, отец познакомился с урегулированной матерью, Марией Игнасией Морагой, которой едва исполнилось двадцать лет, и женился на ней. Так парень из незнатного молодого рода Аргуэльо породнился с представительницей древнего, влиятельного и уважаемого рода Морага. Четыре года спустя на свет появился я — Луис Антонио д'Аргуэльо. В то время ис-

панское правительство предоставляло высокопоставленным офицерам земельные угодья в обмен на их службу в армии. Это был единственный шанс отца удержаться на новых землях. В 1795 году губернатор Диего де Борика выдал отцу патент на земли. Вскоре миссионеры всё более активно стали обращаться в христианство индейцев, которые нанимались к отцу на работу. Пришлось и отцу идти на уступки монахам. Появились новые ранчо, основанные поселенцами. Земли Аргуэльо называются сейчас Ранчо-де-лас-Пулгас и включают в себя 69 000 акров земли. Мой отец является самым крупным землевладельцем в этих местах.

Так, за каких-то полчаса только что прибывший русский посланник, благодаря разговорчивому сыну здешнего коменданта, узнал об этих местах и его жителях больше, чем мог бы ожидать. По прибытии в Президио любезное семейство Аргуэльо приняло гостей радушно, уделяя всевозможные знаки внимания. В какой-то момент в дверях появилась одна из сестёр дон Луиса, пятнадцатилетняя Консепсьон, и заливаясь звонким смехом, вновь скрылась за дверью. По спине Резанова побежали мурашки. Этот задорный смех напомнил ему смех покойной Аннушки — дочери хозяина Сибири, когда он точно так же, изнурённый долгой дорогой, обедал в доме Шелихова. Николай Петрович тряхнул головой, словно прогоняя воспоминания, и, наспех попрощавшись, направился к берегу. Его спутники, заметив изменения в поведении камергера, не решились его беспокоить. Между тем на судно были присланы говядина, зелень, хлеб, молоко, и изнуренные моряки, подкрепляя свои силы, разделили удовольствие от свежей пищи с отобедавшими на берегу.

На следующий день на каком-то углу тростниковом судёнышке непонятной конструкции к борту «Юноны» пришвартовался встречавший русских днём ранее на берегу монах-францисканец Хосе де Уриа, пригласивший камергера от имени духовной братии отобедать в их монастыре. Резанов с радостью принял приглашение и в сопровождении верных офицеров и профессора, который уже успел приступить к своей научной деятельности, съехал на берег. Проезжая мимо Президио, по настоянию Резанова компания наведлась туда только для того, чтобы пожелать достойной семье д'Аргуэльо доброго утра. Путешественников угостили шоколадом, после чего они покинули гостеприимный дом и направились к миссии.

Дорога, покрытая рыхлым песком, была плохой как для лошадей, так и для пеших путников. Окружающая местность в целом была лишена растительности, и лишь холмы, кое-где покрытые низким кустарником, вносили в этот пейзаж немного разнообразия. Как и все испанские миссии в безлюдье Центральной Аме-

рики, миссия Святого Иосифа, принадлежавшая ордену Святого Франциска Ассизского, состояла всего из трёх монахов: падре Хосе Уриа — строгого настоятеля ордена, падре Мартина де Пандаэтта и самого весёлого и предприимчивого из них — дон Педро. Своим высшим долгом монахи считали просвещение индейцев, в чьих деревнях они давно уже стали своими людьми. Расписывая богатства края, дон Педро был приятно удивлён, когда, посетив миссию, Резанов предложил поговорить о делах торговых. Вскоре состоялся первый устный договор по обмену товаров, доставленных «Юноной», на муку, столь необходимую Новоархангельску. Отец Педро обязался поставлять по 42 мешка муки в неделю с оговоркой, что в случае нехватки мешков команда «Юноны» сама должна будет их нашить из бычьих шкур, предоставленных миссией. Для транспортировки муки к берегу проворный монах планировал привлечь местных индейцев. Но для начала торгового разрешения губернатора, которого с этого момента с нетерпением ожидали не только русские, но и францисканские монахи.

В ожидании коменданта крепости потянулись длинные дни, наполнявшие души новой надеждой и укреплявшие измождённые тела. К приезду начальника здешних областей деятельный Резанов старательно готовил почву. Положившись на стоворчивость и понимание монахов, Резанов раскрыл перед ними истинную причину далёкого вояжа «Юноны», описав голод в Новоархангельске, и попросил их поспособствовать в благополучном исходе русской экспедиции. Узнав о том, какие товары доставила «Юнона» к калифорнийским берегам, падре Хосе Уриа сказал, что готов на свой страх и риск начать торг без согласия властей, которое рано или поздно должно быть получено. На следующий день монахи в сопровождении дон Луиса д'Аргуэльо, который непостижимым образом узнавал обо всём, что творится в округе, поднялись на борт судна. В первую очередь францисканцев и губернаторского сына заинтересовали инструмент и металлические предметы, в частности, орудия для земледелия, предметы домашней утвари, ножицы, топоры, пилы, металлическая посуда. Кроме того, они нуждались в бочках, бутылках, стаканах, тарелках, платках и коже всех видов. Особый интерес вызвали бычьи шкуры и кожа для обувных подошв. Им были показаны туфли, сапоги, шляпы, платья. Дамы семейства д'Аргуэльо спрашивали о ситцевых и шёлковых тканях. Одарив всех барышень английскими платьями, Резанов завоевал роскошное красное окончателно. Концепция, которой досталось роскошное красное бархатное платье, в порыве чувств, нарушая этикет, обняла русского камергера. В надежде на дружбу и добрую волю испанцев и для под-

тверждения мирных помыслов и намерений Резанов подарил дону Луису д'Аргуэлью английское ружьё, каждому падре — кусок тонкого английского сукна, а миссии францисканцев — отрез золотого шитья для украшения церкви. Солдатам в крепости были розданы медные бляхи и полный комплект нижнего белья для каждого. Это был поистине широкий жест. Вскоре во всём Сан-Франциско не осталось ни одного жителя, не имевшего хоть чего-нибудь русского. Такими щедрыми подарками Резанов преследовал одну главную цель — обратить к себе сердца испанцев, чтобы в последующем они предпочитали торг с русскими, а не бостонскими капитанами, обворовывающими жителей посёлка. Каждый шаг камергера был продуман до мелочей.

Заручившись добрым отношением жителей и гарнизона Сан-Франциско, Николай Петрович задумал отправиться в Монтерей самолично, о чём письмом уведомил коменданта дона Хосе д'Аргуэлью, находившегося в Монтерее. Однако тот, сообразив, что путешествие иностранца в глубь страны может стоить ему места, сам поспешно собрался и отбыл в Сан-Франциско.

А на «Юнону» вскоре вернулись новоархангельские порядки. Матросы, состоящие в основном из промышленников, заметив разницу в климате, начали подумывать о том, как бы здесь остаться. С такой просьбой к Резанову обратились иностранные матросы: трое американцев и немец, нанятые в Новоархангельске. Чтобы избежать дальнейшего расползания либерализма в команде, Резанов приказал отправить смельчаков на один из островов* и содержать их там до самого отплытия.

Наведя на судне порядок, камергер, его верные морские офицеры и любознательный профессор всё чаще стали посещать дом Аргуэлью. Краса Калифорнии, юная донна Консепсьон д'Аргуэлью, чей смех так будоражил Резанова, оказалась барышней непростой. Первой жертвой её женских чар пал юный Гаврила Давыдов. По ночам он тайно покидал «Юнону», и, высадившись где-то в глухом углу побережья, пробираясь к Президио, минуя пикет испанцев, чтобы в очередной раз изъясниться в своих чувствах милой Консепции. Однако юная очаровательница ни слова не понимала по-русски и потому, одаривая Давыдова улыбками, быстро исчезала за окном. Но зато теснота и скромность жилища позволяла наслаждаться образами русской поэзии всему семейству д'Аргуэлью. Тогда настойчивый мичман стал приглашать на свои странные свиданья

* По иронии судьбы это место, названное русскими островом Смирения, впоследствии превратилось в печально известную тюрьму «Алькатрас». Членов команды «Юноны» по праву можно считать её первыми узниками.

доктора Лангсдорфа, говорившего по-португальски и на латыни, в качестве переводчика. Через какое-то время уже Лангсдорф искал повод самому увидеться с изяшной донной д'Аргуэлью без компании навязчивого Давыдова. Каково же было удивление обоих ухажёров, когда перед чудесной улыбкой юной испанки дрогнуло сердце лейтенанта Хвостова, и он, забыв с перепугу другие языки, признался в своих чувствах по-английски. Резанов, на глазах которого происходили все эти бурные страсти, следуя своим привычкам, устраивался поудобнее в кресле в каком-нибудь дальнем углу и с улыбкой наблюдал, как маленькая Консепсьон помыкает тройкой сильных и грозных в иных обстоятельствах мужчин. Он и не догадывался, что в сердце «красы Калифорнии» уже поселился образ молчаливого и доброго русского с грустными глазами, пленившего её своей загадочностью и умом — действительного камергера Его императорского величества Александра I, почетного академика Петербургской академии наук, обер-прокурора Сената, кавалера орденов Святой Анны второй и первой степени, обладателя высшего рыцарского звания — командор Мальтийского ордена — и кавалера ордена Большого Мальтийского креста.

Наконец-то, 7 апреля, приехал дон Хосе де Арильяго, губернатор Обеих Калифорний. Крепость и скрытая за мысом батарея, о которой команда «Юноны» даже не догадывалась, салютовали ему девятью пушечными выстрелами. Расторопный Резанов послал незаменимого Давыдова поздравить губернатора с прибытием и получил благодарный ответ с извинением за то, что по болезни ноги не сможет принять русского камергера в сей же день.

Путру следующего дня прибывший на «Юнону» монах дон Педро пожелал видеть Резанова. Когда Николай Петрович появился на палубе, монах поклонился и, извинившись за то, что комендант сам по старости своей и немощности лично не сможет посетить «Юнону», передал приглашение прибывшего с губернатором отца Луиса и Консепции — дон Хосе д'Аргуэлью. Резанову не терпелось познакомиться с комендантом крепости Сан-Франциско, но политические мотивы сдерживали его.

— Поблагодарите губернатора от моего имени за оказанную мне честь, — ответил камергер монаху. — Вежливость требует, чтоб был я у него с благодарностью за повседневные ласки семейства его, но так как сейчас в его доме губернатор, с которым я в отношениях политических, пусть извинит меня, но вынужден я отсрочить исполнение моих обязанностей.

— Вы меня неправильно поняли, дон Резанов, — замахал руками монах, — вас столь же хочет видеть и губернатор. Все уже в Президио, оделись в парадные мундиры, чтоб достойно принять вас...

— Сколь бедна испанская корона, что вместо офицеров по столь торжественным случаям монахов присылают... — съязвил Резанов.

— Неужто святые отцы хуже офицеров? — парировал весельчак дон Педро. — Мы живём в Америке и, ей-богу, кроме искренности, ничего не знаем! Ну, уж если недостаток этикета обидел вас...

— Отнюдь! — остановил его Резанов. — Будем считать, что церемониал окончен. Как я погляжу вы, дон Педро, человек умный. По возвращении с переговоров поговорим о планах Калифорнии.

— Если это не нанесёт вред испанской короне и папе...

— Папу только порадуют мои планы, а вот исполнять волю испанской короны не в моей власти — я служу русскому царю. А вам предлагаю послужить папе и нашему государю, занявшись землеустройством русских. Задумал я город заложить. При этом, ввиду нахождения здешних жителей в подданстве папы римского, готов в новом городе выстроить церкви католические и вас пригласить епископом. Если ваша миссионерская деятельность принесёт свои плоды и город новыми гражданами прирастет, то я как полномочный представитель Российской империи готов просить у императора нашего и вас принять в русское подданство. Вам — новая паства, нам — мир и согласие на границе. Наш государь император не будет против, если не православные, а католики станут его подданными. У нас на Руси и католиков, и иудеев, и магометан, да и просто нехристей хватает.

Резанов всячески старался претворить в жизнь выдвинутую Григорием Шелиховым идею продвижения границ российских колоний вплоть до самых северных испанских поселений на 40-й параллели. На берегу их разговор продолжился:

— Вы добились у губернатора разрешения на торговлю хлебом? — спросил Резанов, выходя из лодки.

Монах покачал головой и, наклонившись, произнёс на ухо камергеру:

— Открою тайну: губернатор перед самым отъездом получил сообщение из Мексики, что если не сейчас, то в скором времени воевать с вами будем. А вы о торговле помышляете.

— Какой вздор, — рассмеявшись, сказал камергер, пытаясь скрыть своё волнение. — В таком случае разве пришел бы я сюда и стал бы милости ваши принимать?

— Знаете, а ведь мы вас боялись даже больше, чем вы нас, когда «Юнона» вошла в гавань Сан-Франциско, — весело ответил дон Педро. — Мы подозревали, не с другим ли вы пришли намерением, ожидая скорого прихода ещё и тех двух судов, о которых говорилось в бумагах.

Взволнованный словами монаха, Резанов обронил платок. Спустившись с коня, он шепнул подоспевшему на помощь Давыдову, чтобы тот вернулся на судно и не пускал людей на берег.

— Зарядишь каронады картечью, а пушки — ядрами. Выставишь в порты левого борта все орудия и перенесёшь на левый борт все фальконеты. С моря опасности ожидать не приходится — пушки фортов до нас не достанут. Президию чтобы был постоянно под прицелом единорогов. Если начнётся суeta на берегу, про меня забудь. Пусть Хвостов тогда на своё усмотрение решает, как спасать «Юнону» и людей.

При въезде в Президию русского посла за воротами встретили испанские конные офицеры, пикет сделал на караул и губернатор в нарядном мундире самолично вышел во двор встретить почётного гостя. Напряжение Резанова немного спало, когда, проезжая площадь, он увидел веселые лица испанских красавиц, которых в случае назревающего конфликта, конечно же, не пустили бы на улицы.

Пожаловавшись на больную ногу, которая испортила планы по приёму русского камергера, губернатор пригласил всех в дом д'Аргуэльо. В большой зале Резанова представили коменданту города Монтерей дону Хосе Норьега, приехавшему с губернатором в Калифорнию. Но главным лицом сейчас являлся, конечно же, дон Арильяга — наместник вице-короля Мексики. Николай Петрович сообразил, что сейчас в доме д'Аргуэльо собрана вся политическая элита этой испанской колонии и что разговор простым не будет. Минувя дифирамбы и вежливости, которых требовал тогдашний этикет, Резанов сразу приступил к делу, описав картины страшного голода, который с трудом пережила Русская Америка.

— Приход мой имеет предметом благо американских областей, обоим державам принадлежащих, — продолжил Николай Петрович, когда милая Консепсьон поставила перед ним поднос с горячим кофе. — Я не стану описывать все недостатки Калифорнии и нужду наших селений, которые лишь взаимной торговлей отвращены могут быть и ей одной навсегда утвердятся союз между нашими государствами. Вы сии недостатки и без меня знаете. Только при выгодном обмене колонии процветать будут и берега наши, составляя взаимную между собою связь, всегда нашими берегами равно будут защищаемы и никто уже между нашими берегами водвориться не отважится. Земли короля Испании в Новом Свете столь обширны, что нет возможности их защищать. Видя ваши слабые силы, предупреждаю, что рано или поздно эти территории станут жертвой предприимчивости бostonцев или англичан. Может быть, война в Европе спасет ваши земли. А если думаете, что

мы сами хотим здесь водвориться, то уверяю вас, даже если отдадите нам Калифорнию, то и тогда по дороговизне ее содержания не сможет она приносить нам тех польз, каких мы столько же, как и вы сами, от взаимной торговли ожидать можем.

Пламенная речь опытного политика и дипломата заставила испанцев задуматься. Заметив колебание испанцев, Резанов решил их дожать:

— Я искренне скажу вам — нам нужен хлеб, который мы можем получать из Кантона, но Калифорния к нам ближе и имеет избыток в нем, который не может сбывать. Так вот я и приехал поговорить с вами как с начальником сих мест, чтобы заключить предварительный договор и после уведомить о нём наши дворы. Вот истинная причина приезда моего, и я покорнейше прошу вас решить скорее предложение мое, дабы не потерял я напрасно времени.

— Приятно слушать здравые мысли умного человека, — на хорошем французском ответил дон Хосе д'Аргуэльо. — Однако предлагаю сегодняшний день провести в знакомствах, а уж завтра заняться делами. Тем более что мои монахи, которым было поручено встретить вас, без меня преуспели в том, о чём их не просили.

— В таком случае, — весело ответил Резанов, пытаясь придать разговору шуточный тон, — я ещё более благодарен миссионерам, что они скорее нас сблизили. А посему прошу вас покорнейше приступить к делам нашим, ибо каждый день нашего пребывания у вас в гостях, несмотря на приятности, с которыми век бы не расставаться, грозит новыми смертями в российских колониях. К тому же это отсрочивает получение вами столь необходимых вашему краю товаров и торговых выгод. Чтобы цены были справедливы и не обидели жителей Калифорнии, предлагаю вашим офицерам, монахам и жителям миссий самим назначить цену нашим товарам.

Донна Консепсьон д'Аргуэльо, наряженная в роскошное красное платье — подарок русского дипломата, с восторгом слушавшая этого немолодого, но умного, уверенного в себе и настойчивого человека, поставила перед камергером очередную чашечку кофе. Вдруг на её руку легла тяжёлая ладонь Резанова.

— Мадемуазель, — по-французски обратился Николай Петрович к юной очаровательнице, — разрешите в знак почтения к вам подарить золотую диадему, усыпанную бриллиантами. Её носила сама русская императрица Екатерина II. Безусловно, ваша царственная красота заслуживает этого царского подарка!

Все присутствующие обомлели, когда из небольшого сундучка, предварительно доставленного на берег, Резанов извлёк сверкающую диадему и украсил ею волосы Консепсьон, у которой было

всего два праздничных платья: одно — доставшееся от матери и лет двадцать назад вышедшее из моды, и второе — подарок русского камергера, в котором она предстала перед ошарашенными братьями и русскими путешественниками. Убогость обстановки Президию резко контрастировала с красотой юной прелестницы и новый подарок лишний раз подчёркивал как прелесть красавицы, так и этот контраст. Сердце старого дон Хосе растаяло, и он готов был заключить в объятья этого обходительного русского, но этикет требовал сдержанности, и тогда дон Хосе в самых высокопарных фразах выразил благодарность за этот драгоценный дар. За мягкость и доброту губернатора Сан-Франциско называли «эль Санто», что означало «святой», и эти черты характера передались и его очаровательным дочерям.

— Как давно вы получали сведения из России о состоянии европейской политики? — вдруг спросил Арильяга.

Резанов насторожился, но заметив, что их разговор записывают, нарочито спокойно ответил:

— Не далее чем десять месяцев назад. А к чему этот вопрос? Наверно, вас волнует отношение между нашими странами? Смею заметить, что, несмотря на официальный мир между Россией и Францией, врагом которой является испанский король, отношения далеки от идеала, а может, на сегодняшний день и разорваны. Вы согласитесь, что мы с вами теперь в таком отдалённом углу мира, что, когда узнаем о войне, может быть, в это время и мир уже заключен будет. Я же проникся искренними чувствами к вам лично и к доброму семейству губернатора.

— В вашей искренности я не сомневаюсь, — после некоторой паузы вступил в разговор Арильяга, — но формальности требуют, чтобы вы доставили мне бумаги, вас уполномочивающие. Копии с них я обязан представить вице-королю.

— Охотно, охотно! — с радостью согласился Резанов, — Тогда, надеюсь, с завтрашнего утра займемся с вами нашими вопросами.

На берегу камергера встретил штурман Ильин, передавший Николаю Петровичу рапорт, в котором говорилось, что более двух сотен рейтаров стянуты со всей Мексики к миссии Санта-Клары и ожидают лишь приказа. Этот парад был устроен по случаю прибытия «Юноны» и двадцать миль, отделяющие вооруженных кавалеристов от беззащитной, больной и малочисленной команды судна, не могли гарантировать безопасности русских. Камергер ещё более напрягся, но не подал вида. Резанов, хорошо зная Александра I и тенденции российской политики царственного либерала, не мог быть уверен ни в чём, даже в собственных словах. Но теперь от

его дипломатического мастерства зависела судьба не только Новорархангельска, но и горстки русских людей, которых судьба занесла на край света.

На следующий день, предоставив Арильеге затребованные им документы, из всего разнообразия которых для снятия копий были отобраны только французские, Резанов продолжил разговор о провизии.

— Признаюсь, — медленно проговорил Арильяга, — что от всего сердца желаю вам успеха, но не скрою, что ожидая всякий час разрыва между нами, недоумеваю, как приступить к проекту вашему. Я искренне скажу вам, что крайне было бы желательно, чтобы вы до получения ожидаемого мной курьера поспешили дружески с нами расстаться.

— Зачем нам думать о неприятностях, — ответил Резанов, — если до сих пор ничто не препятствовало заниматься нам тем, что пользы обоим державам составляет?

— Вы желаете здесь купить груз хлеба, но скажите, на что такое количество, ибо для морского путешествия надобности в таком количестве у вас нет?

— Причины есть, и первая состоит в том, что судно требует починки и выгрузки балласта. Вместо него желательно нагрузиться хлебом. Сам хлеб желал бы я купить для того, чтоб, развезя его по немногу по всем территориям нашим в Америке аж до Камчатки, узнать, сходны ли будут цены, и выяснив надобности каждого места, определить в генеральном плане все потребное количество. Сейчас же мне необходимо знать, какими избытками Калифорния сможет снабжать наши земли на Севере? Впрочем, вы сами признаётесь, что тысяч пять пудов груза не являются предметом торговли.

— Согласен, но я слышал, что вы привезли и товары?

— Никаких. Только на подарки были взяты товары, да моим миссионером для обмена, а не торговли, что от вас и не скрываю.

— Всё, чем я могу вам помочь, — ответил губернатор, — это позволить купить хлеб на пиастры. Но в рассуждении товарообмена, вы меня простите, что касается пополнения хлебных запасов, хотя для меня это не затруднительно, но по строгим предписаниям правительства я не могу на это согласиться. При этом прошу вас, не объясняя причин, предоставить мне ноту ваших требований, в которой покорнейше прошу коротко рассказать обо всем вашем плавании из Петербурга.

— Сожалею, — расстроившись, произнёс Резанов, — что не решаетесь вы на торговлю и товарообмен. Товары «Юноны», как говорят жители, весьма им необходимы, и мне хотелось бы сбыть их для того, чтобы освободить судно. Впрочем, я легко избавлюсь

от своих товаров в заливе Бodega, а платить за хлеб миссионерам или своему приказчику — мне все равно. Жаль только, что монахи с приходом судна не удовлетворяют своих потребностей, но и это, к нашему общему удовольствию, легко можно согласовать. Миссионеры привезут хлеб, я заплачу пиастры, возьму от них квитанции, вы представите их вице-королю Мексики в подлинниках, а куда святые отцы употребят деньги, нам с вами заботиться не стоит.

— Нет, — возмутился Арильяга, — это тоже торговля. Мне шестьдесят лет, я имею безукоризненную выслугу, и совесть моя не позволяет пойти на это.

— Но ведь не корыстолюбие, а только желание пользы соотечественникам вашим к некоторому нарушению правил обязывает! Вы здесь лучше знаете надобности края, нежели их из Мадрида видят. Истинно в действиях ваших я, например, греха не вижу, а особенно, — с улыбкой добавил Резанов, — когда все жители, а особенно женщины, за вас преклоняют колена.

— Уж не донну Консепсьон ли вы имеете в виду? — рассмеявшись, заметил Арильяга. — О! Я вижу, что она уже прежде преклонила их за вас! Но шутки в сторону, — продолжил он, — вы не можете себе представить, до какой степени запрещена здесь торговля, и я вам расскажу такой пример: лет пять назад зимовало здесь бостонское судно, которое задолжало за провизию. Не получив от них наличных денег, решился я взять плату нужными товарами, но прежде направил к вице-королю послание и получил ответ, что на сей раз он согласен, но впредь никогда не повторять сей опыт, ибо это даст повод иностранным судам посещать наши порты.

«Чёртовы испанцы! — в сердцах выругался про себя Резанов. — Ничем от японцев не отличаются! Потому и теряют свои колонии одну за другой. Где нет торговли, там замирает жизнь, а они этого понять не могут!» Но вслух камергер высказал совсем иную мысль, всем видом показывая своё смирение:

— Чтob уверить вас в том, что я далёк от мысли желать вам что-либо предосудительное, позвольте мне оставить разговор сей и прошу вас только обнадежить меня, могу ли я получить нужное мне количество хлеба?

— Вы его получите! — был окончательный ответ Арильяги.

Не теряя времени, Резанов послал на корабль распоряжение разоружаться и сгрузить балласт, предоставляя самой судьбе и времени довершить торговые опыты, в исполнении которых русский дипломат был столь уверен.

Как и было оговорено, на следующий день Резанов передал Арильеге прошение о торговле. Однако прошло несколько дней, но

зерно так и не было доставлено. Между тем в Сан-Франциско начали расползаться слухи о войне России с Францией. Обстановку нагнетал и тот факт, что калифорнийская верхушка со дня на день ожидала фрегат из Санта-Блаза, отправленный для крейсерства у калифорнийских берегов. Эти обстоятельства, а также побег матросов, усугубивший и без того возникшие сложности, заставили Резанова изрядно понервничать. При этом испанцы оказывали всевозможные почести русскому посланнику: в любых поездках его сопровождали драгуны, а встречавшийся испанский пикет всегда приветствовал Резанова командой «на караул». Губернатор ежедневно встречал и провожал его, а манеры и вежливость камергера сняли с него всякое подозрение. Вскоре испанцы разрешили русским матросам ходить, где им вздумается. Единственной просьбой губернатора было не приближаться к фортам. Никаких балов (как это показано в знаменитой рок-опере) не было, да и быть не могло: в то время просто не существовало зданий, в которых их можно было провести. Если сравнивать Новоархангельск и Сан-Франциско того времени, то русское поселение выглядело просто мегаполисом по сравнению с калифорнийской провинцией. Тем не менее испанцы, любившие танцы до умопомрачения, готовы были танцевать всегда и везде. Как правило, музыкальные вечера проводились прямо под открытым небом. Любимый танец этих мест назывался баррего. Его исполняли две стоящие друг напротив друга пары. Танцующие сами напевали мелодию и задавали темп ногами. Резанову, Лангсдорфу, Давыдову и Хвостову пришлось приложить немало усилий, чтобы научить здешних дам английским танцам. Барышни так сильно полюбили эти танцы, что впоследствии все русские от моряка до камергера танцевали одновременно. Роль музыкантов на себя примерили солдаты гарнизона, умевшие играть на скрипке и гитаре. Временами им подыгрывали сам его превосходительство камергер Резанов и неунывающий Лангсдорф.

Луис д'Аргуэльо с момента появления в посёлке русских поговаривал о боях между животными — национальном развлечении испанцев. С этой целью он отправил несколько солдат для поимки диких животных, которыми изобиловала эта местность. Однако вместо быков на следующий день солдаты приволокли живого медведя, связанного верёвками и погруженного на волокуши, которые тянуло несколько волов. Обессилившее от жары животное привязали за заднюю лапу к вбитому рядом с озером колу. Бедолага дотопился до воды и плюхнулся в неё. Уже через несколько минут медведь ожил, устраивал заплывы, насколько это позволяла верёвка, и даже рычал, скрежетал зубами, отчего казалось, будто бы он

очень возмущён возможностью принять водные процедуры. Солдаты вновь отправились искать по окрестностям диких быков, так как на следующий день был назначен бой между ними и медведем. Однако, к большому разочарованию Лангсдорфа, предвкушавшего зрелище, которое он имел удовольствие наблюдать во время своей службы в Португалии, к утру медведь сдох. Чтобы хоть как-то компенсировать обманутые надежды, д'Аргуэльо предложил устроить корриду, которая и состоялась в тот же вечер. К удивлению Резанова, святые отцы, эмоционально убеждающие новообращённых проявлять нежность сердец, добро и сострадание, оказались самыми азартными зрителями этого кровавого представления. Единственной, кто отказался наблюдать за варварским действием своих соплеменников, была Консепсьон.

Ежедневно ухаживая за испанской прелестницей, Резанов отметил её предприимчивый характер и неограниченное честолюбие. В свои пятнадцать лет она выделялась из всего своего семейства желанием покинуть отчизну и увидеть мир.

— Прекрасная земля, тёплый климат. Хлеба и скота много, и больше ничего нет! — сокрушалась красавица.

— Зато моя Россия — огромная и красивая страна, — предавался ностальгии Резанов. — Но климат там не в пример здешнему. Он очень суров. Зимы длинные, а лето коротко. Люди вынуждены много работать для того, чтобы прокормить себя. В России жить тяжело, зато душа по праздникам наполняется колокольным звоном. Он льётся прямо в сердце и пробуждает добрые чувства у всех, даже у тех, кто забыл Бога...

— Хотела бы я жить в такой стране, — глядя на звёзды, мечтательным тоном произнесла красавица Консепсьон. — В стране, где в сердцах людей поселился Господь. Николас, заберите меня отсюда. Пусть земля скудна, а край суровый. Пусть! Но разве он хуже этих бесконечных холмов и одинокого океана?

— Лучше, моя нежная Консепсьон...

— Родители называют меня ласково — Кончита.

— Хорошо, Кончита. Я буду называть тебя так, как тебе нравится. Как называл отец, держа на руках, как называла мама, укачивая по вечерам, как называли братья и сёстры, с которыми ты играла в Президио. Нет, Кончита, наш край лучше. Несмотря на суровость он красив и изобилен. Зимы в России чисты и белоснежны, лето радует глаз зеленью и наполняет жизнью. Я пригласил завтра всю вашу семью на судно, так что мы обязательно встретимся.

— Как называется ваше судно?

— «Юнона».

— О, богиня любви и плодородия...

— Мы пришли с первым, чтобы прикоснуться к плодам второго.

— Вы удивительно открытый человек. Для дипломата вы говорите слишком откровенно и действуете слишком прямо. Все русские такие?

— Сердца русских людей преисполнены добрых чувств, радости и открыты для всех, кому не хватает человеческого тепла. Мы — не чванливые англичане, не скупые немцы, не хитрые итальянцы, не гордые французы. Поверьте моему слову, милая сударыня, узнав характер русского человека поближе, вы захотите с ним подружиться.

Открытость иностранца просто завораживала её. Неужели и впрямь они, эти русские, все такие? Кончита махнула на прощание платком. Резанов развернулся и направился к берегу, как вдруг позади себя он услышал слова, сказанные по-русски: «Я вас люблю!» Кончита слышала эту фразу и от Давыдова, и от странного немецкого профессора, спутника камергера, и, не спрашивая, что они означают, интуитивно догадалась об их смысле. Резанов замер, как вкопанный. Перед его взглядом промелькнула улыбающаяся Анечка Шелихова, его Анюшенька, именно от неё он в последний раз слышал эти слова. Благословив Резанова, видение исчезло, растворяясь в ночном тумане. Впервые за много лет странствий и одиночества его сердце растаяло. Николай Петрович обернулся. Перед ним, как тростиночка, стояла пятнадцатилетняя испанская красавица, из глаз которой катились слёзы. В ночь с 11 на 12 апреля 1806 года на скалистых уступах Сан-Франциско гордая Испания открыла объятия непостижимой и переполненной чувствами России. Они стояли рядом и смотрели на звёзды, отражённые в величественных водах Тихого океана.

Утром на «Юнону» прибыло всё семейство д'Аргуэльо. На судне был дан званный обед, на котором присутствовал сам комендант с тремя сыновьями, женою и четырьмя дочерьми. Незадолго до окончания трапезы куда-то исчезли Резанов и доктор Лангсдорф. Мгновенье спустя по палубе разлилась мелодичная скрипичная музыка, и вся семья коменданта во главе со старым доном Хосе высыпала из каюты. Резанов тянул смычок и его альт наполнял эти безлюдные места простыми и душевными мелодиями. Когда концерт был окончен, началось настоящее братание. Русская команда, заполонившая палубу, смешалась с испанцами. Штурман Ильин рассказывал дону Луису, старшему сыну дона Хосе, как устроен секстант, внимание барышень приковали к себе Давыдов и Хвостов, с важным видом водившие их по судну и рассказывающие ни слова не понимавшим

по-русски испанкам устройство «Юноны». Через какое-то время инициативу перехватил Корюкин, выстреливший поочерёдно из трёх пушек. Старшую сестру, Изабель д'Аргуэльо, веселил Хвостов, взялся покатасть на ялике. И только старый дон Хосе и Резанов, уединившись на шканцах, о чём-то напряжённо беседовали.

— Прошло пять дней, а положение наше не улучшается, — тревожным голосом произнёс камергер. — Каждый следующий день может принести большие неприятности. Обещанного правителем Калифорнии хлеба нет! На собственных людей своих нет ни малейшей надежды. Ещё немного — и они разбегутся. Дон Хосе, при всём моём хорошем к вам отношении, мне нужны объяснения: я должен знать причину. Ваша дочь Кончита довольно подробно описала мне политическую обстановку в этих местах. И то, что творится, не может не насторожить. Какую ещё жертву мне нужно принести, чтобы спасти своих соотечественников?

— Не надо жертв, — успокоил Резанова старый комендант. — Мы готовы выполнить обещанное. Все имеющиеся в округе мулы, лошади и быки уже заняты транспортировкой пшеницы и кукурузной муки. Во все близлежащие миссии разосланы курьеры с оповещением об открывшемся с вами торге. Мельницы работают день и ночь. Однако я хотел бы как отец прояснить ситуацию, возникшую с моей дочерью. Девочка в вас влюблена, но вы же знаете, сколь далека Россия. Вы не сможете быть вместе.

Глаза Резанова заблестели лукавым огоньком:

— Дон Хосе, не могли бы вы позвать Марию Игнасио Морагу д'Аргуэльо — вашу жену?

— С превеликой охотой, но зачем? — удивился комендант.

— Хочу сделать объявление в присутствии всей вашей семьи и моей команды.

Ялик Хвостова как раз причалил к борту «Юноны». И только Изабель д'Аргуэльо ступила на палубу, как её брат взял её под руку и прошептал, показывая на корму: «Смотри!» У основания бизань-мачты стояли Резанов, родители Кончиты и сама красавица-испанка.

— Господа! — громко обратился по-испански ко всем присутствующим Николай Петрович. — Я собрал вас здесь, чтобы в вашем присутствии предложить руку очаровательной донне Марии де ла Консепсьон Марчелле Аргуэльо!

Прежде чем кто-то что-то успел понять, Кончита взяла за руку камергера и произнесла:

— Я согласна!

Пока родители соображали, что же происходит, Резанов повторил своё предложение по-русски. Вверх полетели шапки. Команда

«Юноны» ликовала! Ошарашенные испанцы, выйдя из оцепенения, поддались общей радости, и вечер прошёл прекрасно. Далеко за полночь уставшая, но довольная семья коменданта возвратилась на берег.

Дальнейшее развитие событий описал сам Резанов: «Предложение моё сразило воспитанных в фанатизме родителей её, разность религий и впереди разлука с дочерью были для них громовым ударом. Они прибегли к миссионерам, те не знали, как решиться, возили бедную Консепсьон в церковь, исповедовали ее, убеждали к отказу, но решимость её наконец всех успокоила. Святые отцы оставили разрешению Римского Престола, и я, ежели не мог окончить женитьбы моей, то сделал на то кондиционный акт и принудил помолвить нас, на то соглашено с тем, чтоб до разрешения Папы было сие тайного. С того времени, поставя себя коменданту на вид близкого родственника, управлял уже я портом Католического Величества так, как того требовали и пользы мои, и губернатор крайне удивился-изумился, увидев, что весьма не в пору уверял он меня в искренних расположениях дома сего и что и сам он, так сказать, в гостях у меня очутился. Тридцатилетняя его и примерная с комендантом дружба обязывала его во всём с ним советоваться. Всякая полученная им бумага проходила через руки Аргуелло и, следовательно, чрез мои. Но в скором времени губернатор смелся*, сделал мне ту же доверенность и, наконец, никакая уже почти ни малейших от меня не заключала секретов. Я болтал час от часу более по-гишпански, был с утра до вечера в доме Аргуелло, и офицеры их, приметя, что я ополугишпанился, предваряли меня наперерыв всеми сведениями так, что никакой уже грозный курьер их для меня страшен не был.

Между тем удивился я, что миссионеры не везут хлеба, и дал заметить губернатору мое неудовольствие. Он чистосердечно открыл мне, что святые отцы, ожидая курьера, думают, что всем грузом судна даром воспользуются и для того медлят. Я столь же искренне отвечал ему, что он тому причиною, что держит гарнизон в Санта-Кларе? И что когда прикажешь ему возвратиться в Монтерей, то слухи сами по себе исчезнут. Губернатор удивился, что и скрытые распоряжения его мне известны и, отыгрываясь шутками, послал тотчас повеление отряду возвратиться, а миссиям подтвердить, чтоб желающие ставить хлеб, везли его, иначе другие обязан он будет принять меры и в то же время по просьбе моей приказал в Пуэбло инвалидов, где у меня посредством братьев Консепси хлеб заготовлен был, идти первому транспорту».

* Составил смету — список товаров.

Таким образом Резанов развязал калифорнийский клубок проблем, обезопасив себя и свою команду, закупив хлеб и договорившись о помолвке с прекрасной Кончитой.

К утру 13 апреля на берегу, ещё не забывшем ночные прогулки влюблённых Кончиты и Николая, появились первые мешки с кукурузной мукой. Всю следующую неделю окрестные миссии были заняты одним — доставкой зерна и муки на побережье, где была пришвартована «Юнона».

Пока шла погрузка, у осмелевшего Резанова родился ещё один проект. Николай Петрович, произведя расчёты, пришёл к выводу, что продукты, возимые из Калифорнии напрямую в Охотск и на Камчатку, будут в несколько раз дешевле тех, что доставляются по суше. Да и разворовывать их на просторах Тихого океана будет некому. Снабжение же Новоархангельска виделось ему уже сбывшимся проектом. Таким образом, русский торговый флот мог бы перехватить инициативу у американцев и англичан во всей северной части океана. Торговля мехом, который был не бесконечен, отходила на второй план, а присутствие России в океанах только бы укрепляло её могущество. Прозорливый политик и государственный деятель, Николай Петрович Резанов в своих мыслях предопределил дальнейшее развитие Дальнего Востока и Русской Америки: «Прежде мыслил бы я усилить Новоархангельск, посылать из него суда в Кантон и обращать их в Сибирь и Америку, где скорее вернее и оборотливее будут рейсы их. Из Петербурга уже отправляют суда с нужными товарами не иначе, как чтоб они здесь оставались. Тогда подкрепится Америка, усилится флотилия ее. Сибирь оживет торговлею, и когда уже не будет возможности сбывать всех товаров, время само собой покажет ту эпоху, в которую полезно будет предпринять торговлю кругосветную, иначе же, признаюсь вам, все будет пустой лишь блеск, а пользы ни малой». Эпоха русских кругосветок, о которой так мечтал камергер, всё-таки наступила, и благодаря ей Россия сумела более полувека удерживать и успешно развиваться на этих землях.

Между тем своз зерна на берег продолжался, но очень медленно. Отсутствие повозок и лодок, малолюдность Новой Калифорнии, да ещё эпидемия кори, доселе неизвестная индейцам, унёсшая много жизней, затрудняли выполнение обещания, данного губернатором Резанову. Ко всем неприятностям добавилось ещё одна: Монтерей атаковало несколько индейских племён, что вообще сводило на нет все планы Резанова. Но и здесь Николай Петрович нашёл выход. Встретив Арильягу предложил ему задействовать лодки «Юноны» для транспортировки зерна. Облег-

чение участи людей и лошадей было настолько очевидным, что губернатор с готовностью согласился на это. Он распорядился развести на пристани большой костёр, чтобы его огонь и дым могли служить указателем для лодок. Командовать этой экспедицией был назначен Давыдов, разрешивший профессору Лангсдорфу сопровождать его.

— Мне нужна карта залива, расположение батарей, схемы скрытых фортов, по возможности количество и калибр пушек, находящихся в них, — напутствовал Гаврилу Резанов. — Береги людей, мичман! В стычки с дикими и гишпанцами не вступай! Ну, с Богом!

Сказав это, камергер оттолкнул ногой от берега лодку, и Давыдов направил свою маленькую флотилию к миссии Сан-Хосе, лежащей на противоположной стороне залива. Буквально на следующий день погода испортилась и почти неделю мичман со своими людьми, борясь с волнами ветром, наносили на карту берега Калифорнии. Первый выход в море профессор Лангсдорф считал неудачным и только мичман Давыдов, несмотря на отвратительную погоду, чему-то про себя улыбался, а штурман Ильин попросил, да так и не отдал последний карандаш профессора. В результате были положены первые штрихи второй после Ванкувера карты этой части Калифорнии. Первая попытка тем не менее не остудила намерений любознательного профессора Лангсдорфа, и в итоге в сопровождении двух промышленников, Михаила Кальянина и Петра Полканова, он всё-таки достиг миссии Сан-Хосе. Там его с радостной улыбкой встретил дон Педро. Пригласив в пузбл Лангсдорфа и его спутников, он лукаво заметил:

— Камергер, не приложив и грамма усилий, пленил сердце малышки Консепсьон. Выросла девочка. Всего каких-нибудь пятнадцать лет назад, когда мы вместе с д'Аргуэлью приехали сюда и стали первыми поселенцами, на эту девственную землю явилось чудо в лице девочки с личиком ангела. Она стала первой, кого я крестил на землях Новой Калифорнии. И вот теперь она стала совсем взрослой. Не сокрушайтесь, что не вам досталось это создание! Она принадлежит этой земле и Богу. Не вы, а дон Резанов готов верой, а значит, и любовью объединить наши народы.

Эти простые слова на латыни, произнесённые монахом, исповедующим чуждую для профессора веру, сняли камень с души Лангсдорфа. Вернувшись к байдарке, Лангсдорф и промышленники попытались преодолеть приливные волны, но, не справившись с течением, вынуждены были искать пристанища на берегу. Какое же было удивление профессора, когда промышленники, уйдя на речку якобы, чтобы постирать бельё, сбежали и пропали без вести.

Нашли их нескоро и через Вера-Круз выслали в Россию. В дальнейшем судьбы калифорнийских беглецов сложились таким образом, что до конца дней им пришлось служить матросами на судах Российско-американской компании. А пока же на берегу была поднята тревога, но даже стянутые к миссии Санта-Клара рейтары не смогли отыскать русских промышленников. К концу года их всё-таки нашли. Добрые монахи-францисканцы спрятали беглецов и научили их разговорному испанскому языку. Впоследствии и мисионеры, и гарнизон Сан-Франциско использовали русских «полиглотов» в качестве переводчиков — в Калифорнии начиналась эпоха торговых отношений с Россией, мерной поступью шедшей навстречу с гордой Испанией, пока границы двух стран не сомкнулись у 41-й параллели...

Пока Лангсдорф путешествовал по миссиям, навестивший с очередным визитом Президио Резанов получил из Мексикистораживающие депеши и газеты, из которых узнал о позорном для России политическом и военном провале под Аустерлицем. Настроение Николая Петровича резко испортилось. Он перестал шутить и улыбаться. И только щебетание Консепсьон хоть как-то успокаивало его сердце:

— Ты так печалишься о своем государе, сердце которого столь мягко и о котором по всей земле говорят как о пресвященном человеке! Мы завидуем счастью подданных такого императора, который о народе своём заботится более, чем о себе. У тебя большое сердце, Николас, если рядом с любимой женщиной ты готов разлить свою любовь на Родину, на страну, в которой родился, и на свой народ!

— Господи, что делается в отечестве моём? Всегда речи иностранцев, хваливших Россию, радовали душу, а сейчас разрывают её. Милая Кончита, после помолвки я вынужден буду отправиться домой, в Россию, но через полтора, максимум два года я вернусь в качестве полномочного посла и возьму тебя в законные жёны. Нашими усилиями здешние земли наполнятся всеобщей любовью.

Кончита, старый комендант, его старший сын Луис и вся семья д'Аргуэлью старались одарить камергера и всех русских тем душевным теплом, на которое только были способны. Последние дни пребывания в Калифорнии запомнились Резанову так: «И, действительно, всякий день имел я новые опыты дружбы их, все было в совершенных повелениях моих, гарнизон беспрестанно был в разъезде, поуждая скорее к возке хлеба, люди их наливали нам воду, словом, все наперерыв угождало, и я не имел никаких уже затруднений, занимался одними распоряжениями и несмотря ни на военные слухи, давал гишпанцам праздники и обеды и приятным

для них образом занимал всегда тех, которые от командировок моих в Президии оставались. Губернатор в доказательство искренности и с слабыми ногами танцевал у меня, и мы не щадили пороку ни на судне, ни на крепости, гишпанские гитары смешивались с русскими песельниками, и при всех недостатках моих калифорнцы, думаю, долго приход одаривших их русских вспоминать будут, ибо признаю Вашему Сиятельству, что не щадил я ничего, чтоб вперить в сей части света должное к российской нации уважение».

Окружающие Президию миссии продолжали свозить к берегу хлеб, причём в таком количестве, что Резанову пришлось даже просить остановить этот процесс, так как даже освобождённая от балласта, артиллерии и груза «Юнона» не могла принять более 4500 пудов зерна. Кроме злаковых и бобовых на судно было загружено 470 пудов сала и масла и 100 пудов соли и прочих вещей. Пшеница, горох, бобы, ячмень, масло, солонина наполняли трюмы судна до тех пор, пока оно не село ниже ватерлинии. А продукты всё продолжали прибывать и складироваться на берегу.

24 апреля 1804 года состоялась помолвка русского камергера Николая Петровича Резанова и дочери коменданта миссии Сан-Франциско Марии де ла Консепсьон д'Аргуэльо. Из-за разности религий о свадьбе или венчании — церковных обрядах не могло быть и речи, но Резанов обязался добиться разрешения на брак у Священного Синода и лично у императора Александра I, а также у самого папы римского. Помолвка же была обрядовым действием, после которого мужчина и женщина могли считать себя женихом и невестой. О помолвке объявил дон Педро, духовник Кончиты. «Юнона» вновь принимала испанских гостей. Вот как запомнил это действие лейтенант Николай Хвостов: «Зван был обедать губернатор господин де Аргуэльо, которому салютовано из 7-ми пушек, а нам отвечали из крепости из 9-ти. Во время обеда пили за здоровье нашего государя императора и его католического величества. Тогда от нас палили из 13-ти, а из крепости отвечали из 15-ти пушек. Для прочных связей торговых и дружбы между Россией и Гишпанией палено от нас из 9-ти, а из крепости из 11-ти пушек. В 7 часов вечера губернатор отправился в Президию и пригласил всех нас на вечер».

Казалось бы, о чём может думать жених после помолвки? Конечно же, о невесте. Но, глядя в ясные глаза Консепсьон, Резанов начал ясно сознавать, что начался обратный отсчёт. А дел было ещё невпроворот. Ведь по его замыслу русским предстояло вернуться сюда и водвориться, а карта залива так и не была закончена. Поэтому поутру следующего дня Резанов отдаёт распоряжение Хвостову закончить начатое неделей ранее его другом

Давыдовым. А может, Николай Петрович просто хотел отсрочить своё отплытие и провести как можно больше времени со своей калифорнийской невестой? Ответ на этот вопрос каждый найдёт в своём сердце. Мне же кажется, что Резанов никогда не делил своё чувство любви на любовь к женщине и любовь к Родине. Так или иначе, но ещё десять дней Николай Петрович и Консепсьон провели вместе. О чём они разговаривали, думали, мечтали? Почему встреча с русским камергером так резко изменила судьбу первой красавицы Калифорнии? Каким чудесным образом Николай Петрович заставил дрогнуть сердце гордой испанки, полюбившей далёкую, незнакомую страну — родину человека, который воспламенил в ней самые возвышенные чувства? Как известно, положив жизнь на алтарь любви, Кончита так и не вышла замуж, и посвятила остаток дней своих служению людям: она занималась просвещением индейцев, организовывала школы, госпитали. С её лица не сходила улыбка. Когда Консепсьон, дав обет молчания, ушла в монастырь, её за живость характера, не утерянного с годами, прозвали «танцующей монахиней».

Резанов сумел купить жизненно необходимое продовольствие у представителя государства, с которым Россия находилась в состоянии войны! Это вершина дипломатии! Резанов был умнейшим человеком эпохи. Кончита знала, кого полюбила, и не променяла свою любовь на бранные соблазны этого мира. Она, безусловно, совершила подвиг любви! И не надо жалеть дочь калифорнийского губернатора. Как можно жалеть человека, который любит? Жалеть надо тех, кто не познал этого чувства. Эта любовь наполнила смыслом жизнь женщины. После знакомства с Резановым она родилась заново — духовно. Впрочем, в наше чёрствое время не всем это дано понять. И всё же не стоит унижать жалостью человека, который смеётся и танцует. Узнав о смерти своего жениха уже через год из письма Баранова её отцу коменданту Хосе Дарио д'Аргуэльо, её отцу, Консепсьон тем не менее нашла в себе силы оставаться верной своей любви до конца. Разве объективная реальность — помеха вере?

Передо мной лежит карта Калифорнии, составленная штурманом Ильиным и лейтенантом Хвостовым, и судовой журнал «Юноны», в котором описаны заключительные дни пребывания русских в Калифорнии. Предлагаю читателю вместе со мной перевернуть его последние страницы, чтобы до конца понять глубину замыслов Резанова:

«Апрель 1806 года.

25. Под видом отыскания двух бежавших матросов Его Превосходительство испросил позволения послать по губе два гребных суд-

на. К вечеру начальствующий лейтенант Хвостов, подштурман Ильин и 8 человек команды отправились для описи губы на северный берег. Во время трёхдневной поездки сделана карта. Сей противу лежащий крепости берег Святого Франциска гораздо возвышеннее южного, о двух уступах. Мыс сей расположила натура так, что легко могут на обоих высотах поставлены быть крепости, их которых каждая в силах вредить гишпанцам, сама не быв подвержена ни одному выстрелу, потому что слишком возвышен берег сей. И вся почти северная сторона губы изобилует крупным лесом, мне не известно, окромя одного каштанного и ещё одного, которого имел честь кусочек доставить Его Превосходительству, за которое могу быть порукой что отменно крепко и удобно для набору судов. Проезжая далее по губе, увидели мы внутрь вдавшуюся бухту, которая направление своё имела прямо к губе Бодеге, которая и на карте капитана Ванкувера положена не более от берегу, как на 25-ть итальянских миль. Я следовал в эту губу. Глубины было достаточно и окончание оной не видел. Взяв провизии с собою не более как на трое суток, принужден был возвратиться. Я уверен, ежели залив не соединится какою-нибудь малою речкою с портом Бодеге, то утверждаю, что перешеек весьма невелик и ежели счастливый опыт торговли, сделанной Его Превосходительством с Калифорниєю, будет существовать, то можно смело сказать, что ежели бы русские сделали своё заселение в Бодеге и, пользуясь сим малым перешейком, поселились на северном берегу губы Святого Франциска. Гишпанцы — так как фанатики ничем не занимаются, даже не имеют ни единой лодки и фрегаты, им доставляющие провизию, — на северный берег смотрят такими же глазами. Однако я видел рогатый скот, множество серн — диких коз, медведей и множество дичи. Также, видно, для пробы, разбрасываются семена пшеницы, бобов и гороху, которые, как кажется, много лет без всякого присмотру и в руках одной природы и доброго климата.

29. Ял и байдарка, ездившие для описи, возвратились.

Май

1—7. Вооружали судно, переменяли такелаж и перевозили остатки товаров.

8. Кончив погрузку, забрав рангоут и людей с берегу, хлеба разного примерно погружено 4250 пудов. Подняли якорь, чтобы переменить место и подойти ближе к устью губы. Ветры во всё время стояния нашего в порте Святого Франциска дули от NW.

10. Получил повеление от Его Превосходительства отправляться в порт Новоархангельск.

11. В 8-ом часу пополудни при свежем брамсельном ветре от NW подняли якорь. Стали лавировать из губы, проходя крепость

на которой был тогда губернатор и комендант со всею своею фамилией. Все гишпанцы провожали нас. Мы салютовали крепости из 7-ми, крепость же отвечала 9-ю пушками и, махая шляпами и платками, желали благополучного пути. И так оставив порт Святого Франциска, направил курс свой к W».

«Юнона» только снималась с якоря, когда францисканский монах Дон Педро, крёстный Кончиты, быстро обрисовав в уме перспективы Калифорнии в случае брака русского вельможи и дочери коменданта испанской крепости тут же отрядил одного из своих братьев по вере ко двору его святейшества папы Пия VII для выполнения щекотливого поручения. Именно дон Педро стал той тоненькой ниточкой, которая связала интересы далёкой испанской провинции с русской торговлей.

Кончита, замерев, стояла на западном бастионе крепости. Её шаль развевалась на ветру, а глаза всматривались в морскую даль, где в дымке растворялась «Юнона»...

...Пройдёт сто лет. Сан-Франциско, превратившись в мегаполис, будет шуметь ярмарками и балаганами. В конце каждого представления к западному бастиону полуразрушенного форта будет подходить женщина с шалью, развевающейся на ветру, и искать глазами в бесконечной лазоревой дали парус. Эта живая картина будет наполнять романтикой сердца уже не испанцев, а американцев. И никто не вспомнит, откуда и почему родился этот образ. Из памяти людской сотрётся имя женщины, прождавшей своего возлюбленного 35 лет. Но мы, русские, должны чтить и помнить людей, чьи сердца были полны любви и веры: Николая Петровича Резанова и Марии де ла Консепсьон Марчеллы Аргуэльо.

Глава 5 ДОМОЙ!

Довольно паузы. Будет шоу.
«Авось» отплывте провозгласил.
Пусть пусто у паруса за душою,
Но пусто в сто лошадиных сил!

А. Вознесенский

Я ожидаю от господ членов столько себе снисхождения, что пожертвование судьбою моею не будет подвержено огласке. Впрочем, буде не заслужил я и сего трудами моими, то оставляю воле каждого, быв в себе спокоен, что столько же всюду старался соблюдать пользу отечества, сколько уверен и в том, что не сде-

ла я еще ни одного шага, противного чести или предосудительно-го для моих соотечичей.

Н.П. Резанов

Хвостов, стоявший на вахте, раньше остальных увидел и узнал ставшие уже родными очертания островов архипелага Александра. Рядом с ним стоял неразлучный Давыдов, в то время как Лангсдорф с помощью приборов пытался выяснить склонение компаса и описать природу магнитных отклонений и аномалий. «Юнона», пользуясь попутным ветром, шла на всех парусах. Неожиданно напряжённую тишину, которая зачастую бывает при трепетном ожидании долгожданного события, прервал весёлый речитатив мичмана Гаврилы Давыдова:

— Хвостов во океанах,

Как будто тройками на ухорских Иванах.

Нас на «Юноне» мчит,

Чрез горы водяные, туманы, мглы пустые...

— ...Встань за штурвал, пиит! — рассмеявшись, закончил за друга строфу Хвостов.

Николай Петрович стоял на шканцах и всматривался вдаль. Солнце клонилось к закату. Громадной тенью гора Эджкомб нависала над входом в гавань. Залив Норфолк-Саунд встречал героев гробовой тишиной.

— Лейтенант, — обратился Николай Петрович к Коле Хвостову, — прикажите возвестить крепости о нашем прибытии пушечными выстрелами!

Передав мичману Давыдову штурвал, Хвостов поспешил исполнить распоряжение камергера. Через несколько минут дружный залп по правому борту сообщил крепости о возвращении «Юноны» после длительного плавания. Однако ответной реакции не последовало. Лишь пятнадцать минут спустя одно из крепостных орудий окуталось дымом, и ещё через несколько минут поддакивающее тявкнул фальконет. При этом, вопреки ожиданиям, крепость не ожила.

Встревоженный положением, Хвостов буквально подлетел к Резанову.

— Ваше превосходительство, Николай Петрович, не нравится мне эта тишина! Может, дикие вновь взяли Новоархангельск? Ночью в залив нам не войти — ветер стих. Разве только байдарки отбуксируют...

— Если будет кому буксировать. Лейтенант, заряжайте носовые орудия картечью, а остальные ядрами и бомбами. Промышленным

раздайте ружья. Каждому пороху на три выстрела и пуль. Вдвое усилить дозор. Особо следите за правым бортом.

Нахмуренные брови камергера были явным признаком того, что ему сейчас не до шуток. «Странно! — размышлял Николай Петрович, тиснетно вглядываясь в ночную темень. — Не встретили ни байдарки, нигде человека не увидели. Неужели опоздали? Правда, ведь отчаливая, мы почти всех на смертном одре оставили. Что же стало с крепостью и людьми?»

Неожиданно на палубе выросла неизвестно откуда взявшаяся фигура человека.

— Эй, русский, давай бросай концы... — раздался голос человека в сивучьей парке. Тут же около двух десятков ружей со всех сторон упёрлись в небольшого росточком незнакомца. Хвостов сорвал с его головы капюшон. Перед командой предстал улыбающийся алеутский тойон. У Резанова отлегло от сердца. Несмотря на усталость и напряжение на «Юноне» закипела работа. Выглянув за борт, Хвостов обнаружил около полутора десятков байдарок с алеутами, которые уже спустя полчаса буксировали судно к якорной стоянке.

Утром 9 июня 1806 года Новоархангельск приветствовал своих героев семью пушечными залпами, на что с «Юноны» отвечали равным количеством выстрелов. Трюмы «Юноны» несли спасение жителям посёлка, население которого за три месяца существенно поредело. Когда судно, ведомое твёрдой рукой капитана Хвостова, уже подходило к месту якорной стоянки, расставленная по вантам для приветствия команда имела удовольствие наблюдать картину, вызвавшую всеобщий хохот. Главным героем действия предстал прежний капитан «Юноны» Джон д'Вольф, вступивший в единоборство с единственным оставшимся в посёлке бараном. Весельчак Джон был не из робкого десятка и стычка, названная им самим борьбой барана и волка*, была изложена отважным капитаном на страницах собственной книги, которую он написал незадолго до смерти: «Из домашних животных в деревне оставалось много собак и два барана — самец и самка, которых я подарил Баранову в прошлый свой приезд. За зиму съели двух старых коров и с десятка свиней. Овца в течение зимы, как считалось, была съедена волками или медведем, но мне кажется, что её съел кто-то из полугольных русских. А баран, находясь среди поселенцев, совсем одомашнился. К весне он вновь показал свой гадкий характер и драчливый нрав, демонстрируя неповиновение людям.

Мы с Билли, как я именовал барана, были земляками, и я же, как и он, оказался один среди чужих людей. Никогда не забуду

* Здесь игра слов. Фамилия капитана Вольф с английского переводится как «волк».

тот момент, когда, проходя мимо, я крикнул ему: "Привет, Билли!", и, как мне показалось, он признал меня. Однако однажды, когда я возвращался после обеда от губернатора, у начала спуска, где стояли часовой и неподалёку от него Билли, я по привычке поприветствовал животное и начал спускаться. Но вдруг я получил сильный удар в зад от сильно разозлённого человека или зверя и полетел вниз по склону с молниеносной скоростью и шоком, выбившим меня из равновесия. Сбравшись с силами и придя в чувство, я встал. Протерев глаза, я взглянул наверх и увидел обидчика, которым оказался Билли. Баран готовился к новому нападению. Я едва успел отползти в сторону, как он пошёл в новую атаку. На этот раз я успел от него увернуться, и, соответственно, не ожидавший этого баран пробежал изрядное расстояние, пока не пришёл в себя. Тем не менее, удовлетворённый результатом, он готовился нанести мне ещё один удар. Но теперь имея преимущество в высоте, я готов был принять его. Обстоятельства складывались не в его пользу, и успех его новой атаки был сомнителен. Я схватил его за шею и начал избивать, пытаюсь развернуть его от себя. Но как только я отпустил его, он бросился на меня снова. Наконец, поняв, что от него невозможно избавиться, я взял в руку камень, чтобы придать кулаку большую силу удара. У меня не было другого выхода, кроме как бить его до крови. Часовой, до сих пор спокойно наблюдавший за честным поединком, видя, что, вероятно, я просто убью животное, оставил свой пост и пришёл к нему на помощь.

Так закончилась комичная сцена битвы между бараном и Волком, в которой победа не досталась никому».

Едва успев ступить на землю Новоархангельска, которая не встречала камергера, как прежде кулинарными изысками Баранова, Николай Петрович приступил к решению возникших за время его отсутствия проблем. Первым делом он предупредил Баранова о том, что всё возможное для спасения населения города и приведения в порядок дел Компании он сделал. Исходя из новых видов, возникших на калифорнийских берегах, Николай Петрович сообщил Правителю, что не намерен задерживаться в Новоархангельске надолго. На вопрос о постройке тендера «Авось» больной и, казалось, более постаревший Баранов лишь пожал плечами. Судно на воду спущено не было. Его просто некому было строить. Картины голода поразили камергера: «По отбытии моем скорбут* свирепствовал как здесь, так и на Кадьяке. Умерло русских 17 человек. В порте Новоархангельске 60 человек было недвижимых. Американцы наши также были одержимы сею болезнью, и много

* Скорбут (устар.) — шига.

умерло. К счастью, марта 22-го числа подошла сельдь; люди, получив свежую пищу, начали ею оправляться, и теперь только 6 человек опасных, да 5 человек на костылях бродящих, которых стараемся подкреплять зелеными и хлебной пищею».

— Александр Андреевич, спешу сообщить вам, что «Юнион» пришла наполненная хлебом, — поделился новостью с Правителем Резанов, оставшись наедине. — Грузили его в таком количестве, что рисковали быть опрокинутыми в море. Кроме трюмов, хлеб везли и на палубах в мешках и бочках. С таким подкреплением в провизии можно прочно здесь основываться. А какие у вас успехи?

— Вот, огороды зазеленели, ваше превосходительство! — с нескрываемой радостью, указывая рукой в окно, сообщил Баранов. — Первый опыт удался! Земли здесь плодороднее, чем на Кадьяке.

— Рад, Александр Андреевич, сердечно рад, что, несмотря на неприятности, нашел я некоторую отраду в том, что убеждения мои для каждого к хозяйственной жизни имели некоторое действие.

— При всей слабости людей и болезни их ныне здесь вдвое более огородов, засеянных овощами и картофелем, которых я достал у бostonцев и которые все принялись чрезвычайно.

— Я тем более удостаиваюсь, что образование областей здешних в том порядке, в каком им быть должно, отвратит всякие недостатки. На вас моя надежда и надежда всех, кто судьбы свои вручил в ваши руки. Что касается неприятностей: уже знаю. Якутат разорён, Константиновский редут дикие едва не взяли. Голод забрал многих из нас, но, Александр Андреевич, более такого не повторится. Ни голода, ни разбоя, ни бostonских сделок с дикими. Для скорейшего укрепления должен я в Петербург немедленно с постройкой тендера отбыть, чтобы представить Компании и его императорскому величеству все виды мест здешних. С калифорнийцами завёл я мир и объявил земли до самой миссии Сан-Франциско российскими, поэтому скорее там водворяться надобно. Кусков уже плавал с о'Кейном на промысел в Калифорнию, пусть же теперь идёт туда же для заведения крепости, чтобы силой укрепить соседство наше. Испанцы его не тронут. Я помолвлен с дочерью коменданта Сан-Франциско и думаю вернуться через два года, испросив соизволения государя завести там русскую колонию и стать её губернатором. Торг с испанцами большие выгоды нам сулит, чем война с ними. Мой брак станет порукой твёрдого мира. Здесь же первым делом людство берегите и умножайте. По прибытии в столицу я испрошу у императора особые привилегии для здешних промышленных, чтобы те, что с семьями здесь, навеки оставались. А денежно Компания подкрепит людей. Однако

вам, Александр Андреевич, надо подумать о собственных деньгах, пусть хоть на шкурах отпечатанных. Обмен не даёт прибыль, а только удовлетворение нужд. Торговля же привлечёт и бостонцев и диких, что позволит вам держать их в денежной зависимости от этого края, который подобной торговлей прирастать будет. Лекарей вам вышло, чтобы мы не уподобились испанцам, у которых один лекарь на всю Калифорнию, а лекарств и вовсе не знают. Далее заведём гарнизон, который надёжно защитит людей и интересы Компании и России в этих краях. Судов теперь, как сами видите, кроме одной «Юноны», нет. На здешних же эллингах, доколе не усилятся край, людям успеха быть не может, хотя и сделал я штат верфи и расчёты для постройки здесь судов, которые, конечно, при всех расходах в половину против охотских обойдутся. Но до получения нужного числа людей труды мои остаются недействительными, и так, чтоб совсем не оставлять без нужных сообщений и транспортов край сей, поручаю вам покупать суда у Американских Штатов. В рассуждении о числе судов, офицеров, штурманов и матросов полагаю я сделать особые штаты, и всякое судно должно быть единожды навсегда людьми укомплектовано. Для должного порядка полагаю я в Новоархангельске, а со временем и в других гаванях капитана начальником над портом сделать. По возвращении моем не оставляю вниманием все лежащие на пути конторы и снабжу их новыми правилами, определяю каждой вещи соразмерную в продаже цену, дабы воры компанейские своей жадностью людей не морили, а промышленники могли себе позволить хозяйство заводить. Я уверен, что понижение цен, конечно, покажет каждому более от жалованья выгоде, нежели от паев им ныне ожидаемых. Доставка необходимых для края вещей и жизненных припасов поставлю я первою обязанностью контор. Также порох, ружья и другие не на продажу идущие статьи будут выставляемы во что обошлись себе с наложением одних провозных и страховых процентов, и надеюсь, в исполнении всего удостоверить вас с первым транспортом. Потребное для промысловых производств количество товаров должно ежегодно к вам доставляться, иначе в самом существе торговли не будет прочного основания.

А теперь самое главное: недостаток хлебных припасов подвергает людей болезням, голоду и самой смерти. Охотск не в силах снабжать Америку нужным количеством хлеба. Следовательно, необходимость влечет к обширной торговле, которая из разных мест доставит источники.

Произведенной мной опыт торговли в Калифорнии и согласие тамошних жителей поставили уже в вид надежные и неисчерпаемые источники, которые по возвращении моем постараюсь я пред-

ставлением правительству выгод от торгового прихода привести в действительное исполнение. Второй опыт, ныне мною к японским берегам предпринимаемый, ежели Бог благословит успехом, принудит, может быть, к торговле державу сию, и тогда одно пшено, каким Япония изобилует, составит безбедное уже здешнему краю прокормление. Третий источник, полагаю, Филиппинские острова, где хлеба вдосталь закупить можно. Четвертым, и самым надежнейшим, средством полагаю берега Нового Альбиона, на которые не оставляю я обратить все возможное внимание правительства, а вы с Кусковым уже и водвориться должны будете. Между тем и пятое средство есть — получение из Бостона нужного количества хлеба, которой всегда в половину охотских цен обойдется. А шестое поставлю в вид привозом из Кантона некоторой части припасов.

Но никакое место без гражданства упрочиваться не может. На нынешнем положении Компании все люди суть временные, и подвижная жизнь каждого лишает к обзаведению способов, а от того, пока не будет в областях коренных жителей, никогда здешние места не достигнут цветущего состояния. Довольно писал я о сем главному правлению. По сочиненным мною штатам все мастеровые и к портам принадлежащие люди будут неподвижны в местах своих, кроме тех, которые в промысла назначаются, и следовательно, они будут гражданами, а особливо, когда даны им будут земли в вечное и потомственное владение с платежом за землю по прошествии некоторых льготных лет. Сперва заведут они огороды, а потом со временем выстроят и дома, к чему должно их некоторыми пособиями от Компании приохочивать, и тогда, имея свою собственность и обустроившись, будут находить в том свое удовольствие, а имея оседлость, и сами сей край не покинут. Ныне объявившие желание остаться здесь должны получить от Компании пособие хотя бы в половину штатного им жалованья, ибо не имеют к пропитанию других способов. И в той же мере следует употреблять три дня в неделю труды свои на работы компанейские, а остальное время — на завладение домов и хозяйства своего. Когда получите достаточное число граждан, то предначертанное мною приведу в действие.

Нравственность, а паче воздержание от пьянства, влекущего каждого в пороки и преступления, должно быть в особом внимании. Пример тому — жившая здесь колошанка. Она столь внимательна была убеждениям моим, что не только в 9 месяцев моей бытности здесь капли водки в рот не брала, но даже удалялась от тех подруг своих, которые скрытным от меня образом сему пороку предавались. Приходившие к ней американки называли ее скупой, что водкою не потчует их. Но когда увидели, что она у них пьет

ее отказывалась, сперва смеялись над нею, но потом привыкли к сему, и наконец те, которыми не овладела еще страсть сия, старались уже подражать ей, а взаимные угощения и посещения их уже без водки обходились. Следовательно, от нас самих зависит, к добру или ко злу вести народ сей. И когда укрепятся училища, то одно юношество умножит людство. Тогда начальство должно по очереди достойных и надежных людей наряжать, чтоб забавы к общему удовольствию производились с благопристойностью. На сей-то предмет более всего полагаю я при гарнизоне музыку. Училища обоего пола воспитанников составляют впереди истинные силы области, и потому требуют деятельного и строгого о них попечения. Между тем на основании прежних предписаний моих поручаю высылать в Иркутск по несколько воспитанников с каждым транспортом.

Следующее — касаясь города. Строения по мере получаемых участков должны производиться прямыми линиями по плану. Обязую вас завести госпиталь, цейхгауз, гарнизонную гауптвахту! Наконец, заключу я замечания мои религиею. Отцов святых, что на Кадьяке пьяными в ногах у меня валялись и силой диких крестили, я поунял. Диким пример добродетели, а не силы и пьянства нужен. Я ходатайствовал главному правлению о высылке иконостаса и колоколов для предполагаемого здесь строения храма Божия, во имя Святого Архангела Михаила, также и о присылке семей священников, ответственно их жизнью более пользы приносящих. Наконец, поручаю вам, Александр Андреевич, не щадить ничего для сохранения человечества, снабжать людей в нуждах их хлебною пищею, подтверждая здесь, что таковыми на пользу ближнего издержками никто из акционеров не только не отяготится, но всякой за столь спасительное употребление капитала вам благодарен будет. Все сии соображения я изложил в инструкции, которую и имею честь вручить вам, а сам отбываю на эллинг, постройкой тендера «Авось» озабочиться.

Произнеся это, Резанов отдал Баранову несколько исписанных листов бумаги, которые сейчас известны историкам под названием «Секретные инструкции». Эти несколько листов стали основой продуманной программы по улучшению благосостояния местных жителей.

Просматривая пожелтевшие от времени бумаги «Секретной инструкции», поражаешься не только дальновидности и прозорливости Резанова, но и его организаторским способностям. На импульсе камергера, который дало его посещение русских факторий на островах, Российско-американская компания просуществовала

да почти полвека. Многие из намеченного претворилось в жизнь, что-то не вышло. И всё же самое главное, чего добился Резанов, — это запуск нового механизма управления краем, который позволил превратить его из «пьяной республики» в упорядоченную автономию. В 1812 году на границе Калифорнии был основан форт Росс, в 1818-м — место Правителя Баранова заняло новое руководство, состоящее из сменного морского капитана, тогда же стали печатать кожаные «марки» — собственную валюту Русской Америки, успешно действовали школы и училища, что привело к такому явлению, как практически поголовная грамотность. И это в середине XIX века на задворках Российской империи! Фактически в состав России вошли Гавайские острова. В это время Россия занимала самую большую площадь за всё время своего существования — от Варшавы и Хельсинки на западе, до Гавайев, Калифорнии и Аляски — на востоке. А пережитый зимой 1805—1806 годов голод больше никогда не повторился! И очень многое из перечисленного выше является заслугой одного человека — Николая Петровича Резанова.

С приходом «Юноны» Новоархангельск ожил. Появились новые постройки, зазеленели огороды, и только один человек не находил здесь себе места. Джон д'Вольф прогуливался вдоль береговой полосы, когда к нему, расстроенному и взволнованному, подбежал Гаврила Давыдов.

— Джон! — крикнул он ещё издали. — Джон, вы хотели отправиться в Охотск? Мы вас взять не можем, Резанов задумал что-то серьёзное. Но он отдаёт вам «Ростислав»! Сами поведёте его в Охотск!

Джона как будто подменили.

— Я не верю! Компания всё-таки готова доверить мне это двадцатипятилитровое корыто неопределённого типа? Я уже и на калоше готов добираться до дома, а тут такая роскошь.

Не оценив язвительного тона своего американского друга, мичман посоветовал:

— Беги к Резанову, поблагодари и готовь судно к выходу. «Юнона» уже вооружается, «Авось» вот-вот со стапелей спустят.

— А кто будет командовать новым тендером?

— Не знаю... Кто-то из лейтенантов... Машин, Карпинский, Сукин...

Джон лукаво улыбнулся:

— Сегодня утром профессор Лангсдорф по-дружески передал мне, что у корабля с таким непонятным названием уже есть капитан.

— И кто же это?

— Хвостов хлопотал за вас и, говорят, даже чуть не поссорился с камергером, уверяя, что для управления таким малым судном, ка-

ким является «Авось», вполне хватит и мичмана. Резанов ответил, что если у вас, Гаврила, был такой учитель, как Хвостов, то он с радостью готов отдать судно под ваше командование. Поздравляю вас, мичман Давыдов! Вы по праву заслужили право именоваться капитаном и быть первым на собственном корабле!

Два новоназначенных капитана обняли друг друга на берегу грозного океана, который выкристаллизовал и укрепил дружбу русского и американского моряков.

— Однако, — с грустью поведал своему юному другу — русскому мичману Джон д'Вольф, — «Авось» ранее середины августа вряд ли сможет отплыть. Работы на нём за зиму были остановлены.

— Джон, ты плохо знаешь нашего Николая Петровича. Он столь же добр к людям, сколь требователен к ним. Ночами практически не спит, его усилиями и стараниями Хвостова судно уже готовят к спуску на воду, — возразил американцу Давыдов.

— В таком случае остаётся пожелать вам удачи! Не знаю, что там задумал Резанов, но похоже, что эта его затея прославит ваши с Хвостовым имена!

Бриг «Ростислав» лежал на берегу. Менее чем за неделю с помощью русских промышленников Джон д'Вольф подготовил его к выходу в море. Судно было снабжено лучшими запасами продовольствия, какие Баранов только мог выделить американцу. Матросов на «Ростиславе» было семь человек, трое из которых были алеутами. Всего же, вместе с доктором Лангсдорфом, слугой Паркером и капитаном Джоном д'Вольфом, экипаж насчитывал десять человек. Среди пассажиров крошечного брига оказался и Кирилл Иванович Хлебников, будущий летописец Русской Америки и биограф Александра Андреевича Баранова. Резанов, обладавший потрясающей интуицией, после отсидки приказчика РАК Хлебникова в петропавловском остроге за нежелание понижать цены решил его перевоспитать, так сказать, наглядным примером, для чего взял приказчика с собой на Ситку. Пережив голод со всей Новоархангельской факторией, Хлебников изменил тон и остался признательным Резанову за полученный урок, оставаясь при этом человеком, верным Компании.

«Я рад отметить, — не без удовольствия заметил в своих дневниках Джон д'Вольф, — что властями было сделано всё для ускорения моего отъезда, и всякий из них, казалось, хотел проявить ко мне всю свою доброту и внимание — всё, что было в их силах. Получив необходимые документы для моего путешествия, я простился с его превосходительством бароном фон Резановым, губернатором Барановым и другими моими друзьями. 30 июня 1806 года мы вышли в море держа курс на остров Кадьяк...».

Сам же камергер со своей кипучей энергией не унимался ни на мгновение, отдавая всего себя предстоящей ещё одной «секретной экспедиции», на этот раз к берегам Южных Курил и Сахалина. Приступив к выполнению задуманного со свойственной ему деловой хваткой, Николай Петрович разве что не жил на эллинге. И вот 1 июля 1806 года первенец Военно-морского флота новых русских земель — тендер «Авось» — был спущен на воду.

В архивах сохранилось донесение корабельного плотника Ивана Петровича Корюкина в главное правление Российско-американской компании о его постройке тендера: «Поступив в службу Российско-американской компании, отправлен я был, как вам известно, на судне «Неве», на коем и прибыл на остров Баранова в порт Новоархангельск. Первый год занимались в сем месте только нужнейшею постройкою и обезопасением себя от окружающих диких народов, почему и г-н коллежский советник Баранов, правитель американских областей, не мог дать мне случай приступить к постройке судов, но занимал меня всем тем, на что я имел малые способности. Порученные от него дела выполнял я всегда с величайшею охотою, стараясь тем показать свои услуги как лично сему моему милостивцу, так и самой компании, и жалея крайне, что получаю понапрасну жалованье, не имея случая приступить к вверенному по моей части делу.

В следующее лето прибыл в порт Новоархангельск его превосходительство действительный камергер РАК Н.П. Резанов и приказал начать мне и корабельному подмастерью Попову постройку военного брига и тендера. Леса уже для обоих судов были вырублены и планы опробованы. Но как скоро после сего купили трехмачтовое судно «Юнону», коим отчасти можно заменить предполагаемый к постройке бриг, то его превосходительство отменил оный и приказал только стараться выстроить тендер, план коего представил я его превосходительству Н.П. Резанову. Более утвердил его превосходительство в оставлении постройки брига отзывные лейтенанта Хвостова, который, отправляясь из Новоархангельска в Трехсвятительскую гавань, возвратился назад через три недели, т.е. около половины ноября месяца, вытерпел несколько свежих ветров и очень восхвалял «Юнону».

Зимою от разных недостатков было довольное число больных, притом люди от постройки судна нередко отвлекались к обнесению крепости по доходящим слухам о намерении колюжей истребить начинающееся заведению россиян, почему постройка тендера шла весьма медленно.

Когда его превосходительство, возвратясь из Калифорнии, привез значащее подкрепление для людей, то работа началась с большой по-

спешностью. В начале июля тендер был спущен со стапеля при пальбе из пушек с крепости. «Юноны» и американского судна «Ванкувер» и получил от его превосходительства наименование «Авось».

Между тем узнали, что «Юнона», еще командуемая прежним американских областей капитаном Вольфом, стояла на мели и довольно повреждена, почему для свидетельства вновь выгрузили ее дочиста и нашли... (далее не читаемо. — *авт.*).

Для починки сего должно было ее вытащить на берег, где и введено... (далее не читаемо. — *авт.*). После нахождения столь больших повреждений «Юнона» никогда не могла считаться надежным судном до перетимберовки оной, но когда для сего потребно было довольно времени, лето же приходило к концу, а его превосходительство желал как наивозможно скорее вступить в предполагаемую экспедицию, лейтенант Хвостов донес его превосходительству, что со всякою уверенностью может пуститься в море, лишь бы иметь только знающего человека для починки судна во всяком непредвиденном случае...».

Корюкин был зачислен в команду и сделал всё от него зависящее, чтобы судно вовремя вышло в рейс. Однако из-за недостатка корабельных материалов вооружение судна шло из рук вон плохо. О назначении судна для новой экспедиции, которая давно перестала быть секретной, знал весь посёлок. К медлительности при постройки тендера был причастен и Баранов, считавший, что лишнее судно колонии не помешает. Он и убедил Резанова изменить первоначальный план и отбыть на «Юноне», не дожидаясь окончания работ на «Авось».

21 июля 1806 года Давыдов и Хвостов возвращались с верфи, когда дорогу им преградил штурман Ильин.

— Господин лейтенант, — обратился он к Хвостову, — вас к себе его превосходительство Николай Петрович Резанов вызывает.

— Ясна спешка! — обрадовался Хвостов. — Скоро отбываем! Гаврила, ступай на тендер и выясни, все ли канаты выдали приказчики? Если нет — мне скажешь! Я их, каналов, к ногтю прижму! Судно до отбытия оснастить надобно!

С этими словами довольный Хвостов направился к башне на Кокуре, где жил Резанов. В светлице он застал камергера, девочку-глинкетку и Ивана, которые хлопотали по хозяйству, упаковывая вещи Резанова.

— А, Коля, заходи! — пригласил он Хвостова, жестом указывая на лавку у стола. — Разговор есть. Лето заканчивается, а «Авось» не готов. Времени ждать нет. Придётся только на «Юноне» нам отбыть. Возьмёшь Давыдова себе в помощники.

— Вы же осенью другое говорили. Гаврила горит свершениями. Он и «Авось» ныне неразлучны!

— Назначу на «Авось» Карпинского и оставлю в Новозархгельске. Нам же спешить надо войти в Охту до того, как лёд скучёт устье реки, а еще раньше надо исполнить задуманное. После я в Петербург, с отчётом и новыми здешними видами России. Да и кондиционный акт надобно завершить. Если водворюсь в Калифорнии, пойдёшь ко мне начальником порта? Весь строящийся флот в твои, Коля, руки отдам.

— Милость ваша! Коли на то будет воля Божья, не посрамим Отечества! Испанцы мне понравились! Чем-то на нас похожи.

— Вот и решили. Контракт составим, как вернёшься в столицу. А пока вот инструкция.

Резанов положил перед Хвостовым исписанный лист бумаги, в который лейтенант впился глазами. Инструкция гласила: «Сперва постройка тендера, а потом медленность в вооружении его так много отняли времени, что я, оставляя его, делаю во всём плане моем перемену. Итак, первым предметом, по маловременности в Охотском море навигации, постановляю возвращение моё чрез Охотск в Санкт-Петербург для личного моего всеподданнейшего к Е.И.В. донесения и скорейшего доставления нужных Америке пособий. Второе, на пути вашем стараться вам обозреть, на северной стороне 16-го Курильского острова лежащую гавань. И третье, буде благополучные ветры, в равной степени будут с искусством и попечением вашим, то зайти на Сахалин, в губу Анива, где японцы водворились. Для сего последнего предмета, ежели нам и его достигнуть удастся, извольте принять здесь на экипаж вам ружья и патроны. Я с особливym удовольствием, столько же буду ожидать часа, в которой сниметесь вы с якоря, как и того, в который долгом моим будет засвидетельствовать, где следует усердие ваше и деятельное исполнение, обратив к вам все общество признательностью. Между тем многие, испытанные мною неприятности, обязывают меня предписать вам, чтоб на вверенном начальству вашему судне, хотя оно и под коммерческим флагом, но в рассуждении порядка, сохранена была, по всей строгости, вся военная дисциплина».

— Ваше превосходительство, — отрываясь от письма, произнёс Хвостов, — я как военный офицер считаю, что подобный план одним судном тяжело будет произвести. Что нужно для того, чтобы мы вышли на двух судах?

— 25-го числа сего месяца, то есть через четыре дня, «Юнона» должна встать под паруса. Если к этому времени поднимет паруса и «Авось», тогда выйдем на двух судах.

Хвостов понял камергера. Этим решением Резанов снимал с себя ответственность за дальнейшие действия лейтенанта и развязывал ему руки. Зная характер Хвостова, Николай Петрович ничуть не сомневался, что экспедиция состоится на двух кораблях. А Баранову действия лейтенанта можно было представить как самоуправство, к которому жители Новоархангельска, знавшие крутой нрав морского офицера, к тому времени попривыкли. Уже к вечеру на «Юнону» были доставлены ружья и порох, а на «Авось» — необходимое количество канатов. Для изготовления нужного количества блоков Хвостовым были собраны все плотники посёлка. Работа кипела днём и ночью. Многие из промышленников, зачисленные в команду, мечтали покинуть этот голодный и суровый край на судне, где по крайней мере был гарантирован паёк. Очередное самоуправство Хвостова не осталось без внимания Баранова, но главный Правитель ничего не мог поделать с лейтенантом, прекрасно понимая, откуда исходила инициатива. И действия лейтенанта, отметившего нескольких приказчиков синяками, дали нужный результат. Всего через пару дней на траверзе Новоархангельска рядом с «Юноной» встало новое судно. Его со стороны верфи привёл мичман Давыдов.

Теперь уж терпению негласного губернатора Русской Америки пришёл конец. В один из последних дней пребывания в гостеприимном Новоархангельске Александр Андреевич Баранов не выдержал и произнёс:

— Ваше превосходительство, любезный Николай Петрович, мне кажется, что задуманная вами экспедиция против японцев преждевременна. Забрав от меня промышленных в качестве матросов, вы оставляете край без нужной поддержки.

— Потерпите, Александр Андреевич, — вытирая рот салфеткой, произнёс Резанов. — Если экспедиция удастся, мы вам сюда японцев привезем. Они не пьют, как наши промышленники, и трудолюбивы, как муравьи. От них пользы больше будет, да и верну я вам через год суда со всеми командами.

— Кого же берёте с собой?

— Моим кумиром стал ваш злой гений — Хвостов. Никогда не решился бы на сие предприятие, если бы не имел под началом своего лейтенанта Хвостова, офицера, исполненного огня, усердия, искусства и примерной неустрашимости. Я это видел в Калифорнии, где лучшего помощника не мог и желать себе. Он соединял в душе своей кротость агнца и пылкость льва. Далее с ним пушусь странствовать. Предметы мои — Уруп, Сахалин и что еще встретится. Беру я два судна — «Юнону» и «Авось». Морскую часть поручаю

господину Хвостову, которой так удачно и деятельно исполнил калифорнийскую экспедицию, что не могу я довольно выхвалять расторопности, искусства и трудов его. Лейтенанта Карпинского написал я на «Юнону» в помощь Хвостову. Машин на судне «Святая Мария» пойдёт в Охотск. На том же судне и господина Сукина возвращаю в Россию.

— Сей Сукин привязался ко мне вновь с просьбой о посылке его для поиска каких-то только ему ведомых островов. Чтоб отделаться от него, я хотел уже было дать ему судно «Ростислав», но зимовавший здесь бостонский капитан Вольф, «Юнону» нам продавший, просил отдать ему.

— Быть посему. Вольф ко мне обращался с подобной просьбой, и я счёл за необходимое отдать ему «Ростислав», зная, что Вольф, лицезревший наших офицеров не в самом лучшем виде, избегает всякого с ними общения, тем более что доктор Лангсдорф, которого зимовка очень сдружила с Вольфом, рвётся отправиться с ним в компании. Впрочем, я весьма рад, что в моей экспедиции не будет свидетелем ни одного иностранца. Из опыта скажу, что от лица России никогда и куда их посылать не стоит. Доброе обхождение с ними делает их капризными. Я довольно испытал сих ученых попугаев: не зная общежития, не умеют они судить о следствиях своих поступков, а тем более управлять собой! Мне по душе только русские моряки с крепким характером, но чувственными и добрыми сердцами. Признаюсь, что не всегда был справедлив к Хвостову, но Давыдов, этот смелый мальчик, весёлый и добрый, просто тронул моё сердце. Я ныне склонен к сантиментам и мысли мои посвящены моему калифорнийскому сокровищу, которое я так нечаянно встретил и обрёл счастье, на которое уже и не смел рассчитывать. Давыдов читал Кончите собственные стихи, но гордая испанка не поняла русского поэта, а я его поэзией горжусь и, кто знает, может, мы будем лишь тенью его поэтической славы, сюжетом его стихов. По возвращении из Калифорнии он написал оду своему другу, Хвостову. Александр Андреевич, я знаю, что вы любите поэзию и сами пишете песни и стихи. Послушайте же строки молодого дарования, написанные им на пустой странице какого-то объявления о продаже английских морских книг:

Хвостов во океанах,
Как будто тройками
На ухарских Иванах,
Нас на «Юноне» мчит.
Чрез горы водяные.

Туманы, мглы густые,
Грот, фок в корню имея,
В пристяжке лисель не жалея.
Дерёт — и пыль столбом летит,
Фок-мачту ломит, та трещит,
Грот-стенга отказалась,
«Юнона» рассмеялась,
Другую с ростеров тащит.
И ночью ль, днем у ведьмы одне шутки,
Хвостов съякшался с ней,
Морочит всех людей,
Поставит в срок кричит
Нам стены, мачты — дудки!
Смотри, Хвостов, «Юноны» бока
Чтоб не дали нам всем
За смелость тумака!

— Однако остёр на язык ваш мичман! — заметил Баранов. — Что же касаемо меня, постараюсь укрепиться на здешнем месте и в ожидании вашего скорейшего возвращения завести крепостишку у берегов Калифорнии.

Тендер «Авось», вооружённый выбитыми у приказчика Панаева восьмью пушками, красовался в гавани. Его гафель украсил Андреевский флаг. Команда на новом тендере состояла из 12 промышленников, многие из которых, обменяв за зиму на рыбу свою одежду, были облачены лишь в холщовые штаны.

Видя, что Хвостов превосходно справился с поставленной задачей, 24 июля 1806 года Резанов в очередной раз изменил свой план и сообщил лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову о своем решении отправиться в экспедицию на обоих судах. Давыдову было предписано принять ружья и пистолеты и поступить в распоряжение начальствующего морской частью экспедиции лейтенанта Хвостова, а Хвостову снабдить Давыдова предписанием и сигналами, а на случай разлуки определить сборный пункт, о чём и уведомить мичмана. Хвостов, подчиняясь предписанию Резанова, составил список сигналов и снабдил им Давыдова. Поражает объем проделанной Хвостовым работы. Список сигналов расположился на 20 листах!

25 июля 1806 года Хвостов отправил Давыдову письмо, в котором сообщил, что «Авось» назначается в «секретную экспедицию». Приложив к письму копии с двух «повелений» Резанова от 21 и 24 июля 1806 года, Хвостов изложил Давыдову план экспедиции, существенно сместив акценты:

— Первым предметом нашего плаванья есть 16-й Курильский остров. Далее для исполнения сей экспедиции мы должны зайти на остров Сахалин, в губу Аниву, и уже оттуда в Охотский порт. Более того, на Сахалине нам предстоит исполнить известное тебе, Гаврила, дело по положенному плану его превосходительства, для исполнения которого вскоре дам тебе предписание. Вот такие мысли мои, но может быть, необходимо будет переменить совсем план нашего плаванья, который в этом случае доставлю тебе в море на бумаге, или сигналом назначу место randevu. Для исполнения плана у нас остаётся очень мало времени. Ждать ветра не будем, выйдем на байдарках и уже в открытом море будем ловить ветра.

— А письменное уведомление или инструкция от Резанова на счёт экспедиции есть?

— В том-то и дело, что нет, Гаврила! На мою просьбу об инструкции я получил ответ, что его превосходительство сам будет присутствовать на судне и что я довольно извещён из разговоров о всех наставлениях, согласно которым и должен поступать.

— Ладно, Коля, я полагаю так: сперва в море выйти надо, а там уже решится судьба наша.

С первым же попутным ветром 27 июля 1806 года «Юнона» под командованием лейтенанта Хвостова с Резановым на борту и «Авось» под командованием мичмана Давыдова, взяв курс на Сахалин, покинули залив Норфолк-Саунд, чтобы никогда больше сюда не вернуться. Новоархангельск в последний раз салютовал своим спасителям: Резанову, Хвостову и Давыдову. Незадолго до отплытия судов на борт «Юноны» прибыл Баранов, чтобы попрощаться с Резановым. Правитель Русской Америки принял решение осенью вернуться на прежнюю базу Российско-американской компании — остров Кадьяк, чтобы выслушать отчёт тамошнего отдела Компании и принять первые экзамены у воспитанников кадьякского училища.

— Ваше превосходительство, — обратился к Резанову Баранов, пользуясь минутой тишины и тем, что остался наедине с камергером в капитанской каюте «Юноны», — разрешите высказаться откровенно относительно ваших дальнейших планов. Бояться мне нечего — я служил Компании верой и правдой и упрека не заслужил. Ежели после моих слов сочтёте, что не достоин далее занимать пост Правителя, тоже не обижусь. Я ведь сам просил отставки.

— Милостивый Александр Андреевич, неужто вы думаете, что я найду в своём сердце хоть каплю злобы, после всего, что вы сделали для Компании?

— Тогда извольте выслушать. Мне не по нраву затеянная вами секретная экспедиция на Курильские острова и к Сахалину. И вот

почему. Вы накормили людей в Новоархангельске, но самых лучших из них забрали к себе матросами. Более полусотни человек лишилась Компания на вновь обретенном месте, а те, что остались, по болезням и слабостям своим не способны защитить себя. Два военных корабля, которые могли бы помочь в этой защите, вы тоже забрали с собой. Мне горестно сознавать, что, накормив нас и дав новые силы и надежды, вы своими действиями этой же надежды нас лишаете. Отвлечение из колоний лучших рабочих людей на два года и более может лишить оные весьма нужного сообщения по островам и остановить многие полезные предприятия. Между тем, как все сии рабочие считались на службе и должны были по установлению получать свою долю в промысле мехов, тогда как командующие кораблями офицеры и их помощники — жалованье. От сего произошло много ропота и неудовольствий, особенно от людей оставшихся, кои трудятся в колониях и нередко претерпевают и переносят во многом нужду.

— Господин Баранов, мы тоже не на морскую прогулку отправляемся. Возможно, я посылаю взятых на корабли людей на верную гибель во славу и укрепления земель сих. Всё делается ради открытия торгога с Японией, который позволит наиболее дешёвым образом прокормить здешние края. Я же ради вас и оставшихся стараюсь! Касаемо населения этих земель: я уже говорил вам, что подготовил проект, согласно которому прибывающие сюда промышленники смогут оставаться здесь и заселять сей край. Людство будет расти. С Машинным планирую на «Марии» выслать вам ещё людей из Камчатки. Если удастся, то и японцев к вам пришлю. Они люди спокойные и трудолюбивые. Скоро вы сами благодарить за такое прибавление меня будете. Что же касаемо экспедиции, то не отговаривайте. Если японцы пойдут по Курильской гряде и заселятся на Сахалине, то закроют нам выход в Тихий океан. Всё, что задумал великий Пётр, рухнет в одночасье. А без морской торговли снабжать Восточную Сибирь мы не сможем. Да и само соседство с хитрыми японцами заставляет нас держать Военно-морской флот в Охотском море, чтобы защитить наши промыслы. Новоархангельская верфь может уже строить и свои корабли. Найдите смыслёного человека Попову в придачу, лучше из бostonцев, и заводите свой собственный флот. Первые корабли можете покупать на ассигнации Компании у граждан Североамериканских Штатов, а далее спускайте с эллингов. Лейтенант Хвостов заверил меня, что со всякою уверенностью может пуститься в море, лишь бы иметь знающего человека для починки судна во всяком непредвиденном случае. На этот случай я взял с собой опытного корабеля Корюкина. Сего шлютника знаю и верю ему.

Впоследствии Баранов воспользовался предложением Резанова. Только за оставшиеся полгода главный Правитель и его комиссионеры купили у американцев два судна, а нанятый Компанией корабельщик Линкен уже весной следующего, 1807 года, спустил на воду бриг «Ситка», ставший вторым после «Авось» судном, построенным в Новоархангельске. То есть менее чем за полгода торговая флотилия Российско-американской компании не просто возродилась, но и пополнилась новыми судами.

Между тем, едва покинув гостеприимные берега Нового Света, наспех оснащённый «Авось» стал существенно отставать от «Юноны». Обоим капитанам приходилось совершать массу действий, способствующих уравниванию скорости судов. Однако «Авось» со своими четырьмя узлами хода, которые Давыдов выжимал из него, устанавливая лиселя, никак не мог угнаться за «Юноной», которая взяла вторые рифы, сокращая площадь парусов, чтобы хоть как-то сбавить скорость хода, имея возможность развить его до семи с половиной узлов. Десять мучительных дней рождали новое решение. Хвостов сигналами дал указание Давыдову идти на сближение и прибыть на «Юнону».

Положив якорь в полукабельтове от корабля своего друга, мичман сел в байдарку — единственное гребное судно на «Авось» — и направил её к «Юноне». На судне Давыдова встретил Хвостов и с палубы препроводил в капитанскую каюту, стены которой пропахли китайским чаем, и его запах не выветрился ещё с предыдущего рейса корабля.

Резанов встретил офицеров в глубоком раздумье и после некоторой паузы произнёс:

— Как ни тяжело это сознавать, но наш план вновь будет изменён. Уважая мнение господина Хвостова, что неравность хода тендера «Авось» с нашим судном, давно замеченная мною, лишает возможности совершить известную вам экспедицию и доставить меня в Охотск, с прискорбием должен я, имея необходимую надобность быть в Петербурге, согласиться на разлучение судов. Раз уж вышло, что обстоятельства лишают меня удовольствия разделить с вами славу, то утешаюсь по малой мере тем, что столь достойные офицеры не оставят во всей точности выполнить того, что принял я предметом пользы государственных.

Морские офицеры вытянулись в струнку.

— Поэтому, господа, я составил инструкцию, которую вы так у меня просили. В ней указаны основные виды державы нашей, которые вам предстоит претворить на деле. Господин Хвостов, вам вручаю инструкцию. Вы же, в свою очередь, после ознакомления с оной составите свою инструкцию для господина Давыдова.

8 августа 1806 года в своей каюте Хвостов наконец-то узрел чёткий план мероприятий по выдворению японцев с Курильской гряды и Сахалина. Назывался он «Инструкция Н.П. Резанова начальнику Секретной экспедиции Н.А. Хвостову о плавании к Курильским островам и Сахалину, писанная под парусами на судне «Юноне» в Восточном океане». В углу красовалась надпись «Секретно». Сейчас этот документ хорошо известен и японским, и отечественным историкам. Именно он стал первым камнем преткновения в российско-японских отношениях. Невзирая на объём документа позволю себе привести его полностью для того, чтобы стали ясны дальнейшие мотивы поступков Хвостова и Давыдова.

«Предприняв совершить сего года к Курильской гряде и острову Сахалину экспедицию, с нетерпеливостью ожидаю я времени сего лестного для меня исполнения и потом личного о успехах оной всеподданнейшего Его и. в-ву донесения. Но как неравенство хода между собою судов наших отнимает время, которого по охотской навигации столь мало остается, что по преобразованию американских областей и торговли в приличной достоинству империи вид их, имея нужду быть в Санкт-Петербурге, должен я необходимо исполня что-либо одно, пожертвовать другим, то, чтоб не теряя времени, согласить все сие к одной точке, принужденным нахожусь сделать соответственные тому распоряжения. Заменяясь известным мне рвением и усердием вашим, и потому уверяя вас исполнение сего подвига, столь же долгом поставляю ввести вас в познание тех государственных видов и пользе компании, которые полагал я, предпринимая оную.

1. Сделанное в 1795 г. от компании заселение на 18-м Курильском острове Уруп, тогда Александром переименованным, имело целью мену рухляди и торговлю чрез мохнатых курильцев с Япониею. Смерть гражданина Шелихова прекратила вдруг все сии великие виды и недеятельность компании лишила ее с тех пор всяких об нем сведений. Обзорение сего острова, на котором остался передовщик Звездочётов с 11 человеками и 3 женщинами, будет знаменитая для компании услуга и послужит основанием к предбудущему. Здесь должен я сказать вам, что, найдя Звездочётова на острове, следует взять с него сказку о всех со времени прибытия его происшествиях, осмотреть вверенные ему капиталы в знатной сумме товаров, двух орудиях, на 33 человека комплектное число ружей, винтовок, сабель и прочего, так же есть ли у них промысел и сколько, взять его с собою и, собрав на острове о соседственных японцах сведения и сменив Звездочётова, определить передовщиком Шароглазова, а его доставить к г-ну правителю американских

областей Баранову, которой о дальнейшем исполнении от меня извещен будет. Прочих же оставшихся с Звездочётовым промышленным перенесав, узнав их надобности и подкрепив, сколько силы позволяют, между тем ободрить их тем, что в будущем году будет к ним нарочно судно отправлено. О необходимом же доставлении того, что потребно им, меня уведомить.

Я должен сказать вам, что в бытность мою на острове Матмае, слышал я от японцев, что на Урупе русских нет и что чрез мохнатых курильцев они, производя там промысел, ездят туда для меня ежегодно. Хотя не совсем я сему верю, но поставяя сие на вид в осторожность, скажу генерально в особом пункте, как поступать вам с японцами и курильцами. Гавань, в которой поселился Звездочётов, лежит на полуденной стороне острова, приметы пред нею: кекур столбом, по обе стороны которого, как слышно, проходили суда, но сие известно только по слухам и я оставляю искусству командиров судов исследовать справедливость оных, употребив к тому живших на сем острове близ трех лет промышленных Шароглазова и Вардугина, которые на сей предмет назначены в экспедицию.

2. Гавань на северной стороне 16-го Курильского острова будет великим для будущих видов пособием. Я должен сказать вам, что известной Август Бениовский имел релаш в ней по уходе из Камчатки и бывшие с ним штурмана Бочаров и Измайлов утверждали доброту и превосходство её. Промышленные Шароглазов и Вардугин были в ней так же и будут вам в сем случае помощью. В 1794 г. иностранное трехмачтовое судно делало ей описание, но само не входило, а посылало бот. Вы постараетесь разведать — не было ли после того опять каких судов и, сделав описание гавани, обо всем доставьте мне обстоятельное известие.

3. Поставив вам предметом оба вышесказанные острова, заметить должны вы, что исполнение первых двух пунктов имеет целью усилия наши к достижению выгодной для нас торговли с Японскою империею, на которую, дав прежде согласие, потом при отправлении на сей конец посольства, столь вероломно отказала она единственно по случаю усилившейся в министерстве противной нам партии. Я не скрою от вас, что народ, сколько известно мне, желал торгового сего, а потому, считая нужным поставить оной сколько можно более в неудовольствие к сделанному России в торговле отказу, надеюсь, что внутренней ропот скорее принудит горделивую державу сию к снисканию торговых связей с нами. Когда сама она увидит, что вредить нам не в силах, но чувствовать от нас вред всегда должна будет, не имея при том ни малейших к отвращению оного способов. Следовательно, удача в первом ис-

полнении и продолжение от правительства нашего действительных мер необходимо сблизить должны японцев к желаемой цели.

4. Остров Сахалин будет так же значащим к сему плану предметом. На японских картах часть одного означена особым островом под именем Карафутто, полагая оный особым мелким проливом, отделяющимся от Сахалина, которой называют они островом Сандан и считают принадлежностью Китайской империи. Существует ли сей, сие неизвестно, ибо японцы и сами северной части не посещают, но известно то, что островом Карафутто называют они южную оконечность Сахалина в проливе Лаперуза, губу Аниву заключающую.

На Сахалине обитает весьма добронравный и одинаковый с жителями северной части Матмая народ айны, который японцы совершенно поработили. В губе сей имеют они на обоих сторонах её фактории для рыбной ловли и не более как с 1796 г. водворились. Приезжают в половине апреля, обирают зимою добытый жителями звериной промысел и, употребляя их в работы свои, живут до октября, пока лов производится. Компания купцов из Осаки приняла торг сей и правительство на правом со входа берегу содержит двух офицеров с некоторым числом военнотружущих для караула, которые на лето из Матмая посылаются, но никогда не зимуют. Главное селение сие лежит при одной бухточке, содержит казармы офицерские и купеческие, кумирню и 8 обширных магазинов. Пушек они не имеют. Далее во внутренность губы на другом берегу при устье речки лежит другая фактория, состоящая из одной огромной казармы и 8 магазинов. В лесу вокруг обоих селений разбросаны временные юрты сахалинцев, из которых некоторых японцы вооружили копьями.

Во всей губе жителей до 500 человек.

Дав вам понятие о состоянии острова сего, предписываю:

1. Войти в губу Анива и, буде найдете японские суда, истребить их; людей, годных в работу и здоровых, взять с собою, а неспособных, отобрав, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая, сказав, чтоб никогда они Сахалина как российского владения посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут. В числе пленных стараться брать мастеровых и ремесленных.

2. Взятых оттуда японцев иметь вам в строгом присмотре на судие вашем, но не огорчать их, уверяя, что для них будет счастливее прежней, и потому сохранить им их собственность и всех их доставить в Новоархангельск.

3. Ежели силы позволят вам сделать высадку, то в таком случае стараться облащать сахалинцев, уверить их, что принадлежат они

такому монарху, под зашитою которого всегда спокойными быть должны; отличить старшин медалями, которых двадцать вам вручаю здесь, и одарить их сукном, капотами и другими вещами на судие вашем имеющимися, о которых реестр вам прилагаю 4, а между тем произвести с ними мену, чтоб узнать образ оной.

4. Что найдете в магазинах, как-то: пшено, соль, товары и рыбу, как принадлежащее целому купеческому обществу, взять все с собою, а последней сколько можно, буде же которые магазины будут ею наполненные и одаль строения, таковые сжечь, оставляя казармы и всякое строение в целости впредь для удобнейшего соотчицам нашим водворения.

5. Из кумирни забрать все идола и, захватив одного бооза или должность его отправляющего, взять с собою в Америку, где японцы при свободном отправлении веры их более к водворению найдут удовольствия и, впоследствии времени обзаведясь, будут нам привлекать своих соотчицей. Исполнив же все сие, следовать вам в порт Новоархангельск обоими судами.

6. В рассуждении сахалинцев и японцев всюду, где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред истреблением судов их, но всюду сколько можно сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против частных людей обращен быть должен, но против правительства, которое, лишая их торговли, держит в жестокой неволе и бедности и, следовательно, всякое японцам сделанное снисхождение обратит их более к заключениям о россиянах, что они великодушны, и тогда столько же из страха, сколько из благодарности принужденными найдутся искать торговли.

7. Но как экспедиция сия по разлучению судов должна разделена быть и её исполнением, то командиру тендера «Авось» поручите исполнение первого и второго пунктов, назначив по вращении вашем соединиться с ним, где и в которое время вы за благо признаете, чтоб быть вместе в губе Аниве. Здесь должен я вам сказать, что берега губы сей покрыты бурунами, и, следовательно, нужно облащать сахалинцев, чтоб дали они для перевоза лодки свои, которые весьма к тому способны. Ежели же г-н мичман Давыдов придет прежде вас, и вы в назначенное время не поспеете, то столько же будучи уверен в благоразумии его и деятельности, предоставляю ему действовать по сей инструкции, сколько позволят ему малые силы его и способы, и потом возвратиться в Новоархангельск.

8. Ежели, паче чаяния, великое количество японских судов превзойдет силы ваши, то само по себе следует, что лишитесь вы

возможности исполнить предписанное. Между тем не менее будет ваше дело стараться, буде можно истребить суда их, поступая с японцами как в четвертом и пятом пункте означено.

9. Стараться у японцев разведать, где именно они на других островах гряды Курильской водворились, какие получают звери, на какие товары меняют, куда сбывают мягкую рухлядь, в каком количестве какой зверь у них расходиться может, сколько судов в которое время куда отправляются, и есть ли у них по гряде где селения и способные гавани. Для лучшего к получению сведений облегчения прилагаю вам словарь японского и небольшой сахалинского, представляя вам последней умножить новым собранием слов, стараясь весьма верно записывать выговор их, и оные доставить.

10. Успехи первого сего опыта столь интересны, что желательнее б скорее получить об них известие, и на сей конец предписываю вам, буде ветры позволят, то зайти в Камчатку, где отдав в Петропавловской гавани для отправления с нарочным эстафетой депешу, содержащую историческую о плавании обоих судов и всех происшествиях записку, потом в назначенной путь следовать.

11. По прибытии нашем в Охотск обязать на судне вашем всех подпискою, чтоб никто не разглашал о намерениях экспедиции сей и чтоб исполнение её в совершенной тайне было.

Искусство и знание как господ командиров судов, так в соответствии им и усердие всех служащих, порукою мне во ожидании таких известий, которые сделают славу вашу и откроют новые и прочные отечеству виды.

На подлинном подписано: Николай Резанов».

Этим документом японцы упрекают Россию, которая руками Резанова якобы готовила акт агрессии против несчастных представителей Страны восходящего солнца. Но не будем столь скоропалительны в выводах и попробуем разобраться в намерениях и действиях камергера.

Ещё пребывая в Японии, Резанов, сумевший за это время установить контакты с местным чиновничеством и купечеством, знал, что отказ Японии от торговли с Россией является результатом победы в японском правительстве сторонников продолжения политики дальнейшей изоляции Японии. Ему было также известно, что далеко не все в стране, включая членов бакуфу*, разделяют такую позицию. Сторонниками либерализации внешней торговли, в том числе установления торговых отношений с Россией, были как торгово-промышленные круги крупных городов Японии, так

* Бакуфу (яп.) — центральное японское правительство эпохи сёгуната.

и представители высшего чиновничества и местной феодальной знати — в частности, князя Нагасаки и ряда южных провинций.

Именно они сообщили Резанову, что консервативные силы в правительстве не так уж сильны, что многие устали от политики изоляции, и что если им оказать поддержку, осуществив давление на центральное правительство, то согласие на установление взаимовыгодной торговли может быть получено. В качестве такого давления Резанову рекомендовали осуществить рейд на севере, что вызовет волнения как среди простых рыбаков и мелких купцов, так и среди местных властей северных японских провинций и подтолкнет бакуфу на принятие положительного решения в установлении отношений с Россией.

Акцентирую внимание на то, что это говорили сами японцы, которые, конечно, лучше других знали обстановку в стране, наглухо закрытой для внешнего мира, и расстановку сил в японских «коридорах власти». Не вызывает также сомнения, что компетентность этих рекомендаций была достаточно высока, поскольку в противном случае ими бы никогда не воспользовался Резанов, который, по отзывам современников, был человеком, умевшим разумно рисковать, но одновременно очень выдержанным и ответственным, никогда не принимавшим решений, в которых не был полностью уверен.

Обеспокоенность Резанова была вполне естественной и объяснимой, поскольку Сахалин, в то время никому не принадлежавший, но расположенный в непосредственной близости от русских владений и открытый русскими еще в XVII столетии, Россия рассматривала как важный стратегический пункт, традиционно считая «ключ» к устью Амура зоной своих интересов.

Что же касается Курильских островов, то ситуация здесь была совершенно иная: Россия еще в XVIII столетии рассматривала весь архипелаг, включая его южные острова, как часть своей территории, что было отражено во многих официальных документах того времени, в частности в «Атласе Российской империи» 1796 года. Именно поэтому во время переговоров Резанов специально объяснил японским уполномоченным, что «все земли на север от Мат-виль принадлежат русскому императору, и чтобы Япония не распространяла туда своих владений», — факт, о котором в Японии никогда не вспоминают. Более того, Николай Петрович, будучи прекрасным дипломатом, понимавшим, что за требованием следовать угроза, за угрозой — действие, предупредил японцев, ещё пребывая с миссией в Нагасаки, что в случае заведения на Курилах факторий, подобное неуважение заставит его «принять те меры, которые в народе будут гибельны и невозвратны».

произведут потери». Требование и угроза прозвучали. Японцы неотреагировали. Настала пора действий.

Резанов вполне справедливо считал, что создание японских поселений на Южных Курилах — с точки зрения России — являлось самовольным вторжением на территорию иностранного государства, причем государства, с которым у Японии никаких официальных отношений установлено не было, и к изменению ситуации гордые самураи не стремились. Впрочем, не принадлежал Японии в то время и Южный Сахалин, так как, по свидетельству самих японских источников, северная граница Японии еще в первой половине XIX столетия проходила по крайней юго-восточной оконечности Хоккайдо, и Японии не принадлежала даже небольшая часть этого острова. Соответственно, не могли ей тогда принадлежать — и не принадлежали — Южные Курилы, лежащие, как известно, еще севернее Хоккайдо.

Именно поэтому нанести удар по самолюбию самураев Резанов решил на этих не принадлежащих Японии территориях — «ничейном» Южном Сахалине и Курилах, входящих в сферу российских интересов. Этим безболезненным для японской экономики, но чувствительным, с политической точки зрения, действием достигалось и необходимое давление на японское правительство, и в то же время не нарушались границы собственно Японии, поскольку действия «Юноны» и «Авось» проходили на территориях, в состав Японии не входивших.

Была и еще одна причина экспедиции Хвостова и Давыдова. Она должна была положить начало регулярному патрулированию русскими военными судами обширных пространств между Южным Сахалином, Камчаткой и Русской Америкой для обеспечения безопасности плавания судов Российско-американской компании из Охотска через Петропавловск в Северную Америку, а также защиты малонаселенных русских тихоокеанских владений от покушений на них со стороны других государств, прежде всего САСШ и Англии, которые начинали проявлять здесь заметную активность. Базой для этих кораблей должно было стать русское укрепленное поселение на Южном Сахалине, которое Хвостову предписывалось основать в заливе Анива.

Всё это Резанов растолковывал Хвостову в течение всего плавания, и историков до сих пор беспокоит дилемма: почему же Хвостов, имея последующие инструкции, освобождавшие его от этого рейда, всё-таки решил следовать именно этой, как он сам считал, главной инструкции. Правда, перед капитаном «Юноны» встал ещё один, наверное, самый тяжёлый в его карьере, вопрос. Он дол-

жен был написать предписание для своего друга — двадцатилетнего капитана «Авось» Гаврилы Давыдова. Ничуть не сомневаясь в смелости мичмана, Хвостов всё-таки жалел его как брата, как друга, как человека. Он сознавал, что у юного Давыдова вся жизнь впереди, а требование камергера отправить «Авось» в одиночку в пасть к японцам сродни закланию на жертву. Хвостов понимал, что «Авось» не был как следует достроен и вооружен, и чувствовал собственную ответственность и в каком-то смысле даже вину за вовлечение Давыдова в данное предприятие. Ослушаться Резанова лейтенант не имел права, поэтому как мог «размыл» указания Давыдову. Хвостов не хотел, чтобы Давыдов начинал какие-либо военные действия против японцев единолично без его присутствия. Для этого у Гаврилы не было ни достаточных сил, ни необходимой поддержки. Фактически Николай Хвостов предписывал своему другу исполнить мирную часть экспедиции на Сахалин, состоящую, главным образом, в «обласкании» сахалинцев. Однако это шло вразрез с инструкцией Резанова, где камергер предоставляет Давыдову право действовать согласно его предписаниям. Чтобы сгладить это несоответствие, Хвостов в самом конце своей инструкции приписал фразу следующего содержания: «впрочем, во время разлуки нашей поступать согласно по инструкции Его Превосходительства».

Надеюсь, читатель поймёт, что решение расстаться с судам было вызвано не желанием Резанова поскорей попасть в Петербург, а необходимостью совершить рейд во что бы то ни стало ещё в текущую навигацию. Разность хода не позволяла кораблям двигаться вместе, и, как мне кажется, это непростое решение было основано на трезвом расчёте с линейкой и картой в руках. Наверняка именно Хвостов высчитал, что разность в скорости кораблей позволит ему успеть высадить Резанова в Охотске и подоспеть к южной оконечности Сахалина как раз в тот момент, когда туда только прибудет тихоходный «Авось», а то и раньше тендера.

Миновав остров Кадьяк, корабли расстались. Давыдов, следуя инструкции Резанова и указаниям, полученным от Хвостова, направился вдоль Алеутской гряды, а Хвостов с Резановым на борту — к Охотску.

15 сентября 1806 года «Юнона» зашла в Охотский порт. Так уж распорядилась судьба, что в Охотске Хвостов появлялся всегда в одно и то же время — с началом осени. Помня о пресловутом плавании на бриге «Елизавета» несколько лет назад, лейтенант не считал, что ранняя осень является препятствием для осуществления планов Резанова. Однако, как оказалось позже, так считал

сам камергер. На сегодняшний день уже известно, что Резанов менял план экспедиции шесть раз, то решая отправиться в Петербург для отчета, то с Хвостовым и Давыдовым — на Сахалин. Такая неуверенность объясняется молчанием императора, министров и даже собственных родственников. И только в Охотске, наконец-то получив долгожданную почту из столицы, Николай Петрович, озабоченный осложнившейся политической ситуацией в Европе и в первую очередь с мадридским двором, принял окончательное решение как можно скорее отбыть в столицу. Вечером 24 сентября 1806 года он направил Хвостову на борт «Юноны» дополнение к инструкции, в котором отказывался от первоначальных планов. Помнящую всё тот же знаменитый рейс «Елизаветы», которая вышла в сторону Новоархангельска примерно в такие же сентябрьские дни, Резанов советовал Хвостову вернуться в Русскую Америку. Правда, его беспокоила судьба Давыдова, поэтому, терзаемый сомнениями, камергер, своей дополнительной инструкцией развязывает Хвостову руки, понимая, что если суда всё-таки встретятся в бухте Анива, то ни в Охотск, ни в Новоархангельск до зимы шансов добраться у них уже не будет. Делая приписку, Резанов рассчитывал на удачливость Хвостова и Давыдова и на тот самый русский авось. Кроме того, он ограничивал их действие разведкой.

Как доказывает малоизвестное секретное письмо камергера к Баранову, датированное тем же днём, Резанов, получив долгожданные сведения из столицы, действительно хотел отменить экспедицию, но, опасаясь вспыльчивого Хвостова, на словах пообещал ему, что экспедицию откладывает до весны следующего года.

Итак, 24 сентября 1806 года капитан «Юноны» лейтенант Хвостов получает от Резанова новые распоряжения: «По прибытии моем в Охотск нахожу нужным вновь распространиться по сделанному вам поручению. Оказавшийся перелом в фок-мачте, противные ветры, нам в плаваннии препятствовавшие, и самое позднее осеннее время обязывают вас теперь поспешать в Америку. Время, назначенное к соединению вашему с тендером в губе Аниве, пропущено: желаемых успехов по окончании уже там рыбной ловли ныне быть не может и притом, сообразясь со всеми обстоятельствами, нахожу нужным, всё прежде предписанное оставив, следовать вам в Америку к подкреплению людьми порта Новоархангельска. Тендер "Авось" по предписанию и без того возвратиться должен. Но ежели ветры без потери времени обяжут вас зайти в губу Аниву, то старайтесь обласкать сахалинцев подарками и медалями и взгляните, в каком состоянии водворение японцев на нем находится. Довольно исполнение и сего сделает вам чести, а более всего возвращение

ваше в Америку, существенную пользу приносящее. Должно быть главным и первым предметом вашего усердия. Итак подобным представлением снабдите вы и тендер, буде с ним встретитесь. Впрочем, в плаваннии вашем могущие быть непредвидимые обстоятельства, соглашать вы сами будете с пользами Компании, и искусство ваше и опытность, конечно, извлекут лучшее к достижению исполнением сего последнего предписания. Я, с моей стороны, крайне жалею, что порт здешний не способен к перемене вам мачты и что стечение обстоятельств обязало меня к перемене плана».

Однако зимовка в охотском порту никак не входила в планы лейтенанта, которого камергер больше года настраивал на подвиг во имя Родины. Необходимость покинуть Охотск у Хвостова вызвала и ещё одна причина, а именно начальник порта Бухарин, первая встреча с которым едва не окончилась для лейтенанта плачевно. Утром следующего дня, покинув корабль, Хвостов отправился к дому Полевого в Охотске, где останавливался Резанов, весь рейс внушавший капитану «Юноны» мысль о государственном значении экспедиции, однако камергера, отбывшего ночью в Санкт-Петербург, он уже не застал. Почувствовав себя полноправным хозяином ситуации, лейтенант вернулся на «Юнону».

Хвостов понимал, что камергер даёт ему карт-бланш, что близость зимы может не позволить закончить рейд успешно, что «Юнона» течёт как дуршлаг, фок-мачта на ладан дышит, команда утомлена трудным переходом — одним словом, всё против этого рейда. Но было одно обстоятельство, которое перечёркивало все иные причины и своим весом склоняло чашу весов в пользу этого рискованного морского похода. В бухте Анива его будет ждать друг; возможно, единственный в его жизни, и бросить его на произвол судьбы Хвостов не имел морального права, у него было формальное разрешение на подобный поступок. Именно душевные порывы в первую очередь управляли действиями Хвостова. С одной стороны, он слишком любил Родину и был крайне честлюбовив — не в смысле тщеславия, а в смысле любви к чести, а с другой стороны — ответственность за друга и необходимая ему помощь не оставляли выбора. Иначе что скажет Давыдов, читая его покаянное письмо, написанное зимой в Новоархангельске: «навек почту себе законом умереть за тебя»? Хвостов был человеком слова и без лишних раздумий приказал сниматься с якоря, приняв единственное возможное решение в данных обстоятельствах — идти к Сахалину.

Хвостов и не знал, покидая Охотск, что Резанов принял деятельное участие в освобождении из-под стражи прежнего начальника порта — Башуцкого, о котором лейтенант не раз отзывался

камергеру как о прекрасном человеке и честном воине. Не знал и того, что незадолго до отъезда Николай Петрович оформил документы для награждения Лангсдорфа и что верный естествоиспытатель, несмотря на взаимные обиды, всё-таки остался на Камчатке в надежде на то, что станет послом в Японии. План Резанова был более обширным, чем сейчас принято полагать. После рейда по выдворению японцев с Сахалина и Курил, который должны были осуществить его верные Хвостов и Давыдов, в случае открытия торгового кто-то должен был отправиться в Японию для налаживания контактов. В роли русского посла в Стране восходящего солнца камергер видел профессора Георга фон Лангсдорфа, подходящего для выполнения этой щепетильной миссии как никто иной. Об этом Николай Петрович сообщил Лангсдорфу перед самым отплытием «Ростислава». Возможно, в ожидании дальнейшей своей судьбы Лангсдорф остался зимовать на Камчатке, ставшей предметом его пристального изучения.

Версия Шевиньи о том, что причиной смерти Резанова послужило отсутствие профессора Лангсдорфа, который, якобы обидевшись на Резанова, отказался сопровождать камергера по дороге назад в Петербург, несостоятельна. И вот почему: Шевиньи писал свою книгу, опираясь на ту информацию, которая была ему доступна в те годы, а именно на книгу самого Лангсдорфа. Сейчас же документы и, прежде всего, письма Резанова рисуют совершенно иную картину. Это не Лангсдорф на Резанова обиделся, а скорее наоборот. Помните замечание камергера о «капризных» иностранцах? Но была и другая причина, по которой профессор никак не мог находиться рядом с Резановым: цели и задачи экспедиции, а также статус секретности не позволяли Резанову взять на борт иностранцев. Была и третья причина: на случай установления связей с Японией Резанову нужен был человек проверенный и умный здесь же на месте, чтобы хитрые самураи не передумали, пока посол будет добираться из Санкт-Петербурга. Сам же Резанов, добравшись до столицы и согласовав свои действия с Румянцевым и императором, планировал депешами уведомить о походе на Сахалин Хвостова уже весной следующего, 1807 года, пожертвовав навигацией года текущего. Этим, равно как и стремлением поскорее уладить отношения с Мадридом по поводу Консепсьон, и была обусловлена спешка камергера, который даже слушать не стал советы о том, чтобы перезимовать в Охотске. Перед Николаем Петровичем маячил живой пример Хвостова и Давыдова, которые когда-то сумели добраться до столицы из Охотска за три с половиной месяца.

Хвостов не знал полноты замыслов камергера, поэтому в своих дневниках лейтенант написал следующее: «Я крайне удивлен был двоемыслием, находящимся в дополнении. Находясь в незнании будущих ветров, несколько часов не снимался с якоря, не решаясь куда направить курс свой, ибо в Америку — он SO, а к Аниве SW. Наконец мысль, что фок-мачта моя надежна, что невозможно было тринадцать месяцев готовить даром два судна и беспрестанно твердить о сем предприятии и что тендер «Авось» должен, не зная сего, находиться в Аниве и приступить один к исполнению. Все сии причины заставили меня взять курс свой в упомянутую губу, куда прибыл 6-го октября...».

Глава 6 ПОД ДЕВИЗОМ «АВОСЬ!»

Нас мало, нас адски мало,
И самое страшное, что мы врозь,
Но из всех притонов, из всех кошмаров
Мы возвращаемся на «Авось».

В бой, Давыдов, Хвостов!
Улетели. Рапорт:
«Пять Восточных островов
Ваши, Император!»

А. Вознесенский

«Если хотите испортить настроение японцу, скажите по-английски: «Да здравствуют Хвостов и Давыдов!» — сообщила мне когда-то в школе учительница истории, зашищавшая диплом по истории русско-японских отношений. Тогда мне, тринадцатилетнему мальчишке, была непонятна эта фраза, хотя интуитивно я чувствовал заряд, который она несла. Вечером самозабвенно слушая «Юнону и Авось», я и не подозревал, что Андрей Вознесенский — поэт, дышавший Россией, — рассказал об этих славных юношах в своей поэме. По его замыслу, устами морских офицеров Коли Хвостова, капитана «Юноны», и Гаврилы Давыдова, капитана «Авось», исполнялась песня «Я тебя никогда не забуду...». Это их послание своим потомкам. Мы обязаны помнить тех, кто вершил судьбу России! Мы обязаны знать дела Хвостова и Давыдова и гордиться отвагой и самопожертвованием этих достойнейших из достойных! Мы вас никогда не забудем! Обязаны не забыть!

«Авось», управляемый полунагой, обессиленной командой, крался вдоль цепочки Алеутских островов. Пережив несколько штормов, тендер, ведомый твердой рукой двадцатилетнего капитана, спешил к Лисьим островам*, откуда, согласно наставлениям Резанова и Хвостова, мичман Гаврила Давыдов должен был повернуть своё судно на юго-запад в сторону Курильской гряды. Не доходя нескольких миль до означенного острова, «Авось» попал в очередной шторм.

Сломанный во время буйства стихии бушприт лишил последней надежды добраться до Сахалина и Южных Курил в текущую навигацию. Вынужденная необходимость заставила Давыдова двигаться к ближайшему острову Атту.

Матросы, уже соскучившиеся по земле, вглядывались в серую полосу берега, маячившую у горизонта. Неожиданно один из них заметил дымок, который через некоторое время превратился в вертикальное палевое облако, заволакивающее солнце. «Вулкан проснулся», — первой мыслью пронеслось в голове у Гаврилы. Это темное облако насторожило капитана. Он прекрасно понимал, что если судно не пристанет к берегу и не произведёт ремонт, то оно будет обречено на верную гибель. В сложившихся обстоятельствах выбор был небогатым, поэтому смелый мичман, довернув штурвал, направил свой «Авось» прямо на источник этого дыма.

Положив якоря в небольшой бухте, Давыдов на байдарке отправился к берегу. Как же он был удивлён, когда вместо вулканической активности он стал свидетелем картины активности человеческой. Какой-то полуголый мужчина прямо на берегу развел гигантский костёр и, когда костёр разгорелся, стал подбрасывать в него огромные охапки выброшенной на берег и высохшей ламинарии. Незнакомец был крайне заросшим: его косматая борода касалась тела, которое украшали татуировки. Дикарь был расписан с ног до головы, но Гаврила, изучавший вместе с Лангсдорфом этнографию алеутов, заметил, что рисунок телесных росписей резко отличался от тех татуировок, которые носили жители здешних островов.

Приблизившись к опешившему от неожиданной встречи незнакомцу, Гаврила протянул руку. Глаза незнакомца засветились радостными огоньками. Вместо рукопожатия этот странный человек обнял капитана тендера как старого друга. Когда же незнакомец заговорил по-французски, мичман совершенно растерялся и перестал понимать ситуацию.

— Хоть одна родная душа! Бог милостив! — бормотал человек, щупая вышитые на воротнике Давыдова якоря, и, перейдя на русский, продолжил:

— Святой Спиридон, ты услышал меня! Я спасён!

— Вы кто? — спросил Гаврила, отстраняя от себя незнакомца, но, не дождавшись ответа, всплеснул руками.

Он мысленно перенёсся в вечерний питерский кабачок у реки Мойки, где его, ещё нескнушенного жизнью юношу, уговаривал отправиться на край света лейтенант Хвостов. А глаза странного дикаря так напоминали глаза поручика Преображенского полка, носившего фамилию одного из самых знатных родов. Как же его звали? Но чувства опередили рассудок Давыдова:

— Толстой? Поручик, что вы здесь делаете?

— Убегая от наказания за опоздание на построение полка, я связался с этим несносным Резановым и отправился в кругосветное путешествие. Но десница Господня настигла меня в Петропавловске, и вот я волею судеб и строгости камергера оказался на этом острове, сменив петропавловские остроги Петербурга на заключение невдалеке от камчатского Петропавловска!

— Резанов — прекрасный человек.

— В нынешних обстоятельствах не стал бы столь смело об этом утверждать. Тем не менее прошу вашей помощи, если не как друга, то хотя бы просто как сострадательного человека. Если вы не заберёте меня отсюда, я проведу остаток дней среди дикарей.

— Я помогу вам и как друг, и из чувства сострадания, но и вы должны оказать мне услугу. На нашем судне сломан бушприт, лопнула половина вант, а людей у меня столь мало, что боюсь не справиться с величиной работ.

— Не переживайте, мичман, я хожу в зятях у местного тойона. Он мне не откажет ни в чём.

Несколько недель спустя все поломки на судне были устранены, и оно вновь встало под паруса в ожидании попутного ветра. Но время было упущено, и опытный мичман понимал, что до наступления холодов добраться до Итурупа и Урупа он не успеет. Однако мысли о том, что Хвостов противостоит в одиночку японцам, не давала ему покоя. Тем не менее обстоятельства и здравый смысл взяли верх и, избрав северо-восточное направление, капитан тендера направил судно к ближайшему, пока ещё незамёрзшему, порту Святых Петра и Павла на Камчатке.

1 ноября 1806 года «Авось» бросил якорь в Авачинской бухте рядом с «Ростиславом» и «Марией». Узнав очертания кораблей своих друзей, мичман поспешил к начальнику порта справиться о судьбе их капитанов. Не доходя до центра посёлка на Кошке, Давыдов наткнулся на лейтенанта Машина. Радости старых друзей не было предела. В посёлке лейтенант Андрей Машин настоячи-

* Самая западная группа островов в цепи Алеутского архипелага.

во добивался того, чтобы Гаврилу Давыдова поселили в казарме рядом с ним и наконец-то избавили капитана «Марин» от назойливого соседства лейтенанта Сукина, которого Машин на дух не переносил.

— А где же Вольф с Лангсдорфом? — поинтересовался Гаврила.

— Наши нежные иностранцы устали от вечерних серенад здешних лаек, которых в посёлке насчитывается до полутысячи. Эти вечерние концерты довели их до того, что профессор с Вольфом практически не ночуют здесь. С момента прибытия «Ростислава» и до сего времени они обошли пешком все ближайшие окрестности и даже осмелились сплавиться на байдарках по маленькой речке Паратунке, чтобы увидеть горячие источники, расположенные в нескольких километрах выше её устья. Их уже более четырёх суток нет в посёлке.

— Может, случилось что, Андрей?

— Не переживай ты так, Гаврила. Реки полны лосося, лес кишит зверьём. Наверняка они занялись охотой и рыбалкой, а по вечерам купаются в горячих водах источника. Впрочем...

Машин выглянул в окно и, радостно хлопнув по плечу друга, вскочил и устремился к двери, на ходу накидывая на плечи куртку:

— ...Впрочем, вот они, наши следопыты! Пошли встречать!

Вольф, Лангсдорф, Машин и Давыдов весело, совсем по-детски кувыркались в снегу, то обнимаясь, то закидывая друг друга снежками. Несмотря на первые морозы Гаврила ощущал какое-то домашнее тепло от здешних мест. Это была Россия. Земля, к которой нельзя отнестись равнодушно. Он вспомнил первое посещение Камчатки. Только тот смеет утверждать, что Ниагарский водопад — самый красивый в мире, кто не видел водопадов Камчатки. На протяжении сотен миль с отвесных береговых круч прямо в океан спускаются искрящиеся струи воды! Разве можно не желать увидеть это великолепие? Разве можно, увидев, забыть эту красоту? Но вот нарты зашуршали по первопутку. Сопки нарядились в торжественные снежные убранства. Родина, вечно молодая и всегда красивая, в который раз заставила юного мичмана влюбиться в неё.

Когда веселье было в разгаре, у казарм мелькнула тень какого-то дикая. Лангсдорф поймал взгляд чёрных глаз с дьявольским огоньком.

— Толстой? — с удивлением выдохнул профессор.

— Вы знакомы? — в свою очередь удивился Давыдов.

— Да, — утвердительно кивнул Лангсдорф. — Мы вместе путешествовали на «Надежде» с милейшим капитаном Крузенштерном.

— А я имел честь быть представленным в доме Кошелева, когда кругосветные вояжеры останавливались здесь. Я подобрал графа на Атгу и доставил его сюда на зимовку. С ближайшим судном по весне планирую отправить его в Охотск.

— Ближайшим судном станет моя «Мария», — отозвался Машин. — Так что познакомьте меня с графом, и я с удовольствием приму его в свою компанию в обмен на рассказы о его приключениях.

— Граф! Толстой! — позвал поручика Давыдов. — Присоединяйтесь к нашему обществу.

Вечером при свете нескольких лучин д'Вольф и доктор Лангсдорф поведали о своём переходе из Новоархангельска в Петропавловск. С ними за столом сидели лейтенанты Сукин и Машин, поручик Толстой, к тому времени приведший себя в порядок, и мичманы Давыдов и Штейнгель — последний как оказалось, тоже зимовал на Камчатке. Рассказывая о посещении Кадьяка и о встрече с Баннером, Вольф предался более подробным воспоминаниям о посещении острова Уналашки:

— Управляющий Компании Ларионов, высокочтимый господин, умер незадолго до нашего приезда, оставив вдову и единственного ребёнка, восемнадцатилетнюю дочь. Я был душевно встречен его преемником, приложившим все усилия для облегчения нашего плавания. После того как мы выполнили необходимые небольшие ремонтные работы, а также наполнили трюмы провизией, госпожа Ларионова выяснила, что я направляюсь в Охотск. Придя ко мне, она стала на коленях звать к моему состраданию и, рассказывая про своё одиночество, умоляла взять её с дочерью с собою в дорогу. Сибирский Иркутск был её родиной, и она хотела вернуться туда после десятилетнего пребывания на этом острове. Её просьбы были настолько трогательны, что у меня не хватило духу отказать ей. Несмотря на тесноту наших кают, никак не рассчитанных на женщин, я решил всё же взять её под своё покровительство.

Поднявшись на борт, я предпринял всё возможное для обеспечения удобств дамам, отказавшись от своей кровати и расширив её достаточно для того, чтобы мать с дочерью могли на ней поместиться. Также пришлось отделить их часть каюты ширмой. После этого я поднял на борт их багаж, которым они, однако, не были обременены. Женщина готовилась к тому, чтобы покинуть остров давно и основательно, скопив некоторый запас — несколько бочек яиц, залитых маслом, в изобилии — копчёных гусей, сушёных и промаринованных грибов превосходного качества и иных вещей и продуктов. Это была лучшая плата за возможность покинуть остров.

Неожиданно управляющий стал отговаривать меня, обрисовывая все трудности, которые могут возникнуть у меня со старушкой. И без его слов я знал, что Ларионова могла написать письма, которые выставляли бы его не в лучшем свете и не способствовали бы высокой оценки его заслуг. Однако в моей власти было заставить замолчать пройдоху, поскольку у меня на борту была бочка коньяка, которую я мог или оставить ему, или взять с собою в Охотск. Моё предложение поколебало его решительность, и в конце концов он решил избавиться от тяжелого оппонента в лице вдовы. А после такого подарка он готов был отдать всё, что имелось на острове в его распоряжении. Управляющий был любителем полакомиться «горячительным».

16 августа, когда ветра и погода благоприятствовали нам, госпожа Ларионова, её дочь и слуга поднялись на борт, и мы вышли в море. У меня есть все основания полагать, что на всем острове звучали горячие молитвы с просьбами о Божьем благословении нашего маленького корабля и молитвами Богоматери о как можно более скором нашем прибытии. На следующий день мы увидели новый остров, к которому я стремился подойти достаточно близко, чтобы спустить байдарки. В частности, того страстно желал доктор, чтобы получить образцы естествознания. Но сверху напал густой туман, и мы решили продолжить путь без задержки на острове и без лишних потерь во времени.

18 августа мы потеряли острова из виду, и сопровождаемые лёгким ветерком и дождём направились на запад, пересекая Камчатское море к северу от Алеутской гряды. Но скорость наша была столь мала, что только 28-го числа мы достигли побережья острова Атту, самого западного из Алеутских островов. Затем в течение десяти дней мы дрейфовали в тумане, сопровождаемые неблагоприятными ветрами. При таком дрейфе наше терпение подверглось жестокому испытанию, и только полёты многочисленных птиц, постоянно летающих вокруг нас, несколько облегчали однообразие нашей жизни и позволяли потренироваться в стрельбе из ружья.

И здесь я считаю своим долгом отметить искусность доктора, убившего целую стаю из четырёх диких гусей одним выстрелом. Мы спустили байдарку и собрали всех их, что нас особенно порадовало. Надеюсь достичь Охотска до наступления холодов, я положил судно в дрейф, но, проболтавшись три недели в открытом море, изменил своё решение и, пользуясь благоприятными ветрами, направились в Петропавловск.

Прибыв в этот порт 22-го, мы встали на траверз у посёлка. Мы были любезно и гостеприимно приняты управляющим Компанией.

а также военной администрацией, и особенно Антоном Ивановичем и его женой, которые проявили ко мне особое радушие. Госпожа Ларионова с дочерью сразу же попали под опеку управляющего Мясникова, который предоставил им и членам экипажа в распоряжение удобные комнаты в своём доме.

Мы с доктором заняли удобную избу на берегу, чтобы успеть подготовиться к зиме. Разгрузив и разобрав наш маленький корабль, мы отбуксировали его на берег до первого весеннего половодья. Расселив экипаж в жилых помещениях на берегу, а также разместившись сами, мы признали, что здешние люди стремятся сделать всё от них зависящее, чтобы создать максимально комфортные и приятные условия нашего пребывания.

Капитан Джон д'Вольф закурил трубку. Затем взглянув на Давыдова, задал вопрос, который и без того терзал мичмана:

— А куда же подевался лейтенант Хвостов с моей «Юноной»? Вы же были с ним неразлучны, а прибыли в одиночку.

Гаврила не нашёл, что ответить и, растеряно пожав плечами, покинул эту импровизированную кают-компанию в расстроенных чувствах.

— Мичман, здравствуйте! — неожиданно позади раздался звонкий женский голосок, когда Гаврила уже собирался направиться к казарме. — Не узнаете?

Гаврила обернулся и увидел обворожительную Оленьку Ларионову, доставленную Вольфом в Петропавловск. Смешение чувств не позволило Гавриле излить радость, которую он ощутил при встрече с юной прелестницей.

— Оленька, рад вас видеть! — поприветствовал Ларионову Гаврила. — Наслышан от американского капитана Джона о ваших приключениях! Как здоровье матушки, милостивой Елены Фёдоровны?

— Она уже пришла в чувство после пережитого и рада, что оказалась в обществе русских людей. Наш народ куда более любезный, чем дикие, с которыми пришлось иметь дело. Только вот батюшку жалко. Не знаю, случится ли когда-то ещё попасть на его могилу? Господин Давыдов, не могли бы вы нас с матушкой удостоить чести и посетить дом губернатора Кошелева, где нас поселили? Матушка была бы рада.

На какое-то мгновение Гаврила забыл о тоске по другу, и иные, нежные и добрые, чувства переполнили его сердце. Оленька — это милое создание Творца, — озябшая и такая родная, стояла перед ним и что-то продолжала шептать. Они встретились здесь, на краю земли, и, кто знает, может сейчас на него влюблёнными гла-

зами смотрела сама судьба. Юный мичман принял приглашение Ларионовой и, проводив девушку до дома, вернулся в казарму, где всю ночь не давал спать Андрею Машину своими разговорами о юной очаровательнице и своём друге Николае.

Ситуация разрядилась 10 ноября, когда ещё один парусник со столь родными очертаниями бросил якорь рядом с тендером «Авось». Это была «Юнона».

Встреча Хвостова и Давыдова ознаменовалась пиршеством, основным блюдом которого был рис, или сорочинское зерно, как именовали этот злак русские. Судно оказалось переполненным злаками, что больше всего порадовало камчатское начальство. Хлеб, доставленный на «Юноне», гарантировал сытую зиму для всех обитателей посёлка. Вечером за праздничным ужином в своей каюте на «Юноне» Коля Хвостов, собрав офицеров, рассказал захватывающую историю своего плавания к южной оконечности Сахалина:

— После того как ссадил я на охотский берег его превосходительство господина Резанова, согласно прежним договорённостям, шестого октября моя «Юнона» бросила якорь в заливе Анива в ожидании твоего, Гаврила, прибытия. На следующий день я с семнадцатью матросами сошёл на берег, где жестами, на пальцах, старался объяснить встречавшему нас местному племени айну, что судно имеет нужду в пополнении запасов пресной воды. Далее одарил я старшин их подарками, после чего стали они смелее и дружелюбнее, ибо не хотел дать им ни малейшего подозрения в необходимости узнать, где расположено селение японцев. Затем Карпинский и штурман Ильин произвели съёмку местности и нанесли пометки на карты, с тем чтобы в будущем году вернуться и закончить начатое. На следующий день в восемь часов пополудни на двух судах я, лейтенант Карпинский и корабельный подмастерье Корюкин отправились к тому же селению. Подъезжая к берегу, подняли на шлюпке — военный, а на баркасе — купеческий флаги. Добрые айны встретили суда уже в большем числе и присели на колени, когда мы вышли на берег и постарались объяснить кое-какими словами, что мы россияне и друзья их. Я приказал на берегу поставить флашток, на котором подняли оба флага, как военный, так и коммерческий.

Хвостов с офицерами опрокинули по чарке, после чего капитан «Юноны» подошёл к окну, собираясь с мыслями, чтобы продолжить свой рассказ...

На сегодняшний день известно, что российские флаги были водружены 8 октября 1806 года у Кусюнкотана*. Позже в том же месте

матросы с «Юноны» укрепили на видном месте памятную доску с надписью: «1806 года октября 12 дня. Поставлено в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под Всемилоуейшее покровительство российского императора Александра I». Несколько дней, проведённых в деревне айнов, не прошли бесследно. Как и в Калифорнии, всё те же Хвостов и Ильин составили собственную, очень подробную и точную, карту южной оконечности острова Сахалин. И так же, как и в заливе Святого Франциска, на волнах бухты Анива мирно покачивалась красавица «Юнона». Но давайте вернёмся в каюту и дослушаем рассказ доблестного моряка:

— Меж тем решили мы искать поселение японцев, о котором узнали от айнов. Думал я произвести разведку и отложить нанесение вреда японской коммерции на будущий год. Но произошло другое. Мне удалось выяснить, что в одном из селений остались на зимовку несколько японцев. 11 октября «Юнона» приблизилась к сему селению, и отряд из 22 моряков, который сам я и возглавил, высадился на берег, где в большой казарме увидел я четырех японцев и 70 молодых айнов, которых японцы использовали на работах.

Я представился им, сказал, что русский, и просил не бояться меня. Японцы в ответ тоже представились, низко кланялись, а затем стали потчевать нас пшеном, и вместо ложек дали палочки, которыми ни один из нас есть не мог. Однако же не смогли мы есть палочками еще более потому, что видели много японских сараев и думали, ежели они со пшеном, то и после успеем. Пока мои верные лейтенант Карпинский и подмастерье Корюкин занимали японцев разговорами, которые они всё равно не понимали, я выскользнул за дверь и решил оглядеть японские магазины и сараи. Хотя они и были заперты, но я определил, что они не пустые и решился не отлагать время далее, полагая, что разницы великой не будет, ежели мы займёмся выдворением непрошенных гостей ещё этим годом.

Далее пошло всё быстро. Семеро моих матросов с веревками в руках окружили японцев и схватили их. Японцы закричали, а перепуганные айны бросились к дверям, смяли выставленный караул и вырвались из казармы. Один из японцев был настолько силен, что с едва справившись три матроса. Трёх связанных японцев отправил я на «Юнону», а одного мы оставили при себе. Когда японец открыл магазины и сараи, то я так сильно поразился обилию хранящихся в них товаров, что для того, чтобы не терять времени даром, приказал из магазина, который наполнен был пшеном, таскать оное на свои гребные суда. Айны на трех японских лодках успели совершить пять рейсов, и мне оставалось только сожалеть, что судно наше чрезвычайно грузно и весьма утеснено, ибо одним только

* Сейчас окрестности г. Корсакова.

пшеном, которое находилось в сараях, могли бы погрузить три или более судна, подобных «Юноне». Сейчас же в наших трюмах пудов до тысячи сорочинского пшена, пудов до ста соли, до ста неводов, несколько прядева, четыре больших и десятка два малых чугуновых котлов (первые весьма удобны в Камчатке для варения соли), два ящика чашек, несколько десятков топоров, серпов и ножей. Наполнив «Юнону» более, чем в Калифорнии, позволил я айнам брать из японских магазинов всё, что они захотят. Дивлюсь проворству сих детей природы, ибо за один только час они опорожнили несколько сараев и магазинов, на которые у нас времени ушло бы до вечера. Чтобы лишить японцев орудия промысла, после приказал я жечь строение японцев. Огню было предано три японских сарая, в которых хранился заготовленный строевой лес, а также доски и рыболовные снасти. Чтобы нанести более вреда японцам, я приказал сжечь, кроме складов еще и японские магазины, казарму и кумирню. Островитяне помогали в сем очень усердно, и уже вскоре они сами жгли японские постройки, и притом с таким рвением, что вскоре пожар грозил перекинуться на расположенное вблизи местное селение, так что моим морякам пришлось затем тушить и его. Помощи от айнов мы не дождалась, но в благодарность они поднимали руки вверх, радовались и скакали. Дозволенным мною расхищением японских богатых магазинов привязал сердца их к россиянам. На следующий день я вновь высадился на берег, чтобы попрощаться с айнами и довершить начатое, а также поинтересовался у их тойона, что же стало с остальными японскими магазинами, которые накануне еще не были разграблены. К своему удивлению, нашел их до такой степени пустыми, что даже гвозди из стен были вытащены. До сих пор не могу понять, куда такое большое количество в короткое время успели перетаскать. Чтобы обезопасить себя, отправил я пять человек узнать, нет ли поблизости еще японских селений. В верстах трех от берега они обнаружили селение айнов и одарили жителей безделушками. В это время вдруг выскочили несколько человек и напали на наших, схватили двух матросов и куда-то потащили, а остальные айны бросились на оставшихся троих матросов и пытались отнять ружья. Одному из матросов удалось выстрелить вверх, и от звука выстрела айны перепугались и разбежались. Неприятельский поступок сей заставил меня несколько оных захватить. При этом я не стал наказывать провинившихся, а одарил их подарками. Мне удалось узнать, что айны напали на наших моряков по наущению японцев. Они тут же раскаялись и попросили у нас защиты. Я же, показывая на судно, одарил всех платками и разными безделицами, на тойона или старшину селения надел лучший капот и медаль

на владимирской ленте при трехкратном из шести ружей выстреле с судна на каждый залп ответственно из одной пушки. Здесь должно заметить, что ружейная стрельба не произвела на айнов ни малейшего страха, но когда увидели огонь и звук пушек, то ужаснулись и преклонили головы. Старшине при медали дал лист, на котором написано «1806 года октября 12 дня Российский фрегат «Юнона» под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под всемиростивейшее покровительство российского императора Александра I, старшине селения, лежащего на восточной стороне губы Анива, пожалована серебряная медаль на владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно, как российское, так и иностранное, просим старшину сего признавать за российского подданного». И подписал: «Российского флота лейтенант Хвостов. У сего приложена герба фамилии моей печать».

В течение четырех дней мы объехали айнские селения на острове и всюду объявляли, что Россия берет под свое покровительство все население Сахалина. 10 октября я посетил айнское селение, где прибил доску с надписью о том, что здесь побывала «Юнона». Селение я назвал «Сумнением». Селение, где мы разбили японцев, мною названо «Любопытством». Через десять дней, 16 октября, закопав на берегу бутылку с запиской на случай твоего, Гаврила, прихода, мы вернулись на судно, после чего «Юнона» покинула залив Анива. Предписание Николая Петровича я постарался исполнить в точности, однако, как и предполагал Николай Петрович, торгового флота японцев в бухте мы не застали.

— А что случилось с пленёнными японцами? — поинтересовался Давыдов.

— Четверо японцев взяты мною на «Юнону» по совету его превосходительства Николая Петровича Резанова в качестве переводчиков* для поселения в Новоархангельске. Один из них говорит по-голландски. Мы кое-как изъяснились, и он поведал, что на Уруп русских уже нет, но следы фактории остались. Что случилось с её обитателями, неведомо, но год назад там появились японские магазины.

* Согласно японским хроникам «Хоккайдо сико» Окамото Рюносукэ русские взяли в плен сторожей из податной конторы Томигоро, Гэнсити. Торидзо и Фукумацу. Взамен были оставлены взятый в плен несколько днями ранее в Оитомари сын старейшины айнского селения, медная доска на дверях храма с надписью и преданная через отпущенного подростка грамота. В текстах, оставленных на Сахалине, говорилось о несправедливости помех торговле японцев с русскими на этом острове и о том, что долгие такая ситуация будет сохраняться и впредь, то русские будут продолжать разорять северные области Японии.

— Ты думаешь, они убили Василия Звездочётова и его партов-шиков?

— Не знаю. Николай Петрович перед отъездом дал мне новую инструкцию с указанием отплыть в Новоархангельск, однако Звездочётова-то мы бросить не смеем. Тем более что японцы осмелели. Сахалинцы и курильцы стонут от них. Однако, что рассуждать, «Авось» нуждается в ремонте. «Юноне» фок-мачту сменить надо. Нам бы со всеми работами до весны управиться. А там уже подумаем, как действовать в следующем году. Глядишь, и от Николая Петровича новые инструкции поступят. Однако его превосходительство был прав — Россия слаба пока ещё здесь, и никто, кроме нас, сейчас не способен защитить её интересы в этих водах.

Хвостов, как никто другой, понимал Резанова, который решил охватить своим вниманием не только самый доходный американский берег, но все земли, где Российско-американская компания ведёт свой промысел. Именно с целью защиты российских территорий и промысловых баз, на которые покусились японцы, а также выполняя обещание «показать им кузькину мать», Резанов направил Хвостова в бухту Анива на Южном Сахалине.

Уважаемому мной профессору Болховитину не совсем ясно, зачем Резанов взялся за осуществление этой «секретной экспедиции»: «Теперь можно только удивляться, как образованный и мягкий человек мог решиться на отправку подобной экспедиции». Профессор истории, ведущий исследователь Русской Америки, он так и не понял, что Резановым двигали государственные мотивы, которые он не обменивал на либеральную дипломатию. Ему нужна была сильная Россия, умеющая защитить свои приобретения и обеспечить новые земли всем необходимым. Что толку с того, что Николай II, например, тоже был «образованным и мягким» человеком? Не будучи сильным государственным деятелем, он профукал Россию.

У читателя может невольно возникнуть вопрос: а почему же айны так ревностно принялись сообщать с русскими уничтожать японские магазины? Да потому что русских, в отличие от японцев, они уже знали давно и их поведение было предсказуемо и благородно.

О существовании Курильского острова Уруп в России узнали в 20-х годах XVIII века. В 1726 году якутский казачий голова Афанасий Шестаков прибыл в Санкт-Петербург с рассказом о 18-м острове (считая от Камчатки) и картой, составленной при его собственном участии. Проживали на острове айны, которых в первых русских переписях населения называли «мохнатыми курильцами» и просто «мохнатыми». Народ этот удивительный и ни на кого не похожий. Антропологи считают айнов последними пред-

ставителями исчезнувшей древнейшей человеческой расы. В отличие от желтокожих, узкоглазых и безбородых монголоидов айны имели близкий к европейскому тип лица и носили огромные, невероятно густые бороды, которые поддерживали во время еды специальными палочками. От айнов японцы переняли меч «катана», ритуальное самоубийство «харакири» и традиционные поклоны. Изначально этот народ заселял территорию современной Японии, но китайская, а затем и японская экспансия вытеснила айнов сначала на остров Хоккайдо, а затем севернее — на острова Курильской гряды и Сахалин. Контакт между русскими и айнами установился быстро. Приветливый и добрый народ айнов привлекали в русских открытость и коммуникабельность, а также стремление пришельцев не только к собственной выгоде, но к процветанию и просвещению местных жителей. В 1749 году казак Шергин открыл школу на острове Шумшу и стал обучать детей курильцев русской грамоте. В 1755 году русские привезли с Камчатки на Шумшу и Парамушир рогатый скот и семена овощей.

В общем, в XVIII веке русские уже уверенно осваивали Курилы. Камчатские казаки собирали ясак* на всей гряде, в том числе на самых южных, смежных с Хоккайдо, островах — Итурупе, Кунашире, Шикотане. На Симушире, Урупе и Итурупе во второй половине указанного столетия были русские поселения. «Остров Итуруп уже в 1768 году начал осваиваться Россией», — констатирует японский автор Синтаро Накамура. На нём была промысловая стоянка, где долгое время проживал «русский по имени Идзюё». Староста этой деревни придерживался русских обычаев, был православным, воздвиг близ селения высокий крест, у которого айны молились по утрам и вечерам. То, что русские появились на южнокурильских островах, в частности на Итурупе, раньше жителей Страны восходящего солнца, подтверждается и японскими источниками. В японских донесениях того времени указывалось, что на Итурупе проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты. Когда японцы впервые попали на этот остров в 1786 году, некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками.

В это же время, накануне прибытия сюда первых японцев, на соседнем к югу острове Уруп жили несколько десятков русских промышленников под предводительством Звездочётова, занимавшихся охотой на калана.

* Форма государственного налога в виде продуктов натурального производства. На Курильских и Алеутских островах ясак собирался шкурками пушного зверя.

О фактории Василия Звездочётова, на поиски которого и направлял Резанов своих морских офицеров, стоит рассказать отдельно. Она стала частью грандиозного замысла по освоению тихоокеанских земель «Российским Колумбом» и его Компанией.

Организованная Григорием Ивановичем Шелиховым экспедиция летом 1795 года отправилась на Уруп на судне «Святой Алексей» в составе четырех крестьянских семейств, шести бобылей и 32 промышленников. Поселенцы высадились в бухте Ванина на восточном побережье Урупа. Для их снабжения были выделены запасы зерна и скот. По прибытии на место им предписывалось вначале заняться строительством и сельскохозяйственными работами, а затем начать промысел пушных зверей. В 1796 году Звездочётов установил торговые связи с местным населением островов Итуруп, Кунашир и Хоккайдо. Однако вскоре в эти отношения вмешались японцы: они препятствовали поездкам итурупских и кунаширских айнов на Уруп. В русском поселении начался голод. Помощи поселенцам, о которой просил Звездочётов, от Российско-американской компании получить не удалось, ибо всё внимание Компании в тот период было обращено на освоение северо-западной Америки. Несмотря на трудности поселение Звездочётова, судьбой которого были так обеспокоены Резанов и Хвостов, просуществовало на Урупе около 10 лет.

А чем же на Курилах и Сахалине занимались «невинные» японцы? К тому времени они успели проявить себя не просто как захватчики, но и как люди, наделённые пристрастием к особым формам садизма.

Южные курильцы, близкородственные хоккайдским эдзо, хорошо знали историю покорения своих соплеменников японцами и жестокие методы, какими действовали пришельцы. Не было ничего ужаснее для них, чем перспектива обрести ту же участь. Английский исследователь Н. Сноу, посетив в конце XIX века айньские земли, отмечал: «В характере айну... содержится какая-то странная смесь мужества и робости. Они не колеблясь нападают на медведя и в то же время чувствуют смертельный, непобедимый страх перед японцами». Далее он сообщает, что даже обитатели Северных Курил, хотя они и не были под властью японцев, тем не менее смертельно их боятся, и приводит случаи о поспешном бегстве айнов с острова на остров при слухах о приближении японцев.

Такое отношение сформировалось из-за совершенной беззащитности айнов перед властью японских предпринимателей и администраторов. Японская кабала была исключительно тягостной, поскольку даже в XIX веке айны находились фактически на по-

ложении рабов, с которыми обращались подчеркнуто безжалостно. В японской системе «исправления нравов» полное бесправие туземцев сочеталось с постоянным унижением их этнического достоинства. Мелочная, доведенная до абсурда регламентация жизни, начисто лишая самостоятельности, была направлена на то, чтобы парализовать волю айнов.

И всё же аборигены крайнего северо-востока Хоккайдо и Южных Курил не единожды восставали против угнетателей. Японская летопись сообщает: «В 6 году Тэммэй* был большой голод вследствие неурожая. Поэтому и сумма риса, отправляемого в страны эдзосцев, была уменьшена... Кроме того, заведовавшие исполнением дел на местах переводчики и надсмотрщики совершали много дурных и подлых дел: они жестоко обращались со стариками и детьми и насиловали эдзоских женщин. Если эдзосцы начинали жаловаться... они еще вдобавок получали наказание... Здесь производились прямо ужасные вещи...». Описывать зверства японцев не буду, замечу лишь, что жестокость сынов Страны восходящего солнца воистину не знала пределов. И терпению айнов пришёл конец. В следующем, 1787 году свыше двухсот жителей Кунашира ворвались на склады и суда, «вооружились и, стреляя отравленными стрелами, произвели нападение». Был убит чиновник Мацумаэского клана и более 70 служащих-японцев. Волнения перекинулись на территорию современной Японии — остров Хоккайдо, в местность Аккэси. На подавление восстания айнов против своих поработителей прибыло 30 с лишним военных судов. В летописи говорится о казни 37 «вожаров».

В 1788 году на Кунашире произошло еще одно восстание. Начальник карательной экспедиции приказал отрубить его участникам головы и, засолив в бочках, отправить на Хоккайдо в доказательство своего усердия. Следующее восстание имело место ровно через год и руководил им айнский вождь Мамэкири.

Обеспокоенное донесениями о частых бунтах в княжестве Мацумаэ, бакуфу** прислало комиссию. Правительственные чиновники, констатируя бесчеловечное обращение с туземцами, рекомендовали «пересмотреть законы об убийствах айнов на основании старых предписаний княжества Мацумаэ, отменить жестокие указы, назначить в каждый район врачей, излечить сифилис, обу-

* 1786 год.

** Сёгунское правительство Японии. Во время описываемых событий в Японии правил сёгунат Эдо (клан Токугава). За всю политическую историю самураев он считается самым мощным центральным правительством с высоким уровнем внутренней организации.

чать японской грамоте, земледелию, предоставлять рыболовные снасти, постепенно приучать к обычаям нашей страны...».

Однако вскоре после водворения на Хоккайдо управляющего бакуфу опять заволновались айны северо-востока этого острова и Южных Курил. В частности, Икитои, вождь местности Аккэси, не подчинившись новым властям, увел сородичей на Уруп, за пределы японского влияния, ближе к русским.

Первая официальная экспедиция японцев за пределы Хоккайдо состоялась в 80-е годы XVIII века, хотя в 1754 году была открыта японская стоянка на Кунашире. Когда один из главных участников экспедиции, офицер Могамы Токунаи, в 1786 году прибыл на Итуруп, по свидетельству японской летописи, «многие айны еще не видели японцев».

В 1798 году японский военный отряд, уничтожив все свидетельства пребывания на Итурупе русских, установил здесь, на холме Рикоппу, столб с надписью: «Эторофу — владение великой Японии». Чуть позже надпись отредактировали следующим образом: «Остров издревле принадлежит великой Японии». Началась японизация местных айнов. Последние, пишет С. Накамура, «меняли свои имена на японские, сбривали усы и волосы на голове». Однако японское влияние в этот период распространялось только на Кунашир, Итуруп и Малую грядку. В 1801 году бакуфу попыталось вытеснить русских с Урупа, где буквально на их глазах был поставлен столб с надписью, аналогичной вышеприведенной. Произошло первое столкновение русских и японцев. Звездочётов и его артель изгнали захватчиков.

Всего же за период японского владычества на Южных Курилах, хотя оно и было кратким, численность коренного населения резко сократилась. По японским данным, в 1775 году, когда на Итурупе впервые появились японцы, там жило около 1500 айнов, в 1801 году — 1118, а в 1811 году остался 851 человек. Таким образом, за 37 лет число туземцев сократилось почти вдвое.

Иную политику избрали русские. Еще в середине XVIII века старшину двух первых островов Николая Сторожева (по всей видимости, родом с Курил) посылали на юг, к «мохнатым», то есть независимым айнам. Вернувшись, он сообщил, что будет «легко с ними подружиться и привести в подданство, но только бы они уверены были, что от них не будут брать аманатов...». Иными словами, айны были готовы к сотрудничеству с русскими, соглашались и платить ясак. Но, высоко ценя свободу и достоинство, главным условием они ставили отказ от грубого насилия. В те далёкие времена, наверное, впервые в истории, государство заступалось не за

титутельную нацию, представители которой, бывало, творили произвол, а за коренные народы! Так, за самоуправство и нарушение инструкции Большерецкой канцелярии сотник Иван Чёрный и другие лихонимцы, решившие нажиться на ясаке, который изымали с айнов по несколько раз в год, понесли наказание от камчатских властей, учинивших разбор дела. В 1779 году Екатерина II издала указ, в котором говорилось: «...мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать, но стараться дружественным обхождением и ласковостью... продолжать заведенное уже с ними знакомство». Отмена ясака на Курилах «для чаемых выгод в промыслах и торговле» и сам дух высочайшего повеления были продиктованы в первую очередь внешнеполитическими соображениями. Это привело к ситуации, когда айны, встав перед выбором, принять российское подданство или, отходя на юг с приближением русских, отдаваться в японское, как правило, предпочитали первое. Дело в том, что русская администрация мало вмешивалась в жизнь аборигенов. В крепостнической России айны не знали крепостной зависимости, их не сгоняли с насиженных мест, как это было на Хоккайдо во время японской колонизации острова. Им не запрещали заниматься исконными промыслами — охотой, добычей морских животных и рыболовством, у них не отбирали огнестрельного оружия и снастей, как в Японии и на юге Курил. Кроме того, аборигенам не навязывали насильственными мерами чуждых хозяйственных и социально-политических форм. Курильцев не обязывали воинской повинностью, военно-караульной службой, не использовали на тяжелых работах по сооружению дорог и оборонительных объектов, не низводили до положения рабов, не превращали в лакеев. Русские церковники, крестившие айнов и их детей, смотрели сквозь пальцы на сохранение у коренного населения языческих культов. Русские не только вносили свою лепту в жизнь курильцев и сахалинцев, но и охотно перенимали у них многие рациональные промысловые приемы.

Так что айны, столь ревностно взявшиеся помогать Хвостову в деле уничтожения японской фактории в бухте Анива, на самом деле вели маленькую освободительную войну против угнетателей, возглавляемые своими русскими друзьями. Забегая наперёд, стоит отметить, что в конце XIX века, когда половина Курильского архипелага и острова Сахалин попали под японский гнёт, целая народность, адаптированная к суровым условиям выживания на островах, вымерла. Японцы приложили немало усилий, чтобы айны как нация были стёрты с лица земли. Этому в немалой сте-

пени способствовал сам образ жизни японцев, который был навязан айнам. Этноэкология Курил была грубо нарушена японскими порабощателями — людьми недалёкого мышления, закованными в броню собственных условностей и традиционализма. Например, при переселении с Сахалина на Шикотан курильцев лишили огнестрельного оружия и запретили им выходить без разрешения на промысел в море. У них отняли и рыболовные снасти, и другие орудия труда. «Все их собаки, — писал исследователь тихоокеанской России Д.Н. Позднеев, — были убиты, а лодки оставлены... Курильцев поставили на работы и поощряли их обрабатывать участки земли... Им было назначено известное количество рису и были командированы доктор и учитель...» По сведениям Н. Сноу, «несмотря на эту перемену — перемену к лучшему, как можно было бы думать, — айны были очень несчастны. Переход от почти исключительно животной пищи на рис, немного овощей и рыбу не соответствовал их организму, и многие из них умерли в течение первого же года». Наживаясь на богатствах Курил и Сахалина, японские предприниматели обрекали айнов на обнищание, голод, культурную деградацию. Свиристествовавшие в айнских селениях эпидемии добились добрый и трудолюбивый народ.

В Петропавловской гавани, расснабив суда, Хвостов и Давыдов усилиями своих команд вытащили их на берег и приступили к ремонту. Тогда-то Хвостов и понял, насколько он мудро поступил, прихватив с собой из Новоархангельска корабельного мастера Корюкина, которого когда-то едва не заколол. За время совместных плаваний капитан и плотник успели подружиться, и теперь едва ли на судне мог найтись человек, более преданный делу и привязанный к лейтенанту Хвостову, чем Корюкин. Корабел взвалил на себя все обязанности по приведению судов в должное состояние и подготовке их к предстоящей экспедиции. Самым большим достижением Корюкина стало то, что он нашёл и каким-то невероятным способом доставил к месту тимберовки два десятка листов меди, некогда снятые с полузатопленной «Славы России», которыми тут же были заменены части изношенной обшивки «Юноны».

Хвостов едва успел расположиться в казарме, потеснив двух своих друзей-капитанов, как тут же принялся за отчёт, в котором описал свои действия в бухте Анива. Дав свою довольно эмоциональную оценку произошедшему, Хвостов написал и отправил в Санкт-Петербург отчёт о выполнении инструкции Резанова. В частности, он указал, что, согласно пунктам 4 и 5, он уничтожил десять японских магазинов, казарму, кумирню, захватил четырех японцев и «сколько можно было поместить в судно, взял пшена,

соли, исводов, котлов чугунных и разной мелочи». Описывая свои приключения на Сахалине и ознакомив Лангсдорфа с частью ритуальных предметов японцев, Хвостов всё же пожалел, что «не мог совсем всего искусно сделанного маленького храма перевезти и для того сжег как кумирню, так и все японские строения».

Семнадцать ритуальных предметов из кумирни лейтенант Хвостов переслал лично Николаю Петровичу Резанову, особо выделив японскую энциклопедию и словарь айнов, составленный им на острове.

Понимая, что полумеры только разозлят японцев, по самолюбию которых был нанесён чувствительный удар, Хвостов задумал довершить начатое весной и стал готовиться ко второй экспедиции, в связи с чем доносил в Санкт-Петербург:

«Посему я решил сей весны зайти в Аниву непременно и мы получим следующие выгоды от сего похода:

1. Освободим айнов от тиранства японского.
2. Получим богатый груз хлеба, который доставит подкрепление в Америку.
3. Покажем японцам, что намерены ежегодно посещать Аниву.
4. Можем захватить большое число людей для доставления в Америку».

Свою экспедицию смелый капитан предполагал закончить в первой половине июня, затем зайти в Охотск, а оттуда — в Америку. Хвостов предупреждал российские власти, что не ручается, «проходя мимо Матмая, когда случится увидеть селение соразмерно силам нашим, что оставляю оное без покушения, может быть, что сие не столь хорошо примется, но думаю, нет разницы, на Сахалине ли, на Матмае ли, или в другом каком месте причинить вред японцам тем более еще, что в инструкции сказано: пленников взять где ни встретится, только проявить человечество, исполнение чего всегда и везде для каждого из нас будет первым правилом».

Пока Хвостов занимался бумагами и подготовкой нового морского рейда, Джон д'Вольф, доктор Лангсдорф и мичман Давыдов решили освоить езду на собачьих упряжках. Вскоре друзья приняли несколько поездок на собаках по окрестным местам. Они побывали в Паратунке, Аваче, Начике, Малке. Езда на собаках необычайно заинтересовала Лангсдорфа, и он занялся освоением этого способа передвижения. В селение Малка, находившееся в 138 верстах от Петропавловска, Лангсдорф смог приехать, уже самостоятельно управляя своей собачьей упряжкой.

Находясь в Петропавловске, ученый вступил в переписку с министром коммерции Николаем Петровичем Румянцевым. Это-

му способствовала рекомендация брата матери Лангсдорфа, тайного советника Коха, вероятно, познакомившегося с Румянцевым в период дипломатической службы последнего в германских государствах. В лице Румянцева Лангсдорф приобрел влиятельного покровителя.

поскольку необходимо было иметь двух крестных отцов и двух крестных матерей. В назначенное время мы отправились в дом, где уже был батюшка и многочисленные приглашённые. Священник принес с собой небольшую коробочку, содержащую, как было сказано, освящённое масло. В центр комнаты был помещён большой чан с водой, под рукой у священника разложены его атрибуты. Он начал читать молитву, после чего взял ребёнка на руки и окунул в воду. Затем, с помощью кисти и масла из коробочки батюшка перекрестил ребенка по всему телу и ногам и пошел вокруг ванны, а мы, крестные, пошли следом за ним, обойдя чан три раза. Затем ребёнка отдали одному из крёстных и вновь перекрестили, и мы все снова обошли три раза вокруг чана. И так продолжалось с каждым крёстным по очереди. Всего мы совершили пятнадцать кругов вокруг этого чана. Теперь я думаю, что вся эта церемония или большая её часть представляет собой какую-то галиматью. Но тогда находить в этом ошибку или нелепость было не моим делом, и я охотно следовал обычаю.

военно-морскому уставу, жениться он мог лишь по достижении двадцатипятилетнего возраста, поэтому и помолвку решено было отложить на некоторое время. Гаврила же решил испросить у императора разрешение на подобный брак в нарушение устава.

— Оленька, после окончания экспедиции мы с Николаем Хвостовым отправимся в Охотск. Ежели по какой-то причине вы с маменькой задержитесь там, буду рад встрече с вами. Скажу более — буду ждать этой встречи. Но если вы уже будете в Иркутске, тогда встретимся там. Дорога в Петербург лежит через ваш город!

В последние дни марта снег начал быстро таять, и к середине апреля земля так оголилась, что передвижение на собаках стало невозможным. Бухта освободилась ото льда, и каждому нашлась работа под руководством Хвостова и Давыдова. Команда судов распиливала и разбивала лёд во внутренней гавани, чтобы вывести «Юнону» и «Авось», которые вскоре были готовы к отплытию. К 25 апреля фарватер был очищен ото льда, и оба судна встали на рейд Петропавловска. Прощание с друзьями происходило бурно. Когда же капитаны судов прибыли на борт своих кораблей, с берега прозвучал салют в честь них.

— Долг призвал нас, — напутствовал команду Хвостов, — освободить островитян от тиранства японцев. Матушка наша Екатерина Великая 22 декабря 1786 года издала указ Коллегии иностранных дел, в коем говорено: «В случае обнаружения иностранных пришельцев в русских владениях предписывалось принудить их “по праву первее учиненных открытий к Российской державе принадлежащих мест, наискорее удалиться и впредь ни о поселениях, ни о торгах, также о мореплавании не думать; а ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете вы право разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить. Равно поступать вам и с судами сих пришельцев. В случае же сопротивления употребить вам силу оружия...”». Памятуя о сем указе императрицы всероссийской, который на Кадьяке был зачитан его превосходительством Николаем Петровичем Резановым, имеем честь приступить к задуманному и защитить землю русскую!

То что было упущено четверть века назад, приходилось навёрстывать сейчас.

— В отношении туземцев, — продолжал Хвостов, — предписано: «Должно быть первое старание поселять в них хорошее понятие об россиянах. Весьма запрещается вам употреблять не только насилия, но даже за какие-либо со стороны звериные поступки отмищения». Посему жителям племени айну, обитающим на островах, вреда не причинять, а заводить с ними дружеские отношения! За сим повелеваю поднять паруса и отплыть с первым ветром.

Зная о разности скорости хода судов, перед выходом из Петропавловской гавани Хвостов снабдил письменной инструкцией капитана тендера «Авось» мичмана Давыдова, в которой распорядился произвести описание седьмого острова Курильской гряды Шияш-некотан, а затем идти на поиски Звездочётова на остров Уруп. Независимо от результатов поиска последнего далее Давыдов должен был следовать в губу Анива на соединение с «Юноной». В случае опоздания фрегата было велено одарить коренных жителей Сахалина. Далее Хвостов отметил: «Если силы ваши будут недостаточны и увидите, что магазины их изобилуют грузом, начинайте с помощью Божией поступать, как сказано в инструкции его превосходительства; буде же магазины их пусты, груз еще на судах и силы ваши будут против них таковы, что наверное приступить не можете, то самым мягким образом препровождайте время, дожидаясь меня». В случае же «нечаянной встречи или нападения японцев, на вид храня человека, поступайте как с неприятелем».

Ведя подготовку к новому рейду, Хвостов как начальник экспедиции ещё не знал, какую реакцию в Японии вызвал его прошлогодний визит. Через специальных курьеров японские донесения с острова о случившемся были отосланы вначале в Мацумаэ, а затем в Эдо. Известия о происшествии в Кусянкотане вызвали большой переполох и возбуждение в Японии: тексты, оставленные Хвостовым, по-видимому, были приняты за объявление Россией войны Стране восходящего солнца. Незамедлительно в Кусянкотан был отправлен отряд в 150 человек, 200 человек были размещены на северной оконечности острова Хоккайдо в селении Соя. На острове Итуруп гарнизон был увеличен с 200 до 300 человек, а весной следующего, 1807 года гарнизон в Хакодатэ был увеличен приблизительно до 2500 человек, состоявших по большей части из самураев. Кроме того, отряды войск были размещены по всем прибрежным деревням северных провинций главного японского острова. Все эти военные приготовления показывают, что Япония была намерена защищать территории, занятые ею не столь давно.

Но активные приготовления к отражению внешней угрозы, начатые в новом, 1807 году не дали никакого результата во время очередного визита на Сахалин и Курилы Николая Александровича Хвостова.

Второй Курильско-Сахалинский рейд был вызван не только тем, что Резанов поставил перед Хвостовым задачу «привести Японию к набегами в ужас и вселить в неё мысль, что она совершенно находится в безвыходном положении по отношению к России и должна принять наши требования, так как иначе ей угрожает голодная

смерть», как утверждают многие исследователи. Прежде всего, Хвостова интересовала реакция японских властей на его действия и на оставленный в 1806 году ультиматум. Только когда стало ясно, что японцы не собираются открывать торговлю, был приведен в исполнение третий пункт инструкции Резанова, гласивший о намерении русских опустошать северную часть Японии до тех пор, пока японцы будут упорствовать в своём отказе. Поэтому и свой второй визит Хвостов начал с земель, которые он указал в качестве тех мест, где японцы могут оставить известие о своем решении.

Благодаря усилиям многих людей, и в первую очередь исследователям и работникам архивов, у нас сегодня есть уникальная возможность посмотреть на события, происходившие во время плавания «Юноны» и «Авось» глазами очевидцев. Опираясь на судовой журнал тендера «Авось», попробуем восстановить картину происходивших весной 1807 года событий такой, какой запечатлел её капитан тендера — мичман Гаврила Давыдов: «28 апреля 1807 года. Лед тронулся из устья гавани, «Юнона» сделалась на чистой воде и вышла за Кошку. Я же, обколов лед около канату, поднял якорь и остался на двух швартовых. С гор видели множество льда в море...».

Выведя тендер на рейд, Гаврила Давыдов съехал на берег и встретился со своим другом, Володей Штейнгелем. Капитана «Авось» одолевали сомнения по поводу предстоящей экспедиции, которыми он и поделился с другом-мичманом:

— Несмотря на то, что экспедиция секретная, половина Петропавловска уже знает о ней. При этом не будучи уверенным в том, что письма Николая Петровича Резанова достигли столицы, боюсь, как бы наш рейд не поставил крест на нашей с Хвостовым карьере. В любом случае одобрения своих действий его превосходительство не получил, а послушаться его, своего начальника, мы не имеем права.

— Но у вас есть и более высокое начальство. Например, министр морских дел Чичагов. Напиши ему письмо с объяснениями своих поступков. Это, во-первых, снимет с вас всякую ответственность, а во-вторых, уведомит Чичагова о свершившихся действиях. Я же обязуюсь доставить министру эту бумагу.

— Ты вхож к самому министру?

— Нет. Вызван к нему за неумелое плавание и разбитие судна. Будут меня против шерсти причёсывать. Самому мне уже никто не поможет, а вот вам я ещё смогу оказать услугу.

Так, в Петропавловской казарме 29 апреля 1807 года появилось на свет письмо, которое, как оказалось позже, спасло жизни и из-

менило судьбы Гаврилы Давыдова и Николая Хвостова. «Ваше превосходительство, милостивый государь! — начиналось оно с обращения Давыдова министру морских дел Павлу Васильевичу Чичагову. — Предприятие, в которое лейтенант Хвостов и я были употреблены действительным камергером Николаем Петровичем Резановым, есть такого рода, что я решился взять смелость обоеспokoить сим ваше превосходительство и, прося в то же время яко министра той службы, в которой я нахожусь, взойти в разбирательство моих поступков, которые должен буду учинить. Простите, что для сего должен распространиться о сей экспедиции и тем занять несколько вашего времени, страх быть осужденным своим начальником есть тому причиною.

По возвращении из Калифорнии снаряжены были в Ситке два судна, одно поручено лейтенанту Хвостову, а другое [мне]. Его превосходительство отправился на одном из них. Над обоими назначил начальником лейтенанта Хвостова. Мы еще знали, что его превосходительство полагал учинить предприятие против японцев, приходящих для рыбной ловли в губу Аниву, и после весьма часто вспоминал о том, но отправившись из Ситки, мы не получили никаких в рассуждении сего повелений. В море уже его превосходительство экспедицию нашу назвал секретною, лейтенанту Хвостову написал инструкцию, которую приказал и мне дать. Лейтенант Хвостов обязан препроводить оную вашему превосходительству и из ней изволите увидеть план предприятия. Никто из нас не знал степени уполномочия его превосходительства и не имел права о том спрашивать, почему мы отправились каждый по своему назначению, зная притом, что его превосходительство доносил еще с Уналашки о том Его и. в-ву.

От Уналашки до Курильских островов я принужден был бороться против SW ветров, весьма редко переменяющихся, с гнилыми парусами и такелажем, поправление коих составляли беспрестанную работу и помешательство в плавании, имев полунагой экипаж, некоторые из коего были даже без одной рубашки, в коих от сего беспрестанные, почти мокрые туманы произвели простудные лихорадки. В Ситке еще его превосходительство положил продолжаться нашему плаванью не более двух месяцев, на такое время отпущено было мне провизии, на таковое же я запаса дровами и водою. В море прибавили мне еще на два месяца провизии, но дров и воды не могли дать, почему, приблизившись к Курильским островам, делался в весьма критическом положении. Ветер продолжал дуть от SW, воды и дров оставалось очень мало, число больных увеличилось, и я с крайним прискорбием должен был опуститься в Петро-

павловскую гавань в Камчатке. Бушприт мой был переломлен, судно имело некоторые другие повреждения, причиненные ужасною бурей, поставившею меня в опасность быть выкинутым на берег 16-го Курильского острова, но при всем я, конечно, мог бы пробыть еще два месяца в море, не имея помянутых недостатков. Не имея оставить неисполненными предписания в рассуждении Курильских островов, остался зимовать, дабы начать это весною, ежели не получу до того времени особого приказания.

Между тем лейтенант Хвостов, отвезя его превосходительство в Охотск, зашел в Аниву, разорил, как то приказано было, японское заведение, там находящееся, привез несколько пшена и четырех японцев в Камчатку и за повреждениями судна остался зимовать здесь. Перед начатию плавания сего года он уведомил меня, что с самого начала намерен идти с обеими судами в губу Аниву, ибо природные жители Сахалина наубедительнейше просили его поспешить к ним до приходу японских судов, что должно быть в исходе апреля или мая, или без сего, конечно, японцы перерубят большей части из них головы за созданием своих магазинов.

Если бы я был уверен, что правительство одобрит сию экспедицию, то почел бы себя весьма счастливым, имея в моем чине под командою судно и редкой случай показать способности, ежели они есть, но теперь начальное рассуждение заставляет иногда думать, что перенесенные всякого рода труды на столь удаленной сцене, с людьми, заморенными голодом и не выдавшими почти моря, без больших, собственно, сведений, которые разве могут замениться чрезмерною охотою. Словом, что все претерпенное, и возможность быть истязанным, попавшись в руки японцев, могут быть единственно награждены худым суждением о том своего министра и публики.

Вот, ваше превосходительство, случай, принудивший меня взять смелость отнять несколько полезного у вас времени, но предприятие сие столь сомнительно без известной на то воли государя, что крайность побуждает повергнуть сие суждению вашего превосходительства и просить вашей защиты. Я опасаясь, что сделаю худо, вступив в сие предприятие, равно как и отказавшись от оногo и показав неповиновение, почему решился отдать себя на волю случая. Жизнь посвящена уже трудам морской службы, почему сколько можно для меня стараться показать теперь какие-либо услуги, столько же прискорбно будет ошибиться в том, что от вашего превосходительства зависит служба моя. Смею заверить ваше превосходительство, что привязанность к взятому мною пути и желание сделать что-либо достойное, чтобы быть замеченным

своим начальством, были причиною двух путешествий в Америку, где новость сцены казалось должна бы была доставить к тому случай.

Повергая себя в милостивое рассмотрение ваше с глубочайшим почтением честь имею пребыть. Вашего превосходительства милостивейшего государя всепокорнейший слуга Гаврила Давыдов.

Судьба письма примечательна. Впоследствии на его основании Чигагов смог обвинить Резанова, которого он недолюбливал, в самовольстве и отдать под суд капитанов «Юноны» и «Авось», разделив вину за Курильско-Сахалинский рейд между ними и уже мёртвым Резановым.

На следующий день мичман Давыдов прибыл на корабль и подготовил его к выходу в открытое море. О том, что происходило дальше, поведает судовой журнал тендера «Авось»:

«1 мая. Бичевою вышел из гавани и стал лавировать в сей узкости, однако на четверть часа приткнулся к мели, а потом остановился на якоре. Ночью пошел снег.

2 мая. Снегу выпало около $\frac{1}{4}$ аршина. Поутру снялись с якоря и при тихих переменных ветерках, а иногда сильных шквалами пошли из губы. Я был довольно далеко впереди, скоро за камнями Трех Братьев взошел в лёд, который однако казался мне в таком положении, что я мог бы пройтись, одна только льдина дала нам изрядный толчок. «Юнона», однако, при крутом ветре не могла выйти из устья губы, легла на якорь в самой узкости и выпалила пушку, для чего я возвратился и недалеко от оной остановился на якоре.

3 мая. Вечером с прибылою водою нанесло в губу много льду и показалось сделало выход невозможным, но задувший в 9 часу вечера же ветерок от NW послал нам к тому надежду.

4 мая. На рассвете снялись с якоря при тихом благополучном ветерке и пошли в море. Скоро вступили в большое ледяное поле, но при способном ветерке могли выбирать проходы между льдин. Таковые льды попадались до самого вечера, однако, конечно, они суть ничто в сравнении с северными ледяными горами. Ветер с 11-го часу утра начал дуть от ZW и ZtW, после отходил к WZW, и мы лежали в бейдевинде правым галсом. Время было чрезвычайно сыро и холодно, особливо по ночам. Вечером мы прошли расстояние от трех до четырех миль, на коем видели множество мертвой мелкой трески.

5 мая. Шли в бейдевинде с правым галсом, погода была пасмурная и весьма холодная. К вечеру камчатский берег совершенно закрылся в облаках...».

Какое же надо было иметь рвение и веру в правильность задуманного, чтобы вот так, ещё до открытия навигации, пробиваясь

«16 мая. С утра день казался долженствующим быть лучше, солнце проглянуло, но туман совершенно закрывал берег, однако скоро начали открываться в разных местах горы и, наконец, большая часть Итурупа. В 12-м часу увидели "Юнону" весьма далеко к ZZW и я не мог понять, каким образом ее увалило столько

«18 мая. С «Юноны» — продолжается в судовом журнале Давыдова, — также посылали байдарку, которая, приставая к берегу, нашла начатую японскую кумирню, много заготовленного елового лесу и следы трех человек, прошедших босиком. Штурман, бывший в байдарке, видел растущий крупный еловый лес и березовый, что одно показывало уже сей остров, долженствующий быть Итурупом, ибо известно, что на Урупе нет елового лесу, что и Вардугин с Шароглазовым утверждали. Я все еще полагал в сем месте быть проливу, ибо мыс, находящийся от нас к северу, лежит по моей обсервации в широте $45^{\circ}01'$, что довольно сходствует с положением Croonberg, да и течение, приходящее по временам волнением и всплесками или сулоем, как просто говорят, служило ещё вторичным уверением, что долженствует тут быть пролив, а не губа, в коей подобного течения кажется быть не может. Туман же, закрывавший берег, не допускал нам опознать точно положение

оного. Штурман взял на берегу исписанное полотенце, по коему узнали от находящихся у нас японцев, что в сем месте четвертый уже год живет 7 человек их соотечественников, а начатое строение кумирни и заготовленный лес доказывают, кажется, что они намерены и далее прожить. Все сие заставило нас лавировать к тому месту, ибо штурман за темнотою не видел никакого жилья близко и не отважился отойти подалее на берег разведать о том. Ныне мы уже слышали от наших людей, что, когда еще Звездочётов со всеми промышленными жил вместе на Урупе, то носился слух, что японской чиновник приезжал нарочно на тот остров сказать курильцам, что они выживали русских с Урупа, принадлежащего Японской империи, или иначе они их за то накажут. По сему могли мы думать, что Звездочётов увезён или убит японцами, но для вернейшего сведения необходимо было отыскать курильцев.

Ветер продолжал дуть от OZO или прямо из губы, однако в 9 часов вечера я подошел близко к месту, где полагал быть японскому заведению и увидев огонь, лег на якорь на глубине 9½ сажень, грунт песок, в расстоянии 1¼ мили. «Юнона» осталась далеко под ветром и для извещения оной я сжег несколько фельшверсов, спустил гнилую ракету и держал фонари, а пушки не палил, не желая перепугать японцев.

19 мая. Поутру туман несколько прочистился и я убедился, что нахожусь в губе. В 7 часов утра снялся с якоря и в 2 галса (ветер дул от OZO) подошел столь близко к селению, что с судна могли видеть все там происходящее, и тут лег на якорь на глубине 5½ сажень, грунт мелкой песок. В 9-м часу съехал на берег, где встретили меня два японца, упав по своему обыкновению ниц, и просили потом взойти в их дом. Тут потчивали меня сорочинским пшеном, вареным борщом, прекрасною копченою рыбою, бобами, заморенными вместе с пшеном, солодом и солью (сие кушанье весьма солоно, но японцы уверяют, что оно хорошо, когда сварено с свежеею рыбою), а потом курительным табаком. Таковой прием (хотя всякой может догадаться, что страх был главная причина оному), признаюсь, отклонил меня от всякого неприязненного поступка».

Осмотрев вместе с японцами их склады и подивившись чистоте и порядку, царившим в японской фактории, Давыдов приблизился к посёлку айнов, состоявшему из 15 домов на сваях. Встретившие русского офицера айны были обриты наголо, и Гаврила заметил, что «этот обычай не хорош, и курильцы говорили “весьма худ”, но японцы их к тому принуждают».

— Остров Итуруп, — заявил Гаврила Давыдов айнам, встретившим его, — принадлежит не Японии, а только природным его

жителям, и японцев отсюда следует выгонять. Если же россияне и будут здесь жить, то не станут ничего от вас требовать, как теперь это делают японцы.

Айны говорили на ломаном русском языке и быстро нашли общий язык с Давыдовым. Растроганный тёплым приёмом местного населения, Гаврила раздал курильцам подарки, после чего один из них, пригласив мичмана в дом, подалее от глаз надсмотрщиков-японцев, сообщил:

— Недалеко отсюда на Итурупе же есть и другое селение с японцами. Там сейчас находятся два судна.

— А о русских людях на Урупе не слышали? Живы ли они? — поинтересовался Гаврила.

— Не знаю, — пожал плечами старый айну. — Нам запрещено туда плавать.

С этими известиями Давыдов отправился на «Юнону», которая бросила якорь недалеко от «Авось».

«Поутру приехал Хвостов с баркасом и мы решились, истребив здесь селение, идти тот же час в Ойду (гавань, где стоят их суда), — находим продолжение приключений отважных моряков, — почему, позавтракав, отправились на берег. Японцы, увидев много людей, перепугались и собрались бежать, однако их схватили*. В сем месте, как я сказал, было много соленой рыбы и соли, но пшена весьма мало и отдали большую часть оного курильцам, а факторию сожгли. Бедные японцы крайне перепугались и спрашивали, не будут ли их резать, но по приезде на судно совершенно успокоились, увидев своих соотечественников, кои уверили их, что им нечего опасаться. Я потчевал их чаем и всем, что имел, а чрез полчаса они стали совершенно спокойны. Один из них остался у меня, а четверо увезены на «Юнону», дабы каждое судно могло сыскать Ойду, находящуюся столь недалеко, что главный приказчик в их заведении видел из оной наши суда, вечером пришел оттуда в один день и неожиданно попался нам в руки. Мы уверили их и прежде у нас находящихся, что, взяв два японских судна, высадили их на Кунашире или в другом месте, только бы они не обманывали. Кунашире, имеющий более других торговлю или заведения для оной на Итурупе из города Намбу** (у голландцев Набо), недавно пришел на одном из двух судов и теперь находится в заведении, сделанном в губе Шана***, что севернее Ойдо. На спрос о Звездочётовех японцы

* Пленниками Давыдова стали двое стражников. Городзи и Сахэй, и трое рабочих: Цё-онай, Рокудзо и Сансукэ.

** Найбо.

*** Сяна. В настоящее время город Курильск.

согласно сказали, что он умер, а оставшиеся 10 человек, по слухам курильцев, выехали с Урупа прошлого году, только мудрено, что они прошлой зимы не были в Камчатке».

21 мая 1807 года мичман Давыдов покинул «Авось» и отправился к Хвостову на «Юнону», чтобы согласовать дальнейший план действий. Поднявшийся в это время шквал сорвал с якорей тендер, на котором уже успели спустить реи и стеньги, и отнёс его в открытое море. Экспедиция оказалась на грани срыва, но утром следующего дня «Авось» на всех парусах приблизился к «Юноне». Вернувшись на тендер, его капитан Гаврила Давыдов узнал следующее: «Ветер тогда был весьма крепкой, но скоро заштилело и течением понесло тендер на каменную мель, находящуюся между южного мыса губы и высокого камня Муйкис, недалеко от него находящегося. Однако с помощью весел и легких маловетриев отошли. Люди не спали целую ночь, а от сильного дождя, бывшего во все почти время, и весьма тяжкой работы, три человека сделались больны, а один в том числе весьма опасно, простудною горячкою. Двое были в венерической, двое с порубленными руками, и здоровых оставалось только 8 человек».

Вечером того же дня «Авось» в тумане наткнулся на японское судно. «От взятых японцев, — продолжает Давыдов, — узнали, что на сем судне находился Цугуемон с тремя своими товарищами. Цугуемон был штурман судна, кое бурю отнесло весьма далеко от берегов Японии, таскало по морю около шести месяцев, в продолжение которых большая часть людей перемерли. Наконец, выбросило его на Курильский остров Парамушир. Оттуда японцы привезены были курильцами в Камчатку, где прожили зиму 1804 года, будучи весьма довольны сделанным им приемом и пособиями, но весною в 1805 году они убежали от Петропавловской гавани на своей лодке. Прошедшую зиму они провели на одном из Курильских островов, и только нынешнею весною прибыли на Итуруп».

Далее Хвостов и Давыдов прибыли в Сяна — самое крупное поселение японцев на Итурупе. В селении для чиновников из Эдо было воздвигнуто здание, похожее на замок даймё, обнесенное каменной стеной. В момент визита русских кораблей гарнизон крепости состоял из 200 человек, вооруженных в основном кремневыми ружьями, а в самой крепости имелось несколько пушек. 24 июня 1807 года состоялось первое боевое столкновение русских моряков и японского гарнизона: «В 12-м часу утра, подошед к «Юноне», узнали, что при реке Андимой с судов находится большое японское селение, которое скоро и рассмотрели. В первом часу пополудни отправился к оному лейтенант Хвостов с баркасом, ялом

и байдаркою, а мы шли туда же при помощи тихого ветерка. Сделался штиль, и я отправился на своем яле, но, не доехав версты 4, принужден был воротиться за сделавшимся свежим противным ветром. Подняв ял, начал лавировать под всеми парусами, кои можно только было нести. Скоро после сего стали быть слышными пушечные выстрелы, но за строением не могли рассмотреть людей. В 7-м часу вечера увидели отваливающие от берега наши гребные суда, кои и пристали ко мне, ибо «Юнона» не в силах была нести много парусов, а потому упала далеко под ветер. В 8 часов я лег на якорь на глубине 6-ти сажень на каменной банке, не далее 300 сажень от мыса, за коим находилось селение.

Когда Хвостов со своими людьми хотел пристать к берегу, то японцы начали стрелять по ним, только их отогнали ружьями и фальконетами с баркаса, а потом вышли на берег с пушкою. Японцы стреляли из-за строения, однако никого не ранили, наши же — из занятого магазина. Расстреляв порох, воротились, будучи преследованы японцами, а между тем на одной стороне реки зажгли жильё кое занимали. Вечером японцы стреляли с высоты мыса по моему судну из пушки и ружей, а несколько пуль, падавших весьма близко к куче, заставили нас думать, что у них есть и картечи. Сначала я отвечал им двумя ядрами, но после оставил их храбрывать. Японцы сами, кажется, поджигали остающееся строение на левой стороне реки, откуда по ним стреляли, и, конечно, решились защищаться в оставшемся».

На следующий день события развивались ещё стремительней. Пока японцы пытались спасти остатки имущества в разгромленном селении, Хвостов и Давыдов на четырёх гребных судах и двух байдарках с командой из 36 человек при трёх пушках, снятых с «Юноны», произвели на противоположном берегу от селения высадку десанта, состоящего из матросов обеих кораблей, на противоположном берегу от селения и, с трудом затащив на утёс пушки, взяли под контроль всю бухту.

Укрепившись таким образом, моряки спустились в селение, которое японцы покинули столь спешно, что даже побросали заряженные ружья. Русских моряков поразило обилие японских складов и наличие гарнизона. Это позволило предположить, что японцы планировали закрепиться здесь и обосноваться капитально.

Оставив часть людей под командой Давыдова на берегу, Хвостов отбыл на «Юнону», после чего начались неприятности, которых Гаврила и не смел ожидать: «Всё шло хорошо до того времени, как люди добрались до саки, а тогда многие из них перепились и ними труднее было обходиться, нежели бы с японцами. Я посылал разрубать саку, но оной во всяком доме такое было множество,

что невозможно было всей отыскать, а хотя у большого подвалу и стоял караул, но сие нимало не помогало. Можно сказать, что все наши люди сколько хороши трезвые, столько же пьяные склонны к буйству, неповиновению и способны все дурное учинить. Почему первое при подобном деле — должно стараться не допускать их напиваться». Для хорошо организованных японцев это был, пожалуй, единственный шанс переломить ситуацию в свою пользу, но они этим шансом не воспользовались. Гаврила же обнаружил якорь с русского судна и рубаху с инициалами Звездочётова «НЗ». Теперь становилось определённо ясно, что японцы уничтожили факторию Звездочётова, то есть совершили акт насилия на русских землях против российских подданных.

«26 мая 1807 года. Поутру поймали одного японца, показавшегося вдруг из-за магазина, а другого нашли под полом, почему думали, что они присланы подсматривать за нами. Потом узнали, что первый был купец из города Намбу и богатейший в сем заведении. После вчерашней перестрелки он ушел, а теперь, полагая нас на судах, возвращался в свой дом. Другой японец был солдат, выпивший от страха столько саки, что в сие время только еще проснулся. Сего тотчас же отпустили с судна назад. После поимки сих людей я должен был удвоить караул и отделить к оному людей, употребляемых прежде для перетаски разных вещей на лодке. Купец сказал, что японцы в числе 50-ти человек с 7-ю офицерами находятся недалеко от нас в долине, где вчерась мы видели по временам людей и значки, остальные же с курильцами на другой стороне реки, на ближней горе. Сие заставило меня быть осторожнее и сжечь магазин с хлебом и кумирню, закрывавшие вид к реке. После сего я не мог уже опасаться нечаянного нападения, а пушка на горе противу моей каронады подала бы мне в таком случае большую помощь. Посланные между тем осмотреть долину, где купец показывал быть японцам, не видали ни одного человека, но свежие следы оных и во многих местах по дороге: пшено, платье и разные вещи, также много собак. Конечно, японцы с 3-го дня еще начали выносить туда все нужнейшее.

Вечером приехал лейтенант Карпинский и сказал, что лейтенант Хвостов велел собрать всех людей, отправляться на суда. Для сего много было причин: худость якорного места причиняло опасность судам, а притом при развращённости промышленных должно было всего ожидать. При сборе людей не могли отыскать трёх человек с «Юноны» и одного с моего судна. С наступающею ночью принуждены были зажечь несколько магазинов, а с людьми и пушками перебрались на гребные суда, но, как и тогда, ни один из тех промышлен-

ных не приходил, то для поджидания оных остался вооруженный баркас с штурманом, а все остальные на суда отправились.

Днем лейтенант Карпинский ездил в другое японское селение южнее сего. Оно было также пусто, да в оном ничего и не было, кроме рыбных магазинов, кои все сожжены. Третье селение в губе Шана лежало севернее того, где мы были, или главного, но оное увидели тогда уже, как «Юнона», снявшись с якоря, лавировала близко от берега.

27 мая. Поутру возвратился юнонский баркас с известием, что из четырех недостающих человек никто не приходил. Однако с судов видели их стоящих на берегу. Там оставалось еще несколько лодок, на коих они могли приехать, и нельзя вообразить, с каким намерением решились они остаться в том месте, где русские всё выжгли и где они уверены быть истязанными, попавшись в руки японцев. Надобно думать, что множество выпитой саки лишило их ума. Хвостов ездил после сего на берег и уговаривал их воротиться, но в ответ они прикладывались по нём из ружей и ушли в гору. Ветер задул с моря и я снялся с якоря, ибо судно было окружено подводными камнями, показывающимися в малую воду и находилось столь близко берега, что я опасался дожидаться, когда ветер сделается свежее, а решился лавировать короткими галсами.

В 9-м часу утра лейтенант Хвостов сказал мне, что посылает свой баркас для взятия людей, если то возможно будет, а чтобы я в то время для прикрытия держался бы с тендером сколько возможно ближе к берегу, у коего я лавировал во всё то время. Однако мы видели, что только два человека пришли, а другие удалились в гору и собирались стрелять по своим, когда те к ним подходили, почему баркас принужден был воротиться без них, а тогда «Юнона», подняв гребные суда, снялась с якоря. Итак, один человек с тендера, а другой с «Юноны» из ссыльных, взятых для поселения в Америке, остались на сем берегу, кажется, на мучение только».

Как и предполагал Гаврила Давыдов, несчастных беглецов поймали и обезглавили, правда, японский офицер Тода, командовавший гарнизоном, не вынес позора, когда узнал после допроса беглецов, какие малые силы русских обратили доблестных самураев в бегство, и сделал себе харакири. Японские летописи дополняют картину эмоциональными выпадами в сторону русских офицеров, по большому счёту, расписываются в полной военной безграмотности японцев, не приспособленных к военным столкновениям с помощью технических средств начала XIX века, что, кстати, подметил и Давыдов: «Мы мало имели времени рассмотреть японское селение на острове Итуруп, в губе Шана, которое теперь сожгли,

но по множеству магазинов, сорочинского, других родов хлеба и различных вещей, в них находившихся, по пушкам, ружьям и другим орудиям, можно думать, что японское правительство положило сему селению быть главному на всех Курильских островах, на коих японцы промысла рыбные отправляют. Оно было самое северное во всей Японии, снабжено гарнизоном, из чего ясно, что народ сей давно опасается русских. Величина заселения и все находящееся в оном показывает пространство рыбных промыслов, тут отправлявшихся, и важность оных для Японии. Взятые в Найбо японцы уверяют, что соотечественников их в губе Шана было до 300 человек или более. Если число сие справедливо, то пусть посудят о храбрости сего страшного, по некоторым описаниям, народа и о сем равнодушии к жизни, что будто составляет главную черту их характера. Однако японцы сказывают, что начальник селения, не могши противиться русским, конечно, перережет себе брюхо. Я не понимаю, каким образом люди, столь мало привязанные к жизни, столь худо защищаются, но подобные примеры наиболее видны между дикими народами, а посему кажется, что самоубийства никогда не могут означать великости духа или весьма редко.

сказаться на дальнейших отношениях между Россией и Японией. Но при этом не следует забывать о том, что, уничтожая японские поселения на Итурупе, Хвостов и Давыдов действовали в соответствии с инструкцией Резанова, предписывавшей оказывать силовое давление на руководство Японии через ликвидацию селений на землях, которые Россия считала своими, до тех пор, пока не будет получено согласие на установление русско-японской торговли. Эта же инструкция предусматривала и еще одну цель экспедиции — выяснение судьбы поселения, основанного в 1795 году на Урупe Василием Звездочётовым, на Урупe, куда и взяли курс «Юнона» и «Авось».

и привезти из Охотска поселенцев. После того как тойон с владимирской лентой на шее, упав на колени, попросил оставить хотя бы двух человек, Хвостов высадив-таки несколько матросов, которые основали поселение, просуществовавшее до 1847 года. Повторив всё то же самое в близлежащем поселке Рутака, Николай Хвостов и Гаврила Давыдов двинулись в направлении Хоккайдо.

В намерения Хвостова входило отпустить пленных на берег и с ними передать новое послание японским властям. Однако, как он мог убедиться, заглянув по пути от Итурупа к Сахалину в гавань Хакодате, сей порт и берега Хоккайдо охранялись более тщательно, нежели Курильские острова. Поэтому для возвращения японцев надо было избрать менее опасные, но всё же близкие к Японии места. Между Сахалином и северной оконечностью Хоккайдо находится ряд островов, в число которых входит и Рисири. Поскольку Соя к этому времени уже был достаточно важным и укрепленным пунктом, а действия Хвостова вызвали усиление его гарнизона, то безопаснее было пристать к одному из островов у побережья, рассчитывая, что отсюда японцы сумеют добраться до дома.

22 июня «Авось», потеряв из виду «Юнону», обогнул мыс Номабо, расположенный на Хоккайдо, и вдруг заметил у берега стоявшее на якоре японское судно. На спущенном с «Авось» ялике двое моряков отправились в разведку на этот корабль. Пристав к нему, матросы русского тендера не обнаружили на нём ни одного человека. По-видимому, команда японского судна съехала на берег. На следующий день Давыдов приказал отрубить оба якоря, на которых оно стояло, поднять парус и подвести к своему тендеру «для взятия груза». Груз судна состоял из пшена, соли, небольшого числа товаров и множества пустых бочонков, в которых должны были перевозить топленый тюлений жир. «На сей раз, — признаётся Давыдов, — я должен отдать справедливость своим людям, десять человек коих работали так успешно, как я нимало не мог ожидать... уже к 8 вечера все было на месте, в судне не осталось ни одного камня балласта, а на место одного положено 220 мешков сорочинского пшена, более чего судно моё не могло поместить, хотя и не было перегружено... Прежде всего в Шана было взято от 30 до 40 мешков и так, всего в судне находилось до 900 пуд пшена и 200 пуд соли, исключая 7 или 8 бочек саги и множество мелочных товаров, отчего трюм, каюта и камбуз так были забиты, что мы не могли где стоять».

На следующий день подоспевшей командой «Юноны» японское судно было подожжено: «Сначала огонь бросился повсюду, но когда подгорела трава и рогожа, то огонь стал тише. Позже видели, как мачта упала на корму, наконец погорели два каната, на коих

судно стояло, и тогда течением понесло его в пролив между Рипо-шерри и Рипон-шерри».

25 июня русские корабли обогнули небольшой остров Пик-де-Лангль* и моряки увидели несколько японских селений, неподалёку от которых на волнах покачивались два небольших и одно большое судно. «Юнона» пошла поближе к селению и высадила десант. Команда «Авось» взяла на бордаж большое судно японцев. На судне не было ни одного человека, груз состоял из соленой рыбы, копченой сельди, жиров и нескольких мешков пшена. Хвостов пришёл к выводу, что японское судно возвращалось с грузом награбленного у айнов с Курильских островов. «Взяв то, что я мог поместить, к себе, — отчитался после Хвостов, — провертел судно в разных местах, тонуло оно долго».

27 июня в 1 час ночи «Авось» встал на якорь недалеко от «Юноны» напротив японского заведения, состоящего из сараев с рыбой. «Там же стояло два японских судна, одно из них шло в губу Анива, везло бонжоса, попа, четырех или пятерых солдат, пушку и несколько других оружий. Людей, разумеется, мы не нашли ни на судне, ни на берегу, ибо они задолго да того все скрылись на Пик-де-Лангль. Шедшее в Аниву судно было из Ниппона... На нём нашли описание приходу «Надежды» с посольством в Нагасаки, желание торговли с нашей страной, отказу в том и пр.: нашли портрет господина Резанова и стоящего подле него гренадера с ружьем». Кроме того, на судне «нашли много карт, глобус, скопированный, кажется, у голландцев, виды мысов Анива, Крильон... «Юнона» грузила с сего судна пшено и другие вещи... в другом же судне была только рыба, здесь, кажется, в него загруженная, ибо судно стояло у самого селения на 6 якорях. Судно с Ниппон было выкрашено красной краскою, что, по словам японцев, означало, что оно казенное... По полудни перевезли весь лучший груз и пшено на «Юнону», а потом сожгли сарай и суда».

Хвостов, не оставивший намерения как можно больше устроить японцев, напал, как оказалось впоследствии, на казенное судно «Бансюн-мару», везшее в Соя оружие для обороны, в том числе и десятифунтовую бронзовую пушку, отбитую в 1582 году Тоётоми Хидэёси у корейцев. Поскольку эдосский чиновник с «Бансюн-мару» оставил вверенный ему груз и бежал, а Хвостов по виду судна и груза предположил о большом значении людей, его сопровождавших, было решено обязательно найти беглецов на его близлежащем острове, которым был Рисири. По своему значению пленный чиновник из столицы был гораздо важнее стражников из

* Остров у северо-западной оконечности Хоккайдо.

приграничных селений, поэтому было принято решение высадить десант на остров Рисири.

Утром 28 июня лейтенант Карпинский во главе отряда из 16 человек высадился на берег и, «углубившись к северу на 8 миль, нашел японское заведение из четырех больших казарм и нескольких сараев состоящих, но людей в оном не было, а видели вблизи только одного, который скрылся... Селение было совершенно пусто... Лейтенант Карпинский, сожегши сие заведение, возвратился на «Юону»; тогда и лейтенант Хвостов отпустил всех японцев как то им было обещано, исключая двоих. Им дали большую японскую лодку и снабдили всем, чем они хотели... Два купца взяли образцы всех лучших сукон и многих других товаров, дабы показать своим соотечественникам, что они могут получать от нас, если только торговля установится. Японцы сии знают жестокость и в то же время робость своего правительства. Уверены были, что после учинения военных действий оно неминуемо согласится. Они говорили, что для них всё равно Японии или России будут принадлежать Курильские острова и Сахалин, только бы позволить им ходить на оные для покупки рыбы. С ними ж передано было письмо губернатору Матмая, в коем изложены были причины экспедиции. Обещались также вернуться за ответом в следующем году».

Поиски японских чиновников, которым предполагалось вручить послание властям, не увенчались успехом, поэтому Хвостов вынужден был «довольствоваться» возможностью передать своё послание с помощью отпущенных на Рисири восьми из десяти человек, плененных ими в 1806—1807 годах на Сахалине и Итурупе. Ультиматум Хвостова гласил: «Соседство России с Япониею заставило желать дружеских связей к истинному благополучию сей последней империи, для чего и было отправлено посольство в Нагасаки; но отказ оному, оскорбительный для России, и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владения Российской империи, принудило сию державу употребить наконец другие меры, кои покажут, что россияне всегда могут чинить вред японской торговле до тех пор, как не будут извещены чрез жителей Урупа или Сахалина о желании торговли с нами. Россияне, причинив ныне столь малый вред японской империи, хотели им показать только чрез то, что северные страны оной всегда могут быть вредимы от них, и что дальнейшее упрямство японского правительства может совсем лишить его сих земель».

— Взаимная торговля между нашими странами весьма желательна, но многие прошения россиян не были выслушаны. Ежели

вы все же отвергнете наши предложения и на сей раз, мы придем снова и подвергнем нападению ваши фактории, — напутствовал капитан «Юоны» японцев, прежде чем они сели в баркас. — Война на суше нам не выгодна, поэтому мы возьмём под свой контроль основные морские пути вокруг Японии. Мы в любое время можем прервать ваши поставки войск и продовольствия. Это истощит всю вашу страну. Если же на наше прошение последует удовлетворение, то не будет для нас большего счастья, чем находиться с вами в вечной дружбе.

Оставил Хвостов при себе только двоих японцев — Сахэ и Рёдзаэмона (русские их именовали Сафи и Леонзаймо Городзья), которых привез в Охотск, чтобы обучить их русскому языку и в дальнейшем использовать в качестве переводчиков.

Интересна судьба этих пленных. Хвостов, повинуясь распоряжениям Резанова и оставив двух японцев, как оказалось позже, не по злому умыслу создал головную боль всем: Пестелю, Румянцеву и даже самому Александру I.

Первым забил тревогу сибирский генерал-губернатор Пестель, который 20 мая 1809 года направил в Санкт-Петербург «Записку о японцах в Охотске». Однако Петербург не спешил с ответом, и генерал-губернатор 15 мая следующего, 1810 года снова пишет министру иностранных дел и коммерции Румянцеву письмо, в котором напоминает, что в прошлом году уже докладывал «о вывезенных Хвостовым в Охотск двух японцев, оставленных там на попечение Российско-американской кампании в самом бедном положении. Следствием худого содержания их было то, что они в июне прошлого года сделали побег, и до ноября не доходило о них никакого слуху. Ныне японцы сии отысканы около реки Ульи без платья и без пищи и потом нарочно-посланными к ним от начальника Охотского порта привезены в Охотск, где опять отданы под надзор компанейской конторы».

На этот раз ответ последовал почти незамедлительно. 31 мая 1810 года Румянцев писал: «...докладывал о японцах императору. Его величество высочайше повелел изволить возратить оных в отечество, снабдя от казны всем для сего нужным...»

Распорядиться легко, но попробуй, выполни этот мудрый царёвый указ. И Пестель в течение полутора лет вёл «переписку о средствах, какими бы лучше японцев сих отправить». 16 января 1812 года он доложил Румянцеву о смерти сбежавшего Сахэ. Рёдзаэмон попал в которого нашли мёртвым на якутском тракте. Рёдзаэмон попал в Иркутск, где обучал русских японской грамоте. Вследствие закрытия школы его доставили в Охотск, откуда в 1812 году Рикорд, по-

мощник капитана шлюпа «Диана», на котором Василий Головин пытался в очередной раз установить дружеские отношения с Японией, доставил Рёдзэмона на родину.

Рёдзэмон изучал в России медицину и, вернувшись в Японию, был первым, кто начал делать прививки от оспы, вакцину от которой русские передали ему в качестве подарка японским властям. Пленник Хвостова, Рёдзэмон, и Василий Головин, переживший благодаря рейду «Юноны» и «Авось» японский плен, увековечены японцами в памятнике — символе русско-японской дружбы.

Весть о нападении русских на Сахалин и Итуруп быстро достигла Эдо и разлетелась по всей Японии, что не могло не встревожить правительство Японии. С середины мая по июнь из северных княжеств Хакодате, Намбу и Цуруга в столицу одно за другим поступали сообщения о появлении русских кораблей у побережья Японии. Слухи о нападении иностранцев распространились по всей Японии и посеяли панику среди местного населения.

Десятого июня глава совета старейшин Дои Онноками Тосицупра приказал чиновникам бакуфу сообщать обо всех появившихся в последнее время слухах и пресечь их источник. В распространении тревожных слухов о готовящемся новом нападении со стороны России непоследнюю роль сыграли голландцы.

Японские переводчики, работавшие позднее с Головиным, признались ему, что голландцы, переведя ультиматум Хвостова, добавили от себя, что русские грозят покорить Японию и прислать священников для обращения японцев в христианство. Чин Хвостова был переведен голландцами как «наместник». Слово «лейтенант» (lieutenant) на французском языке имеет также значение «управляющий», «наместник», что позволило голландским переводчикам вольно интерпретировать чин Хвостова. Это было сделано специально для того, чтобы придать Хвостову большую значимость в глазах японского правительства.

Ультиматум Хвостова в такой ситуации содержал угрозу северным владениям Японии не со стороны Российско-американской компании, а со стороны всего государства. Нападения русских на японские фактории заставили бакуфу серьёзно задуматься над проблемой безопасности северных районов страны.

12 марта 1807 года, сразу после получения из княжества Мацумаэ сообщения о нападении русских на Сахалин, бакуфу берет Сахалин и западное побережье Хоккайдо под своё управление. Губернаторское управление Хакодате в то время не могло самостоятельно оборонять Хоккайдо, так как правительственных войск, находящихся в его распоряжении, было недостаточно. Для

обороны острова по приказу бакуфу в Хакодате были срочно направлены войска княжеств Цугару, Намбу, Акита и Сакаэ. Приказ мобилизовать войска был получен также в княжестве Датэ. Кроме того, усилить оборону побережья было предписано трём приморским княжествам — Муцу, Дэва и Итигоя. Через несколько месяцев после нападения русских на Сахалин и Итуруп губернаторская администрация переехала из Хакодате в Мацумаэ в целях безопасности. Согласно дневнику губернатора Хакодате Тогава Тикудзэноками в порт Хакодате прибыло около 2500—2600 самураев названных княжеств, чтобы организовать оборону Хакодате. Для охраны побережья на Хоккайдо было создано свыше 80 военных лагерей.

Несмотря на усиление военного присутствия на Хоккайдо в первое время в столице Японии воздержались от усиления гарнизонов на Курильских островах и острове Сахалин. Это было вызвано не только боязнью потерять людей в результате новых нападений, но и пониманием того, что необходимо вначале решить вопрос о границе между двумя странами.

Перед правительством Японии стоял выбор: принять требования русских и установить с ними отношения или же укрепить обороноспособность страны и защитить свою территорию. В этом же 1807 году в Эдо было созвано специальное совещание для выработки стратегии поведения в связи с двукратными нападениями русских на японские поселения и письмом Хвостова с требованием открыть русско-японскую торговлю. Прежде чем выяснить вопрос о степени необходимости установления торговых отношений между двумя странами, все участники совещания согласились с тем, что «нападениями русских страна уже приведена в чрезвычайное возбуждение, и что если нападения русских на севере еще повторяются, то возбуждение это дойдет до такой степени, что оно повлечет за собой никакому правительственному контролю». Таким образом, мысль Резанова о том, что действия России извне накалят обстановку в Японии и усилят недовольство правительством, нашла свое подтверждение в одном из выводов этого совещания. Это говорит о правильном расчете Резанова при организации вооруженной экспедиции на то, что таким образом можно добиться желаемых результатов. Тем более, что идею вооруженного давления на японское правительство подсказали сами японские торговцы, прекрасно знавшие ситуацию изнутри.

По вопросу об открытии торговли мнения участников совещания сразу же разделились. Японский историк Сибакура Её пишет о том, что бакуфу, напуганное действиями Хвостова и Давыдова, всерьёз рассматривало возможность установления торговых отно-

шений с Россией вместо Китая, так как торговля с последним в начале XIX века практически не велась. При дворе сёгуна образовалась «партия политики закрытых дверей» и «партия мира и удовлетворения требований России». И те, и другие приводили веские доводы в поддержку своей позиции. Первая «партия» уверяла, что если разрешить иностранцам посещать Японию, то «чужеземцам станут известны все внутренние порядки империи, и отсюда возникнут для страны неисчислимые опасности... Допущения чужеземцев в Японию угрожало, по их убеждениям, независимости империи». Поэтому они настаивали на сохранении прежних порядков и на том, что каждое иностранное судно необходимо отгонять от берегов японской империи.

«Партия мира» напротив, пыталась доказать, что Россия не желает покорять Японию, и все угрозы происходят единственно от желания открыть торговлю, и «если Япония с своей стороны удовлетворит желание России, то все затруднения будут окончены». Также сторонники этой точки зрения говорили об экономической выгоде такой торговли и о том, что война со столь сильной державой, как Россия, неблагоприятно отразится на благосостоянии Японии.

Для окончательного решения споров между двумя этими «партиями», руководство Японии несколько раз запрашивало мнение руководства княжества Мацумаэ, бывшего наиболее компетентным в вопросах, связанных с Россией, как наиболее близкая к ней японская территория. Наместники центрального правительства в этом княжестве под влиянием местных настроений высказались за то, что торговлю с Россией надо позволить, не затягивая с решением этого вопроса, и одновременно выяснить цели и причины «двукратных буйств» русских. Также был рассмотрен и случай отказа в торговле: было сделано предположение, что тогда за дурное с нею обращение Россия может захватить Японию. В своём вторичном докладе в Эдо эти же чиновники высказались более определённо: «торговля должна быть разрешена русским только после того, как им будет показана наша военная сила и после того, как они принесут извинения в своих деяниях недавних дней». Причем далее чиновники подсказывали, как обойти сделанное ранее Резанову заявление о национальном законе, запрещающем внешнюю торговлю: «Если вы полагаете, что... разрешение на ведение сношений между отдалёнными их границами и этими нашими странами может быть постепенно дано, то мы думаем, что будет более желательным дать им таковое разрешение как исключение на том основании, что... торговля в отдалённых странах разрешается в ограниченном размере по особым соображениям».

«Особыми соображениями» должно было стать сострадание к заявлению о том, что России «необходимо прокармливать свои отдалённые государственные земли». Также более определённо было высказано в этом документе отношение к войне с Россией как к явлению необдуманному, которое вызовет большие бедствия по всей стране из-за больших материальных издержек. Общий итог сказанного наместниками центрального правительства в Мацумаэ заключался в том, что для Японии будет удобнее открыть торговлю между двумя странами, обезопасив таким образом не только северные границы империи и выполнив выдвинутые Хвостовым требования, но и получить еще один способ увеличения доходов империи, которые можно было бы пустить, в том числе, и на укрепление обороны северных княжеств.

Причём в выдвинутых предложениях японские чиновники пошли дальше рассмотрения вопросов, связанных с открытием торговли. В пункте третьем своей первой записки они затронули вопрос об установлении государственной границы: «Что касается до государственных границ, то не встречается препятствий к тому, чтобы на востоке сделать границей Эторофу [Итуруп], а на западе естественной границей является Карафуто [несуществующий остров между Сахалином и Хоккайдо]. Однако так как он находится в местности, называемой русскими Сахалин, то мы должны подвергнуть изучению этот вопрос с тою конечною целью, чтобы сделать государственною границею Сантан и Маньчжурию». Таким образом, собираясь довольствоваться на северо-востоке островами от Хоккайдо до Итурупа, на западе Японией ставился вопрос не только о Сахалине, но и о Приамурье и Маньчжурии, претензии на которые не только столичные, но и местные чиновники считали себя вправе предъявить. Тем не менее важен не объем территориальных претензий, а тот факт, что местные чиновники в Мацумаэ понимали необходимость проведения границы между двумя государствами.

Для морских коммуникаций и северных районов Японии, по мнению чиновников бакуфу, существовала реальная угроза со стороны России. Поэтому, с учетом всех высказанных мнений и доводов, в столице было решено, что, показав для начала как бы желание прогнать россиян, все же следует открыть торговлю с ними, для чего, во избежание проволочек, в ожидании визита русских в 1808 году в Хакодате было отправлено письмо, соответствующее общему решению. «Мы не можем вести торговые отношения с тахим государством, которое говорит... грубые и неприличные вещи. Если из вашей страны будут прислано много судов, то мы со своей стороны укрепим свою оборону и будем вести с вами войну. Если

торговля представляется желательным делом, то необходимо раньше исправить то, что уже сделано и в доказательство того, что не имеется злых намерений возвратить всех захваченных в плен японцев. Только после этого вы можете говорить о торговле».

Кроме того, на Сахалин, Южные Курилы и на северное побережье Матмая были направлены специальные чиновники с единственной целью: передать Хвостову сообщение, что ответ японского правительства он может получить в Хакодате, где находится резиденция губернатора Матмая. Но русские за ответом так и не пришли. Следует отметить, что оба рейда не были отмечены человеческими жертвами ни со стороны японцев, ни со стороны айнов. То есть как для военного действия они оказались более чем гуманны. Пострадали только русские беглые матросы, чьи головы украсили ворота Хакодате.

Попытка отстоять права на обладание Россией Сахалином лишь раз обратила внимание Петербурга на необходимость оградить эту территорию от домогательств других стран, в первую очередь Японии. В августе 1808 года Александр I дал указание заселять остров русскими «с тем, однако же, чтоб с находящимися на Сахалине жителями обходиться миролюбиво, не делая насилия, жестокостей и не разоряя их селений». На остров стали направляться группы русских переселенцев. Но не отказывались от своих замыслов в отношении Сахалина и власти Страны восходящего солнца. Наиболее известным эпизодом проникновения японцев на Сахалин является экспедиция с целью изучения острова, предпринятая Мамия Риндзо. Дело изучением не ограничилось — этот «путешественник» то ли самолично, то ли по указанию японских властей уничтожил поставленные Хвостовым на Сахалине российские столбы, что было открытой демонстрацией притязаний Японии на эту землю.

После нападения русских на японские фактории в Японии получают распространение равные по значению выражения «русская угроза», «русские пираты». До этого к русским относились точно так же, как и к другим иностранцам. Нападение русских кораблей заставило японское общество по-новому посмотреть на северного соседа и проблеме дальнейших взаимоотношений с Россией. Один из участников миссии Ивакура в Европу и Америку (1873 г.), Кумэ Кунитакэ, во время пребывания в России написал в дневнике миссии, что действия Хвостова и Давыдова положили начало формированию идеологии «изгнания варваров» (иностранцев) и привели тем самым к краху сёгуна Токугава и к Реставрации Мэйдзи. По мнению Кумэ, нападения русских моряков на японские фактории оказали огромное влияние на историческое развитие Японии, за-

ставив японцев осознать, что дальнейшее бездействие может привести к их порабошению огромной соседней страной.

Состоявшиеся в 1806—1807 годах экспедиции, несмотря на свою незавершённость, полностью оправдали расчёты Резанова, так как, по свидетельству самих японских источников, этих морских рейдов вполне хватило для того, чтобы японское правительство оказалось готовым отменить своё решение и согласиться на установление русско-японских торговых отношений.

Теперь, спустя многие годы, становится очевидным, что экспедиции Николая Александровича Хвостова и Гаврилы Ивановича Давыдова всё-таки задержали продвижение японцев на север, сохранив для России Курилы и Сахалин. И в этом есть несомненная заслуга этих морских офицеров и того, кто стоял за ними, а именно Николая Петровича Резанова.

Дальнейшая история свидетельствует, что Резанов выбрал верную тактику. Ровно пятьдесят лет спустя под угрозой военного вторжения из конформизма самоизоляции Японии вырвали США. Нарушая все запреты, адмирал Метью Перри привёл броненосную Тихоокеанскую эскадру Соединённых Штатов к берегам Страны восходящего солнца и вошёл в порт Нагасаки. Под жерлами его пушек были подписаны первые договорённости о торговле и сотрудничестве, вошедшие в историю под названием Канагавского договора, первого соглашения между изоляционистской Японией и США. Президент США Миллард Филлмор дал директиву командору Перри, чтобы в случае нежелания японской стороны идти на переговоры была применена военная сила. Президент также вручил ему послание императору Японии с предложениями установления дружественных отношений и заключения торгового договора. Американские президент и адмирал учли как свой предыдущий безуспешный опыт установления отношений с Японией, так и опыт русской экспедиции Резанова.

Японские авторы изображают действия Хвостова и Давыдова как неправомерные и даже разбойные. При этом они объясняются как в первую очередь стремлением Резанова «отомстить» японцам за их отказ вступать с русским послом в переговоры. Такая оценка событий имеет в своей основе стремление затушевать тот факт, что российские офицеры выполняли приказ по изгнанию японцев с территорий, которые были задолго до описываемых событий включены в состав Российской империи. К тому же, как отмечалось выше, вооружённая акция должна была «сохранить лицо» России, не оставив без ответа нанесённое оскорбление. В Эдо понимали это. Русские офицеры и матросы, участвовавшие в экспедиции,

проявили верх милосердия по отношению к людям, стремясь при этом лишь нанести максимальный ущерб лишь экономике Японии в северной её части.

Тем не менее в современной японской историографии вся ответственность за происшедшее возлагается исключительно на российскую сторону. Утверждается, что русскими офицерами были совершены якобы ничем не спровоцированные бесчинства и производ в отношении мирных японцев. Японский учебник истории гласит: «Правительство России в 1803 году снарядило в Японию миссию под началом Николая Петровича Резанова (1764—1807), но Резанов по прибытии в Нагасаки на полгода попал под строгий надзор. Ему отказали даже в приёме государственной грамоты и подарков. От такого непочтительного отношения подчиненный Резанову капитан Николай Александрович Хвостов пришёл в ярость и стал в период с 1806 по 1807 год нападать на японские поселения и сторожевые посты на островах Сахалин, Итуруп и Рисири, поджигал дома, насиловал и грабил население. Этот инцидент отрезвил японцев, которые, уповая на закрытие страны, пребывали в благодушном настроении, и породил вполне определённое чувство страха перед Россией».

Во-первых, никто из русских не насиловал и не грабил коренное население. Японцы исказили истину — это они уничтожили айнов как нацию. Во-вторых, попытки списать всё на вспышку гнева русских офицеров несостоятельны — ведь вторая тщательно подготовленная экспедиция на Сахалин и Курилы была предпринята не сразу, под впечатлением момента, а на следующий год и имела вполне конкретные цели по устранению японцев с захваченной ими территории. Об этом же свидетельствуют и установленные Хвостовым на Сахалине столбы с российскими флагами, и выданные старейшине айнов серебряная медаль и грамота с определением его полномочий как российского подданного.

Однако японская истерия по поводу рейда «Юноны» и «Авось» длилась недолго. В результате ликвидации японских поселений на Сахалине и Итурупе была создана возможность для укрепления России на вышеуказанных территориях и установления отношений между двумя странами. Япония, испуганная нападениями «Юноны» и «Авось», поначалу усилил оборону острова Хоккайдо, воздержалась от укрепления разбежавшихся гарнизонов на Курильских островах и Сахалине, что благоприятствовало усилению здесь русского влияния. Но занятость России европейскими делами не позволила ей укрепиться в данном регионе и начать переговоры об установлении границы и торговли, к которым Япония была готова. Бездействие русского

«Юнона» и «Авось» под пиратским флагом!» Не думаю, милый мой читатель, что ты сильно удивишься, когда узнаешь, что депутаты, озабоченные собственным благосостоянием больше, чем благополучием родной страны, и не гнушающиеся сокращением её территории, обвиняют Резанова и его офицеров, которые силой оружия попытались удержать Южные Курилы, в пиратстве. Того гляди, послышатся голоса с высоких трибун: «Кемская волость? Да забирайте, ради бога! Государство не обеднеет! Надо отдать Курилы и Сахалин японцам? Да пожалуйста! Чтобы, не дай бог, шепетильные японцы не обиделись»...

Итак, современными господами в галстуках брошено серьёзное обвинение: по их мнению, русские морские офицеры занимались пиратством. Попробуем разобраться в этом вопросе, по возможности апеллируя теми же документами, что и сановники высокого ранга.

Для начала определимся с терминами. Рейд Хвостова, а впоследствии и его друга Давыдова был назван пиратским. То есть, по словам автора статьи, «Юнона» и «Авось» несли... пиратские флаги. Но клотики обоих судов украшал российский триколор — коммерческий флаг того времени. То есть, следуя логике авторов подобных статей и бюллетеней, флаг, который развевается над Государственной думой России, тоже пиратский? Даже страшно подумать, кто работает в стенах главного государственного учреждения страны. А уж назвать так Андреевский флаг, украшавший гафели «Юноны» и «Авось», — это прямое оскорбление памяти и чести русских моряков и оплёвывание героической истории российского Военно-морского флота.

Далее в статье утверждается, что Хвостов в бухте Анива произвёл «грабеж японцев». Можно ли ограбить оккупанта? Получается, русские партизаны во время Отечественных войн 1812 и 1941—1945 годов тоже разбойниками были? Эдакое перекручивание понятий, достойное доктора Геббельса, современные последователи которого вопят про «откровенный грабёж» самых несчастных японцев! Русские люди, очнитесь! Вы, вообще, за кого? Вас больше волнует будущее ваших детей или японских? Откуда эта трогательная забота о жителях Страны восходящего солнца? А если так уж печётесь о бедных японцах — продайте свою квартиру и отошлите деньги в Японский Национальный Банк! Или просто подарите своё жилище какому-нибудь самураю, а сами ступайте жить на улицу! Восстановите историческую справедливость! А может, всё-таки себе дешевле оставаться патриотом? Хотя бы просто из прагматизма? Или всё-таки нашим депутатам продажа собственной страны стала выгоднее патриотизма?

Затем авторы утверждают, что матросы, сбежавшие с «Юноны» и «Авось», «были пойманы и обезглавлены айну, а их головы были доставлены в Японию». Полное отсутствие логики в угоду дискредитации уже исчезнувшего народа айнов и защиты «безобидных» японцев налицо. Зачем айнам обезглавливать русских? Они считали русских друзьями. Как вообще могли айны доставить головы несчастных в Японию, и самое главное — зачем? А вот если это сделали «миролюбивые» японцы, тогда всё становится на свои места. Поймав несчастных беглецов, «отважные» самураи отыгрались на них по полной и в доказательство своей смелости при сопротивлении русским выслали отрезанные головы русских моряков японскому правительству. Это куда более правдоподобная версия.

Резанов не с бухты-барахты приказал разорять рыбацкие посёлки несчастных японцев. Рыбачили-то как раз айны, а плодами их трудов пользовались японские купцы. Так что японцы для айнов — коренных жителей Курил и Сахалина, которых усилиями правительства Страны восходящего солнца к началу XX века успешно истребили, были колонизаторами и оккупантами! И в русских айны видели освободителей и поэтому так усердно помогали сжигать склады ненавистных им японцев. У русских с айнами отношения были добрососедскими. Екатерина Великая даже освободила их от ясака. Осваивать Курильскую гряду русские начали минимум за 80 лет до японских колонизаторов. Так что никаких «японских рыбаков» на Итурупе и на Сахалине не было! Были японские торговцы, охраняемые гарнизоном из почти трёхсот солдат! И противостояла ему команда «Авось» из 12 человек, из которых половина была больна, и 26 человек экипажа «Юноны». Сложите цифры и посчитайте соотношение сил.

Итогом рейда стало не только закрепление за Россией Курил и Сахалина. «Юнона» и «Авось» впервые на Дальнем Востоке выполнили функцию пограничной службы — выдворили нарушителей границы! Рейд не был пиратским, как многие утверждают. Резанов, находясь в Японии, чётко обозначил русские границы и в ультимативном тоне указал самому японскому микадо, чем грозит нарушение этих границ. Николай Петрович оказался человеком слова и свои угрозы претворил в жизнь.

У нас же принято ругать себя до самоуничтожения! Может, пора прекратить это? Хватит подвиги наших предков превращать в подлость! Пусть японцы не любят нас — это проблема самоутверждения японцев, но Курилы и Сахалин — исторически наши! С логикой современного обывателя мы скоро героев Великой Отечественной начинём стыдиться!

Имена героев не оплёвывать нужно, а гордиться ими и в пример детям ставить. Пора вернуть добрые имена Николая Хвостова и Гаврилы Давыдова русской истории — людей, создававших и защищавших Российскую империю!

Глава 7 СМЕРТЬ РЕЗАНОВА

Устал я ждать, я верить устаю,
Когда взойдет, Господь, что Ты посеял?
Нам не постигнуть истину Твою,
Нам даже в смерти не найти спасенья.
Нас в срамоте застанет смерти час
И отвернутся ангелы от нас...

А. Вознесенский

...И наконец погаснет дух к важному и величественному. Словам: мы уподобились обитому огниву, об который до устали рук стуча, насилию искры добьешься да и то пустой, которою не зажжешь ничего, но когда был в нем огонь, тогда не пользовались...

Н. Резанов

Резанов перечитывал обрушившуюся на него корреспонденцию. Почту вскрывал по значимости и важности. Первой была сломана императорская печать. Из письма Александра I Резанов узнал о проигранных Россией сражениях на европейском военном театре, о перестановках в правительстве и о несвоевременности задуманных Резановым проектов, часть из которых камергер уже с блеском осуществил. Это побудило Резанова тут же взяться за перо и отправить Хвостову указание, отменяющее обязательность экспедиции на Курилы и Сахалин. Румянцев категорическим тоном требовал возвращения Резанова в столицу и Николай Петрович понимал — почему. Находясь под впечатлением рассказов Крузенштерна, министр коммерции резко изменил своё отношение к Резанову. Тон его писем стал властным и не терпящим возражений. Из писем Румянцева Резанов понял, что правительство к его замыслам отнеслось не более чем как к авантюрам. Самым обидным стало то, что налаженный им здесь, в Русской Америке, механизм торговли и взаимоотношений может рухнуть благодаря недопониманию сверху. Уже в 1808 году, так и не дождавшись Резанова, царское правительство начнёт тормозить запущенные им процессы

и отвергнет его программу преобразований в отдалённых русских колониях. События 1867 года, когда Аляска и Алеуты будут проданы США, станут лишь закономерным итогом недалёковидной, вялой и нерешительной политики Александра I и его окружения. Резанов это предчувствовал и потому торопился.

Следующее письмо было от матери. Его Николай Петрович перечитал несколько раз. Из него он узнал, что его первенец Пётр Резанов причислен к Морскому экипажу. О нём заботится жена Булдакова — Авдотья Григорьевна, сестра его покойной Анечки и жена лучшего друга и партнёра.

Отстранив письма, Резанов задумался. События, произошедшие в Охотске, не давали ему покоя. Каким всё-таки неприятнейшим типом был начальник Охотского порта Иван Бухарин! Первое, что сделал Бухарин при знакомстве, — отдал Николаю Петровичу письмо мичмана Владимира Штейнгеля, адресованное самому Бухарину.

— Другой бы скрыл, но я не стану! — заявил начальник порта. — Здесь подробно описаны ваши с капитаном Крузенштерном несогласия в вопросах руководства экспедиции. Несмотря на то, что Штейнгель мне друг, не смею не доложить вам. А то взяли за моду жаловаться на начальство!

Резанов брезгливо, с подчёркнутой небрежностью отодвинул этот эпистолярный шедевр будущего декабриста. Но на его место легло следующее письмо губернатора Камчатки Петра Ивановича Кошелева на имя морского министра — вице-адмирала Чичагова. Заметив отношение Резанова к вскрытой чужой корреспонденции, Бухарин зачитал письмо сам:

— «При подлых душах их и мерзких делах»... это он о нас, ваше превосходительство... «не решаются сделать себя убийцами, имея, может, надежду, что можно будет свалить на другие причины, о коих не будет и сведомо, а ежели и откроется, что они сделали, тогда могут воспользоваться теми же способами, как Аладар Беневский, который взбунтовал здесь промышленных и разного состояния людей, убил начальника Камчатки капитана Нилова и ушел в море, и они так же могут уйти после такого же дела в Америку или куда инде и шататься до тех пор пока возможно».

Резанов, в судьбе которого благороднейший Кошелев сыграл столь значительную роль, вздёрнув брови, спросил:

— Чем вам Кошелев не угодил?

— Заговорщиками нас называет. А ведь мы с приказчиками Компании только о благе Охотска и развитии торговли печёмся. Ну зачем мне кого-то убивать и странствовать по морям без надежды. Вы же как чиновник и как инспектор Компании должны понимать

меня. Место здесь тёплое и ломать свою судьбу из-за какого-то генералишки...

Пытаясь мыслить своим воровским умом, Бухарин так и не понял, что Резанов относится к своей Компании и к её сотрудникам совсем иначе, чем начальник Охотского порта. Создавая Российско-американскую компанию как сильную корпорацию, несущую государству пользы не менее, чем частным лицам, с отплытием в 1803 году в кругосветное плавание Резанов потерял локтевую связь с её директорами, и дела вышли из-под его непосредственного контроля. По словам историка Алексея Николаевича Ермолаева, пользуясь отдаленностью Охотского края, Российско-американская компания уже в начале XIX века сумела наладить там беспощадную перевозку грузов на казённых судах. Для транспортировки своих товаров агенты Компании напрямую договаривались с командирами казённых кораблей. Вероятно, офицеры получали за тайный провоз груза вознаграждение. В 1803 году комендант Камчатки генерал-майор Пётр Иванович Кошелев раскрыл одну из таких операций. В рапорте на имя императора он сообщил о злоупотреблениях Компании, заявив, что контора РАК «угнетает многих бедных и неимущих людей, которым одно имя компании становится отвратительным».

В 1804 году из Санкт-Петербурга в Охотск отправился один из директоров Компании, купец Евстратий Иванович Деларов, который, будучи предшественником Александра Андреевича Баранова, с 1787 по 1791 год являлся главным управляющим Компании на острове Кадьяк. Деларов категорически отверг все обвинения, выдвинутые Кошелевым в адрес Российско-американской компании. В заключение письма, адресованного на имя министра Румянцева, он высказал неслыханную дерзость — предложил снять с должности Кошелева и удалить его из Камчатки.

Между тем в столице был создан специальный комитет, состоящий из нескольких министров, которому было поручено разобраться в фактах злоупотребления Российско-американской компании в Охотске и Камчатке. Комитет рассмотрел рапорты Кошелева, обвинявшего Компанию в монополизации всей торговли на Камчатке, и признал, что Компанией действительно были допущены злоупотребления. Рассмотрев дело подробно, граф Николай Петрович Румянцев, возглавивший комитет, решил поддержать Компанию. Не снимая вины с её приказчиков, пытавшихся провезти незаконно груз, он всё же высказался против опечатывания лавок Компании, что практиковали Кошелев и Резанов, и приостановления её деятельности на Камчатке. Поддержка Румянцева была очень важной

для Российско-американской компании, а само дело о беспощадном провозе груза Компанией было приостановлено. Для искоренения злоупотреблений начальнику Охотского порта было предписано, чтобы на казенных судах ни под каким видом не перевозились компанейские грузы.

Но это не остановило приказчиков Российско-американской компании. Пользуясь тем, что Охотск находится очень далеко от столицы, они попытались договориться с местным начальством. Башуцкий, чётко придерживавшийся предписаний столичного комитета, не пошёл на сговор с ушлыми компанейцами. Ситуация изменилась тогда, когда его сменил нынешний начальник Охотского порта. При вступлении в должность в 1804 году Ивану Бухарину, как и Башуцкому, было предписано, чтобы казённые суда не перевозили грузы Компании. Однако по прибытии в Охотск в августе 1805 года Бухарин забыл об этом предписании. Нарушить правительственную инструкцию ему помог правитель Охотской конторы Компании Ефим Петров, выделивший Бухарину «для пользы Компании 29 539 рублей». Кроме того, из конторы Компании Бухарину была «отпущена бочка коньяка, не требуя с него денег». Это была одна из первых взяток, полученных Бухариным от приказчиков Компании.

Обо всех злоупотреблениях Бухарина Резанов знал. Но он и представить не мог, что за своё доходное место начальник Охотского порта готов был драться до смерти. Первый удар он готовился нанести по Кошелеву, протее которого стал Резанов. Стало быть, и сам Николай Петрович, даже не зная о том, попадал под удар. Но дотянуться до царского сановника было нелегко. Резанов всегда на виду, задерживаться в Охотске надолго, похоже, не собирается. А вот в долгой и полной трудностей дороге всё может случиться...

Бухарин раболепно подал отчёт о состоянии вверенного ему порта, где на бумаге живописал свои заслуги, забыв при этом упомянуть о судьбе своего предшественника Башуцкого, который томился в сырых трюмах плавучей тюрьмы. Хвостов велел кланяться бывшему начальнику порта, но на неудобный вопрос о судьбе казачиков своей Компании Николай Петрович узнал всю историю взятия под стражу прежнего начальника порта. К вечеру Бухарин, вызванный к камергеру, на требование Николая Петровича освободить узника резко ответил, что подчиняется приказам только военно-морского министра Чичагова.

— Стало быть, Чичагов вам приказывал гробить своих соотечичей? Сейчас Кадьяк или Ситку сто диких истребить до основания могут! А всё потому, что у них ружья английские, а у нас, по

вашей милости, из Охотска, которые отдаются сразу в магазины в приращение капитала Компании и никогда никуда за непригодностью их не употребляются. Я до пятисот их там видел, в стопках лежащих! И как тут не вспомнишь вас, охотских бездельников? Мало взыскать убытки с вас, но истинно справедливо было бы целым обществом Компании просить у государя посылки вас в Америку навсегда, чтобы вы и приказчики мои видели лично тот невозвратный вред, который от плутовства вашего многим стоил жизни!

— На что ружья в Аляске или других каких местах?

— На то, что везде людей режут! Ежели не дикие, так английские приватёры! — резко произнёс Резанов. — Кошелева на вас нет!

— Так и ни на кого скоро не будет! — пробурчал под нос удаляющийся Бухарин.

После слов начальника Охотского порта Резанов начал догадываться, что против губернатора Камчатки Кошелева зреет заговор, в котором Бухарин играет одну из основных ролей. Дело в том, что установленный Петром Ивановичем Кошелевым порядок, исключая стовор приказчиков Российско-американской компании и портового начальства, был полностью принят прежним руководителем Охотского порта Башуцким. Однако это не устраивало вора и взяточника Бухарина. Он изменил порядки, а Башуцкого, чтобы тот не раскрыл всю правду перед губернатором Сибири Пестелем, решил арестовать и сгноить в заключении. Кошелев об этом знал, но был далеко. Отличительной чертой всех порядочных людей является некая беспечность относительно собственной персоны. Кошелев не был исключением. Первому заговору, состоявшемуся в 1804 году, который раскрыл перед ним один из его участников — Сибиряков, он не придавал значения. Сибирякова же Кошелев приблизил, сделав его фактически своей правой рукой. Говорят, честный человек всегда людьми защищён. Когда слухи о новом заговоре расплозились по Камчатке, простой люд — солдаты, казаки, торговцы и даже коренные камчадалы — откровенно и вслух высказывался о том, что в случае, если что-нибудь произойдёт с Павлом Ивановичем, те, кто затеял убийство губернатора, ответят своими головами. На Камчатке заговорщики поутихли, но активизировался Сибиряков, тот самый, что раскрыл предыдущий заговор. Сейчас он находился в Охотске и готовил тщательнейшим образом продуманный план по устранению губернатора Камчатки.

Сибиряков, будучи командированным Кошелевым с отчетом в Иркутск и Санкт-Петербург к сибирскому генерал-губернатору Пестелю, первым делом появился у Бухарина и обо всём ему до-

ложил. Правитель Камчатки и не подозревал, какую змею пригреб он на своей груди. В Охотске Сибиряков заручился поддержкой командира Охотского порта Бухарина, который пообещал сообщать ему всё, что будет поступать с Камчатки — любую — и официальную, и личную, — почту и эстафету. Деятельный Сибиряков легко вошёл в доверие высоких сановников и настроил против Кошелева всё сибирское руководство: в Иркутске — губернатора Трескина и «хозяина Сибири» Пестеля, а также главное правление РАК, находящееся, благодаря стараниям Николая Петровича Резанова, под покровительством самого императора.

Однако весной следующего года и этот заговор был раскрыт. Следственное дело Кошелев отправил в Иркутск в сопровождении преданного ему поручика Клевещкого, которому дал официальное предписание: «Так как начальник Охотского порта Бухарин имеет привычку задерживать и распечатывать почты и эстафеты, то вам предписывается не давать ему прилагаемых конвертов, а если он, или кто-нибудь другой, будет требовать их силою, то ничего не боясь, бить того чем попало до смерти как бесчестного человека».

Миновав Бухарина, письмо добралось до адресата — генерал-губернатора Сибири Пестеля. Но став благодаря усилиям Сибирякова врагом всего сибирского руководства, в ответ на своё письмо Кошелев получил распоряжение об аресте. Однако несправедливость обладает эффектом бумеранга, и раскрученное против Кошелева дело и сорванные с него Пестелем золотые эполеты аукнулись самому Пестелю. Год спустя тот был также обвинён в злоупотреблениях и присвоении казённых денег...

Но всё это случится потом, а пока же компания нового начальника Охотского порта Ивана Бухарина раздражала Резанова до такой степени, что у него не было желания оставаться в городе даже лишней минуты. Тем более, что кроме Башуцкого нужно было уже спасать и Кошелева. От того человека, чьё мнение первым об этих людях услышит Пестель, зависела их судьба. Поэтому Резанову во что бы то ни стало необходимо было обогнать Сибирякова. Известно, каким образом письмо Резанова, адресованное Пестелю, в котором камергер замолвил слово за Башуцкого, добралось до Иркутска, так и не попав в руки мастера перлюстрации Бухарина, но уже 9 декабря 1806 года, после строжайшего предписания сибирского генерал-губернатора Ивана Борисовича Пестеля Башуцкий смог выехать в Петербург.

Уговоры со стороны приказчиков Российско-американской компании повременить Резанову с отъездом и перезимовать в Охотске не возымели никакого эффекта.

— Хвостов с Давыдовым в это же время несколько лет назад отправились из Охотска и к Рождеству уже в столицу прибыли! А мне в Якутске и в Иркутске ещё дела устраивать! Японское посольство провалено, китайское — с новым открытием Кяхтинского торгового пути — на грани провала, а вы мне баклуши на печи бить прикажете? Чем болтать попусту, коней лучше седлайте! С ночи отправляемся по пути многотрудному верховою ездою.

Последние слова буквально утонули в кашле, который душил камергера на протяжении последнего его плаванья. О дальнейшем путешествии мы узнаём из журнала «Русская старина»: «Отправившись из Охотска 24 сентября 1806 года, Резанов, по свойственной ему неутомимой деятельности, ехал очень скоро, что для слабого здоровья его, обессиленного тяжкими трудами, огорчениями и заботами в течение 3 лет, имело гибельные последствия. При переходе через реки, покрытые тонким льдом, ему приходилось несколько раз ночевать в снегу. За 60 верст до реки Алдана он занемог жестокою горячкой и без памяти приведен в якутскую юрту».

А вот дальше произошло то, о чём спорят многие исследователи жизни Николая Петровича Резанова. Связано оно с именем Ивана Андреева, слуги Резанова, который, видя страдания своего господина, решил сделать типичное действие при горячке, а именно — кровопускание. Этой довольно бесхитростной манипуляции научил Ивана профессор Лангсдорф в Новоархангельске, когда слуге камергера вместе с немецким доктором приходилось выхаживать больных промышленников. И судя по тому, что спустя 12 дней Резанов сумел верхом самостоятельно продолжить путь, Иван сделал операцию блестяще. Благодаря стараниям Шевинина, «открывшего» миру Резанова своей книгой «Утраченная империя», у исследователей глубоко укоренилось мнение о том, что, будь профессор Георг фон Лангсдорф рядом, трагедии могло бы и не случиться. Однако это не более чем литературный миф.

Лангсдорф не мог сопровождать Резанова по многим причинам, главная из которых — нежелание самого Резанова видеть иностранного профессора в составе курильско-сахалинского рейда, который камергер планировал первоначально возглавить лично. Зная характер профессора, можно не сомневаться, что своих друзей Хвостова и Давыдова он первый назвал бы пиратами. Резанов знал, что Лангсдорф, обладающий глубокими эмоциями, свойственными всем идеалистам, не способен был принять суровые реалии выживания русской нации. Ему были непонятны жертвы, приносимые русскими людьми во имя счастливого будущего своих детей. Его конформизм, базирующийся на матёром европейском эгоизме, был чужд русской

концепции самоотречения, жертве личности во имя блага общества. Вторая причина, по которой Лангсдорф не мог находиться рядом с Резановым, заключается в том, что у камергера попросту закончились деньги на содержание учёного. А Лангсдорф был немцем, начисто лишённым альтруизма, и бесплатно сопровождать камергера во всех его начинаниях, которые профессор считал откровенными авантюрами, не стал бы точно. Тем более, как показал калифорнийский опыт, заниматься наукой в этих экспедициях было крайне сложно, хотя надо отдать должное Николаю Петровичу, помогал он немецкому профессору как мог — даже егеря-чучельника для него нанял. Но Лангсдорф этого не оценил, как и не понял очевидного: приглашая Лангсдорфа в Калифорнию в качестве учёного, Резанов прежде всего заботился о том, чтобы на «Юноне» был врач. Так что даже гипотетически Лангсдорф не мог в то время оказаться рядом с Резановым, который старался оградить от всяческих инсинуаций свою «секретную экспедицию».

Итак, спустя всего двенадцать дней камергер пришёл в себя и, покинув гостеприимную якутскую юрту, продолжил свой путь, как только в бушевавшем всё это время снежном буране — предвестнике ранней и холодной зимы — появился первый просвет.

Добрая молва о Резанове, замечательном человеке, путешествующем в суровом краю наперекор обстоятельствам, прокатилась по всей Сибири. Своё прибытие в Якутск Николай Петрович описал следующим образом: «Приехав в Якутск, видел я благодарность соотечичей моих, весь город за рекою встретил меня, и наперерыв угощали...» Но в Якутске Резанов опять слег в постель, где его совершенно случайно навестил мичман Владимир Иванович Штейнгель.

Судьба Штейнгеля, который, как после оказалось, тоже был причастен к заговору против Кошелева, после отбытия Резанова с Камчатки вместе с Хвостовым и Давыдовым в 1805 году к Ситке сложилась следующим образом. Сев на мель недалеко от Большерецкого устья, Штейнгель вынужден был остаться на зимовку на Камчатке. За время его отсутствия Бухарин был назначен командиром Охотского порта и сразу же порвал все отношения со своим бывшим приятелем, который стал теперь просто его подчинённым. По возвращении в Охотск Штейнгель, так уж случилось, поругался с Бухариным и вынужден был ехать в Иркутск к начальству. Вслед за ним ушло из Охотска письмо в министерство, в котором Бухарин просил предать Штейнгеля суду за своевольную зимовку на Камчатке и введение тем самым казну в убыток.

Петербург среагировал — царь приказал Штейнгеля «арестовать на месяц с вынесением в послужной список». Именно здесь,

в Якутске, Штейнгеля настигло распоряжение о его аресте. И когда, казалось, спасения было ждать уже неоткуда, в городе появился обер-прокурор Сената Резанов. Неутомимый камергер попросил принести ему все судебные дела для разбирательства. Даже лежа в постели, он не мог успокоиться. Постоянная жажда работы была его первой необходимостью. Произошло полное совпадение интересов. «Застав в Якутске Резанова, — писал позже мичман Штейнгель, — я, подстрекаемый любопытством видеть человека, аккредитованного важными поручениями, которого мне представляли более смешным и ничтожным, нежели уважения достойным, поспешил к нему явиться. К удивлению своему, я встретил ласковый прием с уверенением, что много наслышан обо мне и рад познакомиться.

Удивление превратилось в полное замешательство, когда Резанов подал мне моё собственное письмо, писанное к Бухарину, полное сарказмами. Это был разительный урок! Я едва был в состоянии разговаривать: «Ваше превосходительство не должны ни удивляться, ни сетовать на меня, я не имел чести вас знать и передал то, что мне говорили люди, которым не мог не верить». «Очень знаю, — прервал Резанов, — нарочно взял это письмо из рук вашего недоброжелателя, чтобы лишить его возможности вам вредить. Я дал ему слово доставить его министру, и вот оно в руках ваших. Надеюсь, что вы перемените обо мне мысли». Таким благородным и столь обязательным для меня поступком он совершенно обволок меня. Взаимно Резанов до того меня полюбил, что позже в Иркутске заставил меня почти всякий день бывать у себя; удостоил меня полной своей доверенности по отчетам правительству и открыл мне всё, что писал в так называемой им Синей книге. С тем вместе он ввел меня к генерал-губернатору, ходатайствовал у него о моей защите и дал совет подать генерал-губернатору просьбу, что я и сделал. Этого мало, он написал в главное правление Российско-американской компании, чтобы выпросили меня у министра в свою службу. Он дал мне слово, что возьмет меня с собою в Нью-Йорк для сопутствования ему через Орегон в Калифорнию, в порт Сан-Франциско, где намерен был жениться на дочери коменданта». Но судьба распорядилась иначе...

Дорога из Якутска в Иркутск, как читатель уже знает, представляла себе зимник, передвижение по которому осуществлялось на саниах или верхом. Но лёд ещё был не крепок. Вынужденная задержка в Якутске была использована Резановым с максимальной пользой. Даже будучи больным, он продолжал работать.

Из письма Румянцеву камергер узнал, что в Иркутске находится граф Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, ста-

рый знакомый Резанова из плеяды русских поэтов-славянофилов. С поэтом, другом Батюшкова и Державина, Резанов познакомился на литературных вечерах Александра Семёновича Хвостова. После Нелединский-Мелецкий часто бывал в доме Резанова, которого ценил за остроту ума и любовь к русскому слову.

Из охотской почты Резанов уже знал, что посольство в Китай, которым руководил президент Коммерц-коллегии Юрий Александрович Головкин, было провалено. Предыстория самого посольства, к которому Резанов имел самое непосредственное отношение, такова: уже на рубеже веков российское правительство знало о том, что центром мировой торговли мехами стал китайский город Кантон. И если торговля на суше между Россией и Китаем осуществлялась в приграничном городе Кяхте и имела свою историю и даже традиции, то морские ворота Китая — город Кантон — для кораблей, несущих российские флаги, были закрыты. Именно поэтому главное правление Российско-американской компании, вслед за организацией посольства в Японию, обратилось в 1802 году к императору Александру I с докладной запиской, в которой подчеркивалась выгода морской торговли с Китаем. Россия, распахивающая ворота на Восток, ожидала от Востока взаимности.

Министр коммерции граф Румянцев представил 20 февраля 1803 года Александру I докладную записку по этому же вопросу, предлагая начать переговоры с китайским правительством. Он считал, что Россия до тех пор будет испытывать затруднения на китайском рынке, пока сами русские «не проложат путь» в Кантон. Румянцев предлагал отправить посольство под предлогом поздравления цинского богдыхана Цзяцина с восшествием на престол и извещения о воцарении Александра I. К этому моменту император Цзяцин царствовал уже девять лет, а Александр — уже четыре года. Потому на самом деле Россия преследовала более важные задачи. Фактической целью посольства было установление прочных торговых сношений между Россией и Китаем и уступка России Амура и одновременно намерение выяснить возможность открытия для торговли с Россией, других пограничных пунктов, кроме Кяхты.

Посольство было очень многочисленно и состояло более чем из 300 человек: в него входили военные и чиновники, учёные и духовные лица. Ещё в пределах России Головкин получил протест китайского правительства против многочисленности посольской свиты и должен был её сократить.

В июне 1805 года посольство Головкина отправилось из Петербурга и в октябре прибыло в Ургу, где при первом же визите посла к местным китайским правителям произошло недоразумение

в связи с их требованием, чтобы посол прежде, чем приступить к «пиру», совершил три коленопреклонения и девять поклонов перед жертвенником и тронем, на что Головкин ответил категорическим отказом, ссылаясь на инструкции. Традиционный для Китая ритуал земного поклона — коутоу он счёл неприемлемым для русского сановника.

Три месяца, проведенных в долгих спорах относительно исполнения обрядов, уменьшения числа членов посольства, количества подарков, списки которых потребовали китайцы, так ни к чему и не привели. Сам Головкин вынужден был вернуться в Россию.

В Петербурге были возмущены поведением пекинского правительства. Впрочем, в отличие от Резанова, Головкину никто не предъявил обвинений в срыве столь важной для российской экономики миссии. Правда, и сам Головкин был оставлен в Сибири как полномочный и чрезвычайный посол до окончания переписки между российским и китайским двором. Вместе с ним в Иркутске задержался и старинный друг Резанова, Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий.

В те дни, когда посольство Головкина покидало Китай, в Кантон прибыли два русских корабля — «Надежда» и «Нева», на которых Крузенштерн и Лисянский совершали кругосветное плавание. Они доставили из Русской Америки меха с целью установления торговых связей через китайские порты. Но наладить морскую торговлю оказалось очень трудно, так как в китайских портах существовали свои, очень своеобразные, обычаи. Кроме того, налаживанию торговли мешало уже установившееся в Кантоне и других портах влияние английских и американских купцов и компаний.

С большим трудом капитанам первого русского кругосветного путешествия удалось продать доставленную пушнину и закупить китайские товары. Закончив погрузку и получив разрешение на отплытие, «Надежда» и «Нева» в феврале 1806 года покинули кантонский рейд. Это произошло раньше, чем из Пекина пришел приказ о задержании русских кораблей. Этот приказ последовал в ответ на отказ чрезвычайного посла России графа Головкина выполнить китайские церемонии.

Русское правительство было крайне обеспокоено таким оборотом дела. Возникло предположение, что осложнения с Китаем возникли из-за вмешательства Франции, но в 1807 году директор кяхтинской таможни Ванифатьев в письме к генерал-губернатору Сибири Пестелю писал, что неудача посольства Головкина не имеет отношения к французскому вмешательству. Кроме того, Ванифатьев сообщал, с какой радостью в Кяхте многие китайские купцы

ожидали посольства и как были огорчены его неудачей. «Что сам богдыхан крайне сожалеет о вышедшей такой замешательности; все доказывает, что Пекин с нетерпеливостью ожидал посольства, следовательно, и предварительных Франции винушений против России не было».

Действительно, отъезд Головкина обеспокоил китайский императорский двор. Уже с лета 1807 года китайские власти стремились уладить происшедшее. Прошло несколько весьма дружественных встреч русских и китайских пограничных властей, из которых стало ясно, что Китай так же, как и Россия, заинтересован в продолжении добрососедских отношений и что пекинский двор ждет вторичного прибытия посольства. Китайское правительство сообщило секретарю Иркутского губернского правления И.Н. Веригину, что если будет прислано посольство, «то оно будет принято без всяких уже национальных с их стороны в церемониях обрядов, кроме, однако ж, самого Пекина».

В дальнейшем, в конце 1808 года, между китайскими и русскими пограничными властями завязалась дружеская переписка. В одном из писем китайские власти предложили иркутскому губернатору Трескину встретиться на границе. Встреча состоялась в феврале 1810 года недалеко от Кяхты. На встрече обсуждался вопрос о посылке нового русского посольства в Пекин. Но осуществить этот проект удалось лишь спустя полвека...

Пока же и сам граф Головкин, и часть его свиты, в которой числился Нелединский-Мелецкий, застряли в Иркутске. 5 ноября 1806 года Резанов оправил Юрию Александровичу Нелединскому-Мелецкому письмо, проливающее свет на многие обстоятельства, связанные с заключительной фазой путешествия камергера. Хранится оно в библиотеке конгресса США в архиве Юдина. Привожу его полностью, так как ранее в литературе нигде это письмо не встречал.

«Милостивый государь, Граф Юрий Александрович!

Возвратившись из пределов северо-западной Америки сентября 15-го в охотский порт, имел я удовольствие услышать, что вашему Сиятельству вверены пользы у двора Пекинского и наконец многие ваши между тем ко благу Сибири совершившиеся подвиги исполнили радостью душу того, который столь долгое время для пользы той же Сибири и торговли её странствовал. Не лестное мое почтение к вашему Сиятельству и счастливый выбор государя, к вашему Сиятельству почтение и счастливый выбор государя, облагодетельствовавший пребыванием вашим здешних жителей, поселили во мне нетерпеливость скорее быть в Иркутске, чтобы застать ваше Сиятельство и лично сообщить Вам, милостивому государю те новые и опытные сведения, которые на всю торговлю

и частью на самые дела посольства вашего влияние иметь могут. В сих жестоких порывах души моей является господин Редовский с благосклонным письмом вашим, извлекающим истинную признательность мою, что и в самой отдалённости не лишён я был лестного вашего напоминания. Я старался тотчас исполнить угодность вашего Сиятельства, снабдив господина Редовского полной Энциклопедией натуральной истории в 80-ти томах под названием: *oscuores de Buffon* с иллюминированными гравюрами, от парижского национального института изданное, дал ему прекрасный микроскоп со всеми аппаратами, карманные лупы и всё, что у меня было; далее не мог быть ему полезным. Зная несчастный образ управления отдалённых областей здешних, не предвижу я успеха в трудах его. Я советовал ему возвратиться, но настоящие его быть в Камчатке делает ему честь, и я сердечно желаю, чтоб принёс он ожидаемую пользу и я ошибся в моих заключениях.

Отправив судно «Юнону», на котором пришел я, в Америку обратно, 24-го сентября пустился я в путь мой. Скакал по хребтам гор охотских, не выходя из седла с утра до ночи, но позднее осеннее время заставило меня проезжать брод, едва льдом покрывающийся. Разгоряченный весь день жестоким движением, должен я был проводить ночи в снегу и до того простудился, что вдруг упал с лошади, был сутки без чувств и в таком состоянии привезен 7-го числа октября на реку Алдан в якутскую юрту, где, опомнившись, наконец оправился и принужден был дожидаться, пока станет река, что случилось 20-го и я тотчас, переправившись через неё, прискакал сюда 23-го. Но здесь жестокий рецидив поверг меня в отчаянное положение. Я боролся со смертью и другой ещё день как встал с постели. Теперь жду снега и тотчас лечу к вам нигде на пути не мешкая. План преобразования всей торговли, с которым спешу я, и в который входит торговля с Американскими Штатами и с Новою Калифорнией, которым успел я положить начала и в последнюю совершил сам путешествие, столько важен, что необходимо должен я дать вашему Сиятельству идею о пользах его, не на гадательности, но на опытах основанных.

Буде столько счастлив буду я, что письмо мое ваше Сиятельство в Иркутске застанет, то позвольте мне употребить к вам, милостивому государю, покорнейшую просьбу, чтоб отвели мне квартиру поближе к дому вашего Сиятельства, дабы малое время, которое я пробыв там располагаюсь, мог я с лучшею употребить пользою и обскзать вашему Сиятельству, в каком положении видел я края Камчатки и областей здешних, и которые едва ли кто чистосердечнее моего объяснит вам, когда возвращаюсь я с таким богатством,

что весь гардероб мой на мне, а скарб мой человек на себе унести может.

Я надеюсь, что Иван Борисович* теперь в Иркутске. Не имея чести знать его, покорнейше прошу ваше Сиятельство меня с ним ознакомить. Может быть, энтузиазм мой и оригинальность у многих, в список сумасшедших меня включивших, принесут начальству его некоторую пользу и мне за плату тем за труды мои, ибо все прочие награды и похвалы ставлю я ниже.

Честь имею приложить здесь вашему Сиятельству рукоделия американских народов, к преобразованию которых имел я счастье по воле монарха быть первым исполнителем. Всех племён, берега Америки населяющих, везу я по мальчику, но судно «Св. Марии», на котором отправил я их, ещё в Охотске не бывало. В числе теперешних спутников моих один только житель островов Сандвичевых.

Поручив себя в продолжение благосклонных вашего Сиятельства расположений, честь имею быть с совершеннейшим почтением и таковою же преданностью вашего Сиятельства милостивого государя всеподданнейший слуга, Николай Резанов».

Таков был Резанов: не успев прийти в себя после болезни, вновь пускался в путь. Как только появлялась возможность хоть каким-то образом принести пользу людям и Отечеству, Николай Петрович не упускал такой шанс. Однако Резанов оставался человеком и, конечно же, допускал ошибки. Но что есть ошибки людские на фоне свершений! Уже будучи серьёзно больным, лишившись уверенности добраться до Петербурга, Резанов тем не менее живо интересуется политикой и экономикой. Особенно его беспокоит неудача при попытке наладить дипломатические и торговые отношения с Китаем. На фоне провала посольства в Японию все его надежды были устремлены на сопредельную древнюю империю Китая.

Как только выпало достаточно снега и ледовый панцирь реки Лены превратился в белоснежное покрывало, кибитка Резанова, в которой нашёл себе место и Володя Штейнгель, в окружении казачьей команды из казаков покинула Якутск. Отряд казаков возглавил Сибиряков, всю дорогу угодливо надоедавший камергеру и мичману. Новый, 1807 год застал их в дороге, и на Крещение до слуха путешественников донёс малиновый звон колоколов сибирской столицы. По воспоминаниям Владимира Штейнгеля, Резанов «добрался до Иркутска с гробовым кашлем».

Иркутск встречал Резанова как дорогого гостя. Как и предполагал камергер, генерал-губернатор Сибири Иван Борисович Пестель был ещё в городе, задержанный урегулированием китайских дел.

* Пестель.

«Здесь, в Иркутске, — делился с Михаилом Булдаковым, своим другом и свояком, Резанов, — еще более видел ласки их, меня задавили поздравлениями. Я из благодарности, хотя без удовольствия, но таскался всюду, и из той же благодарности дал я и городу в доме училища на 300 человек обед, бал и ужин, который мне 2 т. руб. стоил. Из Томска получил нарочного, что город приготовил мне дом со всею прислугою. Здесь также наперерыв принять старались меня. Г-н Ситников, уступя мне прекрасный дом свой, барски меблированный, дает мне стол, экипаж и ни до малейшей не допускает издержки. Остается мне пожелать только того, чтобы мой труд Монарху угоден был, верь, что мне собственно ничего не нужно».

Первые строки этого письма, которое считается последним письмом Резанова, раскрыли чувственную и преисполненную любви душу Николая Петровича. Здесь, в Иркутске, двенадцать лет назад он встретил свою милую Анюшу, свою будущую жену Анну Григорьевну Шелихову, ставшую его путеводной звездой. Однако опустевшее после смерти жены сердце уже наполнялось новой радостью, верой, надеждой, любовью. И вот вновь Иркутск. Сегодня, на Крещение 1807 года Николай Петрович Резанов фактически завершил своё кругосветное путешествие, стартовавшее более чем десятилетие назад. Когда адресат этого письма, директор Российско-американской компании Михаил Матвеевич Булдаков, вскрыет послание в Петербурге 6 апреля 1807 года, первые строки, которые он прочтёт, будут начинаться словами: «Наконец я в Иркутске! Лишь увидел город сей, то и залился слезами. Милый, бесценный друг мой живёт в сердце моем одинаково! Я день, взявшись за перо, лью слёзы. Сегодня день свадьбы моей, живо смотрю я на картину прежнего счастья моего, смотрю на все и горько плачу. Ты прольёшь также слезу здесь, что делать, друг мой, пролей ее, отдай приятную эту дань ей; она тебя любила искренне, ты её также. Я увижу её прежде тебя, скажу ей. Силы мои меня оставляют. Я день ото дня хуже и слабее. Не знаю, могу ли дотащиться до вас. Разочтусь с собою и со временем, и буде нет, но не могу умирать на дороге и возьму лучше здесь место, в Знаменском, близ отца её*...».

Сколько же нужно иметь мужества, чтобы вот так просто смотреть в глаза смерти и спокойно писать об этом. Резанов, чья простуда переросла в воспаление лёгких, тем не менее всей душой стремясь в Петербург к драгоценным детишкам — маленьким копиям его Анечки, готовился занять место в могиле рядом с её от-

* Г.Я. Шелихов был похоронен на территории Знаменского монастыря в Иркутске.

цом, Григорием Шелиховым, здесь в Иркутске. Сегодня, 24 января 1807 года, ему было особенно плохо, но он нашёл в себе силы продолжить письмо: «Письмо матушки и детей, сегодня же с курьером полученное, растравило все раны мои, они ждут меня к новому году, но не знают, что, может быть, и век не увижусь. Матушка описывает, что граф Н.П. (Румянцев. — *Авт.*) столько к ней милостив, что присылает наведываться о сиротах моих; у меня текут опять слёзы, и благодарность извлекла их. Матушка пеняет, что я причиною, что граф на меня в неудовольствии, но что обещает столько же быть ко мне благосклонным, как и прежде, и что всякого мне добра желает. Сожалею, что старушка огорчается, жалею, что и граф не снизошёл моей слабости. Я был огорчен до крайности, писал горячо, но умру с тем, что пишу правду, когда между тем потерпел так, что ранее в гроб иду и так думаю, что надобно бы видеть разницу между доброю и дурною нравственностью, но я не виню графа, потому что нет ему пользы вредить мне, впрочем, теперь, слава Богу, все кончилось...».

Беседуя с Пестелем, Резанов как бы подводил жизненные итоги:

— Не сердчайте, что ныне я беден и не могу отблагодарить вас по достоинству. Зато душа моя наполнена чувствами людей, окружавших меня. Умирая, человек берёт с собой ровно столько, сколько отдал при жизни. Я многое сделал, оттого груз мой тяжёл! Но ухожу я легко и достоин более зависти, нежели жалости. Однако не смею более вас задерживать, любезнейший Иван Борисович! Мне надобно отдохнуть...

Резанов маялся всю ночь болезненной бессонницей. Под утро он всё пытался воссоздать в памяти облик Кончиты. Неожиданно дверь комнаты распахнулась, и в проёме появилась она — юная пятнадцатилетняя девочка, влюблённая в него, готовая составить счастье его дней... Анюша... Нет, Кончита... Руки Николая потянулись к видению. Он метался в бреду и горячке. «Господи, — понулся к видению. Он метался в бреду и горячке. Я обязан защищаться от них имена обеих столь любимых мною женщин! Румянцев, получивший письма с описанием калифорнийских приключений, уже недоволен моими планами насчёт Консепсьон. На кону моя честь. Но что моя — честь женщины, жены, любимой... А ведь я ему открылся не просто как другу, но и дальновидному политику. Не понял он меня... Что же дальше? Скажут, что я ловелас, а добрыс имена Анны Резановой и Консепсьон д'Аргуэльо будут обесчещены! Нужно что-то предпринять, защитить их...».

Иван и прибежавший на крик камергера лекарь уложили его в постель и сделали очередное кровопускание. Весь следующий

день Резанов провёл в бессознательном состоянии. Вечером его посетил генерал-губернатор Сибири Иван Борисович Пестель. Рядом стоял верный Володя Штейнгель в мичманском кителе.

— Иван Борисович, прошу вас за этого молодого человека, — обратился Резанов к Пестелю, подзвав пальцем к себе Володю, — достойного моряка и храброго офицера! Он подаст вам рапорт. Если на то будет ваша милость, не отклоняйте его, а рассмотрите и простите юношу, по неосмотрительности и неопытности с пути истинного свернувшего.

— Теперь станешь у меня служить вместе с Хвостовым и Давыдовым! — заверил юношу камергер, когда Пестель покинул комнату. Я написал в главное правление Российско-американской компании и выпросил тебя у Румянцева в свою службу. Мы вместе отправимся в Испанию, затем через всю Америку в Калифорнию, где я познакомлю тебя со своей Кончитой.

Не успев закончить разговор, Резанов вновь был потревожен Пестелем, пришедшим к нему вторично с важным известием: здесь, в Иркутске, Резанов узнал о завершении кругосветного плавания «Надежды» и «Невы». Ему также стало известно, в каком свете он был представлен и как охарактеризовал его перед императором и Российско-американской компанией Крузенштерн, уже на законных основаниях повесивший на себя лавры руководителя первой русской кругосветкой. Но Резанова и это уже не беспокоило: «Слава богу, все кончилось. Все получили награды, и один только я ничего не желаю потому, что не о том мыслю и ничего не удобен чувствовать. Видно, полно писать, я некстати слезлив сегодня».

Однако оценка Крузенштерном действий своего бывшего начальника подлила масла в огонь, пожиривший добросердечность отношений между министром коммерции Румянцевым и Резановым. Румянецв, которому камергер в подробностях живописал свои отношения с Консепсьон, взглянул на него другими глазами. Решив, что Резанов представляет свои личные отношения как государственные пользы, министр коммерции потерял к нему интерес и даже разгневался. Так, жертвовавший собой во благо Отечества, Резанов, лишился поддержки при дворе. Отныне у Александра I и Румянцева был другой кумир — Крузенштерн. Но камергер всё ещё верил, что, вернувшись в столицу, сумеет переубедить Румянцева и вернуть его расположение.

Ещё одной отличительной чертой Резанова были его деятельная натура и потрясающее трудолюбие. До последних дней, будучи серьёзно больным и по-настоящему нуждающимся в отдыхе, Николай Петрович не позволял себе тратить время на спокойную

жизнь, которой был достоин более, чем кто-либо. Оставшиеся после Резанова документы показывают, что он, например, не отказался полностью от своего намерения силой заставить Японию установить торговые отношения с Россией и пытался убедить в правильности своих действий правительство и, в первую очередь, графа Румянцева. Ещё 23 января 1807 года в Иркутске Резановым было составлено секретное донесение, в котором он писал: «Можно силою принудить их (японцев. — *Авт.*) к попушению в торге, и когда мы таким образом водворимся на Сахалине, то они сами будут искать торговли с нами, ибо мы, устроив в Америке морские силы, пошлем корабли отрезывать суда их, ходящие тысячами для прибрежного между собою сообщения и внутренней торговли... При сем случае мы можем и еще с большим правом, тогда, когда Япония вовсе отвергает торг наш, вытесняя и захватывая японцев с Сахалина, селить ими Америку». Таким образом, зимой 1807 года в Иркутске Резанов повторил те свои мысли, которые уже были изложены в инструкции, полученной Хвостовым 8 августа 1806 года. Кроме того, Николай Петрович решил написать императору России Александру I письмо, которое должно было представлять собой копию с инструкций, данных Правителю русских земель в Новом Свете — Александру Баранову. Камергер спешил объяснить мотивы своих поступков. Последнее письмо Резанова, адресованное императору Александру I, так и осталось недописанным.

Николай Петрович подзвал Владимира Штейнгеля, рукой которого были написаны многие строки последних писем камергера.

— Мичман Штейнгель, вы честно служите России, как, впрочем, и ваш отец, о котором я много слышал. Вы ехали в Иркутск с дурными мыслями, ожидая от Пестеля наказания за разбитое судно. Я намерен поговорил с Иваном Борисовичем. Он к вам отнёсся как к сыну, великодушно простив вас. Надеюсь, этот добрый поступок за тот ущерб, что вы нанесли Отечеству, послужит вам уроком добродетельности и великодушия. Ведь, согласно морскому уставу Петра I, разбитие судна карается смертью. Более того, видя ваше горение, я выхлопотал для вас производство в лейтенанты флота. Пестель подыскивает нового человека на должность командира Иркутской морской команды. Я ходатайствовал о вашем назначении.

— А как же Калифорния? Ваша Консепсьон?

— Милый друг, назначение ещё не подписано. Мы условились с Иваном Борисовичем о том, что оно вступит в силу только после моей смерти.

— Вы собираетесь умереть?

— Сие не мне решать, а едино Господу! Тебе же, Володя, поручаю сообщить Кончите о моей смерти, ежели таковая со мной приключится в дороге. Пусть знает, что данное мне слово её уже не держит, коли меня нет на свете. Я не могу обрекать любимого человека на неведение и беспочвенную надежду. И ещё: если меня не станет, действия твоих друзей Хвостова и Давыдова могут быть расценены превратно. В Охотске я отправил Хвостова в Новоархангельск на зиму, с тем чтобы по весне он вернулся к Курильским островам. Господин Баранов может задержать «Юнону» для своих нужд. Чтобы этого не случилось, ты должен доставить господину Баранову письмо, подтверждающее моё решение изгнать японцев с Сахалина и Курильских островов. Я не хочу, чтобы ответственность за их поход пала на них. О моём решении должны знать как на материке, так и на островах. Наталья Шелихова — мать Анны, моей покойной жены, из рода айнов. В крови её детей, а стало быть, и моих, течёт кровь коренных обитателей Курил, которых я считаю своим долгом защитить от порабощения японцами. Возьми на столе письмо для Баранова и помни: ежели Бог сподобит и я доберусь до столицы с докладом, Хвостову и Давыдову ничего не грозит. Ежели нет — их судьба в твоих руках. Сейчас же ступай с Богом! Мне необходимо отдохнуть.

Немного окрепнув, на следующий день, 26 января 1807 года, Резанов, сев за стол, продолжил прерванное письмо, адресованное Булдакову: «Не мог я оногдысь кончить письма моего, моральные страдания мои растравили еще более мою физику, все эти дни я приметно слабеть начал. Между тем у меня беспрестанно люди, а на них и смерть красна. Генерал-губернатор всякий день у меня бывает, иногда раза по два, и вечера проводит. Дружба сего честного человека и доброго услаждает меня. Он благодарит тебя за доставленную о характерах здешних жителей записку. Говорит, что он ничего не нашел справедливее, и мне приятно слышать твое беспристрастие. Я говорил с ним о компании, о пользах ее, о невозможности Сибири существовать без нее в благоденственном виде. Иван Борисович со мною согласен, воспламенился обширными моими планами, обещает всю помощь и искренне признался мне, что хотя граф Н.П. как истинный патриот поручил ему компании покровительствовать, но что в то же время столь же близкие к престолу люди совсем противные внушения ему сделали, так что, чему верить, не знал он, но что нынешнее со мною свидание раскело для него этот гордиев узел».

На следующий день генерал-губернатор Сибири Иван Борисович Пестель и Николай Петрович Резанов обозначили план со-

вместных действий по укреплению дальневосточных границ России. После того как Пестель согласился с утверждением Резанова о неудобстве Охотского порта и необходимости закладки нового порта в устье Амура, а также о закладке ещё одного промежуточного порта на Курильских островах, чиновники решили действовать самостоятельно, без ожидания высокого одобрения сверху. Голос Резанова при дворе ослаб, адмирала Мордвинова* считали ретроградом. Силу набирала партия молодого Павла Васильевича Чичагова, сына прославленного адмирала**.

Будущий адмирал и министр народного просвещения Шишков, гатчинский любимец Павла I — граф Кушелёв, адмирал Мордвинов и многие другие очень недружелюбно смотрели на Чичагова, видя в нём адмиральского сына, выдвинувшегося только благодаря покровительству отца. Император сразу после воцарения приблизил его к себе. В 1801 году он был назначен в свиту императора, а в 1802 году получил должность члена Комитета по образованию флота и был назначен докладчиком Александру I по делам этого комитета. В октябре ему были поручены обязанности правителя дел вновь учреждённой Военной по флоту канцелярии. В ноябре он произведён в вице-адмиралы и в декабре назначен министром морских сил. Такое быстрое повышение молодого вице-адмирала послужило причиной той нелюбви, которой он пользовался со стороны придворных лиц. Возможно, это произошло из-за симпатии Чичагова к английским порядкам. Будучи умным и блестяще образованным человеком, честным и «прямого характера», Чичагов к «придворным знатым льстецам относился с большим невниманием, а к иным — даже с пренебрежением». С низшими и подчинёнными был приветлив. При этом будучи женатым на англичане-

* Николай Семёнович Мордвинов (1754—1845) — русский флотоводец и государственный деятель, сын адмирала С.И. Мордвинова. Во время Русско-турецкой войны возглавлял осаду и штурм крепости Очаков. В 1802 году занял пост министра морских сил, на котором оставался только 3 мес., так как, убедившись в преобладании над государем влияния своего помощника, адмирала Чичагова, отказался от управления министерством и остался лишь членом комитета для улучшения флота.

** Василий Яковлевич Чичагов (28 февраля /11 марта 1726 — 4 апреля/16 апреля 1809) — российский мореплаватель, адмирал. Командуя Балтийским флотом, одержал победы над шведским флотом в Эландском (1789), Ревельском (1790) и Выборгском (1790) сражениях.

Его сын, Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), морской министр Российской империи с 1802 по 1809 г. Известный англофил. В 1812 году сменил Кутузова в качестве командующего Дунайской армией, руководил преследованием Наполеона по территории Белоруссии. После переправы французов через Березину обвинён в неспособности преградить неприятелю путь к отступлению. Остаток жизни провёл на чужбине.

ке, Чичагов боготворил британский либерализм и тихо ненавидел монархистов. Имеющий убеждения западника, он также не любил и литераторов-славянофилов. Так что поводов для столкновений было более чем предостаточно. И эта грызня у трона в первую очередь задевала интересы Российско-американской компании, в которой Чичагов видел одно лишь зло.

Резанов предложил Пестелю усилить русскую экспансию в Восточной Сибири и в Русской Америке и сообщать правительству о принятых решениях уже по мере их свершения. Этот революционный шаг в бюрократической системе государства Российского позволил бы не тратить лишние усилия и, самое главное, время, когда речь шла о мгновенном реагировании на новые вызовы эпохи. Решение своих планов Резанов с Пестелем рассматривали в первую очередь как мощный экономический стимул для развития всей Восточной Сибири и северо-западной Америки. Пестель брался обеспечить доставку сухопутным путём товаров, необходимых для торговли (прежде всего в китайскую Кяхту), Резанов, надеясь на поддержку Мордвинова, планировал открыть морской торговый порт в китайском Кантоне и в одном из японских портов. Обеспечивать Русскую Америку Резанов собирался с помощью морских кругосветок.

Но ни Резанов, ни Пестель не знали, что Крузенштерн, подавший в 1799 году на имя президента Коммерц-коллегии Петра Александровича Соймонова записку о развитии торговли и коммерции на Дальнем Востоке и в Америке, а также о необходимости совершения кругосветного плавания, после окончания одного вдруг резко изменил своё отношение к значению для России её земель на Дальнем Востоке. Не потому ли, что дальнейшее освоение этих земель было тесно связано с именем его заклятого врага — Резанова? Это с уверенцией Крузенштерна министр морских сил Чичагов (в честь которого Крузенштерн назвал залив на Нукагиве) стал распространять среди ближайшего окружения российского императора слухи о ненадобности для России Сахалина. Можно догадаться, какого рода указаниями снабжал министр морских сил Чичагов своих подчиненных, в том числе начальника Охотского морского порта Бухарина.

Сам же Резанов, сторонник последовательной и сильной политики в тихоокеанской России, писал Булдакову: «Не знаю, как у вас будет принят план мой, я не щадию для него жизни. Горжусь им столько, что ничего, кроме признательности потомства, не желаю. Патриотизм заставил меня изнурить все силы мои; я плавал по морям, как утка; страдал от голода, холода, в то же время от обид и ещё вдвое от сердечных ран моих. Славный урок! Он меня,

как камень, ко всему обил, я сделался равнодушен; и хотя жил с дикими, но признаюсь, что не погасло мое самолюбие. Я увидел достоинство человека и несравненно чувствую себя горделивее, нежели прежде был я. Я увидел, что одна счастливая мысль моя ведет уже целые народы к счастью их, что могу на них различать себя. Испытал, что одна строка, мною подписанная, облегчает судьбы их и доставляет мне такое удовольствие, какого никогда я себе вообразить не мог. А все это вообще, говорит мне, что и я в мире не безделка, и нечувствительно возродило во мне гордость духа. Но гордость ту, чтоб в самом себе находить награды, а не от Монарха получать их, да и не за что, когда один милостивый выбор его доставил мне такое счастье, которого никогда ни я, ни дети мои заслужить не в силах. Не огорчайся, мой друг, что, описывая в настоящем виде компанию, не пощадил я нимало дурного производства ее, ты нисколько не виновен в том, но мне слишком дорого стоит труд мой, чтобы я в чем-либо закрыл истину. Как добрый купец вникал я в торговлю вашу, я не думал быть им, но государю угодно меня в купцы пожаловать, и я все силы употребил, чтоб в полном виде достичь звания сего. А видя успех, я горжусь им. Много желал бы писать к тебе, но истинно сил нет. Еще 23 приготовил бумаги, но по сей день эстафета не отправлена. А затем и к родным не пишу. Пусть письмо это общим будет. Поклонись от меня всем нашим друзьям и приятелям, вспоминавшим меня, благодетелям моим, Александру Андреевичу (Баранову) и Гавриле Романовичу (Державину). Скажи, любезный друг, всеусерднейшее мое почтение, в свое время увидят они благодарность мою там, где не закрыты чувства каждого. Я забыл тебя поздравить с орденом*. Как мне жаль, что не могу я своих отдать тебе, они мне в тягость. Прости, любезный друг Михайло Матвеевич, до свидания, верь, что искренне любит тебя преданный тебе брат твой Н. Р. ...»

Из охотской и иркутской корреспонденции Резанов уже знал, что Булдаков возвышен и приближен к императору. Доклады о Российско-американской компании проходят строгую его цензуру. Превзойдя в своих талантах управляющего всех сыновей Шелиховых вместе взятых, Булдаков сумел наладить довольно эффективную работу центральной конторы Компании в Петербурге. И тут вдруг Резанову пришла в голову мысль: кто, как не его лучший друг, сможет защитить добрые имена Анны и Консепсьон. Резанов схватился за перо, макнул его в чернильницу. С помощью своего

* Михайл Матвеевич Булдаков, директор Российско-американской компании и зять Резанова, в 1806 году был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за участие в организации первой русской кругосветки.

друга Булдакова Резанов решил убедить семью Шелиховых, а заодно и всех своих злопыхателей в верности его горячо любимой, но уже покойной Анне. Дети, их продолжение, были крепким залогом этой любви. И следующими строчками он пытается также оградить и Консепсьон от дурной молвы, ставя честь женщины выше собственной чести: «P.S. Милую сестрицу с детьми бессечно целую, за своих много, много благодарю вас».

Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветреницей. Любовь моя у вас в Невском под куском мрамора, а здесь следствие энтузиазма и новая жертва Отечеству. Консепсия мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем, здесь я, друг мой, как грешник на духу, каюсь, но ты как пастырь мой сохрани тайну.

Писем я не только от Гаврилы Романовича, но и ни от кого во всю бытность мою не получил ни строчки. Не менее того, чувствительно благодарю всех, кто меня вспомнили, я беспрестанно катаюсь по морям, и так мудрено было и письмам найти меня».

Не тая ни злобы, ни обиды на своего друга, великого русского поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина, Резанов жалел только о том, что слово друга не поддерживает его. Он ещё не знал, что сразу после отплытия «Надежды» Державин был снят с должности генерал-прокурора Правительствующего Сената и уединился в своём имении Званка. Впоследствии, когда Державину рассказывали подробности смерти Резанова, Гаврила Романович, грубо перебив рассказчика, заявил:

— Не болезни добили слабое тело — дурные слова сломили сильный дух. Резанов умер от неприятностей, учиненных ему завистью его подчиненных!

Думая перед смертью о чести своей покойной жены и заботясь о детях, Резанов представил помолвку с Консепсьон как следствие энтузиазма и жертву Отечеству. Как у человека благородного выбора у него не оставалось. Те, кто утверждает, что последние строки этого письма — искренне признание в отсутствии чувств к Консепсьон, пусть задумаются о том, кому Резанов адресовал это письмо. Даже на смертном одре он оставался дипломатом, который пытался просчитать все последствия своих слов и поступков. Адресатом же выступал не просто друг камергера и директор Российско-американской компании, а прежде всего муж третьей дочери самого Шелихова — Авдотьи. Авдотья была сестрой Анны Шелиховой и тяжелее всех остальных родственников пережила смерть сестры. Сознавая, что его земное время истекло, Резанов заболтался об остающихся, шадя их чувства.

13 февраля 1807 года, решив в Иркутске все дела и сердечно распрощавшись с Пестелем, Резанов в сопровождении доктора, которого генерал-губернатор Сибири отправил вместе с камергером, Володи Штейнгеля и кавалькады из тридцати казаков под командованием Сибирякова покинул город.

Сибиряков должен был замыкать кавалькаду. Однако чёрные мысли не давали ему покоя. Пестель поверил Резанову, и план насчёт смещения Кошелева претерпевал крах. Допустить этого нельзя было никак. Переезжая реку Ангару, Сибиряков прищипнул коня. При обгоне едущего верхом Резанова поручик ударил шпорой по крупу лошади камергера. Животное, встав на дыбы, сбросило седока. Падая, Резанов ударился о луку проезжавшего следом казака...

Картину последних дней Николая Петровича Резанова попыталась восстановить историк Людмила Антоновна Сысоева, сотрудник Красноярского краеведческого музея. В целом, прежде чем продолжить, хочется низко поклониться красноярцам за их любовь к истории и истинно русское мировоззрение и искренне поблагодарить за то, что несмотря ни на что, они считают родную историю генетическим кодом нации. На сегодня единственное подробное описание последних дней Резанова можно встретить в книге Лангсдорфа, который воспроизвёл их со слов доктора Келлера, пытавшегося оказать помощь раненому Резанову. Вот обстоятельства тех роковых дней конца зимы 1807 года:

«В середине последнего дня зимы, на дороге, ведущей из Иркутска, возникла большая суматоха. Громкий лай собак, множество зевак, увертывающихся от лошадиных копыт. Отряд из нескольких десятков казаков и двадцати или тридцати лошадей, несущихся галопом с головокружительной скоростью, сопровождающие главного врача Иркутска, который, бледный, объяснил, что человек без сознания, и которого спустил один из казаков, был камергер Резанов, получивший травму при падении с лошади. Келлер сразу крикнул своим слугам, чтобы разожгли огонь в большой, покрытой белым кафелем печи в гостевой комнате и приготовили большую постель. Камергер выглядел, как привидение, когда они подняли его и внесли в дом. Его слуга плакал и ломал себе руки до тех пор, пока красноярский врач торопливо не позвал всем кутского врача, чтобы проконсультироваться с ним, приказав всем выйти из комнаты. Казаки были изнурены, так сильно они торопились. Они сказали Келлеру, что Резанов, по-видимому, внезапно ослабел и без предупреждения упал с лошади; они полагали, что его мимоходом ударило по голове копыто. Через несколько минут

врачи вышли из комнаты Резанова мрачные. "Нет, — сказали они резко, — о всяческих попытках передвигать его не может быть и речи. У человека тяжелое сотрясение мозга и он должен лежать в абсолютном покое".

В течение нескольких дней Резанов лежал здесь, обычно без сознания, но иногда пробуждаясь ненадолго, невнятно бормоча слова на языке, который, как сказал слуга, был испанским. Доктора каждый день выглядели всё мрачнее. Один раз их пациент попытался встать с постели, бессвязно говоря по-русски, что он должен вернуться в Петербург, и немедленно. После этого он быстро ослабел.

Однажды утром он тихо открыл глаза. Находившиеся поблизости его люди увидели, что он довольно ясно всё осознавал, но был слишком слаб, чтобы говорить. Его глаза устремились в окно и пристально посмотрели на красноглинистые берега на другой стороне реки Енисей. Эта красная порода дала название Красноярску. Небо было голубое в этот день, и солнце приветливо сияло над небольшими куполами церкви и золотило волны реки. Цвет счастья в России красный. Резанов снова закрыл глаза. Доктор заговорил с ним, но было слишком поздно...

Людмила Антоновна Сысоева пишет, что в фондах краеведческого музея сохранились воспоминания о городе почти за целое столетие (1800—1898) мещанина города Красноярска Ивана Фёдоровича Парфентьева, человека по тому времени весьма образованного и нравственно порядочного (он долгие годы исполнял службу в городском суде и был частным поверенным в делах крупных купцов Сибири). Парфентьеву, с большой вероятностью, были известны многие версии, связанные с кончиной Резанова. Но он записал одну, считая ее наиболее правдивой. «О покойном же Рязанове сохранилось следующее предание, что он помер в доме Родюкова, и теперь находящемся на том же месте. Земле не был предан в течение двух недель, потому что живописцы снимали с него портреты для отправки в Петербург, но тело усопшего в продолжение этих двух недель никакому разложению не предавалось — лежал, как живой; и что в конце (18) 20-х годов богобоязненная старушка — просвирия Анна Васильевна Рачковская, жившая в соборном флигеле, неоднократно видела и рассказывала о горевшей на верху памятника свече, что, по свидетельству старожил, и доказывало о благочестивой жизни усопшего. На этот памятник от американской компании, я, слыхивал, ассигновано было в начале (18) 30-х годов 100 тыс. руб. ассигнациями, в память незабываемых заслуг адмирала, оказанных Отечеству и, что деньги сии поступили в распоряжение председателя губернского правления Ивана Ивановича

Галкина; стоит ли этой ценности памятник, я судить не могу, представляя это потомству...». Нет документальных свидетельств о том, что причина задержки с погребением тела Резанова заключалась в нерасторопности или в усердии живописцев. Просто в течение этих двух недель местные власти ожидали распоряжения от официального Петербурга. Удивляет другое: нетленное тело камергера. Жизнелюб по натуре, Резанов, казалось, даже после кончины противился самой смерти. Исследователи восстановили картину до мельчайших подробностей. Сохранилось даже описание дома, в котором провёл свои последние дни умирающий Резанов: «...деревянный против гостиного двора по Воскресенской улице на Старобазарной площади, на 8 саженьях; в нем 10 комнат, 5 голландских печей, одна кладовая; на дворе кухня и людская; конюшня, завозня, два подвала и оранжерея...»

Похоронен Николай Петрович Резанов был на территории Воскресенского собора в городе Красноярске. В метрической книге Воскресенского собора сделана запись: «Исповедан и приобщен. Погребен при соборной церкви». На его могиле воздвигли крест. Со временем в 1831 году на могиле Резанова в Красноярске, в ограде Воскресенского собора был установлен памятник в виде коринфской вазы на гранитном постаменте. На чугунной круглой плите памятника, окаймлённой лавровым венком, выполнена литая надпись: «Лета 1831-го августа 16-го дня воздвигнут сей памятник иждивением Российско-Американской Компании в ознаменование незабвенных заслуг, оказанных ей действительным камергером Николаем Петровичем Резановым, который, возвращаясь из Америки в Россию, скончался в городе Красноярске 1-го марта 1807 года, а погребен 13-го числа того же месяца».

Судьба памятника, как и могилы Резанова, печальна. В 1936 году в Воскресенском соборе разместился аэроклуб. С высоты колокольни спортсмены прыгали с парашютом прямо на могилы именитых граждан города. В том же году с Воскресенского собора были сняты купола и разрушена колокольня собора. До середины 50-х годов XX века могильный холм, сохранившийся после разборки памятника, ещё был отчётливо виден. Но настало злое время безбожника Хрущёва. В рамках его борьбы с религиозными пережитками кладбище снесли вместе с собором в 1958 году. Могила Николая Петровича Резанова была утрачена. В 1983 году на месте разрушенного собора было построено здание красноярской краевой филармонии с двумя концертными залами, малым и большим, на 2200 мест. Площадь перед собором сразу после революции была переименована в площадь Просвещения, или площадь

Искусств. Ныне она носит название «площадь Мира». На месте, где стоял дом Родюкова, в котором скончался Резанов, была построена гостиница.

Тем не менее сознание красноярцев не находило успокоения от того, что снесен был великолепный памятник видному государственному деятелю, нарушено место его погребения. Еще в 1990 году красноярский архитектор Э.М. Панов собрал все имевшиеся в наличии старинные и новейшие планы застройки города, карты, фотографии и определил место захоронения Резанова.

Совсем недавно, летом 2007 года, стараниями красноярцев на площади Мира был установлен памятник камергеру Резанову авторами которого стали Андрей Касаткин и Константин Зинич. Также в связи с 200-летием первого кругосветного путешествия и смерти Николая Петровича на месте могилы восстановлен памятник Российско-американской компании. На месте усадьбы Родюкова, в которой умер Резанов, в годовщину смерти камергера, 1 марта 2007 года, была размещена мемориальная доска.

Профессор Болховитинов, изучавший историю Российско-американской компании и освоение Северо-запада Америки, дал верную оценку действиям камергера. Преждевременная смерть Резанова не должна умалять его неоспоримых заслуг по обустройству русских владений в Америке. И хотя камергеру не удалось добиться «открытия торгового» с Японией, успешное путешествие в Калифорнию спасло жителей Русской Америки от реальной угрозы голода.

В начале 1808 года первенствующий директор Российско-американской компании Михаил Матвеевич Булдаков, претворяя в жизнь мысли Резанова, обратился к Александру I с просьбой «исходатайствовать... согласие мадридского двора» на открытие торговли компании с испанскими владениями в Америке и разрешении «посылать каждый год не более двух своих кораблей в калифорнийские порты: Сант-Франциско, Монтерей и Сант-Диего».

Представление РАК не осталось без внимания: 20 апреля 1808 года министр иностранных дел и коммерции Николай Петрович Румянцев дал российскому посланнику в Мадриде Строганову инструкции добиваться от испанского правительства разрешения на посылку ежегодно двух (а если возможно, то и более) русских кораблей в калифорнийские порты, что могло быть оформлено заключением соответствующей конвенции. Со своей стороны, российское правительство готово было разрешить «тамошним кораблям приходить не только в порты российско-американские, но в самую Камчатку, чрез что и откроются торговые сношения, обоим сторонам взаимно полезные».

Но, к сожалению, бурные события в Испании весной 1808 года помешали Строганову выполнить инструкции графа Румянцева, что видно из его донесения из Мадрида от 28 мая 1808 года. Надежды Николая Петровича Резанова на то, что торговля с Калифорнией «заменимые и исполнимые шаги делать будет», так и остались мечтами.

Володя Штейнгель выполнил данное Резанову обещание. Приказчик Российско-американской компании Швецов уже в мае 1808 года передал брату Конселсьон, дону Луису, письмо от Александра Андреевича Баранова: «В бытность у нас в Америко-Российских NW-вых заселениях, для обозрения областей, под начальством моим 18-ть лет состоящих, уполномоченной от Государя Императора Нашего генерал двора Его Величества, действительной камергер и кавалер, бывшей у японского двора полномочным послом Николай Петрович Резанов, Вашему Высокоблагородию неизвестная особа, которой в 1806-м году имел удовольствие видиться с Вами на берегах Калифорнии в крепости Сан-Франциско и преобрести Вашу и всего высокоблагородного семейства благосклонность, возвратился благополучно в начале июня в порт Ново-архангельск, а вышел в конце июля старой штиль 27 числа, а новой 8-го августа, следуя в Петербург предстать с донесениями о вверенных ему комиссиях пред лице Государю Императору. Охотского порта достиг он с теми же, кои были у вас с ним, офицерами в сентябре месяце того же 806-го года, в коем и оттоль отправился до города Якутска по многотрудному весьма пути верховою ездою, на пути же сем застигли морозы и снега, жестоко изнурил себя и простудился, с трудом доведен до сказанного города, где и лечим был дней 10-ть доктором, а потом и до Иркутска доехал в слабом здравьи, а оттоль уже следуя прямо в Петербург, занемог и скончался в городе Красноярске 1/13 числа марта месяца 1807-го года».

А как по особливой ко мне благосклонности покойного Его превосходительства извещен я, что в бытность в Сан-Францисской крепости вступил он с Вашим Высокоблагородием в обязанность родства, сговоря прекрасную дочь Вашу Консепцию в законную невесту, обнадежа возвратиться чрез 2 года к Вам, между же тем при отъезде просил меня при случающихся оказиях вояжирующих при здешних берегах иностранцев писать к Вашему Высокоблагородию и извещать об нем со изъявлением уверения, что выполнит он данное слово, в особливую честь себе поставляя, всемерно тшится будет, о чем и из Охотска в предписаниях своих подтвердить еще изволил, что непременно чрез Кадикский порт Вашего отечества в ныне текущем, 808-м году к Вам отправится. Но вышнему провидению не угодно было исполнить горячее его к родству Вашему желания, постиг преждевре-

менно общей всем смертным предел, а потому разрешится должна обязанность и судьба Вашей прекрасной дочери свободой, о чем за долг себе вменил известить Ваше Высокоблагородие при случившейся теперь оказии. Потеря сего именитого мужа — для здешнего края, особенно для меня, крайне чувствительна и прискорбна, ибо ласкался по времени снискать Вашу благосклонность, а по близкому между нами соседству завести и коммерческую связь с обоюдными пользами, на честных правилах, чего и ныне желая усердно, покорнейше прошу осчастливить меня Вашим приятным ответом, на том же самом, кое следует отсель по своим предметам и буде близ калифорнских берегов, американском судне.

В прочем свидетельствуя особе Вашей принадлежащее почтение, вменяя себе в особливую честь, ежели позволите быть и именоваться, милостивый государь, Вашим покорным слугой, Америко-Российских на NW-те и N-де областей правитель, коллежский советник, ордена С.-я Анны 2-й степени кавалер Баранов».

Когда дон Луис дочитал письмо, Кончита разрыдалась на плече у брата.

— Я не верю! — прошептали губы девушки. — Я буду ждать.

Разве объективная реальность может стать помехой для веры? Каждое утро Консепсьон выходила на стены бастиона и всматривалась в мёртвые воды океана. Видя отчаяние дочери, старый дон Хосе решил покинуть Сан-Франциско и перебраться в Санта-Барбару...

Судьба Кошелева, которого так отчаянно пытался спасти Резанов, после смерти камергера оказалась незавидной. Вернувшийся в Иркутск, Сибиряков сумел переубедить Пестеля, и тот отдал приказ генерал-губернатору Камчатки немедленно освободить всех арестованных офицеров и ждать дальнейших распоряжений. В ответ Кошелев отписал соратнику Пестеля, иркутскому губернатору Трескину, следующее: «...подобного рода несправедливое решение могло произойти только от того, что Пестель — зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому вам не хочется обличить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всемогущей Российско-американской К., будучи зятем правителя дел главного её правления Зеленина. Я как человек честный не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастен к моим противникам».

Пестель не стерпел прямого боевого генерала, в результате чего по его доносу генерал-майор Кошелев был отстранён от должности и определён состоять при армии. На его место назначен генерал-майор Петровский с поручением провести расследование

всех «злоупотреблений» предшественника и задержать его на Камчатке. Петровский прибыл на полуостров 19 августа 1807 года. 30 марта 1808 года Пестель получил уведомление графа Аракчеева, что император Александр I повелел: «...генерал-майора Кошелева по прибытии в Иркутск арестовать и препроводить в Петербург под присмотром, а всех арестованных в Камчатке офицеров освободить, не внося им в формуляр бытность их под судом».

Кошелев прибыл в Иркутск 12 ноября 1809 года, где с него сорвали эполеты и под караулом отправили в столицу, чтобы он предстал перед судом. По сентенции военного суда, утверждённой императором, генерал был отставлен от службы «за законопротивные поступки и чинимые им притеснения офицерам Камчатского гарнизонного батальона». Свидетель тех событий мичман Володя Штейнгель, сам будучи участником заговора против камчатского генерал-губернатора, тем не менее считал, что отстранение от должности камчатского начальника произошло именно из-за его противоборства с Российско-американской компанией.

Однако русские генералы не исчезают бесследно, и Отечественная война 1812 года позволила Кошелеву вновь блеснуть своими военными талантами. Но это уже другая история...

Сам же генерал-губернатор Сибири, Иван Борисович Пестель, по иронии судьбы ровно через десять лет после суда над Кошелевым был обвинён по тем же пунктам, по каким судили камчатского генерал-губернатора. Сибиряков, игравший первую скрипку в заговоре против Кошелева, вскоре был недоволен уже Пестелем. При попытке пожаловаться в Петербург на сибирского генерал-губернатора Сибиряков был уличён и наказан Пестелем.

Так, Российско-американская компания, слишком ретиво борясь с честным Кошелевым, наступила на собственные грабли. Преступный сговор приказчиков Компании с Бухариным остановил её активность по поиску и закреплению новых промыслов. Это явилось началом конца. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что смерть Резанова развязала руки работникам Компании на местах, и их непрофессиональные действия, а также утрата Компанией поддержки при дворе, привели в итоге к её ликвидации в 1867 году и утере Россией огромных территорий на североамериканском континенте. Останься Резанов жив, и политическая карта мира выглядела бы сейчас совсем иначе.

Поиски могилы Резанова длились многие годы. С определённой долей уверенности назывались разные места. В Красноярске есть минимум три места, которые считаются захоронением камергера. Но документов по эксгумации и перезахоронению не найдено, поэтому точ-

но утверждать, где похоронен Николай Петрович Резанов, не берётся никто. Могила считается утерянной. А на предполагаемых местах упокоения Николая Петровича Резанова установлены памятники.

После смерти отца в Петербурге остались сиротами маленькие дети Резанова — пятилетний сын Пётр и четырёхлетняя дочь Ольга. Вот-вот готовы были рухнуть грандиозные планы продвижения в глубь Северной Америки. Довольно скоро о Николае Петровиче забыли.

Наследство Резанова оказалось небогатым: после смерти за ним числилась деревенька на реке Неве с населением в 23 души, 200 душ крепостных в Псковской губернии, принадлежавших покойной жене и... долги. Как только Николая Петровича не стало, графу Румянцеву тут же донесли: «Долгу по смерти Резанова осталось: государственному заемному банку — 7000 рублей, Российско-американской компании — 7000 рублей да партикулярным людям — 7000 рублей».

Резанов не сумел в своих походах заработать ни славы, ни богатства. Все свои средства, всю страсть и душу он отдал большому светлому Делу, желая величия не себе, а Родине. Измождённый, больной, обнищавший, он умер в самом центре России. Это можно было бы назвать незавидным итогом деятельности камергера, но дело его жизни — Русская Америка — набирала сил. А в самом сердце американского континента расцветала величественная любовь гордой красавицы, жемчужины Калифорнии — Конселсьон д'Аргуэльо.

Глава 8 ПОБЕГ

Восхитились. Разобрались. Заклеймили.
Разобрались. Наградили. Вознесли.
Разобрались. Взревновали. Позабыли.
Господи благослови!
А Давыдова с Хвостовым посадили...

А. Вознесенский

В середине августа 1807 года перегруженные «Юнона» и «Авось» вошли в устье реки Охоты. Весь следующий день ушёл на разоружение судов. Вест о богатой добыче тут же разнеслась по Охотску. Хвостов и Давыдов стали настоящими героями дня. На берегу первым, кто их встретил, был капитан

«Святой Марии» Андрей Машин. Обнявшись, друзья направились в казармы, где расположился Машин. Он рассказал им о приключениях д'Вольфа и доктора Лангсдорфа и их крошечного «Ростислава».

— А где они? — встрепнулся Давыдов.

— Отбыли по якутскому тракту в Петербург, — ответил Машин.

Давыдов с трудом мог управлять своими чувствами, и волнение юноши вскоре стало заметно его друзьям.

— Не переживай ты так, друг Гаврила, — успокоил его Машин. — Ларионовы ещё в городе.

— Где? — только и сумел выдать из себя мичман.

— В доме начальника порта Бухарина. Он уступил им лучшую из комнат, пока Елена Фёдоровна решает финансовые вопросы своего мужа с приказчиками Российско-американской компании. Муж её мёртв и без вмешательства родственников не обойтись. А приказчики Компании не слишком спешат расставаться со своими барышами. Впрочем, в город прибыл Степан Ларионов. Он крут нравом, и многим компанейским не поздоровится. Так что твоя Оленька — не просто желанная невеста, но теперь и богатая.

— Не за богатство любят человека! Она же ангел...

Договорить он не успел. Дверь распахнулась и на пороге появился тот самый «ангел», в которого был так влюблён мичман. Ольга Ларионова, посетившая Андрея Машину, чтобы пригласить на бал, который давал её дядя в честь своего прибытия, остолбенела, когда навстречу ей поднялся Гаврила Давыдов. Опустим сцену долгожданной встречи. Пусть читатель сам представит, о чём могут говорить влюблённые молодые люди. Машин с Хвостовым, решив не мешать им, тактично удалились. Последующее и мы за ними.

— Вот Николай Петрович-то будет рад! — поделился своими впечатлениями с другом Коля Хвостов, выйдя на улицу. — Рейд оказался удачным. Я свою «Юнону» с трудом до Охотска довёл, настолько полны её трюмы. Хорошо, что штормов по пути не встретилось. Теперь японцы вынуждены будут открыть торговлю и снабжение здешних краёв улучшится. Как здорово всё складывается, Андрей!

Машин, видя восторг своего друга, отвёл взгляд в сторону.

— Что случилось, Андрей? — сердце Хвостова ёкнуло.

— Их превосходительство Николай Петрович Резанов почил в Красноярске первого дня весны сего года.

Хвостов, для которого это сообщение было, как удар грома среди ясного неба, остолбенел.

— Что же дальше? — только и сумел произнести капитан «Юноны».

— Не знаю, — пожал плечами, произнёс Андрей Машин. — Будучи приписанным к флотской команде Охотского порта, я остаюсь здесь. Кстати, усилиями Николая Петровича наш друг Володя Штейнгель возглавил Иркутский флотский экипаж. Он уже лейтенант.

— Надо бы доложиться о прибытии Бухарину.

— Дождитесь утра. Приезд Степана Ларионова вывел его из себя. Степан сейчас трясёт приказчиков Компании, и если они раскроют делишки нашего начальника порта, ему не сдобровать. Бухарин-то — вор и взяточник тот ещё.

— Однако пока он наш начальник и должен принять груз «Юноны» и «Авось».

На следующее утро Хвостов отправился к Бухарину. Озабоченный свалившимися на него проблемами, начальник охотского порта принял лейтенанта холодно и даже грубо.

— Прибыли, видел! — произнёс после приветствия Бухарин. — Докладывай, раз пришёл.

Николай Хвостов, выложил на стол судовой журнал и карту, составленную им в ходе рейда, и расписал всё своё путешествие к Курильским островам и Сахалину.

— Какова была цель похода?

— Не велено говорить. Экспедиция секретная.

— Кто же не велел говорить?

— Приказано ответствовать только перед их сиятельством министром коммерции Румянцевым! А кем приказано — не велено говорить!

— Ладно, — пробурчал Бухарин, — прикажите начать выгрузку товара и возвращайтесь ко мне. Надеюсь, после столь богатого рейда у вас найдётся чем порадовать вашего начальника.

Недоумённый услышанным, Хвостов вышел на улицу и передал разговор Машину.

— Если не хотите занять место Башуцкого на «Добром намерении», советую порыться в трюмах и подыскать нечто интересное для этого сатрапа. Лучше, конечно, если это будет золотой предмет, — похлопав по плечу друга, произнёс капитан «Марии».

— Но у нас нет золота. Правда, имеются предметы из японской кумирни. Они очень красивы и, думаю, ценны.

Когда Хвостов, привезший с «Юноны» японские культовые регалии, вновь появился у Бухарина, тот о чём-то громко спорил со Степаном Ларионовым, купцом и золотопромышленником, тре-

бовавшим у начальника порта вернуть деньги, заработанные его покойным братом, вдове и племяннице. Спор, похоже, подходил к концу, и Бухарин, прижатый к стенке обвинениями в злоупотреблениях, вынужден был согласиться на выплату кругленькой суммы.

— Принёс? — глядя на Николая исподлобья, произнёс Бухарин, когда Ларионов удалился.

— Принёс, — простодушно ответил Хвостов и выложил перед Бухариным произведения японского искусства.

— Золото где? — смахнув со стола принесённое Хвостовым, взревел Бухарин.

— Какое золото? Японцы не добывают золота. Мы его не встречали.

— Золото добывают все! Укрыть от меня хотите? Стража!

Из-за двери появился караульный унтер-офицер в сопровождении двух солдат.

— Арестовать его! — указав пальцем на Хвостова, приказал Бухарин.

Но солдаты даже шагу ступить не успели, как в Бухарина полетел стул, от которого начальник порта едва успел увернуться.

— Ах ты, сука! — Хвостов выхватил шпагу и бросился на Бухарина. — Меня, флотского боевого офицера, в кандалы? Золота тебе мало? Крыса ты охотская! Вор! Убью!

Унтер-офицер из бывших гренадеров быстро сообразил, чем это может закончиться, и попавшейся под руку табуреткой сломал шпагу Хвостову.

— А-а, все на одного? — Николай схватил со стола бутылку с водкой и, хлебнув из неё глоток, разбил о бревенчатую стену. Вскопив на стол, он буквально по головам солдат пошёл со своим новым оружием в очередную отчаянную атаку на Бухарина, забившегося в угол, но нога предательски соскользнула и Коля провалился в полузабытьё от нанесённого по голове удара всё тем же стулом. Унтер-офицер знал своё дело.

Очнувшись Николай от странного зловония и сырости. Оглядев себя, он обнаружил, что камзола и португени на нём нет. Глаза с трудом привыкли к темноте. Подобравшись к щели между досками, Хвостов взглянул наружу и ужаснулся. Пейзаж, открывшийся перед ним, мог быть виден только с одной точки — охотской плавуей, точнее, ныне уже полузатопленной тюрьмы, которой служил корабль «Доброе намеренье».

Хвостов не помнил, сколько он пролежал без сознания и что произошло. Холод и голод вывели его из небытия. Придя в себя, в неистовстве он набросился на дверь в попытке выломать её. Сут-

ками он метался по кубрику. Самое страшное, что никаких условий для оправления естественных нужд не было. Еда подавалась через щель...

Хвостов попал в отчаянное положение. Истинного вдохновителя сахалинской экспедиции и единственного свидетеля, который мог высказаться в его защиту, уже не было в живых. Имелась, правда, письма Резанова графу Румянцеву на сей счет, но до Петербурга далеко. К тому же сам Николай был уверен в том, что обвинения в самоуправстве служили лишь предлогом для расправы над ним, а подлинной причиной ареста было корыстолюбие Бухарина, который захотел наложить лапу на захваченные ими трофеи.

Месяц спустя обессиленный Хвостов взмолился:

— Стражник, открой дверь и пристрели меня! Не дай умереть с позором! У тебя же тоже есть мать! Что сказала бы она, если бы ты умер в тюрьме. Всё ведь просто: выведешь меня на ют и выстрелишь в спину, но обязательно так, чтобы я упал в воду. Хочу чистым умереть.

Неожиданно, впервые за месяц, дверь открылась. Стражник снял с себя серую шинель и накрыл ею Николая.

— Ваше благородие, нельзя же так! — услышал Хвостов знакомый голос. — Грех это!

— Кто ты? Здесь темно и я не узнаю тебя. Но голос...

— Семчин я. Бывший боцман с «Марии». Вот, на судах более хаживать не могу по старости, так определён в стражу.

— Семчин, милый! — Хвостов обнял бывшего боцмана и залился слезами. Он не плакал с детства, а здесь организм, уставший от нервного напряжения, не выдержал.

— Поплачьте, ваше благородие. Легче станет. А я вам картошечки принёс. Жёнка моя утром напекла. Поешьте.

Пока Хвостов по крошечкам ел картофелину, Семчин ушатом выбрал нечистоты. Закончив с этим, боцман отдал любимому капитану снятую до этого с себя рубаху.

— Не отчаивайтесь, господин Хвостов. Мы вас не бросим.

Что должно было вселить надежду в Хвостова и кто это «мы», Николай так и не понял.

— Семчин... Господи, как же тебя по имени?

— Алексей.

— Алексей, ты же грамотный, насколько я припоминаю. Писать я уже не могу — темно. Напишешь письмо министру морских дел Чичагову. Хотя нет — он меня ненавидит. Вот что: лучше Мордвинову или Румянцеву. Они нас вытащат! Только бы не сдохнуть к тому времени.

— Зиму редко кто из узников переживает. Вот, правда, прежний начальник, Башуцкий, пережил. Он в вашей камере сидел. Но, думаю, до зимы вам здесь сидеть нечего! Любовь вашего друга спасёт нас всех...

— Гаврила? Где он?

— Знамо где: томится в соседней камере! Тоже как и вы: без одежды и обуви. Ещё месяц назад с купцом Степаном Ларионовым записку в Иркутск передавали. Диктовали через стену.

— О чём записка, помнишь?

— Ясно дело. Просили помощи у генерал-губернатора Пестеля.

— Молодец, Гаврила! Запоминай, боцман, — дома запишешь и передашь Андрею Машину.

— Капитану «Святой Марии»?

— Ему самому. Запоминай: «Находясь в Охотске я, лейтенант Хвостов, и товарищ мой мичман Давыдов...»

— Представление пришло на мичмана. Должен был стать лейтенантом, но скотина Бухарин его наказанием поздравил.

— Вот как... Ладно запоминай далее: «...по удачном исполнении секретного дела, порученного нам господином Резановым, возвратились радостные в Охотск, где думали, ожидает нас хвала и благодарность за понесенные нами труды и подвиги. Но нас ожидала совсем иная участь. Капитан второго ранга Бухарин, возмечтав, что суда наши возвратились наполнены золотом и великими богатствами, под предлогами сомнения о сей экспедиции, якобы она сделана была самовольно, в самом же деле дабы не оставить никого свидетелей привезенным вещам, налагает на суда наши арест, сажает, без всякого от правительства повеления нас, как государственных преступников, под крепкую стражу в отдельные камеры. У нас отобрано все, даже одежда и обувь. В продолжение целого месяца поступают с нами бесчеловечным и зверским образом. Жесткость сия день ото дня умножается. Следуя приказу, мы не дали подробных объяснений капитану 2-го ранга Бухарину и ждём из Петербурга повеления о нашем освобождении, чтобы доложить о действиях наших в Министерств-коллегию по морским делам лично и объяснить мотивы поступков наших. Мы, разлученные, стереговые, не знаем об участи друг друга. Но если суждено нам погибнуть от духоты, нечистоты и с голоду, доведено нам погнаться от духоты, что мы лишь выполняли приказ камергера двора его величества господина Резанова, желавшего славы Отечеству и укрепления торговли нашей на дальних берегах, но стали жертвою едино жадности и дурномыслия начальника Охотского порта».

— При том добрыми поступками своими приобрели от жителей Охотска всеобщую любовь... — как бы заканчивая мысль, добавил Семчин.

Боцман говорил уже не полунамёками, а практически в глаза. Надо было действовать, и Хвостов быстро понял своего верного боцмана.

— Передашь изустно Гавриле, чтобы был готов! — возвращая шинель, произнёс Хвостов.

— Он просил вас о том же! — улыбнувшись, сказал Семчин.

— Значит, он тоже собрался... Записку всё равно передашь. Если в Якутске будут извещены об обстоятельствах дела, нас не задержат или, по крайней мере, вторично не арестуют. Да, вот ещё. Ещё одну записку с нарочным пошлешь. Адресат генерал-губернатору Сибири Ивану Борисовичу Пестелю...

Сверху послышались шаги. Семчин, накиннув шинель, выскользнул из камеры.

Иван Бухарин ужинал в компании Ларионовых, которым ещё до недавнего времени он не хотел отдавать заслуженное правителем Уналашки жалованье. Начальник Охотского порта даже в страшном сне представить себе не мог, на что пойдут эти деньги. Он не знал, что сидящая напротив милая девушка Оленька Ларионова, едва перешагнувшая порог совершеннолетия, руководит заговором. Всё это происходило за столом в том же доме правителя Охотской конторы Компании Полевого, в котором тот некогда встречал Хвостова и Давыдова после их путешествия через всю Сибирь. Компанию Бухарину и Ларионовым составляли охотский комиссионер Егор Выходцев и Иван Гаврилович Кох — бывший начальник Охотского порта.

Под благовидным предлогом Оленька, шепнув матушке, чтобы та любыми способами не дала выйти Бухарину из дому, выскользнула из-за стола и, накиннув капот, скрылась за дверью. На улице её ждали Андрей Машин и только намеревшийся прибыть в Охотск Володя Штейнгель. На всякий случай матросы с «Юноны», руководимые мичманом Карпинским, окружили дом и спрятались в кустах.

— Вот деньги, — отдавая кошелёк Штейнгелю, произнесла Ларионова. — Оний достали?

— Как и обещал, — ответил Володя, доставая табачный кисет. — Корюкин уже ждёт у лодки. Я к нему, а вы, Оленька, проявите всё своё красноречие, чтобы Бухарин слушал вас не отрываясь! Встретимся ночью на берегу у старых эллингов.

— А дальше как? Куда господа морские офицеры двинутся без одежки, оружия, провианта?

— Об этом позаботился старинный друг Хвостова и Давыдова, правитель Охотской конторы Компании, Алексей Евсеевич Полевой, и некто Выходцев.

— Но как?

— Прежний начальник Охотского порта, что до Башуцкого и Бухарина здесь управлял, Иван Гаврилович Кох, подавший в отставку пять лет назад, перешёл на службу к Российско-американской компании, однако связи в гарнизоне сохранил прочные. Его свояк Алексей Семчин начальником караула на «Добром намерении» поставлен.

— Да в заговор чуть ли не весь Охотск втянут!

— Здесь все добром поминают наших друзей и не могут бросить их в трудную минуту.

— Так ведь Полевой — лучший друг Бухарина.

— Бухарину Полевой компаньон, а морским офицерам — вроде как сослуживец. Ежели до Петербурга вести о Хвостове и Давыдове дойдут, правление Российско-американской компании, к которой морские офицеры приписаны, Полевого по головушке не погладит... Что же получается? Хвостов и Давыдов, первыми поступившие на службу Компании, — государевы преступники! Какой удар по репутации самой Компании! Получится, что Полевой здесь, в Охотске, не сделал ничего, чтобы отвести этот удар. Так что эта дружба дружбой, а табачок врозь.

В бухгалтерской книге Охотской конторы от 10 сентября 1807 года сохранилась запись о выплате казакам Ивану Ерпыльеву и Семёну Ляхову 120 рублей ассигнациями. Тем же днём списаны со склада «2 ружья гартмановских без штыков, 4 фунту пороха мелкого и свинцу 11 фунтов в жеребье», а также пуд сухарей, одежды и две пары сапог.

Бухарин так и не понял, что стал жертвой заговора. Он и догадываться не мог, что местное руководство Компании, пьющее с ним водку за одним столом, подготовило побег вместе с простыми матросами кораблей, чьи капитаны томились в застенках. Не ведал он и того, что никаких казаков Ерпыльева и Ляхова давно уж нет в живых, а числятся они по журналам Конторы как «мёртвые души». И уж точно Бухарин не думал, что побег Давыдова и Хвостова поставит крест на его блистательной карьере.

В эту ночь Машин, вскрыв бочки с саке, которым были переполнены трюмы «Юноны», сполл в Охотске всех, кто только мог держать оружие. Правда, от количества выпитого чуть сам не отдал Богу душу. И пока Оленька развлекала разговорами Ивана Бухарина, а команда «Юноны», а затем и матросы «Авось», окружив-

шие дом, напряжённо ждали развязки событий, Володя Штейнгель с Иваном Корюкиным, бывшим плотником «Надежды» и верным соратником Хвостова, отчалили от берега в направлении «Доброго намерения». Ирония судьбы или игра слов, но намерения у них были не совсем добрые. Поднявшись по свисающим в воду вантам на борт судна, Штейнгель и Корюкин оказались под прицелами двух ружей с примкнутыми штыками.

— Нехорошо, ваши благородия, ночами по кораблям шляться, — слышался голос караульного.

— Опустите ружьё, — скомандовал Штейнгель, — и взгляни на меня: пули этих двух пистолетов точно найдут цели ещё до того, как ты взведёшь курок. А мой друг плотник своё дело знает — он добьёт того, кто останется жив. Про штурм индейской крепости на Ситке слыхивал? Это он, Корюкин, ворота в ней проломил.

Один из стражников опустил ружьё и усмехаясь ответил:

— Ваня, не станешь же ты меня, друга Алексея, топором на куски резать?

— Семчин? — отозвался Корюкин. — А ну, погоду, ваше благородие!

Корюкин сделал шаг вперёд, по пути опуская стволы пистолетов Штейнгеля. Боцман и плотник обнялись.

— Зачем вы здесь? — спросил Семчин, когда страсти улеглись.

— Мы за Хвостовым и Давыдовым пришли.

— Так поздно! — объявил Семчин разводя руками.

— Что случилось? — встревожился Штейнгель. — Они погибли?

— Нет! Сбежали!

— Когда?

— Да только что, сиганули за борт, заслышав вас.

Пока Штейнгель успел сообразить, Корюкин одним прыжком оказался в лодке и через пять минут едва живых Хвостова и Давыдова выволокли на борт их плавучей тюрьмы. В сознании беглецов промелькнула мысль, что их поймали, что побег не удался и теперь их точно убьют.

— Ну, и слава богу! — простонал Гаврила.

Корюкин, склонившийся над мичманом, не поняв, к чему эта фраза, ответил:

— Конечно, слава богу! А то, не дай господь, утонули бы! Николай Александрович, Гаврила Иванович, господа, вы спасены.

— Корюкин? — простонал Хвостов.

— Штейнгель? — не менее друга удивился Давыдов.

Так оказалось, что совершенно разные люди, не сговариваясь, подготовили побег юношей. Адмирал Шишков, которому впослед-

ствии Гаврила Давыдов в подробностях рассказал эту историю, прокомментировал её следующим образом: «Но и в самых недрах зла растёт человеколюбие, и невинность находит себе покровительство. Сии два несчастные добрыми поступками своими приобрели от жителей Охотска всеобщую любовь, а самые стражи, приставленные с обнажёнными мечами стеречь их, видя незаслуженное ими страдание, почувствовали к ним жалость. Хвостов через стража своего сообщает Давыдову о намерении своём спастись бегством, назначив к тому ночь, час и место, где он его ожидать будет. Давыдов с своей стороны уведомляет о согласии на то своих стражей, и что он в ту же ночь и в тот же час надеется быть в назначенном месте. Таким образом в то время, когда в одном из сотоварищей своих видят они неукротимое свирепство, в то самое время в незнакомых им простолюдниках возбуждают такое сострадание, что сии добросердечные люди без всякой для себя корысти соглашались спасти их, презирая собственную опасность, угрожающую им жестокими за то истязаниями. Невозможно при сем случае не подивиться бесконечной разности сердец человеческих: свет рая, и мрак ада, не столь различны между собою. Хвостов и Давыдов были уже изнурены в силах своих и начали чувствовать болезненные припадки, устранившие их, что они окончат жизнь свою в предпринятом ими трудном пути, но предстоящая им в Охотске неизбежная гибель понудила их из двух зол избрать меньше опасное. Нетерпеливо ожидаемая ночь настает. Они уходят из заточения, оставив для оправдания стражей своих своеручные записки, будто они для усыпления их дали им опиум».

Были и записки, и был опиум. Перед тем как покинуть несчастное судно, боцман Алексей Семчин попросил Штейнгеля или Корюкина ударить его, чтобы показать следы насилия.

— Иди ударься о косяк! — посоветовал ему Корюкин. — И больше о таком не проси. Ты же брат мне теперь навеки!

Простившись, беглецы и их друзья отплыли к берегу, направляя лодку к устью реки Охоты, где располагались старые эллинги.

Было два часа ночи, когда киль лодки протёрся о береговой песок. Бухарин, равно как и весь Охотск, давно уже спал. А на старых охотских эллингах, ночными тенями появляясь из-за деревьев и кустарников, вылезали из-под гнилых лодок люди. Команда «Юноны» и «Авось» пришла проститься со своими капитанами. Вместе они пережили страшный голод в Новоархангельске, пьяные палили из пушек «Юноны», когда купили её у д'Вольфа. Вместе они видели берега жаркой Калифорнии и холодной Камчатки. Вместе они совершали лихой рейд на Курильские острова и Саха-

лин. На их глазах происходили ссоры и примирения. Под парусами «Юноны» жила любовь Резанова. Под парусами «Авось» — её капитана, мичмана Гаврилы Давыдова. Этих людей связывало нечто большее, чем обычное морское плавание. Они любили друг друга, как дети, не знающие, за что и почему они любят. Они заботились друг о друге, как может заботиться только моряк о своём друге, и людям на суше этого не понять. Суровость моря порождает чувствительность душ.

Здесь, на окраине Охотска, среди ночи люди смеялись и плакали, обнимались и прощались, преисполненные надежды увидеться вновь и выйти вместе на «Юноне» и «Авось» к далёким и пока ещё неведомым берегам. Из корабельных запасов Хвостов с Давыдовым кроме доставленного Кохом снаряжения и продуктов взяли запас пуль, флягу с sake и несколько килограммов риса.

Неожиданный лай охотских собак возвестил о приближении чужака. На поляне появилась запыхавшаяся девушка.

— Гаврила! — Оленька бросилась на шею Давыдова и долго не могла расцепить рук. По её щекам текли слёзы. — Завтра мы отбываем в Иркутск. Я выпрошу аудиенцию у генерал-губернатора Пестеля и всё объясню ему. Только дойди, милый мой! Только выживи! Меня найдёшь в доме дядюшки. Спросишь дом купца Ларионова. Там его все знают. Доберись до Иркутска, а дальше всё будет хорошо! Бог милостив! Молись ему!

Среди ночи, без провожатых и компаса, по памяти, Хвостов и Давыдов бесстрашно сделали шаг навстречу очередным приключениям в своей судьбе. Когда хруст веток и шаги капитанов стихли, команды разошлись по судам, как ни в чём не бывало.

А утром 11 сентября 1807 года весь Охотск был поставлен на уши. Солдаты, мечтавшие об опохмелке больше, чем о подвигах, бросились искать отважных моряков. Бухарин перевернул вверх дном весь город. Вызывал на допросы команды судов, капитанов, велел выпороть плетью Семчина и других солдат, нёсших в тот день караул на «Добром намерении». Но всё бесполезно. Ни один человек, участвовавший в организации побега, не выдал ни Хвостова с Давыдовым, ни своих поделльников.

А у беглецов вся надежда была на добрых людей. На их пути встречалось редкое жильё якутов, эвенков, русских. Добрые люди кормили и делились одеждой, укрепляя их веру в то, что Бухарин — это выродок рода человеческого, а не его порождение. «Опасаясь погони, — пишет адмирал Шишков, — избирают они путь по лесам, болотам и стремнинам, по которым никогда нога человеческая не ходила. Сначала силы их истощаются, они ослабевают и думают, что

какая-нибудь пещера будет их могилой; но рука Господня поддерживает их. Чем далее они идут, тем больше силы их возобновляются. Чистый воздух и сильное движение после совершенной неподвижности и духоты, которую они в заточении около двух месяцев претерпевали, возвращают им прежнее здравие и крепость».

Недалеко от реки Белой, на середине пути между Охотском и Якутском, уставшие беглецы решили встать на ночёвку. Уже многие недели постелью им служил лапник, нарезанный в лесу, а едой — стреляная дичь, запеченная на костре. Хвостов с Давыдовым были сильно удивлены, когда узнали в одном из зимовий, хозяйкой которого была старая якутка, что слух о двух отважных беглецах разнёсся уже по всей Восточной Сибири. Люди, наслышанные о подвигах моряков, относились к ним сочувственно и желали им поскорее добраться до батюшки-царя, который по милости своей их должен простить. Ещё раз вспомнив старую якутскую женщину, отправившую с ними в качестве проводника своего сына, и подбросив дровишек в огонь, Хвостов с Давыдовым завернулись в шинели и прижавшись спинами друг к другу, уснули.

— Вставай! Ишь, разлеглись! — услышали они поутру громкие голоса. Кто-то их больно пинал в бок ногами.

Открыв глаза, Николай с Гаврилой увидели настоящую разбойничью банду, состоявшую из пяти человек.

— Кто такие?

Хвостов потянулся было к ружью, но его рядом не оказалось.

— Не это ищешь? — услышал он голос за спиной. Обернувшись и привстав, Николай напоролся на взгляд человека с густой чёрной бородой и отметиной у глаза, который держал в руках его английское ружьё. Хвостов узнал атамана варнаков, с которым четыре года назад познакомился при схожих обстоятельствах.

На противоположный берег реки выехал казачий разъезд. Гаврила, первым заметивший казаков, только и успел крикнуть:

— Бежим!

Наперегонки варнаки и наши герои бросились к границе леса, который скрывал скальные выходы. Укрыться среди этого буйства природы было проще всего. Малочисленный казачий разъезд не рискнул преследовать беглецов, понимая, что и силы не на их стороне, и условия для боя в лесу неподходящие.

— Вы чего побежали? — недоумённо спросил атаман варнаков Хвостова.

— Так мы пока так же, как и вы, — государевы преступники!

— Да быть того не может! — не поверил атаман. — А ну, выкладывай!

Хвостов и Давыдов, заросшие и усталые, как на духу, выложили всю свою историю повстречавшимся разбойникам...

Многих исследователей мучает вопрос: как двое изможденных молодых людей сумели по дикой тайге преодолеть семисоткилометровое расстояние до Якутска. Сами Хвостов и Давыдов не рассказали об этом даже Шишкову, который донёс до нас подробности их приключений. А может, рассказали, да только опасные связи с преступниками могли им стоить положения и карьеры. Так или иначе, адмирал-славянофил не оставил нам подробностей. Встретил я этот эпизод с варнаками в «Русской старине», увидевшей свет в августе 1878 года. Удалось даже имя руководителя банды узнать.

«Прежде постоянно, а при мне не всякий год составлялись на заводе шайки и бежали на дорогу от Якутска в Охотск, грабили купеческие товары и иногда тиранили непокорных приказчиков. Я застал еще знаменитость в этом роде — Карцева; он был из поручиков гвардии, я застал его уже очень старым — лет за семьдесят; то был громадного роста, когда-то могучий, но еще не сторбленный старец, он был известен в крае под именем “атамана”.

При мне он уже не бегал, но прежде — всякий год господствовал на семи хребтах. О нем известный рассказ.

Лейтенанты Хвостов и Давыдов, служившие в Американской компании, за какое-то оскорбление на двух маленьких судах напали на японский город, кажется, Хакодаве*, и ограбили его. Японские пушки умыкнули, я сам еще видел. Начальник Охотска, капитан 1-го ранга Бухарин, арестовал молодцев, но это были друзья и анекдотические хваты; они бежали из-под ареста, лошадей легко было достать, но без всякой провизии. Увидали на пути, на горе палатку и обрадовались; с ними был якут, тот перепугался, зная, что это разбойники. Это была шайка Карцева.

Как только увидел Карцев Хвостова, с полным почтением отнёсся:

— Батюшка, Николай Александрович, какими судьбами?

Хвостов рассказал, в чём нуждается. Карцев снабдил Хвостова всем с избытком. Пока хлопотал Карцев об угощении Хвостова, к последнему подошел один из разбойников; любуясь пистолетами, хотел взять, но Хвостов хорошо оттолкнул его. Разбойник злобно подошёл к Хвостову и злобно говорил, что “здесь не в порте!”, и похлопал по плечу Хвостова. В эту минуту вышел Карцев и, узнав в чём дело, сказал начальнически:

— Варнак, ты забыл, что это государев лейтенант; как ты смел дотронуться? — и с этим словом пистолетный выстрел положил на месте варнака — и никто ни слова не промолвил.

* Имеется в виду Хокодаве.

Этот замечательный случай подтвердил мне сам Карцев. Спрашиваю, расскажи, как же ты грабил?

— Я никогда не грабил; вижу, идёт транспорт вьюков с купеческими товарами; я от приказчика требую накладную и по накладной выбираю, что мне нужно.

— Ну, а если приказчик не даст накладной?

— Ну, как не даст, поневоле даст! Купца жаль, если мы расшвыряем весь товар.

— Велики у тебя были шайки?

— Никогда более пяти разбойников, мало дельных и таких, чтобы были в одну душу. Я — атаманом, есаул — мне подручный и трое рядовых, на что больше!»

Этот случай поведал жандармский офицер Эразм Иванович Стогов*. Конечно, многое в этом рассказе напутано и неточно, но из рассказа видно, что атаман варнаков Карцев и лейтенант Хвостов вспомнили друг друга во время второй встречи и даже уважительно отнеслись друг к другу. По всей видимости, именно Карцев помог добраться морским офицерам до Якутска. Сами варнаки к городам не приближались, предпочитая скрываться в чащах лесов. Поэтому последний отрезок пути до Якутска моряки преодолели самостоятельно.

В «Воспоминаниях» Фаддея Венедиктовича Булганина, русского писателя, также можно найти строки, подтверждающие рассказ Стогова: «Хвостов и Давыдов ушли из тюрьмы и пешком пробрались через всю Сибирь, не показываясь в городах и следуя просёлочными дорогами. Они встретились в сибирских пустынях

* Эразм Иванович Стогов (1797–1880) прожил долгую жизнь, полную приключений, интересных встреч и неожиданных поворотов судьбы. Родился он в подмосковном имении Золотилово Можайского уезда; в 1813 г. окончил Морской кадетский корпус. После недолгой службы в Кронштадте и плавания во Францию в 1818 г. получил назначение в Охотск, командовал кораблями, подолгу жил на Камчатке. В начале 1830-х гг. возглавлял Иркутское адмиралтейство, а вернувшись в 1834 г. в Петербург, перевелся из флота в жандармы; служил штаб-офицером Корпуса жандармов в Симбирске; с 1837 по 1852 г. управлял канцелярией киевского, подольского и волынского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова. Выйдя в отставку в чине полковника, поселился в благоприобретенном имении Снитовка Починской губернии, похоронил там жену, выдал замуж четырёх дочерей за соседей-помещиков, и лишь когда ему перевалило за 70, начал писать свои воспоминания. Он успел подробно и последовательно описать почти всю свою жизнь — от семейных преданий и первых детских впечатлений до службы у Бибикова. Нельзя не упомянуть, что младшая из его дочерей, Инна Эразмовна, уже после смерти отца вторым браком вышла за морского офицера А.А. Горенко и стала матерью Анны Андреевны Горенко — поэтессы Анны Ахматовой.

с известным в то время разбойником, начальствовавшим толпою беглецов. Присутствие духа и молодечество Хвостова и Давыдова понравились разбойнику, и он помог им пробраться в Россию. Когда все почитали Хвостова и Давыдова погибшими, они внезапно появились в Якутске...»

«Однако же далекий путь, — продолжает описание приключений Хвостова и Давыдова адмирал Шишков, — тяжелый труд и недостаток в пище, напоследок приводит их в новое изнурение, так что они, по претерпении многих нужд и бедствий, истомленные голодом, изнемогшие, в разодранном рубище, едва живые приходят в Якутск. Тут прислано уже было из Охотска повеление к городничему задержать их и осмотреть, нет ли с ними золота. Сии примечания достойные слова действительно сказаны были в письме к Городничему. Из сего можно заключить, какую великую над воображением того, кто написал их, слово золото имело силу: оно и там ему мечталось, где людям, едва по непроходимым путям спасшим жизнь свою, кусок сухаря дороже был всех сокровищ. Городничий вследствие сего приказания задержал их в Якутске». Итак, бежав из Охотска 11 сентября 1807 года, они появились в Якутске ровно месяц спустя, 11 октября 1807 года. У них искали золото, но нашли только сухари. Тем не менее беглецов взяли под арест.

Но Хвостов с Давыдовым не сдавались. Находясь под политическим караулом, Давыдов направляет Пестелю донесение: «18 октября 1807 года. Когда я взойшёл к капитану Бухарину, он, призвав караульного унтер-офицера, велел арестовать меня. Ни мне, ни лейтенанту Хвостову не позволялось выходить из дому и даже видеть лицо какого-нибудь смертного... Лейтенант Хвостов впал в опасную горячку. Вот картина моего состояния! Вот награда, если не услуг, то по крайней мере желания оказать оные. При сравнении прошедшей моей жизни и настоящей сердце обливается кровью и оскорбленная столь жестоким образом честь заставляет проклинать виновника и самую жизнь. Мичман Давыдов». На следующий день, 19 октября 1807 года, записку подобного содержания отправил Пестелю и Николай Хвостов. Пребывая в Якутске под стражей, он жаловался генерал-губернатору на то, что «господин Бухарин хотел, кажется, истощить надо мною все выдуманное им мучение» и что все, что было на обоих судах, было разграблено и груз не берегли, «хотя оный и взят под присмотр казенный».

Забегая наперёд, скажу, что эти записки были приобщены к делу, возбуждённому против самого Бухарина, и послужили отправной точкой в выяснении его «коммерческой» деятельности. Между тем до Чичагова дошла записка Давыдова, которая объясняла действия

капитанов «Юноны» и «Авось» и снимала с них ответственность. Всё взял на себя уже мёртвый Николай Петрович Резанов. Как знать, умер ли он только от болезни или от груза взятых на себя обязательств? Возможно ли одному человеку вынести подобный груз? Даже мёртвый, Резанов сумел защитить своих подопечных.

«Но вскоре после того, — продолжает Шишков, — сибирский генерал-губернатор, узнав о сем, приказал им быть в Иркутск. Между тем по дошедшим от них в Петербург известиям доложено было государю императору, и через министра морских сил послано туда повеление, чтоб их нигде не задерживать». Не став рисковать и разбираться в деталях дела, якутский управляющий, от греха подальше, отправил молодцов под стражей в Иркутск, надеясь, что Иван Борисович Пестель разберётся с ними лучше.

Хвостова и Давыдова в Иркутске встречал сам генерал-губернатор, его дети с восторгом смотрели на двух мужественных молодых моряков. Наслышанный о подвигах юношей, он ознакомил их с повелением министра морских сил нигде их не задерживать. От Пестеля Гаврила Давыдов узнал, что Олечка Ларионова уже в Красноярске. По словам генерал-губернатора Сибири, именно она сыграла решающую роль в их освобождении, убедив прежде всего самого Пестеля в невинности морских офицеров.

Гаврила Давыдов был уведомлен, что произведён в лейтенанты, с чем генерал-губернатор его и поздравил. Уже на следующий день, без лишних задержек, получив дорожную, Хвостов и Давыдов отправились в Красноярск. Встретившая их Оленька Ларионова отвела офицеров на могилу Резанова.

— Его похоронили в металлической раке. Он лежал нетленный две недели... — рассказала чувственная Оленька своему возлюбленному и его другу.

— Он не святой! — отрезал Давыдов. — Его решения столько неприятностей нам доставили...

— ...И славу России принесли! — перебил друга Хвостов. — Кем бы мы были без него?

— Ты же с Николаем Петровичем общий язык не находил. Он сорвать погоны с тебя хотел, когда ты кутил в Новоархангельске на «Юноне».

— Так не сорвал же! Родине служить надо так, как служил ей камергер. Консепсию лишь жалко.

— Володя Штейнгель сказал, что отправил Баранову сообщение для дон-Хосе и дон-Луиса д'Аргуэльо, в котором Николай Петрович перед смертью освободил Кончиту от данного ею слова верности...

— Разве можно освободить женское сердце от любви? Николай, нельзя жалеть женщину, сердце которой наполнено любовью. Жалеть стоит тех, кто не познал этого чувства! — тихо произнесла Оленька Ларионова. — Давайте лучше помолимся за упокой души его превосходительства.

Наскоро простившись с семейством Ларионовых, Гаврила дал слово Оленьке, что через два года, когда достигнет двадцатипятилетнего возраста... Как похожи были слова камергера и молодого лейтенанта! Как похожи стали судьбы их женщин!

В начале 1808 года лейтенанты флота Гаврила Давыдов и Николай Хвостов прибыли в Петербург. Второе их путешествие заняло около четырех лет. В Петербурге, благодаря усилиям недоброжелателей уже мёртвого Резанова, по делу морских офицеров вновь началось следствие. Царское правительство не отказывалось от результатов экспедиции моряков, но выставило дело как их самоуправство, опасаясь осложнений с Японией. В Петербурге, видимо, не разобравшись в подлинных намерениях Резанова, сначала осудили поступки Хвостова и Давыдова и даже вознамерились привлечь их к ответственности. Однако у них нашлись защитники, которые усматривали в действиях двух российских офицеров не «разбой», а защиту российских интересов на Курильских островах и Сахалине.

За наших героев вступился министр иностранных дел и коммерции граф Николай Петрович Румянцев. Стараниями Румянцева, единственного, кто понял истинные замыслы и размах Резанова, Хвостов и Давыдов были оправданы в своих действиях, которые произошли «более от того, что они находились в невозможности объяснить противоречия в данных им предписаниях». И, согласно такому представлению, государь император 9 апреля 1808 года «высочайше повелеть соизволил: дела этого им в вину не ставить». Румянцев осмелел и пошёл в атаку. 2 августа 1808 года он обратился с рапортом к Александру I, в котором требовал оплатить Хвостову и Давыдову все жалованье и расходы, связанные с бегством из Охотска в сумме 24 000 рублей за счёт вещей, награбленных у японцев. Император подписал рапорт, но уже на следующий день, пообщавшись с молодой оппозицией, отозвал его.

Дело в том, что жалобы Хвостова и Давыдова на жестокое обращение с ними Бухарина были переданы на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии, в которой заседали сторонники Бухарина. Адмиралтейств-коллегия под председательством адмирала фон Дезина, выгораживая капитана 2-го ранга Бухарина, не придавала

«ни малейшей веры» жалобам лейтенанта и мичмана. И 13 ноября 1808 года внесла предложение «предать лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова военному суду».

И попали бы Хвостов с Давыдовым вновь под раздачу, если бы не война, которую ещё осенью затеяла Россия после подписания Тильзитского мира с Наполеоном. Ближайшим противником выступала морская Швеция. Новая война требовала отважных офицеров. Как пишет адмирал Шишков, Хвостов и Давыдов «едва успели два или три месяца отдохнуть от долговременных своих трудов, как главнокомандующий Финляндскою армиею его сиятельство граф Буксгевден, узнав о возвращении их из Америки и наслышась об отличном их искусстве и храбрости, пишет к министру морских сил Чичагову и требует именно сих двух офицеров к себе для употребления против неприятеля. Морской министр спрашивает у них согласия. Американская компания неохотно с ними расстаётся. Однако ж они, не взирая на тесноту своих обстоятельств, ниже на все претерпенные ими скорби, отвечают, что они всегда готовы служить государю и отечеству».

А министр коммерции Румянцев доводит дело до конца. Обезопасив протекже Резанова, Румянцев наносит удар по морскому министерству, которое постоянно сдерживает как амбиции Российско-американской компании, так и государственные амбиции России на Дальнем Востоке. И он издалека начинает раскручивать клубок запутанных отношений, в который сплетено коварство, жадность, недалёковидность разных и зачастую не самых плохих людей.

Ещё 27 мая 1808 года, когда следствие по действиям Хвостова и Давыдова находится в самом разгаре, а Чичагов распространяет мнение о ненужности Сахалина для России, Румянцев посредством обер-берг-гауптмана 5-го класса Логинова, ведущего это дело, пишет представление Адмиралтейского департамента Чичагову о необходимости истребования у Бухарина карты Японии и записок, составленных Хвостовым и Давыдовым. «Государственный Адмиралтейский департамент, усмотрев из записки о Японии, сделанной лейтенантом Хвостовым и мичманом Давыдовым, что у них взята была капитаном Бухариным, командиром Охотского порта, в числе других бумаг японская карта, и притом известия от члена своего г-на вице-адмирала Шишкова по объяснению его с Хвостовым и Давыдовым, что между оными бумагами есть журнал путешествия их и некоторые записки, которые довольно любопытны и могут быть употреблены в пользу, представляет вашему высокопревосходительству, не угодно ли будет вам истребовать

от капитана Бухарина как карту Японии, которая в записке оной очень одобряется, так и записки путешествия оных чиновников». 17 июня 1808 года это письмо попадает Пестелю вместе с копией жалобы Хвостова на начальника Охотского порта. Хвостов в своей жалобе на Бухарина пишет, что груз уже в Охотске был пограблен своими: «Из товаров на сто тысяч рублей едва ли найдется и половина целого. Все разграблено, переломано и вряд ли есть какое-нибудь состояние людей в Охотске, которые бы не имели японских вещей».

Понимая, что Петербург затеял что-то серьёзное, Пестель, чтобы самому не лишиться нагретого местечка, тут же отдаёт приказ об аресте Бухарина. Зная воровскую душу охотского начальника порта, генерал-губернатор Сибири приказывает также произвести обыск, надеясь, что, выслужившись, сумеет сам избежать удара. В своём представлении от 31 марта 1807 года он пишет из Иркутска министру морских сил Чичагову, «что для спасения жителей Охотского края от зверства и истязаний Бухарина необходимо сменить немедленно». И вот 22 июня 1808 года начальник Охотского порта Иван Бухарин был обвинен в злоупотреблениях, и в Охотск за ним для ареста выслан караул. В числе прочих обвинений ему предъявили претензии, касающиеся его взаимоотношений с Российско-американской компанией.

Правление Бухарина в Охотске было одним из самых жестоких и своенравных. За малейшие проступки он жестоко наказывал подчинённых ему людей. Некоторых по его приказу засекали розгами до смерти. У купцов он вымогал взятки, арестовывал имущество, сажал под арест. Однако с Охотской конторой РАК у него сложились неплохие отношения. Более того, Бухарин заключил несколько контрактов с правителем конторы Российско-американской компании — Петровым. В 1807 году Компания передала в распоряжение казны два своих судна. Взамен начальник Охотского порта обещал перевозить груз Компании на казенных судах. Документ, подтверждающий это, до сих пор хранится в Санкт-Петербурге в Российском государственном архиве ВМФ*. Так как летом 1807 года только два компанейских судна вошло в устье реки Охоты, то скорее всего речь идёт о «Юноне» и «Авось». Со стороны Компании это была взятка кораблями, появление которых никто не ожидал, и они стали прекрасной разменной монетой в отношениях с Бухариным. О том, что прошлую зиму Новоархангельск пережил с трудом и что грузы этих судов

могли бы обеспечить провизией на следующую зиму целый город, Бухарин даже не задумался.

Сбигнев в «Русской старине» пишет: «Впоследствии правительство признало, что соглашения Бухарина с Российско-американской компанией были более выгодным для компании, нежели для казны. Дело в том, что, отдавая в аренду свои корабли, компания не тратила на содержание команды и самих кораблей никаких денег. Кроме того, перевоза груз на казенных кораблях, она не платила никаких пошлин. По официальным данным, от соглашения с Охотской конторой РАК казна понесла убыток в размере более 18 тыс. рублей...»

Следствие уже знало, что зверствам и взяткам при Бухарине не было предела. За небольшие провинности Бухарин сажал, например, на гауптвахту под арест на полузатопленные суда сроком до одного года. Казенные суда использовал для своей частной торговли, наживая огромные деньги. При аресте у него было изъято 53 356 рублей, не считая пушнины и других товаров. Следствие по делу длилось более 10 лет. Только в 1819 году Бухарин был приговорен к лишению чинов, ссылке в Сибирь и возмещении ущерба казне в размере 142 тысяч рублей.

Бухарина на посту начальника порта сменил капитан-лейтенант Михаил Иванович Миницкий, прибывший в Охотск 26 июня 1809 года. В Охотске новый начальник не нашел ни такелажа, ни куса парусины. Казарм не хватало, и служители размещались в двадцати обывательских и немногих собственных домах. Стесняя жителей и получая недостаточное количество продуктов питания, они болели цингой. Хвостов в жалобе на Бухарина, в частности, указал: «Город ныне так стеснен, что в покое пространство в одну квадратную сажень помещается по 15 человек, и были такие примеры, что люди, по недостатку жилищ, должны были жить в церквях». Миницкий просил 16 000 рублей, то есть всего четверть награбленного Бухариным, «для построения казарм, могущих вместить всех находящихся при Охотском порте чиновников и служителей, всего 428 человек». Эту сумму он считал достаточной, однако «с добровольным пособием от чиновников». Денег он не получил.

Стараниями Миницкого была приведена в отличное состояние школа морской навигации в Охотске. Приняв новое назначение, Миницкий докладывал иркутскому губернатору Трескину о том, что дети охотских служителей похожи на беспризорников. Он обучивал 27 учеников и запросил у Адмиралтейства-коллегии средства на содержание 35 воспитанников. Не получив поддержки, он

* РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4665. Л. 88.

на свои деньги и пожертвования приобрел учебники и необходимые припасы, завершил сооружение здания, сам преподавал. Осенью сообщил о том, что надеется через два года выпустить первых штурманов. Впоследствии большинство учеников после выпуска были направлены помощниками штурманов, а некоторые и штурманами на суда.

Миницким была разработана система образования мореходов штурманского училища. Основным назначением его являлась подготовка мореходов-штурманов и корабельных мастеров. Учебники, количество которых предполагалось довести до 20, должны были набираться из детей служащих в Охотске нижних чинов. Забота о них поручалась смотрителю, назначаемому из флотских офицеров. В училище должны были преподаваться Закон Божий, грамматика, каллиграфия, арифметика, геометрия, тригонометрия, алгебра, навигация, астрономия, геодезия, топография, история, статистика, корабельная архитектура, черчение планов и карт, рисование.

Обязательным условием обучения становилась учебная практика на судах, ежегодно посещавших Камчатку, и на судостроительных верфях. Успешно окончившим полный курс и сдавшим установленные экзамены в присутствии всех находившихся в данный момент в Охотске флотских офицеров давались назначения, в зависимости от степени успехов, в подштурманы или штурманы, а судостроителям — в корабельные мастера или ластовые подмастерья.

При Миницком был осуществлен перенос Охотского порта на твердую землю после многолетнего пребывания на песчаной «кошке»...

Но несмотря на заступничество Румянцева, действия Хвостова и Давыдова были признаны пиратскими. Российское правительство, занятое европейскими войнами, дабы избежать конфликтов с Японией, пожертвовало двумя доблестными офицерами. А японцы, очень скоро поняв, что за действиями Хвостова и Давыдова не стоит никакой силы в виде могучего Российского государства, стали открыто вторгаться на русские земли. Дело дошло даже до того, что в 1811 году японцы арестовали на русском Кунашире командира русского судна «Диана» Головнина и ряд других офицеров и держали их в плену более двух лет.

Так, двойственная либеральная внешняя политика александровской эпохи привела Россию не только к войне с Наполеоном, но и поставила ребром до сих пор неразрешенный пресловутый «курильский вопрос».

Глава 9 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Родилось рано наше поколение,
Чужда чужбина нам и скучен дом,
Расформированное поколение,
Мы в одиночку к истине бредем.

А. Вознесенский

Для читателя, видимо, не терпится узнать, что же происходило с другими участниками кругосветки с тех пор, как мы их оставили? Прокладывая путь от Алеутских островов к Южно-Китайскому морю, 15 октября 1805 года «Нева» села на мель недалеко от острова, который впоследствии команда решила назвать именем капитана — островом Лисянского. Эта остановка едва не стоила экипажу корабля жизни. Запасы пресной еды и провизии подходили к концу, и любая задержка неминуемо могла привести команду к самым плачевным последствиям. Сбросив на поплавках в воду карронады, излишки такелажа и рангоут, Лисянский приказал спустить шлюпки на воду, и с помощью буксира к рассвету следующего дня судно было стянуто с мели. Посетив остров и не найдя на его берегах ничего, за что мог бы зацепиться глаз, капитан «Невы» поспешил покинуть это негостеприимное место посреди Тихого океана и как можно скорее достичь города Макао — первой обитаемой стоянки на дальнейшем пути «Невы», где можно было бы налиться свежей водой и пополнить припасы провизии. 30 октября Лисянскому пришлось пойти на крайние меры: «С этого дня я убавил по $\frac{1}{4}$ фунта* сухарей у каждого человека в сутки, потому что по прежнему положению их хватило бы только на 30 дней. За это время невозможно было надеяться достигнуть Кантона, если бы этому не способствовали какие-либо самые благоприятные обстоятельства. Для меня весьма приятно отдать должную справедливость находившимся на моем корабле матросам, которые упомянутую убавку приняли не только без всякого неудовольствия, но ещё с замечанием, что если потребуются, то они согласятся получать самую малую порцию». 16 ноября с салингга «Невы» марсовый разглядел остров Тиниана из группы Марианских островов. Миновав его, 22 ноября на «Неву» обрушился тайфун. В этот день Лисянский сделал запись в судовом журнале: «Около полудня разбило в щепы ялик, висевший за кормом, и несколько времени спустя оторвало шкафуты и унесло в море мно-

* 100 граммов.

гни вещи, находившиеся наверху. Но всего хуже было то, что вода начала чувствительно прибывать в интриум и принудила нас действовать всеми помпами до вечера. В это время жестокая погода несколько поутихла и это спасло нас от гибели, так как, работая непрерывно в воде, мы в короткое время пришли бы в совершенное бессилие и погибли бы неизбежно». На следующий день, убрав изодранные паруса и приведя судно в порядок, команда обнаружила, что подмоченные бурей меха начали гнить. В течение следующих четырёх дней в море было выброшено 30 000 котиковых шкур и большое количество морских бобров, лисиц и других испорченных шкурок.

Наконец, после всех неприятностей, 1 декабря 1805 года у северо-западной оконечности острова Ландрона* к борту «Невы» пристала небольшая китайская лодка. От её хозяина Лисянский узнал, что «Надежда» пришла в Макао неделю назад и встала на якорь в гавани Тайпе. Это приятное известие привёз с собою и лоцман, прибывший на борт «Невы» для ввода судна в гавань.

«Надежда» прибыла в Макао 21 ноября. По словам Левенштерна, которого Крузенштерн послал к губернатору для передачи сведений о своём появлении, Макао представлял собой приятный город, построенный из камня, но пустынный, потому что в то время все купцы и факторы обычно находились в Кантоне — крайней коммерческой цели экспедиции. «Морские разбойники здесь многочисленны, — уверял офицер. — У них есть несколько сотен вооруженных лодок, многие из них в 300 тонн водоизмещения, с 10 пушками и с командой, превышающей 300 человек».

Лисянский несколько недель спустя дополнил картину увиденного следующими наблюдениями: «Город Макао построен на холмах и оврагах, но весьма чист и застроен довольно хорошими домами. Он защищается несколькими батареями и с моря имеет прекрасный вид. Что же касается его окрестностей, то они не могут представить любопытному путешественнику ничего, кроме камней и дикой горной травы. Хотя в этом месте я провёл мало времени, однако же можно было заметить, что португальцы — его хозяева только по названию, а китайские чиновники повелевают везде по своему произволу».

Сойдя на берег, Крузенштерн и офицеры команды поспешили к дому господина Друммида — директора Ост-Индийской фактории, который предложил им для размещения свой особняк. Самого хозяина на месте не было и все хлопоты по обустройству кругосветных путешественников взяла на себя его жена. Китайское

правительство проявило интерес к «Надежде», пытаясь выяснить, является ли судно военным или же имеет коммерческие цели. Подняв Андреевский флаг на гафеле, Крузенштерну удалось убедить власти в том, что судно военное и только после этого ему было разрешено задержаться в порту. Более всего капитан «Надежды» был удивлён отсутствием в порту Макао «Невы», которая, по его расчётам, должна была уже давно находиться в условленном месте встречи.

Как только команда «Надежды» сошла на берег, произошло событие, которое не могло остаться незамеченным. Горнер — именитый учёный с мировым именем — решился на очередное воровство во славу науки. «Горнеру пришла в голову смелая мысль, — продолжает делиться своими воспоминаниями Левенштерн. — Мы хотели получить китайский череп для доктора Галля. Но как было за это взяться? Мы все сомневались, что наше желание можно было бы осуществить. На воротах перед Макао в деревянных клетках висели отрубленные головы; это были головы нескольких китайских морских разбойников, повешенных на виселице. План Горнера — украсть одну из этих голов. Он считал, что это самый верный способ, который приведет к обладанию китайским черепом. Мы много говорили об этом, но об осуществлении его никто не думал. Два дня тому назад я спал с Горнером в гостинице в одной комнате. Проснувшись утром, я обнаружил, что постель Горнера пуста. Вскоре Горнер, взволнованный и веселый, вошел с головой ладрона в носовом платке: он ее украл с виселицы. С огромными предосторожностями мертвая голова (еще не истлевшая) была доставлена на корабль, положена в негашеную известь и потом вычищена. Этот анекдот — единственный в своём роде».

3 ноября 1805 года, когда, пополнив запасы провизии и воды, Крузенштерн готовил своё судно к отплытию в Европу, на рейде Макао затрепетал триколор «Невы». Суда всё-таки встретились в условленном месте в намерении продолжить совместное плавание к родным берегам. Но прежде чем отправиться на родину, следовало выполнить коммерческую миссию на плечи капитанов судов и приказчиков Американской компании. Отправившиеся на берег Крузенштерн и Лисянский в намерении отыскать там как можно скорее купца, готового выкупить груз американских мехов, в скором времени потребовали к себе представителей Российско-американской компании Фёдора Шемелина и Николая Коробицина. По иронии судьбы на стол директора Российско-американской компании Булдакова в тот же день легло письмо Крузенштерна, в котором он жаловался на

* Небольшой остров в Кантонском проливе.

Шемелина, дурно отзываясь о его деловых качествах: «Я очень вижу, что несогласие частных не должно служить вредом к благу многих. Я при малом способии приложу все возможное старание к успешному торговому течению в Кантоне, но принужден взять всякую предосторожность, дабы отнюдь неприятели мои не посмели б поносить репутацию мою. Но вместе с Шемелиным есть ли возможность приступить к таковому важному предприятию, который делал мне все возможные грубости, неоднократно отказывался, что он до меня никакого дела не имеет и не хочет даже знать меня. Могу ли я после таких сильных выражений хотя говорить с ним и признаюсь, что уже 1½ года с ним почти слова не говорю. Но к сему еще, как возможно с человеком сим предпринимать такое важное дело, где ни об одной коммерции, но и посторонние сведения нужны, которых г-н Шемелин сомневаюсь, чтоб имел. Ежели замечание мое кажется вам несправедливо, то я предоставляю судить первым купцам в С.-Петербурге, способен ли г-н Шемелин производить торговлю в Кантоне?» Как бы то ни было, без деловой хватки Шемелина Крузенштерн никак не мог обойтись, так как, будучи прекрасным морским офицером, капитан «Надежды» вряд ли был хорошим коммерсантом. Сложные условия торговли не позволили осуществить продажу груза «Невы» и «Надежды» напрямую. Чтобы не продешевить при торговле шкурками калана, на совете было решено нанять агентов для осуществления торга. В качестве таких агентов были выбраны англичане Билль и Моньяк, знакомые Крузенштерну по прежним посещениям Китая. Однако «Надежде», объявившей себя военным судном, было запрещено вставать на якорную стоянку на рейде, предназначенном для торговых кораблей.

«Нам не причиняли в открытии торга в Кантоне ни малейшего препятствия, — вспоминал впоследствии Крузенштерн, — однако, невзирая на то, нельзя было найти охотника из сообщества «Гонг», которой купил бы наш груз и согласился бы отвечать за все по торговым делам нашим. Старейшие из купцов опасались иметь с нами дело; ибо им было не неизвестно, что Россия сопредельна Китаю и что находится с ним в некоторых торговых связях. Они, зная хорошо дух своего правительства, не могли не бояться при том неприятных последствий, которых ожидать надлежало по тому, что Россияне в первый раз еще появились в Кантоне. Старания Г-на Биля найти для нас надежного купца из старейших сочленов Гонга, чего ему очень хотелось, оказались безуспешными. Из сих никто не согласился приступить к новому делу. Наконец удалось ему, при подкреплении собственным своим кредитом, склонить младшего

из сочленов Гонга купца Лукква, отважившегося принять на себя поручительство за оба наши корабля. Груз «Невы» продан был ему за 178 000, «Надежды» же (при отходе нашем из Камчатки нашлось в тамошних кладовых Компании около 400 морских Бобров и несколько Котиков, которые взял я с собою) за 12 000 пиастров. Самые дорогие морские бобры взяты при сем нами обратно; потому что за один не давали более 20-ти пиастров, а в Москве стоит таковой от двух — до трехсот рублей. Из 190 000 пиастров получены нами 100 000 наличными, за 90 000 же доставлено купцом чаю».

Шемелину, ведущему торговые дела непосредственно, эта сделка не показалась лёгкой. Более того, он считал её убыточной. И виной тому, по его мнению, были действия капитанов «Надежды» и «Невы». В своём рапорте главному правлению Компании об условиях торговли в Кантоне от 21 декабря 1805 года он пишет: «При первом почти свидании г-на Биля со мной хотел он знать, какие нам здешние товары нужны, я означил первым нашим товаром китайку. А чай, — спросил он, — неужели почитаете вы последним? Я отвечал, что Кяхта доставляет нам столько чаю, что мы сверх продовольствия своего могли бы еще отпускать в чужие края, когда б от нас одного требовали. Он не хотел тому верить и говорил, что он совершенно не знает, что Копенгаген отправляет своего чаю весьма немало в Россию, что жители балтийских берегов все довольствуются датским чаем, и в пример ставил, сколь приход сюда российских кораблей для датского фарфора есть неприятен. Я внутренне посмеялся тому, сколь мало датской суперкарго знает Россию, и, заметив, что торговля сия чаем датчанами производится в Россию тайно, не хотел возражать против одного, но утверждал свое. Каждое свидание потом с г-ном Билем повторялось теми же разговорами и рассуждениями его об удивительном ему требовании моем. Он уверял меня, что здесь никто не берет таких товаров, каких я хочу, что такой ширины и цветов китайки, например, воцанки нелощеной вишневой, алой и других цветов, какие мне надобно, я не сыщу в Кантоне ни одного конца, что, кроме так называемой компанейской китайки или нанкину, здесь лучшей нет, и, которая одна только на фабриках в Нанкине для отпуска в чужие края приготавливается и идет в Старый и Новый Свет. Мне не менее удивительным казалось уверение его, тем более что видел на всех китайцах одежду, сшитую из оной, почему и хотелось мне самому испытать. Я ходил по кантонским торговым рядам, хотя и нашел китайку лощеную и нелощеную, но она была совсем другого рода, нежели какую мы в Кяхте от китайцев получаем... Я всех сих со-

ртов купил по нескольку для опыта, не будет ли на оную вперед и в России расхода, но в большом количестве иметь ее на первый случай не можно.

Итак, я принужденным нашёлся рассуждать о Кантоне иначе, нежели прежде думал. Я был всегда в том мнении и не мог сомневаться, чтоб не найти тут китайки, как такого товара, которым весь народ сего государства одевается и, нимало не воображал, чтоб оные не были такие ж, какие к нам с Кяхты вывозятся или ещё и лучше; и не бывши еще в Кантоне, льстилсЯ собрать сего товара хороших цветов и доброт, и мысленно продавал уже в Москве по 45 руб. за тую.

Хотя и видел я справедливость уверений г-на Билья, что здесь подлинно не из чего было больше составить груза, как только из нанкина и чаев, но последних всё-таки не хотелось мне иметь много. Господа капитаны беспокоили меня требованиями, чтоб я, не теряя времени, назначил г-ну Биллю количество чаев, китайки и другого, чего надобно, чтоб дал он приказ благовременно всё то приготовить, чтоб после за медлительным моим решением не последовало напрасного прижатия и остановки в отправлении кораблей и тому подобное. Я отказывался, что, не зная, за сколько проданы будут наши товары; не могу давать такие приказы, которые в противном случае могут обратиться мне в беспокойство от требования с меня денег, которых, может быть, тогда еще иметь я не буду. Они уверяли меня, что никогда сего не случится и что г-н Биль сделает нам кредит, чем и принудили меня дать г-ну Биллю записку, в коей назначал я чаю лучшего цветочного на 30 000 пиастров, нанкину компанейского — на 30 000, фарфору хорошего — на 5000, пониже того ж на 15 000, жемчуга перламутрового — на 3000, прочую ж сумму хотел употребить на покупку разных товаров, какие мне полезными быть покажутся.

Между тем, когда бобры уже разобраны были и как они тогда зависели продажей от одного нашего комиссионера, то нам и не было уже резону вступаться в сие дело, но только ожидать успехов, какие окажутся от его стараний. 13-го числа поутру г-н Мосьяк, товарищ Билев, пришел ко мне, объявил, что г-н Биль и он склоняли многих купцов купить наши товары, но никто на то не соглашается и нет надежды продать, ежели я не соглашусь взять на половинную сумму чаев, уверяя, что купцы не только охотнее купят, но и дадут лишнее за бобры наши. Обстоятельства и худые цены на наши товары заставили тому поверить, а особливо, когда слышал я окромя его, что капитану Адамсу, у коего 5800 бобров, китайцы давали сначала по 18 пиастров, но он не соглашался, а

когда потом хотел он отдать за ту цену, то китайцы не более уже сулили ему, как по 16 только пиастров, да и то давали низким чаем. Я не мог противиться слишком и согласился, но с тем только, что я хочу чай иметь лучшие. В том никакого затруднения быть не может, сказал он, какие только вам угодно получить можете. Чрез два дня после этого хотелось мне узнать, имеет ли какие успехи в продаже г-н Биль, и потому, пришел к нему в контору, спрашивал, он показал мне роспись нашим товарам и цены, которые назначили купцы. Бобры морские вокруг всех доброт вообще по 17 пиастров. Хвосты бобровые по 10 за одного бобра или по 17 пиастров за десять, бобры речные — по 2,5; выдры — по 4; лисицы красные за сто лисиц — 120 пиастров, сиводушка за 100—60 пиастров, чернобурая — по 2 талера каждая, песцы белые — по 1 талеру, песцы голубые по 1,5; медведи американские за 100—120 талеров, котик за сто — 75 пиастров. Спрашивал я его, может ли г-н Биль еще постараться, чтоб достать лучшие, нежели сии цены? Он отвечал, что давали другие купцы за товары ваши гораздо ниже, но эта цена последняя и, по его мнению, хорошая, которой было больше получить уже он не надеется. Хотел знать, согласен ли я буду на оную; я обещал ему объявить о том, назавтра и, взяв от него список с той бумаги, пошел посоветоваться о том с г-ном капитаном Крузенштерном. Но как г-н Биль, коего почитал Иван Федорович честным человеком, коему не поверить без оказания ему явной обиды невозможно, и притом мы сами к продаже наших товаров не только не имели лучших, но и никаких средств, а потому и надлежало повиноваться времени. Я по совету его, как и товарища моего, решился оставить товары наши по той цене, но выключил из того числа лисицу чернобурную, сиводушку, голубые песцы и медведи американские, которые с большим излишеством против здешних цен быть могут проданы в России. Из бобров морских лучшие 300 штук оставлены на "Неве", а проданы только от второй до последней доброты. Сумма за проданный невский груз составляет 176 605¼ пиастров...

Здесь обязан я донести о "Неве". Она зимовала на Кадьяке, откуда вышла, по объявлению г-на Коробицына, июня 4 числа 1805 года, прибыла в Ситку 12-го, где пробыв 8 дней, в 21 число июня отправилась в Кантон, и когда б она прямо стремилась к своему предмету, то в Кантон бы пришла неотменно в августе месяце, и тогда, когда еще ни одного судна американского не было в приходе здесь с бобрами, и тогда натурально продан был бы груз компании выгоднейшим образом, нежели теперь. Но страсть начальника корабля к открытию новых земель и островов привела в забвение выгоды компании и свою должность...».

По подсчётам Шемелина, убыток от выброшенных за борт подгнивших мехов и шкур составил 80 000 рублей — астрономическая по тем временам сумма. Когда торговые дела в Кантоне подходили к концу, российские суда были неожиданно задержаны китайцами. И тут в ситуацию вмешался Питер Добелл* — морской путешественник и торговец, с которым Крузенштерн познакомился в Кантоне. Рассказы капитана «Надежды» о России настолько поразили Добелла, что он принял самое деятельное участие в вопросе отправки русских судов на родину. Пользуясь своими связями, он надавил на директора Ост-Индийской компании — англичанина Друммонда и только заступничество последнего и случай (из Пекина пришло повеление сменить в чём-то провинившегося китайского чиновника, занимавшегося вопросами разрешения отправки «Невы» и «Надежды») позволили судам сняться с якорей и продолжить плавание. Сам же Питер Добелл, прощаясь с Крузенштерном, произнёс:

— До встречи в Санкт-Петербурге!

Однако до второй встречи Крузенштерна с Добеллом пройдёт долгих десять лет, когда деятельный ирландец воплотит мечту Резанова о торге с Манилой и Филиппинами, став первым иностранцем, наладившим торг в отдалённом уголке своей новой родины — России, гражданство которой он примет, полюбив её всей душой. Спустя несколько месяцев после отплытия «Надежды» и «Невы» из Кантона за услугу, оказанную Крузенштерну, император Александр I «в ознаменование своего благоволения» пришлёт Добеллу в Кантон богатый бриллиантовый перстень.

Дальнейшие приключения сорвиголовы Добелла, связавшего свою жизнь с Российско-американской компанией, будут описаны в следующей главе, а пока хотелось бы обратить внимание читателя на интересное наблюдение о местных нравах и поведении команд русских кораблей на берегу, которое оставил нам Левенштерн: «Я совсем не упомянул о свободе людей в Кантоне. Матросы на английских и американских кораблях присвоили себе право

* Питер Добелл — американец ирландского происхождения, торговец, предприниматель, неоднократно бывал и подолгу жил в Южном Китае, странах Индокитая, в островной Юго-Восточной Азии с 1798 по 1828 год. Имел собственный дом в Кантоне и дом в Маниле. В конце 70-х годов XVIII века он с родителями переселился из Ирландии в Северо-Американские Соединённые Штаты, окончил Филадельфийский университет, воевал волонтером в Пенсильвании, одном из главных центров Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. Главным делом его жизни надолго сделались морские путешествия, мореплавание, судовождение, в чем он приобрел с течением времени весьма большой опыт.

получать на 3 дня шабаш. Всем матросам, кроме часовых, капитан был обязан дать отдых после того, как корабль разгрузили, загрузили и вновь оснастили так, что он был готов к отплытию. Капитан должен был разрешить матросам поездку в Кантон. Все лодки приходят в Кантон битком набитые. Каждый покупает себе соломенную шляпу, здесь такая мода, и палку, чтобы обезопасить себя от карманных воров. Далее пьют и ночью, и днем. Всю ночь пускают фейерверки на свободном пространстве перед факториями; организуются партии бокса, которые заканчиваются дракой между англичанами, китайцами и т.д. Проводятся всевозможные игры, забавы, фокусы; все это с большим шумом. Матросы возвращаются на корабль, под национальный флаг пьяные, оборванные и с синяками под глазами. Капитаны, которые разумно мыслят и хорошо относятся к своим людям, щедро наделяют их бочками рома, водки и вина. Делают так, что все они в первый же вечер напиваются, держат их на этой дозе и посылают пьяными обратно на корабль. Всем бросалось в глаза, что наши люди так хорошо себя вели, тем более что русские ведь славятся пьянством».

Глупый стереотип о вечно пьяном русском человеке, видимо, не давал покоя офицеру, в чьих жилах текла немецкая кровь. При этом поведение истинных европейцев вызывает недоумение и отвращение, которое Левенштерн считает «свободой». Русские моряки своей сдержанностью и высокой моралью спустя почти полтора года продолжают поражать морского офицера, который ими руководит. Европейская «свобода» на судне была бы более понятна лейтенанту Российского морского флота с немецкими корнями.

В начале февраля 1806 года суда снялись с якоря и, буксируемые тридцатью лодками, покинули торговый и военный рейды Кантона. Вскоре оказалось, что скорость «Невы», дно которой предыдущей зимой очистили от наростов во время ведения торговых переговоров с китайцами, значительно превышает скорость «Надежды». 17 февраля 1806 года в записях Левенштерна появилась следующая запись: «“Юрка цыганит”, — сказал сегодня Ратманов. Наш дифферент слишком мал, и дно, и медь стертые и заросли, поэтому мы хуже плывем. “Неву” в Вампоа килевали и чистили, и вот Лисянский хвастается, маневрирует и выкидывает разные фокусы. Надо надеяться, что за 14 дней наш дифферент улучшится, и тогда мы не будем так отставать. Сегодня мы проплыли мимо опасных скал Миддельбурга... К сожалению, “Нева” сейчас плывет лучше, чем мы».

Пятого марта на «Неве» случилось несчастье — умер матрос Степан Коноплев. Усилия доктора Либанда не принесли никаких

результатов, и изнурённый неизвестной болезнью русский моряк отошёл в мир иной.

Пройдя Южно-Китайское море и Зондский пролив, русские суда вышли в Индийский океан и направились к юго-восточному побережью Африки. Незадолго до того момента, как русские корабли покинули китайские берега, Крузенштерн и Лисянский в случае их разлучения договорились о встрече на острове Святой Елены в конце апреля в случае их разлучения. Ход «Надежды» с зарифленными марселями составлял $9\frac{1}{2}$ узла. «Нева» старалась держаться позади судна Крузенштерна, но тем не менее 15 апреля 1806 года суда в третий раз за время путешествия, попав в зону сырых и промозглых пассатов, потеряли друг друга из виду в густом тумане. «В сии сутки, — заметил тогда же Крузенштерн, — перешли мы через меридиан Санкт-Петербуржский, следовательно, и совершили обход вокруг земного шара».

Капитаны обоих судов приложили максимум усилий, чтобы обозначить положение своих кораблей, но их усилия оказались тщетными. В следующий раз им доведётся встретиться только в Санкт-Петербурге по окончании плавания.

Свой отказ от посещения острова Святой Елены и продолжения плавания без остановки Лисянский объяснил следующим образом: «24 апреля. Сегодня мы могли себя поздравить, что не только благополучно обошли южную оконечность Африки, но и получили юго-восточные пассатные ветры.

Освидетельствовав количество съестных припасов, я увидел, что при хозяйственном употреблении их было бы достаточно на три месяца. Полагая, что в течение этого времени мы можем достигнуть Европы, я решился оставить прежнее своё намерение идти к острову Св. Елены, а направил свой путь прямо в Англию, будучи уверен, что столь отважное предприятие доставит нам большую честь. Еще ни один подобный нам мореплаватель не отваживался на такой далёкий путь, не заходя куда-либо для отдыха. К этому смелому подвигу меня побуждало также и само желание моих подчинённых, которые, будучи в совершенном здоровье, только о том и помышляли, чтобы отличиться чем-нибудь чрезвычайным. Я сожалел единственно об одном, что подобное путешествие должно нас разлучить с кораблём «Надежда» до самого нашего прибытия в Россию. Но что делать? Имея случай доказать свету, что мы заслуживаем в полной мере ту доверенность, какую оказало нам отечество, нельзя было не пожертвовать этим удовольствием».

Решение Лисянского было смелым и действительно не имевшим примеров в мировой морской практике. Но оно поставило

Крузенштерна, рассчитывающего на встречу, в неоднозначное положение: капитан «Надежды» вынужден был терять время на острове, которому вскоре суждено было стать последним пристанищем Наполеона, вместо того чтобы, пополнив припасы, поспешить на родину. 26 апреля марсовый с «Надежды» в последний раз заметил на горизонте «Неву», но пока Крузенштерн готовился дать сигнал и обозначить свой корабль, «Нева» исчезла из поля видимости.

По иронии судьбы на острове Святой Елены, куда «Надежда» прибыла 3 мая 1806 года, Крузенштерн узнал о войне России с Францией и, опасаясь встречи с противником, решил следовать на родину, оглябая с севера Британские острова с заходом в Копенгаген.

Крузенштерн не мог и подозревать, что его честолюбивый друг, которого он всячески задвигал на задний план, решится на немыслимое. Впервые в истории мирового мореплавания корабль всего за 142 дня (удивительно короткий по тем временам срок!) без заходов в порты и стоянки преодолел 13 923 мили от берегов Китая до английского Портсмута, где публика восторженно встретила экипаж Лисянского. 5 августа 1806 года «Нева» Лисянского первой вернулась в Кронштадт, завершив продолжавшуюся три года первую в истории отечественного флота кругосветку. Шлюп «Надежда» прибыл двумя неделями позже. Однако слава русского кругосветного мореплавателя досталась Крузенштерну, сумевшему опубликовать описание путешествия на три года раньше Лисянского, который ставил задания по долгу службы превыше всяких публикаций для Географического общества. За заслуги Лисянский получил чин капитана 2-го ранга, орден Святого Владимира 3-й степени и денежную премию. Показательный факт: офицеры и матросы шлюпа подарили капитану на память золотую шпагу с надписью: «Благодарность команды корабля «Нева».

Но всё это случится позже, а пока Крузенштерн, пребывая в неведении о судьбе второго корабля экспедиции, сошёл на остров Святой Елены. Доктор Тилезиус, намереваясь исследовать остров, направился было в глубь его, но губернатор, боясь того, что немецкий учёный может снять планы фортов и укреплений острова в военное время, запретил учёному разгуливать по острову. Здесь же на острове произошёл случай, о котором упоминалось ранее — лейтенант Головачёв, не вынес бойкота и издевательств команды, свёл счёты с жизнью. Цена за верность начальнику первой русской кругосветки Николаю Петровичу Резанову оказалась слишком высока. Особо цинично, как нелепое оправдание, выглядят слова Крузенштерна: «07.05.1806. Четырёхдневное пребывание наше

у острова Святой Елены, во всех отношениях весьма приятное, нарушилось печальным и совсем неожиданным происшествием. Второй лейтенант корабля моего, Головачёв, благовоспитанный двадцатилетний человек и отличный морской офицер, лишил сам себя жизни. За час прежде того при отъезде моём с корабля на берег казался он спокойным, но едва только приехал я на берег, то уведомили меня, что он застрелился. Я поспешил на корабль и нашел его уже мертвым. Со времени отхода нашего из Камчатки в Японию приметил я в нём перемену. Недоразумения и неприятные объяснения, случившиеся на корабле нашем в начале путешествия, о коих упоминать здесь не нужно, были печальным к тому поводом. Видя все более и более усиливающуюся в нём задумчивость, тщетно старался я восстановить спокойство душевного его состояния. Однако никто не помышлял из нас, чтобы последствием оной могло быть самоубийство, а особенно перед окончанием путешествия. Я надеялся, что он по возвращении своём к родителям, родным и друзьям скоро излечится от болезни, состоящей в одной расстроенности душевной. На корабле не предвиделось к тому никакой надежды, ибо ни я, при всем моём участии и сожалении о его состоянии, ни сотоварищи не могли приобрести его доверенности. Все покушения наши к освобождению его от смущенных мыслей оказались тщетными».

Крузенштерн кривит душой: команда и он первый как командир объявили Головачёву бойкот и своими действиями довели до самоубийства русского офицера. Подробности и своей версии произошедшего поделился и Левенштерн: «07.05.1806. [Остров Св. Елены]. Головачёв и Беллинсгаузен остались одни на корабле, а все остальные поехали на берег. Мы пошли в магазин Ост-Индской компании, чтобы там кое-что купить. При выходе из магазина я встретился с Тилезиусом, который только что приехал с корабля. Запыхавшийся Тилезиус схватил меня дружелюбно и судорожно за руку и сказал мне: «Не испугайте капитана». Так как я с Тилезиусом был в ссоре, то я сделал шаг назад. «Без околечностей, — сказал Тилезиус и схватил меня за обе руки, — давайте помиримся и забудем прошлое; Головачёв застрелился». Тут я по-настоящему испугался. Я нашел Крузенштерна и рассказал ему об этом несчастном случае, и мы все поехали на корабль. Головачёв был уже мёртв. Он выстрелил из маленького пистолета, у которого был сломан замок, себе в рот и изуродовал и искромсал всё лицо. (Он раньше все время чинил замок и сломал много моих и Горнеровских напильников, а потом сломал и свой замок.) Он поджег свой пистолет с помощью фитиля из обрезков бумаги. Фи-

тиль этот нашли еще горящим в его руке после выстрела. Чтобы не привлекать внимания, он, некурящий, зажег сигару, от нее прижег фитиль и так осуществил свое намерение. Головачёв никогда не пил водки, но та день до этого он взял себе маленькую бутылку ратафии и утром выпил ее один. Оба его образа лежали перед ним на столе... Крузенштерн поехал на берег к губернатору, чтобы испросить разрешение похоронить покойника. Губернатор сам сказал ему: «Нельзя считать самоубийцей человека, который покончил с жизнью в припадке меланхолии. Я прикажу похоронить покойника со всеми церемониями». Когда мы после обеда привезли гроб на берег, нас встретила команда из 40 солдат и траурная музыка. Они сопровождали гроб в церковь. Английский пастор после очень красивой проповеди похоронил его. Солдаты дали три залпа, и на этом церемония закончилась. Все шло так порядочно, что мы, успокоенные, поехали на корабль и были в состоянии оказать ему последнюю услугу по своему желанию. Мы вместе выстрелили и потом заказали надгробный камень».

Губернатор Святой Елены, не будь дураком, прекрасно понял сложившуюся ситуацию и поступил как человек чести. Так погиб единственный офицер «Надежды», носивший русскую фамилию.

К концу плавания отношения в команде накалились до предела. Все были в ссоре со всеми. Левенштерн ворчал на Горнера, Ратманов откровенно не подчинялся Крузенштерну. Беллинсгаузен совершенно затиранил братьев Коцебу. Удивительно, как при таком поведении офицеров и учёных не взбунтовалась команда и судно благополучно добралось до родного порта.

Так и не дождавшись Лисянского, капитан «Надежды» решил после похорон Головачёва продолжить плавание в одиночку. Три месяца спустя, 19 августа 1806 года, «Надежда», миновав Толбухинский маяк, направилась к Кронштадскому рейду, где со спущенным рангоутом на волнах уже покачивалась «Нева», окончившая кругосветку на две недели раньше «Надежды». Как бы нас ни уверяли современные исследователи в доверительных отношениях между капитанами, но определённое соперничество и ревность к славе были у обоих. Уже один тот факт, что суда большую часть времени провели порознь и фактически совершили два независимых кругосветных плавания, говорит об этом. Косвенным доказательством подобного предположения может служить и тот факт, что рукопись Лисянского, посвящённую кругосветному плаванью, Морское министерство отказалось издавать. Уж не потому ли, что к этому времени к министерству был приписан Крузенштерн, работавший над собственным отчётом, который после был признан «блестательным»?

В отчёте, на основании которого Крузенштерном была издана книга «Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на кораблях „Надежда“ и „Нева“, изданная сразу по окончании Русско-шведской войны в 1810 году, подводя итоги своей деятельности, Крузенштерн не только искажил потери, утверждая, что на его судне погиб только повар Резанова, но даже не упомянул о роли Юрия Лисянского в осуществлении плавания и защите далёких завоеваний Империи. А ведь во время странствий Лисянский собирал личную коллекцию: утварь, одежду, оружие, а также раковины, куски лавы, кораллы, обломки горных пород с островов Тихого океана, Северной Америки, Бразилии. Впоследствии всё это стало достоянием Русского географического общества.

И уже вряд ли кто-то из современников знает о том, что самыми первыми русскими кругосветными путешественниками стали врач и естествоиспытатель Фёдор Петрович Брыкин и художник Курляндцев, вернувшиеся в Петербург в декабре 1804 года сухим путём через Сибирь. С тех пор ни о Брыкине, ни о его весьма ценных гербариях, собранных им в пути, не сохранилось никаких сведений, равно как и о его весьма важных в научном отношении учёных записках, которые так и не были изданы и неизвестно, где хранятся.

Воспитанник Петербургской медико-хирургической академии Фёдор Брыкин окончил курс со степенью доктора медицины, однако любимым предметом его осталась ботаника, которой он впоследствии посвятил всю свою научную деятельность. О Брыкине как об учёном сохранились весьма лестные отзывы его современников. Единственное, что доподлинно известно из отчёта художника Курляндцева, так это то, что умер Брыкин сразу по прибытии в столицу. Судьба же самого Курляндцева весьма примечательна. Незадолго до зачисления в состав кругосветки в 1803 году Курляндцев был удостоен звания академика в Академии художеств за картину «Эрминия и Вафрин находят раненого Танкреда», что, собственно, и явилось поводом для отправки уже ставшего знаменитым художника в плавание. Однако до сегодняшнего дня не найдены ни зарисовки, ни карты, ни гравюры Курляндцева, написанные им в путешествии. Известно, что после плавания он занимался росписью иконостаса Архангельского Свято-Троицкого кафедрального собора. Сейчас в адрес русского художника часто звучат обвинения в бездельи во время плавания. При этом современники забывают, что возвращение художника через всю Сибирь было чревато многими опасностями и неожиданностями и его труды могли погибнуть на огромных пространствах России. К примеру, профессор Лангсдорф, повторивший через год маршрут

Брыкина и Курляндцева, случайно утопил в реке Лене всю свою Камчатскую коллекцию, включая дневники и предметы этнографии. Тихоокеанская и бразильские коллекции Лангсдорфа только потому-то и выжили, что усилиями Резанова были отправлены из Петропавловска в Петербург при первой возможности посуху в середине пути ещё в 1804 году. Видимо, рисункам Курляндцева, равно как и коллекции Брыкина, повезло меньше. А может быть, Курляндцеву не простили его честность: «...большая доля вины лежала на Крузенштерне, который не раз унижал Резанова при офицерах. Его отношение к послу во многом определяло и позицию офицеров: за исключением лейтенанта Головачёва и штурмана Каменщикова, они поддерживали командира. Напротив, Резанов вел себя в непривычных условиях вполне достойно». После такого заявления ни о каких публикациях рисунков Курляндцева в будущей книге Крузенштерна не могло быть и речи. И рисунки эти за ненадобностью где-то затерялись...

Следующими закончили свой кругосветный вояж Лисянский и его команда, среди которой не было ни одного человека, который носил бы нерусскую фамилию. Лисянский, потеряв в непогоду в районе южной оконечности Африканского континента шедший впереди шлюп «Надежда», принял решение идти в одиночку без остановок и заходов в порты до самого Портсмута. Только человек отчаянной смелости и незаурядного мореплавательского таланта мог на такое решиться — Юрий Фёдорович был самолюбив, упрям и строптив. За что, кстати, в своё время три года не получал лейтенантских эполет.

На 142-е сутки непрерывного плавания под парусами со средней скоростью 4,2 мили он блестяще завершил переход Кантон — Портсмут. Этот его рекорд долгое время не был побит, а «маршрутом Лисянского» потом несколько десятков лет ходили знаменитые «чайные» клипера.

Несмотря на сложную политическую обстановку, отважный капитан, пройдя в одиночку Ла-Маншем и Балтийскими проливами, 5 августа 1806 года поставил «Неву» на якоря на Кронштадтском рейде. «Надежды» там еще не было. Таким образом, завершив на шлюпе «Нева» ровно за три года кругосветное плавание, Юрий Фёдорович Лисянский стал первым русским мореплавателем, обогнувшим земной шар под парусами. Эта поспешность впоследствии стоила Лисянскому карьеры...

И только 19 августа 1806 года в Кронштадт прибыла «Надежда» с Крузенштерном на борту. Так что первые наши кругосветные путешественники носили русские фамилии и были русскими

учёными, офицерами и моряками. Можно представить себе досаду и разочарование Крузенштерна: у него оказался отобранным редкий исторический шанс, выпадающий лишь один раз в жизни. Возможно, Иван Фёдорович пожалел о своей осторожности на последнем этапе пути, когда не пошел Английским каналом, а избрал длинный, но более безопасный путь вокруг Британии. Бесстрашие, целеустремлённость и мастерство Юрия Лисянского победили точный расчет и осмотрительность Ивана Крузенштерна (за это, кстати, моряки и прозвали капитана «Надежды» «немцем»). «Нева» — впоследствии завистливо писал Левенштерн, — имела честь видеть у себя на борту вдовствующую императрицу, и каждый офицер получил от неё в подарок золотую табакерку». Офицерам «Надежды» табакерок от императрицы не досталось.

Плавание Крузенштерна и Лисянского было признано географическим и научным подвигом. На Монетном дворе была отлита медаль с надписью: «За путешествие кругом света 1803—1806».

Итак, первое в истории российского флота кругосветное плавание завершилось полным триумфом, который был обусловлен в немалой степени неординарными личностями командиров Крузенштерна и Лисянского. О роли Резанова в осуществлении этого вояжа как-то сразу позабыли. Крузенштерн приложил немало усилий, чтобы имя камергера было вычеркнуто не просто из истории путешествия, но из истории вообще. Можно сказать, что во многом ему это удалось, но русская память вдруг проснулась через века голосом русского поэта: «Я тебя никогда не забуду...»

Мы обязаны помнить и знать имена русских героев. И хотя формально Крузенштерн был руководителем обоих кораблей экспедиции, следует отдать должное роли Юрия Лисянского в первой русской кругосветке: исследователи Военно-морской академии в 1949 году установили, что за 532 ходовых суток «Нева» прошла более 45 тысяч миль, из которых более половины она следовала самостоятельно, то есть без руководителя похода. При этом из 1095 дней плавания лишь 375 дней корабли шли вместе, остальные 720 «Нева» провела в одиночестве. Корабль Лисянского из 45 083 миль путешествия 25 801 милю прошел самостоятельно.

В период похода Лисянский вел астрономические определения широты и долготы посещаемых пунктов и наблюдения за морскими течениями; он не только исправил неточности в описаниях течений, составленных Куком, Ванкувером и другими, но и открыл межпассатные противотечения в Атлантическом и Тихом океанах, составил географическое описание многих островов, собрал богатые коллекции и обширный материал по этнографии. Лисян-

ский исправил многочисленные неточности в морских описаниях и картах. По возвращении ему было высочайше поручено командование императорскими яхтами. В 1807—1808 годах Лисянский продолжал службу на судах Балтийского флота, командовал кораблями «Зачатие Святой Анны», «Эмгейтен» и отрядом из 9 судов Балтийского флота. Участвовал в боевых действиях против Англии и Швеции. В 1809 году получил чин капитана 1-го ранга и пожизненный пансион, единственное средство к существованию. В 36 лет, довольно рано, Юрий Лисянский вышел в отставку, как говорилось в рапорте «по болезни». На самом деле есть все основания полагать, что не его «болезнь», а болезненное самолюбие Крузенштерна стало тому причиной. Косвенным доказательством этой догадки может служить тот факт, что после отставки Лисянского, в недавнем прошлом закадычные друзья, они с Крузенштерном даже не вели переписку.

Литературные таланты у обоих капитанов, возглавлявших первую русскую кругосветку, несомненно, были. Не зря же из-под пера каждого из них вышло по книге. Однако трёхтомник «Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева», переведённый на все европейские языки, был издан Крузенштерном на деньги Морского департамента уже в 1810 году, а вот издание записок о путешествии Лисянского наткнулось на массу преград. Поскольку Адмиралтейство отказалось финансировать издание его книги «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева» под начальством Ю. Лисянского», возмущенный автор уехал в деревню и в 1812 году за собственный счет издал в Петербурге своё двухтомное «Путешествие», а затем также на свои собственные средства «Альбом, собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию». Вышедшее вслед за книгой Крузенштерна «Путешествие» Лисянского не было встречено столь бурно, как книга его друга. Не получив должную оценку в своём отечестве, Лисянский добился большого признания за рубежом, собственноручно переведя свой труд на английский и выпустив его англоязычную версию в 1814 году в Лондоне. Годом позже его книга была издана на немецком языке. Однако морская карьера отважного капитана была сломлена окончательно. О судьбе Лисянского после издания книги известно немного. Будучи женатым на француженке Шарлотте Карловне Жандр, он стал отцом шестерых детей. Двое из его сыновей избрали военную службу, закончив, как и отец, Морской кадетский корпус. Один из них дослужился до звания адмирала. Оставив службу, Юрий Фёдорович Лисянский вёл обширную переписку, но вскоре о нём все поза-

были... Скончался знаменитый мореплаватель Юрий Фёдорович Лисянский 22 февраля (6 марта) 1837 года в Петербурге и был похоронен на Тихвинском кладбище в Некрополе мастеров искусств, в Александро-Невской лавре. На его могильной плите красуется медаль, посвящённая великому плаванию...

Сразу по возвращении Ивану Фёдоровичу Крузенштерну было присвоено звание капитана 2-го ранга одновременно с Ратмановым, который незадолго до этого стал капитан-лейтенантом. В течение следующих трёх лет капитаны «Надежды» и «Невы» контактировали по роду службы, но после 1809 года Лисянский с Крузенштерном более не встречались. Ратманов сделал блестящую карьеру, дослужившись до вице-адмирала. Спустя 18 лет после первого плавания ему предлагали руководство кругосветной экспедицией, но он был вынужден отказаться по состоянию здоровья. Левенштерн сразу после Шведской войны вышел в отставку. У него тоже появились серьёзные проблемы со здоровьем. И хотя лейтенант Левенштерн ещё с борта «Надежды» писал: «Я мог бы, и многие из моих товарищей думают так же: если бы сразу после нашего возвращения представилась возможность совершить путешествие вокруг света во второй раз, тотчас же сказать “да” и спустя три дня после завершения первого путешествия отправиться во второе», однако только двоим, Отто фон Коцебу и Фаддею Беллинсгаузену, было суждено совершить повторные кругосветные вояжи и прославить новыми открытиями свои имена и Россию.

Проекты, которыми была полна голова Крузенштерна, легли под сукно. У него во время плавания сильно ухудшилось зрение. Впоследствии именно болезнью глаз он объяснял свой отказ возглавить одну из последующих кругосветных экспедиций.

Покинув борт «Надежды», Крузенштерн занялся благоустройством семьи. В 1807 году им было приобретено имение Коддил неподалеку от Хаггуда*, где жил со своим обширным семейством его брат Карл Фридрих. Здесь в этом же году родился второй сын Крузенштернов — Юлий.

В это время Гавриил Андреевич Сарычев, записка которого и дала новый импульс первой русской кругосветке, приглашает Крузенштерна заняться совместным обширным трудом по гидрографии Мирового океана. Сам Сарычев за две недели до возвращения «Невы» закончил съёмку Балтийского моря, составив самую точную на тот момент карту. Первоначально у Сарычева с Крузенштерном установились тесные деловые отношения. Они

* Местечко недалеко от Раппеля (современный город Рапла, Эстония).

одновременно были избраны в члены Адмиралтейского департамента, который был основан в 1805 году и имел коллегиальную форму управления. Департамент ведал всеми сторонами научной деятельности флота и, в первую очередь, географическими и гидрографическими исследованиями.

Сарычев совместно с Крузенштерном представил Адмиралтейскому департаменту «План к составлению всеобщего морского атласа» с подробным перечнем карт. Этот труд замыслилось издать в двух частях. В первую намечалось включить карты Атлантики и берегов европейских морей, во вторую — Тихий океан и берега Америки и Азии. Атлас должен был сопровождаться двухтомным описанием берегов и наставлением для входа в главнейшие военные и торговые порты всех частей света. Сарычев и Крузенштерн без промедления приступили к реализации этого замысла. Крузенштерн трудился над капитальным исследованием по гидрографии Мирового океана с картой всего мира, включая северные моря России. Сарычев, в свою очередь, начал подготовку к созданию всемирно известного «Атласа северной части Восточного океана», который увидел свет через 16 лет.

Но именно этот труд и стал камнем преткновения в отношениях двух знаменитых, талантливых и безмерно преданных русскому флоту людей. Трения начались, когда Крузенштерн положил перед Сарычевым карту исследованной части Сахалина, а неисследованную соединил перешейком с материком. Сарычев, который просто физически не успел заняться этим вопросом, был уверен в том, что Сахалин — остров. В 1808 году Сарычев получил пост генерал-гидрографа. Постепенно все нити по руководству учёными исследованиями Адмиралтейского департамента оказались в его руках.

Чтобы не напрягать ситуацию, Крузенштерн переключил своё внимание на мало известную сегодня экспедицию к Северному полюсу, которую предпринял в 1764—1766 годы русский мореплаватель Василий Чичагов, отец будущего морского министра. И тут произошло непредвиденное. Адмиралтейский департамент отверг сочинение Крузенштерна об этом плавании. Сказалась старая вражда между Чичаговым и Сарычевым, последний считал нынешнего министра выскочкой. Крузенштерн был серьёзно обижен. Вскоре при содействии Румянцева он уехал в Англию, но начавшаяся Шведская война потребовала профессионалов и Крузенштерну пришлось вернуться в действующий флот, тем более что Англия в этой войне выступала против России.

Спустя два года после плавания, будучи назначенным командиром одного из русских линкоров, Крузенштерн написал Горнеру.

с которым дружил до конца жизни: «Тому, кто знает подробности и детали нашего путешествия, знает, что оно, несмотря ни на что, не закончилось неудачей, а напротив, были осуществлены вещи, о которых лишь у совсем немногих в Петербурге есть минимальное представление, знает о том, что нам удалось в Китае и Японии... что нам посчастливилось достойно справиться со всеми трудностями, что, кроме того, "Надежда" являет собой до сих пор единственный случай в анналах истории мореплавания — за три года не потерять ни одного члена команды, ни вследствие болезни, ни в результате каких-то иных случайностей — тому, возможно, покажется, что все это не произвело должного впечатления на правительство; потому что по-настоящему никто из нас вознагражден не был. Мы получили лишь то, что уже прежде было дано "Неве", и то, чего нас, следовательно, нельзя было лишить, не совершая вопиющей несправедливости».

Из этих строк явствует, что ревность к Лисянскому у бывшего капитана «Надежды» с годами не прошла. Кроме того, теперь он убеждает Горнера, который был свидетелем всего, что происходило на корабле, что за три года не удалось потерять ни одного человека. Видимо, очень уж Крузенштерну хотелось забыть о гибели и повара, и матроса, и офицера своего корабля, которым так и не суждено было увидеть родные берега. Горнер их, видимо, тоже позабыл, восхваляя Крузенштерна в письме своему коллеге фон Цаху: «...То, что "Надежда" в столь долгом плаваньи, проходившем отчасти в незнакомых и бурных морях, не потеряла ни одного человека из своей команды, является особой заслугой Крузенштерна, тем более что для русских это было первое кругосветное плавание».

По окончании Шведской войны Крузенштерн был назначен директором Морского кадетского корпуса. Первым нововведением только что назначенного директора стала отмена в корпусе телесных наказаний. Впоследствии Крузенштерн ввел новые дисциплины, основал музей корпуса с моделями кораблей и обсерваторию. Много сил отдал организации последующих кругосветных плаваний. В 1836 году завершил свой многолетний фундаментальный труд «Атлас южных морей». Долгие годы он был директором Морского корпуса, а основанные им офицерские классы стали прообразом нынешней Военно-морской академии. Иван Фёдорович, будучи почётным членом Российской академии наук и член-корреспондентом ряда европейских академий и научных обществ, вел научную работу. Был одним из учредителей Русского географического общества. Прославленный мореплаватель и маститый ученый, удостоенный многих российских и иностранных орденов,

адмирал и член свиты Его императорского величества, Крузенштерн скончался в 1846 году и был погребен в Ревеле.

Не менее замечательно сложилась судьба и других героев нашей книги, которые вслед за Крузенштерном и Лисянским обогнули земной шар.

Плавание маленького слового кораблика — «Ростислава», возглавляемого капитаном Джоном д'Вольфом, началось вскоре после отплытия «Юноны» и «Авось» к южной части Курильского архипелага.

Расторопность и поспешность Хвостова и Давыдова побудили и американского капитана начать подготовку своего крошечного судна к оставшейся части морского путешествия. Несмотря на предупреждение о начавшемся ледоходе на впадающих в Охотское море реках, страстное желание добраться до Охотска сделало Джона д'Вольфа глухим ко всем увещаниям, и 22 мая 1807 года «Ростислав» был уже готов к отплытию.

Когда Джон объявил о своём намерении, его тут же окружили жители Петропавловска, по тем или иным причинам желающие отправиться в Охотск. Тогда американцу пришлось объявить, что у него на борту уже имеются пассажиры: женская часть семьи Ларионовых и приказчик Российско-американской компании Кирилл Тимофеевич Хлебников. Тем не менее ещё три человека сумели представить достаточно веские причины, и сердце сурдобольного американца не выдержало. В итоге экипаж «Ростислава» вместе с пассажирами насчитывал 18 человек. Когда все приготовления были завершены, Джон д'Вольф с доктором Лангсдорфом посвятили день прощанию с друзьями, с которыми провели прошлую зиму. Раздав практически всё нажитое за зиму имущество, Джон взял с собой только одну камчатскую лайку, преданное существо, которое ни на шаг не отставало от хозяина.

26 мая 1807 года «Ростислав» покинул гостеприимный Петропавловский порт. «Попутные ветры продолжались достаточно долго, — вспоминал впоследствии Джон. — И это дало нам в дальнейшем хорошее преимущество перед теми днями, когда ветра стали слабыми и неблагоприятными, со штилями. Попутная погода продолжалась несколько дней. 30 мая, поймав только что подувший свежий бриз, который вёл нас, как ни странно, со скоростью 5 узлов, мы столкнулись с большим китом, всплывшим на поверхность. Каким-то образом мы скользнули по его спине, отчего наше судёнышко поднялось на 2—3 фута и накренилось набок на 4—5 поясов обшивки. Это было похоже на удар судьбы. Все мы замерли. Чудовище скоро проявило себя и, выпустив струю воды и

взмахнув ластами, нырнуло в глубину. Кит, казалось, не был ранен, и мы были целы, но очень сильно испугались. Я сразу же проверил насос. Обнаружив, что всё в порядке и течи нет, мы продолжили наш путь, довольные тем, что всё обошлось».

Будучи уже в летах, прослуженный морем капитан Джон не раз рассказывал эту историю своему маленькому племяннику Герману Мелвиллу, даже не подозревая, что пройдет время — и из-под пера впечатлительного юноши выйдет знаменитая книга «Моби Дик», написанная по мотивам рассказов своего дядюшки — кругосветного путешественника, которого в семье называли «белым дедушкой».

Не менее красочно выглядит этот же эпизод в изложении Лангсдорфа: «29 мая впервые поднялся свежий северо-западный ветер, и мы наткнулись на огромного кита, которого не замечали до тех пор, пока наше судно, шедшее на всех парусах и неспособное уже никуда отклониться, не наскочило на него. Это огромное животное едва двигалось, и на его исполинской спине судно поднялось из воды на три фута. Мачты закачались, паруса сразу упали. Все с испугом выскочили на палубу, уверенные, что наткнулись на какую-то скалу. Кит величественно плыл мимо. Если бы в момент удара он продолжил движение и нырнул, то, вполне вероятно, разбил бы носовую часть судна своим хвостом, и мы потерпели бы кораблекрушение».

После пересечения «Ростиславом» Курильской гряды судно попало в ледовую ловушку. Несмотря на то, что на календаре была середина июня, Охотское море было сковано паковыми льдами. С трудом пробиваясь сквозь льды, 26 июня 1807 года «Ростислав» всё же бросил свои якоря в устье реки Охоты. Здесь Джон д'Вольф и Георг фон Лангсдорф узнали о смерти Николая Петровича Резанова от начальника Охотского порта Бухарина.

Через несколько дней, попросившись с доктором Лангсдорфом, намеревавшимся задержаться на несколько дней в Охотске с целью изучения образцов местной флоры и фауны, и Ларионовиными — матерью и дочерью, Джон д'Вольф покинул Охотск. До самого возвращения в Петербург ему так и не дано было узнать о приключениях своих друзей — Хвостова и Давыдова.

Сам же доктор Лангсдорф, преодолев бесчисленные трудности пути, 18 августа 1807 года добрался до Иркутска, где вновь встретился со своим другом — американским капитаном, который хорошо запомнил эту встречу: «...неожиданно появился доктор Лангсдорф. Я был рад видеть его, но не смог найти объяснения по поводу его следования за мной по пятам. Оказалось, что он прибыл

в Якутск вскоре после моего отъезда. Сделав короткую остановку, он поспешил вперед на маленьких лодках в надежде догнать меня и удивить своим появлением на реке. Он был всего в двух днях от меня, но на его пути происходили всевозможные беды и неприятности: утлые суденышки, пьяные лодочники, неумелый проводник-казак, опрокидывание лодки и потеря бумаг. Он был очень огорчен, когда я сказал ему, что, взяв большее по величине судно под свое руководство, мне удалось избежать всех этих трудностей и сделать путешествие по реке очень приятным. Доктор решил остаться здесь на более длительное время, чем я, чтобы перебраться через озеро Байкал и посетить Кяхту».

Дальнейшее своё путешествие через всю Сибирь отважный американский капитан назвал «конно-морским рейсом», растянувшимся более чем на год. Уже в Петербурге Джон д'Вольф обменял ценные бумаги, которыми с ним рассчитался Николай Петрович Резанов при покупке «Юноны», на золотые рубли и... оказался самым обеспеченным человеком огромного семейства д'Вольфов. При повторном обмене своего капитала в Америке Джон выручил сто тысяч американских долларов. И это в то время, когда благодаря новым законам Северо-Американских Штатов империя работорговли Вольфов рухнула.

Ещё в русской столице Джон встретился с компаньоном дяди Джорджа — Джоном Мартином, который, находясь под впечатлением рассказов д'Вольфа о перспективах русской торговли, решил зафрахтовать судно, наполнить его пенькой и парусиной и продать всё это у себя на родине. Осенью 1808 года капитан Мартин подыскал для своих целей в Кронштадте шлюп с оптимистичным названием «Надежда». Заламывая цену за фрахт, чиновники российского Морского ведомства многозначительно поднимали вверх указательный палец, убеждая меркантильного американца, что ему выпала честь начать торг с Россией на судне, которое совершило кругосветное путешествие. Капитан Мартин скептически относился к подобным заявлениям и его интересовали только грузоподъемность и надёжность судна. От предложения сопровождать нового капитана «Надежды» в качестве первого помощника Джон д'Вольф отказаться не мог, и в октябре 1808 года «Надежда» в последний раз покинула гостеприимную Кронштадтскую гавань, держа курс на запад и увозя на своём борту первого американского трансконтинентального кругосветного путешественника Джона д'Вольфа.

Между тем профессор Лангсдорф задержался надолго в сибирской столице: отдых после тяжёлой первой части сухопутного

путешествия, приведение в порядок своих бумаг, двухнедельная поездка в Кяхту, а затем ожидание плотного снежного покрова для санного пути задержали его здесь до 22 ноября. Из Иркутска Лангсдорф отправил подробный отчет о своих путешествиях своему коллеге — профессору Крафту, председателю Российской академии наук. Вернувшись в середине сентября из Кяхты, Лангсдорф занялся составлением обширной записки о Камчатке и уже 21 октября в письме министру коммерции графу Румянцеву рассказал о своем путешествии из Петропавловска в Иркутск.

25 октября Лангсдорф отослал Румянцеву свою рукопись «Изъяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова*», счпросьбой представить её императору.

Забегая наперёд, следует отметить, что умозаключения учёного ни Румянцеву, ни Александру I не понравились и не нашли ни поддержки, ни понимания. К сожалению, немец Лангсдорф был весьма далек от осознания стратегических интересов Российской империи и его колониальной политики на Дальнем Востоке. Многие пункты его программы, без сомнения, заслуживали внимания, но первый, как казалось автору, самый существенный, подрывал суть имперской безопасности на дальних рубежах России. Записка начиналась с рассуждений ботаника Лангсдорфа о... русской армии! Будучи энциклопедически образованным, имея колоссальный жизненный опыт и знания, немецкий профессор решил стать реформатором России. И начаться преобразования в стране, по его убеждению, должны были с уничтожения регулярной армии на её окраинах. Если Резанов, наоборот, требовал завести военный гарнизон в Новоархангельске, то Лангсдорф в своей записке задавался следующими вопросами: «1. Нужны ли вообще солдаты на Камчатке? 2. Что является пользой, а что убытком из того, что они дают казне? 3. Что является пользой, а что убытком из того, что они дают стране?» И давал на эти вопросы весьма удивительные ответы: «1. Против внешних врагов солдаты на Камчатке не нужны, так как обладание этой страной для каждого владельца настолько незначительно, что, вероятно, никому никогда не придет в голову предпринимать против нее военные действия либо напасть на Россию с враждебными намерениями; если предположить даже, что какая-либо держава придет с враждебным намерением, то военные, находящиеся там же, вряд ли могли оказать сопротивление,

* Записка была составлена на немецком языке и в оригинале называлась «Darstellung der politischen Lage von Kamtschatka und Vorschlag zur Verbesserung des zerrütteten Zustandes dieser Halbinseln».

потому что в различных гаванях у Тигиля, в Большерецке, в гавани Св. Петра и Св. Павла, Нижней Камчатке и особенно внутри страны, называемой Верхняя Камчатка, рассеяно всего лишь от 600 до 800 человек».

Лангсдорф в своих рассуждениях ошибался. И это показал 1853 год. Когда началась война, которую у нас принято называть Крымской, а на Западе — Восточной, объединённая англо-французская эскадра атаковала Петропавловск. Героическая оборона Петропавловска под руководством генерал-губернатора Завойко вписала ещё одну страницу в славную военно-морскую летопись нашей державы. Лангсдорф наверное очень удивился бы, если б узнал, что 1,5-тысячному десанту отборных головорезов, собранных со всей Европы, противостояли всего около двух сотен русских — моряков, воинов гарнизона и камчатских ополченцев. Атака на город была успешно отражена, а десант рассеян по окрестным сопкам. Интересно, какая бы судьба ожидала город, если бы Румянцев и Александр I приняли первый пункт записки немецкого профессора как руководство к действию? Полсотни лет камчадалы кормили русский гарнизон для того, чтобы однажды он защитил их от европейской агрессии.

Резанов оказался прав в своём отношении к иностранцам, которые, видя трудности российского внутреннего уклада, предлагали свои варианты его изменения методом упрощения процессов, протекающих в сложном организме Российского государства. Рассуждения профессора сродни тем, которые слышны и сегодня. Мол, зачем России всеобщая воинская повинность — нам хватит и профессиональной армии. Однако размеры и характер границ страны таковы, что подобная мера приведёт к ослаблению государства и как естественное последствие этих недальновидных решений к его гибели.

Но не все обладали резановской дальновидностью. Генерал-губернатор Сибири Пестель, например, отмечал, что «маленький Лангсдорф еще станет знаменитым губернатором». После солдатской дисциплины Кошелева в либерале Лангсдорфе Пестель видел нового преемника на должность управляющего Камчаткой. Пестелю казалось, что реформы Лангсдорфа приведут Камчатку к процветанию. Ему, старому дипломату, идея снабжения полуострова не по суше, а вокруг мыса Горн, перенесение торговой столицы из Охотска в Большерецк или Петропавловск показались знакомыми. Подобные речи сибирский генерал-губернатор не так давно слышал из уст умирающего Резанова.

А потому Лангсдорфа, прибывшего в Тобольск 11 декабря 1807 года, Иван Борисович Пестель встретил более чем радуш-

но. Заинтересовавшись рассказами Лангсдорфа о Камчатке и сибирских впечатлениях, Пестель задержал его у себя до 22 февраля 1808 года, то есть более чем на два с половиной месяца. В своей книге Лангсдорф с удовольствием вспоминает время, проведённое в Тобольске: «Пестель принял меня необычайно дружелюбно и с неподдельным участием и вниманием выслушал все мои замечания об отдаленных районах его губернии, особенно о Камчатке. Я принял его дружеское приглашение и остался в Тобольске дольше, чем предполагал. Дни, которые я провел в этой семье, были самыми приятными за все это длительное время». Получив одобрение «хозяина Сибири», осмелевший Лангсдорф 4 января 1808 года написал из Тобольска министру коммерции Румянцеву о том, что начал работать над проектом реформ на Камчатке.

Восьмого марта Георг фон Лангсдорф приехал в «удивительный город Москву», как замечал он в описании своего путешествия, поразив москвичей обилием багажа и пронзительным лаем двух камчатских собак, сопровождавших профессора на протяжении всего путешествия.

На Камчатку Лангсдорф так и не вернулся. Выполняя различные служебные поручения, он в сентябре 1808 — июне 1809 года побывал в Оренбурге, Казани, Москве, Страсбурге, Геттингене, Франкфурте-на-Майне. Однако научный интерес Лангсдорфа к Камчатке не угасал, и он написал целую серию новых работ о полуострове. Например, статья о свойствах камчатских мухоморов, их использовании и связанных с ними обычаях была послана учёным в Петербург из Казани 6 ноября 1808 года, а позднее опубликована в трудах Метеорологического общества во Франкфурте-на-Майне.

Окончательно поселившись в июне 1809 года в российской столице, Георг фон Лангсдорф стал активным участником заседаний академической конференции. В июле учёный прочёл петербургским коллегам статью о возникновении нового острова в Алеутском архипелаге — событию, свидетелем которого ему и Джону д'Вольфу лично довелось стать. В июне 1811 года он познакомил конференцию с работой о собаководстве на Камчатке, а в 1812 году опубликовал заметки об её естественных ресурсах полуострова. Увенчал научную деятельность Лангсдорфа изданный им двухтомный труд, суммировавший все его путевые наблюдения в кругосветном путешествии 1803 — 1808 годов и принесший ему всемирную известность. Эта работа Лангсдорфа была переведена на многие европейские языки, кроме... русского.

Интерес Лангсдорфа к дальневосточному полуострову в конце концов был вытеснен главным делом его жизни — исследованием Бразилии, куда учёный отправился в 1812 году в качестве первого русского генерального консула.

Глава 10 ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

Мы — Давыдов и Хвостов,
Оба лейтенанты.
Прикажите, в сто ствол
Жахнем латинянам!

А. Вознесенский

Быстрой, решительной походкой, кулаком открывая двери анфилады Морского министерства, ведя за собой молодых офицеров, шёл Фёдор Фёдорович Буксгевден.

В войнах с Наполеоном командующий русскими армиями граф Буксгевден проявил себя сторонником манёвренных действий войск, управлял ими с излишней педантичностью, отличался крутым, независимым характером, способностью принимать смелые решения и настойчиво претворять их в жизнь. Выходец из остзейских дворян, будущий генерал ещё кадетом Артиллерийского шляхетского корпуса принимал участие в Русско-турецких войнах. Его учителем был сам Суворов. В Русско-шведской войне 1788—1790 годов, командуя гребным флотом, Буксгевден руководил высадкой морского десанта на остров Куцель-Муллим. Его не останавливали ни ранения, ни временные неудачи. Бесстрашный, как лев, он всегда бросался вперёд, проявляя чудеса мужества и отваги. В перерывах между войнами, с приходом к власти Павла I отважный генерал принял должность военного губернатора Санкт-Петербурга. Но и в мирной жизни деятельный Буксгевден не почивал на лаврах. Всего за год хозяйствования в столице новым генерал-губернатором был создан Вспомогательный банк для дворянства, открыты Медико-хирургическая академия и Поливальный институт. Основаны Александровская мануфактура и Училище корабельной архитектуры. С воцарением Александра I Буксгевден как приверженец суворовских традиций в армии попал в опалу и был уволен со службы. Однако вскоре молодой царь, вставший на путь отцовской политики, восстановил в должностях павловских генералов, в том числе и Буксгевдена, в должности и назначил Фёдора Фёдоровича инспектором войск Лиф-

ландской инспекции и генерал-губернатором Риги. С расцветом антинаполеоновских коалиций Буксгевден был вновь призван в действующую армию и отправлен на фронт.

— Закон — это механизм управления обществом, — внушал Хвостову и Давыдову свои мысли генерал, пока они вместе шли по залам министерства-коллегии. — Правила Закона продиктованы логикой идеи. Когда закон становится выше идеи, он превращается в чудовище, пожирающее благие предначертания этой идеи. Подобное происходит тогда, когда закон превращается для небольшой группы людей в механизм управления остальным обществом, методом отвержения идеи в пользу порядка. Однако порядок не является самодостаточным понятием, а является лишь подвластной частью идеи. Идея же диктуется духом свершений, и если закон лишён духовности, то он превращается в безжалостный свод правил, направленных против человека и его духа. Ваши дух и разум объединились и превратили вас самих в творцов идеи. Вы, господа, появились как никогда кстати.

— Пока мы были в Америке, многие события прошли мимо нас, — произнёс Хвостов, вырывая генерала из сетей его умозаключений. — Идёт война со Швецией. Шведы — наши давние враги, но чем был вызван в этот раз инцидент?

— Летом 1807 года императоры Александр I и Наполеон, как вам известно, заключили Тильзитский мир, завершив русско-прусско-французскую войну, — начал Буксгевден. — После подписания Тильзитского мира в Европе оставались две огромные бреши в наполеоновской Континентальной блокаде* Англии. На юге Европы в блокаде Британских островов не участвовали Испания и Португалия, на севере — Швеция. Если с Испанией и Португалией Наполеон мог справиться непосредственно с помощью своей армии, то со Швецией дела обстояли сложнее. Шведский король Густав IV питал огромную неприязнь к наполеоновской Франции, и никакие увещевания не могли заставить его разорвать союз с Англией. Чтобы одолеть лежащую за Балтийским морем Швецию, французам требовалось провести против неё крупную десантную операцию. При господстве на море британского флота эта операция могла завершиться для Наполеона катастрофой.

Чтобы склонить Густава IV к Континентальной блокаде, французский император нуждался в помощи России, которая имела со Швецией сухопутную границу. Такая позиция Наполеона предо-

ставляла Александру I возможность захватить у Швеции Финляндию и тем самым устранить многовековую угрозу северным рубежам России. Но несмотря на это, Александр I предложил шведскому королю Густаву IV своё посредничество для примирения его с Наполеоном.

Российская империя присоединилась к Континентальной блокаде Великобритании. Также к блокаде намеревалось присоединиться Датское королевство. В ответ на это в августе 1807 года Великобритания предприняла вероломную атаку на столицу королевства Копенгаген и захватила весь датский военный флот. Российский император не стерпел подобной наглости и объявил войну и Англии, и Швеции. Правда, он всё же пытался уговорить короля Густава не идти на обострение конфликта. Но в надежде на помощь Британии шведский король стал вести себя вызывающе. Например, он вернул нашему императору высший орден Андрея Первозванного, написав, что не может носить орден, который имеется у Бонапарта. Между тем в России прекрасно сознавали, что Швеция не готова к войне. Её силы, разбросанные по просторам Финляндии, насчитывали не более 19 тысяч человек. Этим мы и воспользовались.

На рассвете 9 февраля 1808 года русские войска, собранные мною в 24-тысячный кулак, пересекли шведскую границу в Финляндии и начали военные действия. Благодаря внезапности нападения и недостатку шведских сил нам удалось к апрелю занять большую часть финской территории и блокировать в Свеаборге примерно треть шведской армии. 26 апреля Свеаборг капитулировал. На море русские десанты заняли Аландские острова и остров Готланд. Но... Нас, как всегда, подвели воры-интенданты. Их воровство и мздоимство приобрело такие масштабы, что вскоре великая русская армия практически полностью перешла на грибы и ягоды, которые солдаты собирали по лесам, благо была весна. Шведы, почуввав нашу слабость, перешли в контрнаступление. Тут подоспел и английский флот.

Морскую кампанию в этом году наш флот начал с большим опозданием из-за наших разногласий с Чичаговым. В своих планах я, прежде всего, исходил из необходимости совместных действий армии и флота и предлагал использовать парусный и гребной флот для активной обороны побережья Финляндии. Я и сейчас считаю, что флот своей артиллерией должен поддерживать наступление на суше, вести разведку и полностью прервать морские сообщения Швеции с Финляндией. Сегодня флот и армия есть единое целое современной войны. Чичагов же считает, что битву за Финляндию

* Система экономических и политических санкций, организованная Наполеоном, с целью задушить Великобританию экономически и лишить её лидирующих позиций в торговле и политике.

следует всецело возложить на сухопутные силы, а флоту надлежит оборонять Кронштадт и действовать против шведского и английского флотов. Чичагову удалось убедить императора в своей правоте и мне в поддержку была выделена лишь Свеаборгская гребная флотилия — 46 малых судов. В Выборге мы захватили 110 военных судов, в том числе два 26-пушечных гемама, шесть шебек, пять яхт и почти полсотни гребных судов, в основном канонерские лодки. Шведские канонерки быстроходнее, чем наши иолы, поэтому из них были сформированы два отряда гребного флота, которые были громко названы Свеаборгской флотилией. Эта флотилия — всё, чего я смог добиться от Морского ведомства для поддержки действий наших сухопутных войск, успех которых невозможен без флота. Как показывает опыт, десант лучше высаживать с малых гребных судов, разбитых на отряды. Да и защищать шхеры и проливы удобнее с помощью лодок. Начавшиеся военные операции уже показали, что расчёты Чичагова не оправдались и основные морские батальоны будут разворачиваться в островных шхерах, конми изобилуют здешние места. Балтийский флот находится неизвестно где и вряд ли он сможет серьёзно противостоять вражеской эскадре.

Мы потерпели поражение при Револаксе и Пулккила, потеряли Аландские острова и остров Готланд. Я вывел армию из окружения, с трудом закрепился на юге Швеции. Возвращавшаяся из Средиземного моря на Балтику эскадра Сенявина была заблокирована в Испании английским флотом. В мае ситуация стала критической. Обнаглевшие англичане пытались взорвать брандерами Ревельский порт. Была даже попытка англо-шведского флота высадить 9-тысячный десант на юге Финляндии, но она была отражена. Всё лето мы собирались с силами. Я сменил многих офицеров, ставя во главе передовых отрядов только бесстрашных людей, идущих к победе, невзирая на жертвы. Тех, что неспособны сдаться и отступить. Именно поэтому вы и нужны мне.

Один из морских отрядов канонерских лодок в грядущей операции должны возглавить вы, лейтенант Хвостов. Поступаете под начало капитана 1-го ранга Селиванова. Умрите, но поддержите огнём нашу высадку и наступление. В помощники возьмёте...

— Давыдова! — выпалил Хвостов.

— Хорошо. Мне нравится ваша преданность дружбе. Вы, лейтенант Давыдов, также возглавите отряд канонерок и встанете в авангарде, на самом острове боя нанесёте первый сокрушительный удар, который расстроит всю кардибаталью шведов. Но действовать строго по плану. Никакой ненужной бравады! За это взыски-

ваю строго. Сколько вам, молодцы, понадобится времени на сборы, чтобы отбыть к своему морскому отряду?

— Не более недели.

— Жду вас через два дня в Кронштадте.

Наскоро попрощавшись у ворот Коллегии, Буксгевден сел в экипаж и скрылся за поворотом. Хвостов вечером при лучине, вспоминая слова своего нового начальника и морские бои здесь, на Балтике, листал свой дневник, пока глаза не зацепились за фразу, написанную более десяти лет назад на «Ретвизане»: «Воин за то, что все разорено, был награжден, а хлебопашец за труды и пользу был беспрестанно притесняем. Я, тут же находясь, имел чувства, сужденные всякому человеку, имевшему в виду у себя неприятеля, однако ж дивился варварским чувствам, вперенным в нас с самого ребячества. Не имея времени дать волю моим рассуждениям, пожалел о жребии всех толкующих в мире, и пошел наверх... Находясь наверху с моими товарищами, смотрел и старался вникнуть в чувства их. Везде видел равнодушие, что придавало верх моему честолюбию над моей колебимостью. Все мне напоминало презрение к низости и трусости, и, как мне кажется, я невольно всему клялся не быть трусом...»

Клятву самому себе Хвостову удалось сдержать.

Собравшись с силами, Буксгевден 2 августа 1808 года приказал 11-тысячному корпусу Каменского перейти в наступление. Русские, жаждавшие реванша, в сражениях при Куортане и Салми 20—21 августа и Оровайсе 2 сентября, нанесли поражение главным силам шведов. Попытки шведского флота высадить десанты в районе Або были отражены отрядом Багратиона, звезда которого только начинала всходить на марсовом небосклоне.

16 августа 1808 года гребная флотилия капитана 1-го ранга Селиванова, состоящая из 24 судов, направилась к острову Вартсала для защиты правого фланга наступавшей русской армии. На следующий день в 11 часов утра авангард из шести канонерских лодок под командованием Гаврилы Давыдова и командира десанта Винклера, майора Кременчугского мушкетёрского полка, приблизился к южной оконечности острова Судсало. Утренний туман укрывал канонерки в шхерах. Вскоре с русского фрегата «Амфи-трида», крейсировавшего в водах Балтики и бросившего неподалёку якорь, отделилась шлюпка. К удивлению Давыдова, на борт его канонерки прибыл сам капитан фрегата.

— Ну вот и встретились! — произнёс он, взглянув в глаза Гаврилы.

— Господин Башуцкий? Василий Яковлевич, какими судьбами? — радости Гаврилы, узнавшего в капитане бывшего началь-

ника Охотского порта, который их так гостеприимно принимал, не было предела.

— После распоряжения об аресте Бухарина я был возвращён на службу. Ещё сумею России послужить! Однако, господин Давыдов, я со срочным донесением: не более как в двух кабельтовых отсюда с 46 канонерскими лодками и 6 галерами, пользуясь попутным довольно сильным ветром, шведский флот идет на всех парусах прямо против направления вашей флотилии.

— Поспешите на корабль, милостивый Василий Яковлевич! — пожав руку на прощанье Башуцкому, произнёс Давыдов.

И тут же, обернувшись к своим подчинённым, скомандовал:

— Вёсла на воду!

В стремлении задержать неприятеля и не дать ему выйти из-за мыса на плёс, который открыл бы наилучшую позицию для боя, Давыдов расположил свой авангард около небольшого острова и в соседнем проливе. Но пока наш герой производил манёвр, шведы, вскрыв диспозицию русского авангарда, немедленно открыли огонь ядрами. Через минуту огрызнулись все шесть 32-фунтовых пушки русских канонерских лодок. Завязался неравный бой. Маневрируя на вёслах, двадцатидвухлетний капитан пытался уйти от огня неприятеля, при этом сам продолжая наносить урон шведам. Но силы были неравны. Противник, превосходивший в восемь раз русский авангард, превращал канонерки в щепки. И вот когда надежды на благополучный исход боя уже не оставалось и капитан Давыдов приготовился принять смерть, из-за шхер пятнадцатью острыми иглами выскользнули канонерские лодки лейтенанта Хвостова, командовавшего основными силами отряда. Теперь критическая ситуация сложилась у шведов. Выдавлившие Давыдова из узкого пролива между островами, шведские корабли сами оказались зажаты в шхерах и узком проливе. Лодки и галеры противника сломали строй и сгрудились так, что из полста гребных судов шведов вести огонь могло едва ли больше пяти канонерок.

Пока шведы выстраивались в боевой порядок и вели беспорядочный огонь, Хвостов, стоя во весь рост на головной канонерке, приказал налечь на вёсла и не открывать огонь без его приказа. Он стремился подойти как можно ближе к неприятелю и тот единственный заряд, который был наготове у всех лодок, превратить в единый мощный залп. В реляции, описавшей этот бой, значилось: «В сем намерении суда наши пошли вперед и, выдержав неприятельский огонь, сблизились на картечную дистанцию, не делая ни одного выстрела. Спокойное и мужественное сие движение оставило быстроту неприятеля».

— Не стрелять! — скомандовал Хвостов, когда, казалось бы, уже можно было ответить неприятелю, чьи ядра падали всё ближе и ближе к лодке Хвостова.

— Не стрелять! — стоя с зажжённым фитилём, орал Николай в сторону замыкающих лодок.

— Не стрелять! — крик Хвостова тонул в канонаде шведских орудий, когда его лодка, сблизившись, прикрыла своим корпусом лодку Давыдова.

И только тогда, когда русские матросы увидели покрасневшие от дыма белки глаз шведов на их разъярённых лицах, с головной канонерки голосом лейтенанта Хвостова прозвучало:

— Огонь!

Пятнадцать мощных орудий рывкнули одним звериным рыком. К ним прибавилось ещё три с лодок авангарда Давыдова.

«Произведенная потом канонада, — продолжается в реляции, — несмотря на то что суда его шли под ветром и что весь дым отражался противу наших судов, расстроила его (противника. — Авт.) намерение, принудя стать в позицию оборонительную...

...Не имея способа в узком проходе действовать всею силою, неприятель между тем, когда он отражен был на правом нашем фланге, повел атаку из другого пролива на левый наш фланг, дабы обойти оной. Капитан 1-го ранга Селиванов командировал туда 2-е отделение своего отряда, под командою лейтенанта Мякинина, где находился и старший начальник сухопутных войск полковник Горбунов. Отделение сие, устремясь к неприятелю на всех вёслах, при жестоком огне, удержало его также в проливе.

Неприятель, видя повсюду неудачу, решился резервными своими судами прорваться в центре и, пользуясь устилающим наши суда дымом, начал выходить из узкого между островами прохода, дабы построить береговую линию. Полковник Пшыницкой, взяв «канонерские лодки», от 1-го отделения, обратился с оными противу сего прохода и действием из картечи расстроил немерения неприятеля, принудил его бежать, и, несмотря на все его последующие к тому покушения, испровергал их при самом начале.

Первое отделение, с невероятной твердостью во всё время преодолевая противный ветер, шло к неприятелю и поражало оного; а равно и второе отделение, имея противу себя вдвое превосходнейшего неприятеля, не давало ему нисколько выиграть места».

Разгорячённый боем, Хвостов, командуя первым отделением, с зажжённым фитилем сам производил выстрелы, когда его канонир наводил орудие. Николай в бою не пренебрегал ничем: он помогал канонирам заряжать орудие, сам стрелял и вообще делал всё для

того, чтобы нанести неприятелю как можно больший ущерб за как можно меньшее время.

Вдруг, как гром среди ясного неба, прозвучал за спиной голос одного из гребцов:

— Тонем, ваше благородие! Ядро пробило борт!

Не размениваясь на слова, Хвостов одним движением сбросил с себя мундир и, одним прыжком добравшись до повреждения, заткнул мундиром пробойну, после чего проревел:

— Налечь на вёсла! Грести! Вперёд! Только вперёд!

«В три часа, — продолжает реляция описание боя, — все наши суда были уже в деле под картечными выстрелами; безумолкная канонада превосходила возможность описать её. Невероятная твердость духа войск наших и героическое стремление к победе начальников отделений поставили неприятелю, при всем его превосходстве, повсюду непреодолимость, и каждое усилие расстроить нашу линию было мгновенно изпровергаемо».

После попадания в лодку второго ядра шансов спасти её не осталось, поэтому, сблизившись с соседней канонеркой, Хвостов одним прыжком оказался на её борту. Остатки команды последовали за ним.

— Кто командир? — прохрипел Хвостов.

Перед ним вырос юноша, чем-то напоминающий его друга — Гаврилу Давыдова.

— Мичман Михаил Лазарев! — представился юноша.

— Прекрасно! — отозвался Хвостов, представляться которому не было надобности, редко кто на Балтике не слышал имени этого смелого моряка. — беру командование на себя. Мичман Лазарев, поднимайте сигнал «Делай как я»!

Николай Хвостов тогда не знал, что мальчишка, лодку которого он принял в командование, прославит Россию открытием Антарктиды, командуя шлюпом «Мирный», вместе с другом Давыдова — Фаддеем Беллинсгаузеном, будущим командиром «Востока».

Хвостов пошёл на abordаж. Треск ломающихся весел только подбодрил лейтенанта.

— Вперёд! Только вперёд! — скомандовал Николай, одной рукой обняв шпалу, а другой вцепившись в борт вражеского судна.

На шведской галере завязался рукопашный бой. Всего через несколько минут остатки шведской команды сдались. Хвостов оглянулся. На палубах ещё трёх неприятельских канонерок шло кровопролитие. Вдруг одна из галер стала разворачиваться носом к только что захваченной лодке в надежде смести картечью с палубы русское мужество. Но Хвостов не был бы Хвостовым,

если бы не разгадал намерение противника. Действия лейтенанта опередили мысль и, подняв с палубы тлеющий канат, он поднёс его вместо фитиля к запальной камере пушки, которую шведы успели зарядить до начала abordаж, но выстрел произвести им не дали решительные действия Хвостова. И вот шведское орудие было направлено на шведский же корабль. Не успевая точно прицелиться, Хвостов произвёл выстрел наугад. Тягостные секунды ожидания наполнили пространство пустотой и бессмысленностью. Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Раздался чудовишной силы взрыв, и галера раскрылась, как скорлупа ореха, по осевой линии. Брандскугель*, которым была заряжена пушка, угодил прямо в крыйт-камеру вражеского судна. «Хорошо, что не картечь!» — только и успел подумать Николай.

На второй шведской канонерке взвился Андреевский флаг! Дело пошло. Ещё один пожар на шведском корабле довершал картину погрома.

«В 4 часа, — говорится в реляции, — две неприятельские лодки на правом и левом фланге взорваны посредством брандскугелей на воздух. Ободренные сим, храбрые войска наши, закричав «ура», всею линией пошли вперед, причем в глазах всей флотилии еще 6 неприятельских судов были потоплены».

Неприятель в замену оных выдвинул 6 галер. В 7 часов вечера капитан 1-го ранга Селиванов, объезжая все отделения, узнал, что остается немного зарядов и что некоторые лодки имея пробоины не могут держаться. Он приказал лейтенанту Хвостову отойти и соединиться со вторым отделением, дабы сформировать одну линию.

Неприятель, пользуясь сим случаем, пустился на всех веслах в атаку, в намерении выстроиться на плесе. Суда наши, выждав неприятельское нападение, подвинувшись также вперед и сделав удар, затопили еще две лодки. Почему он, отойдя в прежнюю позицию, начал прекращать свой огонь; наступившая темнота ночи прервала и самое сражение. Суда наши, отойдя две версты, остановились и 19 числа в 10 часов направили ход свой в Або, дабы заставить снарядами и исправить поврежденные суда. Потеря наша состоит убитыми 45 человек, ранеными Кременчугского мушкетёрского полка капитан Чедаев и нижних чинов 68.

Беспримерная храбрость, каковою защищаем был флаг Его императорского величества, против вдвое превосходящего неприятеля

* Зажигательный снаряд корабельной гладкоствольной артиллерии. Состоял из пустотелого чугунного ядра с отверстиями, начиненного зажигательным составом.

ля, коему не уступлен ни один шаг; заслуживает особенную похвалу, о чем отлично свидетельствует Главнокомандующий.

Неприятель в то же самое время отступил за остров Вартеало, имея кроме потопленных и взорванных на воздух множество разбитых лодок, кои оставлены у Сандсало, так что без больших изправлений нельзя им иметь ходу.

Капитан I-го ранга Селиванов, отзываясь Главнокомандующему с особенною признательностью о мужестве всего отряда, превосходно свидетельствует о лейтенанте Хвостове, который оказал пример невероятной неустрашимости, пренебрегая сыплющимся градом картечи и не взирая, что четыре шлюпки под ним были потоплены и из 6 гребцов остался только один, он шел вперед и поражал неприятеля; а равным образом и сухопутные начальники отзывались Главнокомандующему о его мужестве, все нижние чины его превозносят, и вообще где он только появлялся, храбрость оживотворялась. Лейтенант Мякинин, заслуживший предпочтение и оказавший превосходную храбрость в первых сражениях, оправдывает сие о нем мнение при всяком случае. Полковники Горбунов и Пышницкой распоряжениями и примером своим заслужили по всей справедливости имя неустрашимых, а равно заслужили внимание лейтенанты: Давыдов, Тutyгин и мичман Трубников».

Находившийся на берегу граф Буксгевден, главнокомандующий русской армии, услышав стрельбу с моря, велел выяснить положение сил. Ответ адъютанта поверг его в уныние. Русские канонерские лодки втрое проигрывали по численности шведскому флоту. Почему-то Фёдору Фёдоровичу вспомнился прощальный взгляд Хвостова. Глаза его были преисполнены мужества и благодарности за то, что из рутины Адмиралтейства его, отважного офицера, окунули в родную стихию морских сражений. И вот теперь судьба отважного морского офицера и его друга, так рано возмужавшего мальчишки Гаврилы Давыдова, висела на волоске. Чем он мог помочь им? Сам же послал их на верную смерть. Но может, эта жертва была не напрасна. Если ценою собственных жизней эти мальчишки спасут от англо-шведского десанта его тылы, второе русское наступление будет иметь успех. Развернув свои силы в глубь шведской территории, Буксгевден надеялся уже в текущем году принудить неприятеля сдаться.

Вечерело. То ли туман, то ли пороховой дым, укрывающий шхеры с островами, среди которых происходило сражение, озарялся яркими оранжевыми вспышками. Русский флот, погибая, ломал планы шведов. Вряд ли хоть одна из русских канонерских лодок утром пристанет к берегу, вряд ли он, боевой генерал, услышит

победную реляцию. Однако и в том, что измотанный кровавым боем шведский флот не посмеет произвести высадку, он был тоже уверен. Тяжело вздохнув, главнокомандующий направился к своей палатке, приказав адъютанту будить его в любое время. Гауптвахта, приняв ружья «на караул», отдала последние в этот день почести творцу стратегии этой войны, генералу Буксгевдену.

— Ваше сиятельство! — разбудили провалившегося в сон генерала слова его адъютанта. — Лодейный флот движется напротив берега. Кормовые флаги Андреевские, но флот слишком велик. Более полусотни канонерских лодок и галера. Галеры в нашем флоте точно не было! Может, это шведы, взявшие в плен наши лодки, пытаются нас обмануть и произвести десант прямо у нашей ставки?

— Окстись! — рявкнул на адъютанта генерал. — Лодками командовали Селиванов, Хвостов, Давыдов, Трубников. Верные слуги царя, отважные Пшеницкий и Горбунов руководили отрядами русского морского десанта. Пока эти люди живы, противник не мог взять в полон наш флот. Однако, голубчик, на всякий случай прикажите-ка зарядить орудия береговой артиллерии картечью — они ведь могли и в бою полечь! Без моего приказа огонь не открывать.

Буксгевден всегда одевался сам, прогоняя слуг и адъютантов. Он считал, что воин не должен, подобно женщине, быть окружён излишней заботой о своей персоне. Когда генерал откинул полог палатки, его взору предстала удивительная картина — всё побережье было заполнено малыми судами.

— Который час? — рявкнул генерал куда-то в пространство.

— Половина четвёртого утра! — отозвалось эхо голосом адъютанта.

Вглядываясь в темноту ночи, Буксгевден сумел разглядеть на носу первой канонерки, оторвавшейся от других и направившейся к берегу, две фигуры. Один из людей, стоявших на носу, приветственно махал рукой. Он был облачён в почерневший от дыма, но хорошо узнаваемый по крою, русский морской офицерский мундир. Второй, стоявший в одной рубашке, опирался на плечо офицера. Вся правая сторона рубахи была в крови.

— Адъютант, где тебя черти носят? — крикнул главнокомандующий.

Офицер, исполняющий адъютантскую должность, вырос как из-под земли:

— Я здесь, ваше сиятельство!

— Вели играть подъём и общее построение! Героев будем встречать!

Гаврила, поддерживая Николая, поднимался по крутому обрыву. Сверху к ним уже спешили люди, чтобы помочь Хвостову. Но Николай от помощи отказался, предпочитая предстать перед главнокомандующим самостоятельно без поддержки.

Гвардия выстроилась во фронт, приветствуя героев. Буксгевден сам пошёл навстречу и обнял друзей, как только они появились у края обрыва. Выпрямившись и приосанившись, моряки дружно отдали честь главнокомандующему. Хвостов, которого переполняли эмоции, выпалил:

— Ваше сиятельство, имею честь доложить о полной победе русского флота у острова Судсало! В этом сражении у нас затонули две избитые канонерские лодки, с которых люди были спасены. Убито сорок пять человек нижних чинов. Потери шведов несравненно более: они лишились 8 канонерских лодок, которые были затоплены. Также нами взорвана галера и ещё одна лодка. Имея недостаток в артиллерийских снарядах и значительные повреждения во многих судах, в числе которых 17 лодок получили от 4 до 8 пробоин и едва держатся на воде, капитан 1-го ранга Селиванов увёл для исправления их в Або.

Буксгевден, покачав головой, разом обнял обоих морских офицеров.

— Ай, молодцы! Представлю к наградам! Хвостов... Николай, да тебе лекарь нужен! Лекаря сюда!

— Ваша светлость, лекаря не нужно! — остановил командующего Хвостов. — И наград не нужно! Накормите, перевяжите и отправьте к флоту!

— Идёмте, черти, завтракать! Голодные небось! — произнёс Буксгевден, дружески обнимая за плечи друзей-офицеров и увлекая их в свою палатку.

Буксгевден, проходя мимо гауптвахты, отдавшей ему честь, остановился напротив часовых и произнёс:

— Не мне! Не мне — победителю! — и указал на Хвостова.

Между тем морской отряд, состоявший из канонерских лодок, разделёлся. Пленённые шведские лодки под командованием Пшеницкого были доставлены с ранеными матросами и шведскими пленными к берегу. Пока Хвостов и Давыдов приводили себя в порядок, главнокомандующий, любимый в войсках за простоту и прямоту, спустился к берегу. Подробные рассказы непосредственных участников событий и сухопутных офицеров, наблюдавших за боем с суши, о мужественных подвигах Хвостова и Давыдова казались просто невероятными. Тогда Буксгевден решил разузнать о подробностях боя у простых матросов и солдат.

— Скажите, ребята, кто был главной причиной победы?

— Хвостов! — закричали все в один голос.

Впоследствии адмирал Шишков, наводивший справки о подвигах Хвостова, записал: «Можно сказать, что рука providения спасала его в сем сражении: четыре раза неприятель ядрами и картечами раздроблял под ним судно, каждый раз погружая его в воду, и четыре раза возникал он из глубины моря, не теряя нимало присутствия духа, по всюду разъезжая впереди распоряжаясь, ободряя людей и повелевая следовать за собою».

Главнокомандующий, слыша такие речи, вернулся к ставке и распорядился, чтобы Хвостов с Давыдовым перебирались для отдыха на его яхту. Пока что это была высшая честь, которую мог оказать генерал флотским лейтенантам.

Он ещё не знал, что вторая часть гребной флотилии в составе 28 канонерских лодок под командой капитана 1-го ранга Селиванова 2 сентября 1808 года, в день, когда шведский король Густав IV отдал приказ защищать Финляндию до последнего солдата, была атакована у острова Судсало в спину шведской гребной флотилией. Шведы собрали 42 канонерские лодки, и Селиванов принял решение отойти к Або.

Узнав об этом, Хвостов вернулся с яхты и потребовал от Буксгевдена, чтобы его вместе с другом отправили снова в море.

— Вы вовремя, лейтенант, — отозвался главнокомандующий. — Только что прибыла флотилия контр-адмирала Мясоедова. Поступаете в его распоряжение. Ваша задача — не просто блокировать у Судсало шведский флот, но и полностью вывести его из строя.

Сказано — сделано. 5 сентября русская гребная флотилия под командованием контр-адмирала Мясоедова вновь атаковала шведскую гребную флотилию у острова Судсало. После упорного и кровопролитного сражения шведы, преследуемые отрядами лейтенантов Николая Александровича Хвостова и Ивана Николаевича Бутакова* отступили, потеряв 6 судов. Потери русских составили 200 человек убитыми и ранеными. До поздней осени гребной флот

* Бутаков Иван Николаевич (1776–1865) — российский контр-адмирал, отец пятерых сыновей — военных моряков России. Старший сын, Бутаков Алексей Иванович (1816–1869), российский контр-адмирал, стал первым исследователем Аральского моря. Другой, Григорий Иванович Бутаков (1820–1882) — флотоводец, адмирал, исследователь Чёрного моря, основоположник тактики парового броненосного флота. Третий сын, Бутаков Владимир Иванович (1830–1894), прославился при обороне Севастополя 1855 года. Внук Ивана Николаевича, Бутаков Григорий Иванович (1873–1960) во время Первой мировой войны командовал крейсером «Аврора».

контр-адмирала Мясоедова охранял шхеры, напроць лишив шведов возможности высаживать морские десанты.

Ранним сентябрьским утром Хвостов отправился на вёсельный катер «Снапоп», отбитый накануне у шведов, чтобы принять командование судном. Поднявшись на борт, лейтенант был встречен гардемарином с фамилией, тогда ещё никому ни о чём не говорящей.

— Лейтенант Хвостов! — представился вновь прибывший капитан. — Чья вахта?

— Гардемарина Гвардейского морского экипажа Михаила Николаевича Лермонтова!

— Слышал ли, Лермонтов, о том, что там, где Хвостов, там русскому оружию побеждать?

— Слышал, господин лейтенант! На флоте только и разговоров, что о вашей храбрости!

— Храбр будь и ты, Лермонтов! Матросам — на уважение, потомкам — в пример!

Конечно же, имея такого командира, Миша Лермонтов, будущий герой стихотворения «Бородино», своего троюродного племянника и тёзки Михаила Юрьевича Лермонтова, не мог не отличаться. 6 сентября 1808 года русская гребная флотилия вновь столкнулась с англо-шведским флотом у острова Пальво. В этом бою гардемарин Лермонтов выказал храбрость и отвагу, за что получил первую боевую награду в свои 16 лет — «знак отличия Военного ордена» и Георгиевский крест.

Следующий бой Хвостова произошёл у острова Тевсало 19 сентября 1808 года. Адмирал Шишков, разузнавший от Хвостова с Давыдовым подробности боя, сделал очень интересное замечание о характере Хвостова: «В сражении при острове Тевсало отряжен он был с некоторым числом лодок для встречи идущего на них неприятеля. Уже они сближались и были один от другого не далее как на два пушечных выстрела. Он с обыкновенною бодростью, какую всегда привыкли в нём видеть, распоряжался и приготовлялся к бою. В самое сие время привозят к нему от матери письмо, в котором она умоляет его помнить о ней и беречь жизнь свою. Он читает письмо и плачет. Бывшие на лодке с ним люди, увидев его в сем состоянии, удивились и оробели. Но они недолго видели над ним сие торжество природы, сие умиление и слезы. Первая неприятельская пушка возвращает ему весь прежний огонь: кровь в нём закипела, глаза его засверкали, голос возвысился, и во все время сражения был он всегда там, где брань больше свирепствовала. Также один из служивших с ним подчинённых его рассказы-

вал мне, что в покоренных оружием местах главное попечение его было наблюдать, чтоб жители того края не потерпели каких обид и насилий от победителей. Случалось, что ночью, для из довольно отдаленных мест, присылали к нему просить о защите, и он никогда не ленился сам ходить туда, дабы разобрать жалобы и сделать справедливое удовлетворение...»

Николай Хвостов хорошо помнил, как Резанов разбирал споры между промышленниками и жителями Алеутских островов и с какой благодарностью смотрели на камергера алеуты, для которых Николай Петрович был олицетворением самой справедливости. Давыдов находился при Хвостове неотлучно. «Там, — продолжает Шишков, — кроме разных, сопряженных с трудами и опасностью посылок, были они победителями в двух сражениях, происходивших одно Сентября 6 у острова Пальво, другое Сентября 19 у острова Тевсало. Хвостову поручены были довольно важные силы, с которыми везде, оказывая редкую расторопность, искусство в распоряжениях и неустрашимость, поражал он превосходного числом неприятеля, о чем вице-адмирал Мясоедов в донесениях своих с величайшею похвалою свидетельствует. Давыдов всегда был вместе с Хвостовым, ранен легко в ногу, также являл везде отличное мужество, и весьма похвально. По окончании кампании в наступившую зиму Главнокомандующий, желая вознаградить их за понесенные ими труды и подвиги, причислил их к свите своей и велел им ехать в Петербург, с тем, что в они до востребования оных впредь оставались там для поправления своего здоровья. Судьба возвышению и счастью их везде поставляла преграды...»

Но прежде чем продолжить повествование о судьбе наших героев, нельзя не вспомнить о человеке, судьба которого была настолько переплетена с судьбами Хвостова и Давыдова, что просто диву даёшься, насколько мал наш мир. Одним из наблюдавших за морскими подвигами наших героев на море был Федя Толстой, которого благодаря его рассказам о жизни на Алеутских островах окрестили в высшем свете «Американцем». Друзья ещё не знали, что спасённый ими дебошир Толстой вернулся в европейскую Россию с Камчатки сухим путём, не став дожидаться весенней навигации в Петропавловске. Пересекавший всю Сибирь горе-путешественник был остановлен у Петербургской заставы и отправлен в Нейшлотскую* крепость. Царь, наслышанный о «подвигах» поручика, приложил все усилия, чтобы Толстого перевели из лейб-гвардейского Преображенского полка в гарнизон крепости. Попасть из гвардии

* Савонлинна (современное название) — город в Финляндии.

в гарнизон было позором для офицера. За этот позор Толстой должен был быть благодарен Крузенштерну, чья жалоба на действия поручика нашла благодатную почву при дворе. Просьба мёртвого к тому времени Резанова способствовала лишь одному — Толстой не был лишён своего военного звания. Так, бывший предметом издёвок поручика, камергер Резанов заступился за своего врага, а капитан «Надежды» — подставил своего «союзника». Но роль «крепостного» офицера никак не устраивала неугомонного Федю. Все его помыслы были направлены на то, чтобы выбраться оттуда. Графу чертовски везло, и когда в Сердоболь* прибыл шеф Митавского полка, генерал Илья Иванович Алексеев, Толстой явился к нему и молил взять его с собою на Шведскую войну. Юноша генералу понравился, и Алексеев отправил в Петербург представление на Толстого, но с выговором получил отказ. Тогда Толстой-Американец обратился с подобной же просьбой к князю Долгорукову, которому отказать не посмели. Князь Михаил Петрович Долгоруков во время Шведской войны был командующим Сердобольским отрядом, и по его просьбе Толстой был назначен к нему адъютантом. Однако громко сказано — «адъютантом». О том, чем занимался при новом начальнике поручик, рассказал его сослуживец Липранди: «Князь знал его издавна и был с ним как со старым товарищем, любил слушать его рассказы, мастерски излагаемые, и не иначе называл его как Федей или Фёдором. Толстой заведовал походным хозяйством и за столом разливал суп, делал для личного употребления князя конверты и сберегался для отчаянных предприятий».

Отчаянное предприятие скоро представилось. 15 октября 1808 года во время сражения под Иденсальме, чтобы не дать отступающим шведским драгунам времени разобрать мост, князь поручил Толстому с несколькими казаками броситься за шведами и завязать с ними перестрелку, что и было удачно выполнено. Эта смелая вылазка русских сорвиголов позволила спасти мост и на следующий день начать переправу основных войск, выходявших на оперативный простор и отрезавших шведам тылы. В этот же день на глазах у Толстого Долгоруков был убит. По словам Липранди, при князе оставались только они — Липранди с планом позиции в руках и граф Толстой с огромной пенковой трубкой. «Князь был в сюртуке нараспашку, под которым был шпензер, т.е. мундир без фалд. В правой руке он держал на коротеньком чубуке трубку, в левой — маленькую зрительную трубу. День был прекрасный, осенний. Князь шёл под гору за полками, переправившимися через мост. Вдруг мы

услышали удар ядра и в то же время увидели князя, упавшего в яму, из которой выбирали глину около дороги».

Толстой и Липранди бросились за ним. Лежащему на спине бездыханному Долгорукову трехфунтовым ядром оторвало руку и раздробило грудь. Толстой заявил, что не будет смывать кровь, которой он запачкался, подымая тело, пока она сама не исчезнет, и надел на себя камзол князя.

Граф доставил тело Долгорукова в Петербург, но в город его не пустили — предписание, касающееся дебошира, было всё ещё в силе. Однако в знак прощения графа за подвиги на войне царь разрешил ему проститься с телом своего командира и приказал тут же отбыть к родному Преображенскому полку. Прибыв к месту назначения 31 октября 1808 года, Фёдор Толстой стал искать случай, чтобы проявить своё мужество. Случай не заставил себя долго ждать...

1808 год, который Россия провела в войнах со Швецией, подходил к концу. Буксгевден командовал несколькими успешными кампаниями на суше и в начале ноября 1808 года с высочайшего соизволения императора вступил в переговоры со шведами. Именно Буксгевден стал творцом русской победы в Скандинавии и добился стратегического превосходства над противником. Но подписать перемирие ему не удалось — вопреки успехам уходящего года император Александр не был полностью удовлетворён действиями графа Буксгевдена, так как шведская сторона, несмотря на существенное превосходство русских сил, сохранила свою армию. Логика войны диктовала условие, согласно которому войну нельзя было считать оконченной, если армия противника не разгромлена в генеральном сражении. Именно потому место Буксгевдена занял генерал-лейтенант граф Каменский. Он и подписал перемирие 7 ноября 1808 года в деревне Олькйюки. Но в новой должности граф продержался всего лишь полтора месяца. В начале декабря на посту главнокомандующего его сменил генерал от инфантерии Богдан Фёдорович Кнорринг. Император Александр повелел новому главнокомандующему немедленно и решительно перенести театр войны на шведский берег, пользуясь редчайшей в истории обычно незамерзающего залива возможностью перебраться по льду на вражескую территорию и дать зимнее сражение. Впрочем, спустя четыре месяца Кнорринга, успешно выполнившего приказ, тоже уволили...

По приказанию князя Голицына, командира корпуса, действовавшего против шведов в районе города Ваза, Фёдору Толстому поручено было исследовать пролив Кваркен. Он с несколькими казаками до-

* Сортавала (современное название) — город в Карелии.

шел до Гэдденского маяка и донес, что путь хотя труден, но возможен, причем добавил, что шведы в той местности не располагают большими силами. Это донесение дало возможность Барклаю-де-Толли, принявшему командование корпусом, перейти по льду Ботнического залива и с трехтысячным отрядом занять Вестер-Ботнию. Так, благодаря смелости Толстого, русским войскам впервые удалось произвести переправу по льду на столь значительное расстояние и осуществить первый в мировой военной практике ледовый десант.

2 марта 1809 года войска князя Багратиона, выступившие к Аландским островам, быстро овладели ими, а 7 марта небольшой русский конный отряд под начальством Кульнева уже занял на шведском берегу деревню Гриссельгам. Через двое суток отряду приказано было вернуться на Аланды, куда прибыл шведский уполномоченный с письмом герцога Зюдерманландского, заявлявшего о желании заключить мир с условием, чтобы русские войска не переходили на шведский берег. Кнорринг согласился на приостановку военных действий; главные силы князя Багратиона были возвращены к Або; отряд Барклая-де-Толли, уже перешедший залив у Кваркена, тоже был отозван назад.

После успешных действий русских войск Толстой и офицеры полка разместились на зимних квартирах в Або, где погрузились в атмосферу вынужденного безделья. Вскоре шведские власти согласилась уступить России Финляндию. Русской армии, расквартированной на её территории, оставалось только дожидаться подписания мирного договора.

Оказавшись в прежней обстановке, Федя принялся за старое. Сумасбродный граф сумел вызвать на дуэль капитана Генерального штаба Брунова и серьезно ранить соперника. Вторая дуэль состоялась с Александром Ивановичем Нарышкиным, сыном императорского обер-церемониймейстера. Поводом послужила то ли неудачная шутка Толстого, то ли ревность к местной прелестнице. Толстой застрелил Нарышкина на дуэли и угодил в Выборгскую крепость на три года, после чего был уволен со службы.

Проявить себя вновь «деятельный» граф сумел вскоре после начала Отечественной войны 1812 года. Собрав отряд московского ополчения, Фёдор Толстой участвовал в Бородинском сражении, в котором был ранен в ногу. Не раз ходил он в атаки в солдатских цепях, поражая командование и противника удалью и отвагой. На войне он вернул себе чин и ордена и своей безумной храбростью заслужил Георгия 4-й степени.

В войне против шведов принимали участие и другие кругосветные мореплаватели. Один из них, Ермолай Ермолаевич Ле-

венштерн, произведённый в капитан-лейтенанты, в 1808 году командовал морским отрядом при обороне Архангельского порта от нападения англичан.

Так уж распорядилась судьба, что три других участника русской кругосветки оказались задействованы в одной морской кампании, которая началась 14 июля 1808 года выходом в море из Кронштадта русской эскадры Балтийского корабельного флота под командованием адмирала Петра Ивановича Ханькова. Капитан Лисянский командовал судном «Эмгейтен», захваченным у шведов в Выборгском сражении 22 июня 1790 года, на борту которого располагалось 66 орудий, при численности команды в 410 человек. Макарь Ратманов принял командование «Северной звездой» — 2700-тонной красавицей, несшей 74 орудия и имевшей команду в 610 человек. Свой брейд-вымпел адмирал Ханьков держал на головном корабле эскадры «Благодати» водоизмещением 4400 тонн, при 130 орудиях, которым командовал Иван Фёдорович Крузенштерн.

В составе Балтийской эскадры, направлявшейся к берегам Швеции, было 9 линейных кораблей — «Благодать», «Гавриил», «Северная Звезда», «Борей», «Зачатие Св. Анны», «Эмгейтен», «Архистратиг Михаил», «Всеволод», «Орёл»; 4 фрегата — «Тихвинская Богородица», «Феодосий Тотемский», «Богоявление Господне», «Счастливый»; 2 корвета — «Мельпомена» и «Гермион»; 2 шлюпа — «Волхов» и «Лизета»; 2 катера — «Топаз» и «Жемчуг»; люггер «Великий князь» и 2 бомбардирских судна — «Дракон» и «Единорог». В море к эскадре присоединился отряд капитан-лейтенанта П.Х. Зуева с 2 фрегатами «Героем» и «Полуксом», 2 корветами «Помоной» и «Меркурием» и 2 катерами.

Инструкцией, данной Ханькову, предписывалось: «Стараться истребить шведские морские силы или овладеть ими, прежде соединения их с англичанами; очистить финляндские шхеры от неприятельских судов и содействовать сухопутным войскам недопущением высадки неприятельского десанта».

25 июля русский флот благополучно, не встретив противника, дошёл до Гангута, где простоял две недели. От Гангута суда эскадры выходили в крейсерство, причем 2 августа были взяты в плен 5 шведских транспортов и конвоировавший их бриг «Фальк».

В это время адмирал Ханьков получил предписание от Адмиралтейств-коллегии: войти в сношение с главнокомандующим русскими войсками в Финляндии графом Буксгевденом и условиться с ним о дальнейших действиях. Тяжело сказать, что толкнуло Чичагова на отдачу такого приказа: то ли несвоевременное обнаружение крупных сил противника в акватории Балтики, то

ли успехи русской армии на суше, но так или иначе это предписание подчиняло Ханыкова главнокомандующему сухопутными войсками графу Буксгевдену. Граф настаивал на том, чтобы отправить эскадру в Ботнический залив для поиска и перехвата шведских транспортных судов, а затем совместно с гребной эскадрой атаковать шведов у Юнгферзунда. Ханыков долго не соглашался, ссылаясь на предыдущее распоряжение Чичагова действовать самостоятельно. Но настойчивость главнокомандующего русской армией одержала вверх и Ханыков вынужден был подчиниться. Только после получения известия о бое со шведской гребной флотилией при Юнгферзунде 9 августа 1808 года эскадра всё же направилась туда для разведки. Но время было упущено — к шведской эскадре присоединились два английских корабля, и соединенный неприятельский флот решил выйти из шхер, чтобы вступить в бой с русской эскадрой, намереваясь нанести ей поражение и открыть морские ворота Петербурга. Если бы этот план удался, англо-шведский десант можно было бы высаживать прямо в окрестностях столицы.

Получив сигнал от форзейля о том, что шведы и англичане начали выходить из пролива Юнгферзунд, Ханыков, не считая возможным вступить с ними в бой в открытом море и вдали от своих гаваней, стал отходить к востоку, чтобы не быть отрезанным от родных портов. Русской эскадре было приказано нести все возможные паруса и, лавируя к востоку, полным ходом идти в Балтийский порт. 13 августа 1808 года сигнальщики 130-пушечного флагманского линейного корабля «Благодать» обнаружили погоню. Шведская эскадра, состоящая из 7 кораблей, 6 фрегатов, 2 бригав и катера, усиленная двумя быстроходными английскими линейными кораблями «Центавр» и «Имплекабль», шла на сближение с русским флотом.

Ночью тяжёлый на ходу 74-пушечный корабль «Всеволод», всё более сваливаясь под ветер, отстал от своей эскадры более чем на пять миль. В пять часов утра уже на подходе к Балтийскому порту англичане, увидев одинокий отстающий русский корабль, решили атаковать его. Несмотря на явное превосходство англичан, командир корабля капитан 2-го ранга Даниил Руднев принял неравный бой.

На рассвете 14 августа русский флот достиг Балтийского порта*, когда строй русской эскадры начал разваливаться. Услышав выстрелы в хвосте линии и видя, что «Всеволод» вступил в неравный бой с двумя английскими линкорами, адмирал Ханыков отдал приказ: «Трём концевым кораблям, «Орлу», «Гавриилу» и «Архи-

стратигу Михаилу», идти на помощь «Всеволоду»». Но ни один из командиров не исполнил дважды повторенного сигнала флагмана.

— Иван Фёдорович, — обратился Ханыков к капитану «Благодати» Крузенштерну. — Приготовиться к повороту. Идём на вырубку «Всеволоду»!

Старший офицер «Благодати», брат бывшего старпома «Надежды» Андрей Ратманов, поднял сигнал на флагмане «Иду на вырубку».

Крузенштерн не раздумывая отдал команды и сам встал у штурвала, совершая крутой разворот оверштаг. Макар Ратманов, заметив манёвр флагмана и сигнал, поднятый братом, положил «Северную звезду» лево на борт и повторил все действия «Благодати». За ними последовал фрегат «Полукс», командовал которым капитан-лейтенант Трескевич. Крузенштерн, Ратманов и Трескевич, построив новую линию, поставили все возможные паруса в стремлении как можно скорее прикрыть своей артиллерией «Всеволод» и наказать зарвавшихся англосаксов. Две с половиной сотни русских орудий уже изготовились, чтобы дать достойный отпор неприятелю, когда подлые английские стервятники, не ожидавшие такого манёвра русских, бросили свою жертву и вернулись к шведской эскадре. Капитан «Центавра» Уэбли не рискнул атаковать русскую линию силами всего двух английских линкоров.

Русский флот продолжал отходить к Балтийскому порту. Поврежденный «Всеволод» не мог держаться в строю и самостоятельно следовать за эскадрой. Он шёл в сопровождении фрегата «Полукс». Из-за резких манёвров на корабле Ратманова «Северная звезда» треснула фор-стенга, и он также вышел из строя. Ввиду превосходства сил противника Ханыков, не желая принимать бой в открытом море, ввел эскадру в Балтийский порт и встал на якорь.

Потерявший ход «Всеволод» по приказанию Ханыкова был взят на буксир 36-пушечным «Полуксом». В 11 часов, когда злосчастного «Всеволода» отделяло от порта всего 6 миль, буксировочный канат, отданный с «Полукса», лопнул. «Всеволод» свалился под ветер. Фрегат «Полукс», оставив судно Руднева, отошел к эскадре. После нескольких безуспешных попыток самостоятельно обогнуть мыс Малый Рогге, открывавший кораблю вход в Балтийский порт, капитан Даниил Руднев был вынужден встать под берегом на якорь.

Адмирал Ханыков, оценив бедственное положение судна, послал со всех кораблей эскадры, уже вошедшей в порт, шлюпки под защитой вооружённых баркасов для буксировки поврежденного корабля. Спуск шлюпок и их подход к месту стоянки «Всеволода» заняли около 3 часов. Только в 16 часов началась буксировка по-

* Рогервик (швед.), Палдиски (эст.) — город-порт основанный Петром I.

вредного судна. Мгновенно сориентировавшись в обстановке, оба английских линкора тут же развернулись и стали спускаться к поврежденному русскому исполниту с наветренной стороны.

Буквально с ходу английский линкор «Центавр» разогнал шлюпки и баркасы картечью, после чего всей артиллерией правого борта атаковал самого «Всеволода». Группа моряков «Центавра» сумела принайтвить его бизань к бушприту «Всеволода», после чего огонь «Центавра» усилился. Решив защищаться до последней крайности, капитан Руднев посадил корабль на мель. «Центавр» тоже приткнулся к мели. Завязался отчаянный рукопашный бой. Несколько попыток англичан взять корабль на abordаж были отбиты, но и abordажные действия русских моряков не имели успеха. Тогда «Имплекабль», зайдя «Всеволоду» с кормы, начал в упор продольными залпами расстреливать обреченное судно. Сбив все мачты «Всеволода», англичане разносили в щепы русский корабль. До последнего команда огрызалась артиллерийским огнём из оставшихся в целости пушек.

Лисянский на своём «Эмгейтене» бросился на выручку команды корабля, терпящего бедствие. Его действия сумели воодушевить команды ещё трёх судов, которые начали сниматься с якоря в стремлении хоть чем-то помочь «Всеволоду», но маловетрие не дало возможности произвести манёвр и выйти из порта.

После часового боя, когда на «Всеволоде» погиб почти весь экипаж (из 700 в живых осталось 93 человека), англичане захватили заваленный трупами, обломками рангоута и такелажа корабль. Оставшиеся в живых русские матросы и офицеры, не желая сдаваться в плен, бросались в воду, пытаясь вплавь добраться до берега, из которых только 56 человек сумело доплыть до берега и избежать плена. Овладев судном, англичане после неудачной попытки снять его с мели, разграбили и подожгли русский линкор. К утру 15 августа взрыв остатков боезапаса в кюйт-камерах «Всеволода» поднял истерзанное судно на воздух.

Русская эскадра в Балтийском порту стала на шпринг вдоль берега, готовясь отразить атаку, но в ситуацию вмешалась погода. Противный ветер, дувший от входа в гавань, не позволил объединённому англо-шведскому флоту войти в порт и произвести атаку на русские корабли в течение целого месяца. Присоединившийся 30 августа к англо-шведской эскадре 74-пушечный трёхпалубный английский линкор «Голиаф» тоже оказался бесполезен.

16 сентября, после начала осенних штормов на Балтике, когда на судах англичан и шведов начал заканчиваться провиант, вражеский флот снял блокаду Балтийского порта и ушел.

А два дня спустя, 18 сентября 1808 года, морской министр Чичагов отстранил от командования русским Балтийским флотом адмирала Ханыкова. 30 сентября флот под руководством низложенного адмирала бросил якоря на Кронштадтском рейде и к 4 октября вошёл в гавань. Чичагов, идею которого не сумел воплотить в жизнь Ханыков, сорвал с провинившегося адмирала эполеты. Морскому министру и тогда казалось, что линкоры могут эффективно воевать в шхерах. А то, что около полутысячи шведских и английских корабельных пушек не произвели ни единого выстрела по наступавшей вдоль побережья русской пехоте, так и осталось незамеченным.

Адмирал Ханыков, отданный под суд, признан был виновным «в недостаточно бдительном наблюдении за шведскими судами в Юнгферзунде, в допущении английским кораблям присоединиться к шведской эскадре, в непринятии сражения, поспешном уходе в Балтийский порт и в неоказании помощи кораблю «Всеволод». Адмиралтейств-коллегия, приписывая поступки адмирала «его оплошности, слабости в командовании, медленности и нерешительности», приговорила записать его на месяц в матросы. Но на приговор коллегии о разжаловании адмирала была наложена резолюция Александра I о предании забвению суда, производившегося над адмиралом Ханыковым, «во уважение прежней его службы». Несколько лет спустя адмирал, так и не сумевший свыкнуться с мыслями о позоре, умер от апоплексического удара.

По возвращении в Кронштадт ещё трое командиров кораблей, не исполнивших приказ, были арестованы. Суд над ними производила Особая комиссия. После изучения всех обстоятельств командир корабля «Орёл» Ф.В. Веселаго* был оправдан. Командир самого совершенного в русском флоте 100-пушечного корабля «Гавриил», старший брат только что оправданного капитана «Орла», Е.В. Веселаго и капитан 74-пушечного «Архистратига Михаила» А.И. Лукин, а также штурман «Орла» «за лживое объявление о сигнале» были приговорены к «лишению живота». Однако монаршей конфирмацией Александра I приговор суда был смягчен и смертная казнь заменена отстранением от службы.

Так уж распорядилась история, что могучий Балтийский флот в ходе последней войны между Швецией и Россией оказался не только бездейственным, но и покрыл свои знамена пятнами позорного бегства от вражеской эскадры, а гребной флот, сформиро-

* Сын капитана «Орла» Феодосий Фёдорович Веселаго напишет впоследствии несколько трудов, посвященных истории Российского флота, и станет первым, кто осветит жизнь и свершения И.Ф. Крузенштерна.

ванный из трофейных канонерок, нанёс ощутимый урон шведам и поддержал наступление русских сухопутных войск. Возможно, если бы Александр I прислушался к Буксгевдену, русский флот покрыл бы себя неуязвимой славой в каком-нибудь очередном сражении на Балтике. Но произошло то, что произошло. Яркими вспышками на фоне неудачи нашего корабельного флота выглядят подвиги команд 14-пушечного катера «Опыт» и 48-пушечного фрегата «Богоявление Господне».

Зато награды не обошли ни Крузенштерна, ни Лисянского, ни Ратманова. После окончания войны Крузенштерн был избран действительным членом Морского департамента, но после ссоры с Гавриилом Сарычевым, о причинах которой будет рассказано в следующей главе, Крузенштерн был назначен директором Морского кадетского корпуса с присвоением звания вначале капитана 1-го ранга, а затем и вице-адмирала.

Юрий Фёдорович Лисянский дослужился до капитана 1-го ранга и сразу по окончании Шведской войны, не вынеся позора Балтийской блокады, подал в отставку. Он всерьёз считал, что Крузенштерн вполне мог оказать давление на Ханыкова и изменить ход событий.

Капитан 74-пушечного корабля «Северная звезда», недавний старпом «Надежды», Макар Иванович Ратманов, произведённый ещё в плавание вокруг света 10 февраля 1804 года в чин капитан-лейтенанта, получил после окончания Шведской войны, 1 марта 1810 года, чин капитана 1-го ранга. Между кругосветкой и войной Ратманов был направлен на Черноморский флот, где вступил в командование линейным кораблём «Победа». При этом назначении 2 августа 1806 года он был произведён в капитаны 2-го ранга. Дослужился Ратманов до вице-адмирала и стал директором инспекторского департамента Морского министерства...

К началу 1809 года положение шведов стало безнадёжным. В планы англичан, тайно ведущих переговоры с Александром I о присоединении России к новой антинаполеоновской коалиции, не входило возобновление активных действий против России на море и уж тем более создание угрозы российской столице. Англичане знали, что сохранившийся Ханыковым Балтийский флот был готов отразить любую атаку на Петербург, Кронштадт и Ревель. Тем не менее упрямый швед Густав IV решил продолжать войну. Когда же русский корпус генерала Шувалова в тридцатиградусный мороз по колено в снегу нанёс удар по городу Калике, а Барклай де Толли, уверенный, что «для русских солдат невозможного не существует», произведя бросок русских войск по замёрзшему льду

Ботнического залива и захватил Аландские острова и до Стокгольма русским войскам оставалось 4—5 переходов, в Швеции произошёл государственный переворот.

Из-за политического кризиса, вызванного войной, в ходе государственного переворота король Густав IV был низложен собственными гвардейцами и на его место риксдаг избрал герцога Зюдерманландского — дядю Густава IV, вступившего на престол под именем Карла XIII. Наступление трех русских корпусов на Швецию поставило ее в безвыходное положение. Поэтому новое правительство первым делом обратилось к русским с просьбой о перемирии. Ещё полгода понадобилось для того, чтобы стороны пришли к соглашению, устраивавшему обе стороны.

Только 5 сентября 1809 года, после практически полного разгрома шведской армии и реальной угрозе захвата русскими войсками Стокгольма, в городе Фридрихсгаме был заключен мирный договор между Россией и Швецией. Военные действия прекратились с момента подписания мира. Швеция уступила России Финляндию и Аландские острова. Также Швеция обязалась заключить мир с Данией и Францией и присоединялась к континентальной блокаде, запретив английским кораблям входить в шведские порты.

Английский флот тогда же оставил Балтийское море, и неприязненные отношения Англии с Россией завершились заключением трактата в городе Эребро.

Эта война стала последней войной между Россией и Швецией. Швеция отказалась от попыток вернуть Финляндию и в дальнейшем никогда не предъявляла территориальных претензий своему могучему соседу. Более того, в 1813 году бывшие противники объединились. Швеция совместно с Россией и Англией воевала против Наполеона.

А что же наши герои? После окончания войны в следующую зиму бывший главнокомандующий русской армией граф Буксгевден в виде награды причислил их к своей свите и возвратил в Петербург. Оба были представлены к наградам: Хвостов — к ордену Святого Георгия 4-й степени и золотому оружию за храбрость, а Давыдов — к ордену Святого Владимира 4-й степени.

Но старая тяжба ведомств — Министерства финансов во главе с Румянцевым, V департамента во главе с фон Дезином и Министерством морских дел, руководимым Чичаговым, давала себя знать даже после представления героев к наградам. Александр I на сделанное ему представление, с одной стороны — о предании суду, с другой — к орденам, написал: «Неполучение награждения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за своеволь-

ство». Как говорится, «скажи ещё спасибо, что живой!» Хвостов и Давыдов, проявившие чудеса мужества на этой войне, оказались единственными офицерами, не произведенными в следующий чин, так и оставшись лейтенантами. Кроме того, они стали единственными из офицерского состава армии, кто не получил орденов и медалей, хотя заслужили их своим мужеством более других. По иронии судьбы Крузенштерн и Ратманов, не принявшие благодаря адмиралу Ханькову бой с англо-шведской эскадрой, а позорно укрывшиеся в Балтийском порту, были награждены. А отчаянные Хвостов и Давыдов, прошедшие сквозь огонь всей осенней кампании 1808 года в финских шхерах, мужество которых являлось примером не только во флоте, но и в армии, не получили не только медалей, но и положенных по рангу повышений в звании.

Пользуясь временным затишьем, наши герои поселились в доме адмирала Шишкова — дяди Хвостова. Гаврила Давыдов занялся обработкой своих записок о путешествии в Америку, которые впоследствии, благодаря усилиям Шишкова были опубликованы под названием «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова». Труд Гаврилы оказался настолько информативным и научно обоснованным, что даже сегодня учёные пользуются им, изучая особенности быта и языка народов Северной Америки. Хвостов тоже попытался привести в порядок свои записи. Но писатель из него не получился.

16 марта 1809 года в столицу прибыл доктор Георг фон Лангсдорф. Две кибитки, нанятые учёным, были заполнены образцами минералов, чучелами животных, этнографическим материалом. Наибольший интерес у жителей столицы вызвали две камчатские лайки, сопровождавшие путешественника через всю Россию. Лангсдорф поселился у своего коллеги Горнера, с которым так часто спорил на «Надежде». Буквально на следующий день, благодаря протекции Горнера, Лангсдорф был принят министром коммерции Румянцевым. Генерал-губернатор Сибири Пестель пророчил Лангсдорфу великое будущее и видел его губернатором Камчатки. В письмах Горнера Крузенштерну, описавшего подробности пребывания своего спутника-профессора в столице, тем не менее сквозит ненависть к русским патриотам, приютившим его. Описывая благородные намерения Лангсдорфа по обустройству Камчатки, Горнер тем не менее язвительно добавляет: «Таких чувств не испытывают конечно, Р[умян]цевы, Р[еза] новы и другие, имя которых начинается на Р...». Даже мёртвым Резанов не давал покоя иностранным профессорам, которых столь милостиво приютила Россия. Горнер, получавший от министерства Румянцева басно-

словную по тем временам пенсию, тем не менее ненавидел своего благодетеля.

Бравые немцы подготовили целый проект развития Камчатки. Лангсдорф увлёк этой своей идеей всех знакомых. Левенштерну он написал в Архангельск и пригласил его, в случае одобрения императором его намерений, стать начальником Петропавловского порта.

Первый период жизни в Петербурге стал для Лангсдорфа довольно непредсказуемым. О своей дальнейшей судьбе он мог строить только догадки. «Мое теперешнее положение и будущее назначение весьма неопределенны, — писал учёный Крузенштерну спустя две недели после приезда, — родственники зовут меня в Германию, многие в Академию, другие — в Москву, генерал-губернатор Сибири — на Камчатку. Я буду ждать, что сделает для меня Румянцев, и это приведёт меня к дальнейшему решению». Погрузившись в научную деятельность, Лангсдорф исколесил всю европейскую часть России, пока вновь не вернулся в столицу для приведения в порядок записей и систематизации накопленных материалов. К тому моменту он практически определился с дальнейшей своей судьбой. При поддержке Румянцева Лангсдорф обратил свой взор к берегам Бразилии, так и оставив камчатский проект на уровне нереализованных мечтаний.

Вскоре Хвостов и Давыдов, узнав о возвращении своего спутника, нашли повод встретиться с ним. Лангсдорф рассказал морским офицерам об окончании своего кругосветного путешествия.

— Как вы находите Петербург? — поинтересовался Хвостов, прогуливаясь по набережной Невы.

— Прекрасный город, но эта сырость! Душа моя стремится в южные широты... — мечтательно ответил профессор.

— А где вы поселились?

— После того как по рекомендации графа Румянцева я был определен адъюнктом* в Академию наук, меня пригласила на постой в дом своего покойного мужа-художника Анастасия Яковлева на Левицкая. И сейчас мы все вместе направляемся ко мне в гости, друзья мои, на Кадетскую линию. И не отказывайтесь. Тем более, что вечером я жду ещё одного гостя — нашего славного капитана Джона д'Вольфа. Он сейчас в Кронштадте и планирует отбыть завтра, — поделился новостью Лангсдорф. — Скорее всего, он остановится у Горнера, дом которого я рекомендовал ему как храм науки. Но наш американский друг уже вполне удовлетворил своё научное любопытство в компании зануды-Горнера и жаждет встреч и новых рассказов друзей!

* Помощником профессора при кафедре.

— Это событие нужно непременно отметить! — обрадовался Хвостов.

— Оповестите нас, милейший Георг, как только Джон объявится в городе, — попросил профессора Давыдов.

— Непременно, друзья! — с улыбкой отозвался Лангсдорф.

— Кстати, я собрался жениться! — неожиданно сообщил Хвостов. — На днях в Петербург прибудет моя невеста. О дне свадьбы оповещу отдельно. Считайте, милейший Георг, мои слова официальным приглашением. Бал по случаю торжества состоится в доме моего дядюшки — адмирала Шишкова. Если Джон сможет задержаться в Петербурге недели на три, то сочту за честь видеть славного американского капитана среди своих гостей.

— Вы собираетесь покинуть флот?

— Упаси Боже, профессор! У нас с Гаврилой, — Хвостов весело подмигнул Давыдову, — созрел новый план. Хотим повторить ваш маршрут, Георг. У Кронштадта уже качается на волнах судно, готовое отправиться в новый кругосветный вояж. «Нева» с Гогенмейером уже небось в водах ситкинских находится, а может, и далее. И мы часа своего ждём, чтобы славу российскую подвигами своими умножить...

4 октября 1809 года в Петербург наконец-то прибыл прежний капитан «Юноны» Джон д'Вольф. На следующий день он намеревался отплыть в Америку и пригласил Хвостова и Давыдова на Васильевский остров к профессору Лангсдорфу. Конечно же, друзьям, так давно не видевшим друг друга, было о чём вспомнить и чем поделиться. Засидевшись за полночь, Хвостов и Давыдов вдруг спохватились и заспешили домой. Об этой роковой ночи есть множество воспоминаний. Её на свой лад описывали Булгарин и Шишков, Державин и Вригель. Со временем эта история обросла различными мифами. Но истинную картину происшедшего в ночь с пятого на шестое октября 1809 года могут воспроизвести только два человека — свидетели и очевидцы, а именно Лангсдорф и д'Вольф. Описание этого события, на которое почему-то не обращают внимание исследователи жизни Хвостова и Давыдова, взяты из давно уже опубликованных трудов немецкого профессора и американского капитана.

Итак, окунёмся в атмосферу тёплой осенней ночи, когда, согретая общими воспоминаниями и молодым вином, четвёрка молодых людей в два часа ночи очутилась на набережной Васильевского острова у разводного моста. Наверняка читатель представил испанский Ислакиевский мост, упирающийся своими массивными пролётами в небо. Однако в начале XIX века он выглядел несколько иначе. Мост был наплавным и разводился только его

центральный пролёт с тем, чтобы можно было осуществлять речную навигацию.

Вот как запомнил эту ночь бывший капитан «Юноны» Джон д'Вольф: «Я продолжил столь успешно начатую мной торговлю с Россией и вернулся в Санкт-Петербург в 1809 году. Случилось так, что я встретил здесь доктора Лангсдорфа и лейтенантов Хвостова и Давыдова. Эти два господина со времени нашей последней встречи успели поучаствовать в войне со Швецией, где отличились и прославились своими подвигами. Во время моего визита к доктору они пришли провести с нами вечер, и мы сидели и разговаривали о пережитом вместе до двух часов ночи. Затем они отправились в свои квартиры, которые находились на другой стороне реки. Мы с Лангсдорфом проводили их до моста, который был открыт для ночного судоходства. Наши друзья, таким образом, перешли доску, которая была протянута от моста на судно, находящееся в реке, и проложили на ту сторону моста другую доску. Оказавшись в безопасном месте, друзья позвали нас и пожелали нам доброй ночи. Затем мы вернулись в наши апартаменты.

На следующее утро мы получили печальное сообщение о том, что два морских офицера утонули ночью в Неве. После дальнейших выяснений мы узнали, что это были наши друзья. После того как мы расстались с ними, они захотели, бог знает, с какой целью, вернуться к нам снова. И для того, чтобы сделать это как можно быстрее, они пытались спрыгнуть с моста на проходящую мимо барку. Они приняли парус за палубу судна, и не рассчитав, оба упали в воду. Люди в барке пытались спасти их, но ночь была такой тёмной и течение настолько сильным, что наши друзья пошли ко дну прежде, чем смогли получить какую-либо помощь.

Хотя со дня смерти этих молодых людей прошло пятьдесят лет, я не могу удержаться, чтобы не вспомнить многие их добродетели. И до сих пор я горько сожалею об их преждевременной кончине...

В своих воспоминаниях славный американский капитан пытается убедить читателя, что не видел, как друзья упали в воду. То ли память подвела старого д'Вольфа, то ли нежелание выставить себя очевидцем события, но описания падения его друзей слишком уж подробно изложено в его рассказе. А самое удивительное то, что тексты, описывающие гибель Хвостова и Давыдова в произведениях д'Вольфа и Лангсдорфа не просто аналогичны, а повторяют друг друга почти буква в букву. Но такая солидарность в воспоминаниях — не единственная странность, которая обращает на себя внимание. Барка, якобы ставшая причиной гибели морских офи-

церов, занималась погрузкой судна, на котором поспешно на следующий же день отбыл д'Вольф. Писатель Фаддей Булгарин ввёл некоторую ясность в трагические события той октябрьской ночи: «Вдруг оба они пропали без вести, а как в это же время американский купеческий бриг прошел без осмотра, при сильном ветре, мимо брандвахты, за Кронштадтом, и не заявил бумаг, то многие, зная беспокойный дух Хвостова и Давыдова, полагали, что они, по страсти к приключениям, ушли в Америку. Это казалось тем более вероятным, что шкипер американского брига был приятель Хвостова и Давыдова, оказавших ему услугу в Ситхе. Наряжена была комиссия для исследования дела, но она ничего не открыла.

Два года прошли в неизвестности о судьбе наших храбрых моряков, а на третий год прибыл в Петербург тот же самый американский шкипер. Он объяснил дело. За день до отъезда его из Петербурга в Кронштадт, Хвостов и Давыдов обедали у него, на Васильевском острове. Они пропировали долго за полночь и возвращались, когда уже начали разводить Исаакиевский мост. Только один плашкоут был выдвинут наполовину. «Воротимся!» — сказал американский шкипер, провожавший их. «Русские не отступают!» — возразил Хвостов. — Вперед! Ура!» Хвостов и Давыдов хотели перепрыгнуть через пространство, казавшееся небольшим в темноте, упали в воду — и поминай как звали! Опасаясь задержки, шкипер тогда промолчал, а люди, разводившие мост, также боялись ответственности, и несчастный случай остался тайной. Замечательно, что тел не выброшено нигде на берег».

Петербург шумел и строил домыслы. Прибывшая по приглашению Николая Хвостова невеста — Анечка Волкова, как оказалось, приехала на поминки своего жениха. Всё это было грустно и трагично, но...

Давайте задержимся на этом «но» и посмотрим, как же столица отреагировала на смерть героев, которых теперь неблагодарные потомки называют «разбойниками» и «пиратами». Конечно же, любящее сердце Анечки Волковой разразилось стихами в рабочем кабинете адмирала Шишкова, который ещё помнил дыхание её возлюбленного:

Уж ночь осенняя спустила
На землю мрачный свой покров,
И тихая луна сокрыла
Свой бледный свет средь облаков,
Лишь ветер печально завывая
Глубокой тишине мешал,

И черны тучи надвигая
Ночные мраки умножал.
В сон сладкий твари погрузились,
Умолкли смертных голоса,
Унылы звоны повторились,
На башнях било два часа.
В сии минуты, что покою
Природа отдала на часть,
Невинным, строгою судьбою,
Сплеталась лютая напасть.
Сбирался гром над головами
России верных двух сынов,
Идут поспешными стопами
К реке Давыдов и Хвостов. —
Тут рок мгновенно разделяет
Мост Невский на двое для них:
Отважный дух препятств не знает:
Могло ли устроить то их?
Моря, пучины преплывая,
Ни пуль, ни ядер не боясь,
Опасность, бедства презирая,
Неустранимостью гордясь,
Идут... и обрета препону
Нечаянну в своем пути,
Внимая храбрости закону,
Стремятся далее идти.
Сокрытым роком не смущаясь
Хотят препятство отворотить,
Руками крепко соединяясь,
Пространство мнят перескочить.
Но что? о бедствие ужасно!
Могу ль его изобразить?
Стремление было их напрасно,
Нельзя предела применить:
Обманутые темнотою
И крепостью сил своих,
Под Невской погреблись волною.
Увы! не стало в свете их.
Нева! о гроб друзей несчастных!
Их жизни сделав злой конец,
Причина слез и мук всечасных,
О них тоскующих сердец,
Отдай скорей остаток бранный,

Что скрыт в пучине вод твоих,
Отдай родителям священный
Предмет всеместной скорби их.
А вы! судьбы завистной жертвы!
Герои храбрые в боях!
Хотя бесчувственны и мертвы,
Но живы в мыслях и сердцах;
Утехи бедствие делили,
Вы меж собой по всякий час,
В сей жизни неразлучны были,
Смерть не разлучила вас.

Адмирал Шишков добавил:

Два храбрых воина, два быстрые орла,
Которых в юности созрели уж дела,
Которыми враги средь Финских вод пограны,
Которых мужеству дивились Океаны,
Переходя через мост в Неве кончают век.
О странная судьба, о бранный человек!
Чего не отняли ни степи, ни пучины,
Ни гор крутых верхи, ни страшные стремнины,
Ни звери лютые, ни сам свирепый враг.
То отнял все один... неосторожный шаг!

Но не только стихотворением увековечил седой адмирал память своего племянника и его друга. Книга умницы и поэта Гавриила Давыдова «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» усилиями адмирала Шишкова уже через год вышла из стен Морской типографии. Труд юного мичмана и ныне считается одним из ценнейших источников по этнографии и языку жителей Алеутских островов.

В свои неполные двадцать шесть лет Гаврила Иванович проявил себя не только как внимательный наблюдатель, но и как зрелый исследователь-страновед. В первом томе этого труда он скрупулёзно описал ход своих странствий с Хвостовым, а во втором — дал исчерпывающее полное представление о жизни, быте, духовной и материальной культуре коренного населения острова Кадьяк и других местных аборигенов, географии и климате Северо-западной Америки, ее флоре и фауне. Он составил словари языков местных племён, насчитывающие в совокупности более 1300 слов. Позднее, в 1812 году, Крузенштерн поместил в третьем

томе описания своего кругосветного путешествия составленный Давыдовым «Словарь наречий народов, обитающих на южной оконечности полуострова Сахалина», включающий 1800 слов, а также словесное обозначение использовавшихся на Сахалине и в Японии числительных, с единицы до трех тысяч.

Поэт Гаврила Державин 24 декабря 1809 года также отметил смерть друзей посмертной хвалебной одой «В память Давыдова и Хвостова», напечатанной после значительных правок и переделок в 1816 году. На этом, казалось бы, можно было поставить точку, но один из слухов, бродивших по Питеру после трагедии, неожиданно обрёл материальные черты.

А причиной этого стал один из свидетелей гибели морских офицеров — Георг фон Лангсдорф или, как его окрестили в России, — Григорий Иванович Лангсдорф, первый русский консул в Бразилии...

Глава 11 СУДЬБЫ ЛЕГЕНДАРНЫХ КОРАБЛЕЙ

Буря — это всего лишь буря,
глупо в ней ждать конца.
Пуля — дура, конечно, дура,
но умней мудреца.

А. Вознесенский

Простой приказчик Российско-американской компании Кирилл Тимофеевич Хлебников размашистым, плохо читаемым почерком описывал своё пребывание на Кадьяке и Ситке. С тех пор как умер Николай Петрович Резанов, Хлебников вдруг осознал свою историческую значимость. Он понял, что, отражая сияние блестящей жизни великих людей, с которыми ему пришлось столкнуться, вогнутым зеркалом своего таланта, он посредством пера сможет направить этот исторический луч в будущее — рассказывая потомкам о ратных подвигах россиян на краю земли в дикой Америке, которую иностранцы всё чаще стали называть Русской. Кирилл Тимофеевич, выполняя основные свои функции на службе Компании, всё больше времени начал уделять книгам и своим записям. Восстанавливая в памяти своё общение с Барановым и Резановым до мельчайших деталей, Хлебников постигал грандиозность их замыслов. Его мышление рвало оболочку бытового восприятия событий, и перед ним открывалось пока ещё неясное, но, несомненно, блестящее будущее новых земель России.

Совсем недавно он получил письмо от Джона д'Вольфа, вместе с которым на крошечном «Ростислав» добирался из Новоархангельска до Петропавловска. В письме американский капитан, ныне разбогатевший судовладелец, первым из американцев налаживший торговые контакты с Россией, рассказал о смерти Николая Хвостова. Кирилл Тимофеевич отложил перо и задумался. Люди и корабли — как много общего бывает в их характерах и судьбах! В руках Джона, который привёл в Норфолк-Саунд свою «Юнону», это прекрасное судно было величественно, как светская дама, надевшая свой лучший наряд и умело скрывшая под ним все свои недостатки. Под руководством Хвостова та же «Юнона» превращалась в девицу с характером, укрощение которой доставляло русскому капитану особое удовольствие. Хвостов в каждом рейсе проверял «Юнону» на прочность, исследуя пределы её возможностей. И гордое судно в итоге отвечало ему покорностью и выносило из всех передраг, платя верностью за безграничное доверие к ней капитана. И вот Коли Хвостова — смелого моряка и горького пьяницы, бесстрашного до безумия, уже нет в живых, а одетая в белоснежные паруса «Юнона», сменившая Андреевский флаг на флаг Российско-американской компании, продолжает где-то бороздить прибрежные воды океанов.

Письмо пришло только вчера и Хлебников не успел его дочитать. Его английский был не на высоте, понимал он этот язык через слово, но общий смысл всё же был понятен. Отложив свои бумаги, которым с годами суждено будет превратиться в книгу «Жизнеописание Александра Баранова», приказчик надел очки и принялся переводить вторую часть письма от американского капитана. Как оказалось, судьбу Хвостова разделил и мичман, а точнее, уже лейтенант, Давыдов — друг и вторая, столь непохожая на капитана «Юноны», половинка Хвостова. Хлебников тяжело вздохнул. Не надолго же пережил капитан тендера «Авось» своё судно. Хлебников вспомнил, как бушевал начальник Охотского порта Бухарин, когда узнал о побеге морских офицеров, как пытался вычеркнуть всё, что было связано с именем Николая Резанова и его смелых капитанов, из людской памяти. Не поэтому ли сразу после побега Бухарин отправил наделавших столько шума «Юнону» и «Авось» подальше с глаз долой, на Камчатку в Петропавловск?

Хлебников, макнув в чернильницу перо, вывел строки, звучащие эпитафией кораблям Хвостова и Давыдова: «В октябре 1808 года возвратился из Охотска корабль «Юнона», задержанный там по делу экспедиции лейтенанта Хвостова в Японию. Тогда же Баранов получил неприятное известие, что тендер «Авось», следу-

ющий из Кадьяка в Ситку, под командою лейтенанта Сукина, разбился в частных островах, но люди спаслись и остались там для присмотра за имуществом. Несколько человек из них выжили, ехать на ялик, чтобы дать знать о том в Ситку. По получении там сего известия немедленно отправлен за спасёнными людьми шлюп «Константин», под командою штурмана Ильина. На оном люди и все спасенное доставлено в Новоархангельск». Как несправедлива судьба: тот самый капитан Сукин, от которого, кроме вреда, Компании ничего не доставалось, и утробил «Авось». Это произошло в проливе Кросс-Зунд у западного побережья острова Чичагова 11 октября 1808 года. Команда тендера, состоящая из 10 матросов, офицера и капитана, и часть груза были спасены. Гибель «Авось» произошла в те самые дни, когда на другом конце Земли Джон д'Вольф на «Надежде» отбыл из Кронштадта, завершая свою кругосветку, а русские офицеры Хвостов и Давыдов храбро сражались со шведами и покрыли себя неувядаемой славой в финских шхерах, и даже граф Толстой проявил своё мужество под Иденсальме...

Крушение «Авось», прожившего столь короткий, даже по корабельным меркам, век, выглядело как месть Сукина, которого в Охотске ждали кандалы, умершему камергеру Резанову, приказавшему заложить этот прекрасный восьмипушечный тендер. Но вопреки своей печальной судьбе, маленький кораблик с отчаянным именем успел выполнить своё историческое предназначение и обозначить своим присутствием на Курилах и Сахалине юго-восточные границы России. Что уж случилось, что спасти остатки команды разбившегося тендера бросился бывший штурман «Юноны» Ильин, участвовавший в составлении первой русской карты Калифорнии. Не зря проницательный Резанов недолюбливал Сукина, а Ильина характеризовал как великолепного моряка и человека. Покойный камергер хорошо разбирался в людях...

Хлебников вдруг вспомнил о строителях «Авось». Мастер-корабел Корюкин остался верен «Юноне» и во время плаваний не сходил с неё на берег, всё время что-то меняя, занимаясь конопаткой и поддержанием корабля в должном состоянии. А вот с Поповым произошёл конфуз. Революционный дух подмастерья-изобретателя вылился в настоящий бунт против Баранова.

Пока Баранов приводил в порядок дела на Кадьяке, в Новоархангельске подмастерье Попов — изобретатель и бунтовщик, сын казака и беженки, объявил на новых землях... республику, а себя — её главою. Именоваться себя Попов повелел «Хорунжием». Подбил его не этот «подвиг» некто Наплавков, решивший разделить власть с корабелом.

Бунтовщики решили убить Баранова и его семью, после чего пройти по селению и каждому предложить: либо идти за ними, либо умереть. Затем они намеревались взять все собранные за сезон меха и, погрузив их на новое судно «Открытие», уйти из Ситки на остров Пасхи и поселиться там или отвоевать у Камеамеа один из Сандвичевых островов. Однако заговор поддержки не получил и вскоре бунтовщики были взяты под стражу. Главные возмутители порядка — Попов, Наплавков и еще четверо соучастников — содержались под стражей закованными в железо, пока не были отправлены на «Неве» в Петропавловск.

«Юнона» превратилась в рядовое судно Компании, занявшись промыслом пушных зверей у берегов Русской Америки и перевозкой грузов. Начальство над судном принял старший офицер «Юноны», помогавший бежать своему капитану из-под стражи, — лейтенант Карпинский. Прибыв в Новоархангельск, лейтенант по просьбе Баранова остался в городе, передав управление судном своему штурману — Мартынову. Вскоре новым капитаном «Юноны» был назначен лейтенант Бенземан...

«Юнона» продолжала бороздить морские просторы, целой и невредимой выходила из любых бурь и штормов. Казалось, сама судьба хранила ее — молчаливую свидетельницу пребывания Резанова в Сан-Франциско. Судну прочили долгую жизнь и вовсе не собирались ставить на вечную стоянку у берега и использовать в качестве хлебного склада, как это делали с отслужившими свой срок кораблями. Однако новому капитану строптивое судно никак не хотело подчиняться. По словам Хлебникова, «сообщение по островам и с Охотским портом на судах производилось счастливее прежнего, исключая корабля «Юноны», который на пути из Кадьяка под командою Бенземана 23 ноября 1809 года претерпел жестокий шторм, во время коего груз судна, состоящий большей частью из съестных припасов, неудобных для твердого укладывания, тронулся на одну сторону, и судно легло на бок; тогда были потеряны фок-мачта, якорь, три пушки и двое матросов». Несмотря на это «Юнона» пришла в Новоархангельск 4 декабря 1809 года, доставив на своём борту Кускова, которому предстояло сыграть в судьбе русских земель в Америке решающую роль.

Следуя рекомендациям Резанова, направленным на развитие обретенных территорий и расширение сферы влияния Российско-Американской компании, Баранов в течение 1808—1810 годов организовал несколько экспедиций вдоль северо-западного побережья американского континента в сторону Калифорнии. Он надеялся, что благодаря дипломатии Резанова Компания сумеет-таки закрепить-

ся в более южных широтах континента и основать там продовольственную колонию, что позволит самостоятельно удовлетворять нужды Русской Америки и её обитателей и тем самым ослабить зависимость русских поселений в Америке от поставок бostonцев.

Спустя два года после посещения Сан-Франциско Резановым не кто иной, как помощник Баранова Кусков был призван воплотить в жизнь планы камергера. Уже не простой служащий Российско-американской компании, а коммерции советник Иван Александрович Кусков, получивший должность, благодаря протекции уже мёртвого к тому моменту Резанова, вполне подходил для продолжения торгово-дипломатической миссии. Задача, поставленная перед ним, была сложной — установить постоянные торговые связи с Калифорнией, выбрать место на калифорнийском берегу, формально не принадлежащее ни одной из европейских держав, и основать там русское поселение, которое со временем могло бы превратиться в житницу, снабжающую продовольствием не только русские поселения на Аляске и Алеутских островах, но и на всем охотско-камчатском побережье.

Впервые Кусков посетил Калифорнию на корабле «Кадьяк» под командованием штурмана Петрова. Баранов в инструктивном письме к Кускову от 14 октября 1808 года, согласно директивам Резанова, поставил перед своим помощником задачу «осмотреть и описать весь берег тот от пролива де-Фука* до Калифорнии во всей точности и положить на карту». Кусков особенно внимательно вглядывался в берега от мыса Мендосино до залива Сан-Франциско. В одном из заливов, где вёлся промысел морского зверя, Кусков присмотрел место для будущего поселения. Вернулся Кусков из этой экспедиции 4 октября 1809 года с нанесенным на карту местом будущего русского укрепления. В Сан-Франциско, передав письмо Баранова о смерти камергера Резанова брату Консепсьон — Луису д'Аргуэльо, ставшему к тому моменту губернатором Калифорнии, Кусков сообщил испанским властям о своих намерениях. Он даже не подозревал, что трагичное письмо, адресованное более Кончите, чем кому-либо другому из семейства д'Аргуэльо — этот акт чести окажется роковым для русских планов, разработанных Резановым. Брат Кончиты, дон Луис, тут же сообразил, что смерть Резанова кардинально меняет позицию испанцев в общении с русскими гостями. Пользуясь ситуацией, новый губернатор Калифорнии запретил торговлю и промысел русским южнее 40-й параллели.

* Пролив Хуан-де-Фука — пролив, отделяющий юг острова Ванкувер от северо-западного побережья Америки.

Вторично Кусков пытался пройти к берегам Калифорнии на «Юноне» в 1810 году, но после нападения индейцев вынужден был повернуть вспять от островов Королевы Шарлотты и возвратиться в Новоархангельск. Консепсьон так больше никогда и не увидела очертания судна, сыгравшего в её судьбе столь значимую роль.

Возвращаясь обратно, Кусков заметил небольшую бухточку и огромные пастбища за ней. Еще три похода в течение последующих двух лет были осуществлены Кусковым на шхуне «Чириков» под командованием бывшего капитана «Юноны» Бензема с единственным намерением — основание военного форта с целью обозначить российское присутствие на границе с испанскими владениями. В 1811 году такое место было найдено в 20 милях от залива Румянцева*. Это маленькое открытое плато, обращенное к морю, отделялось от остальной местности несколькими глубокими ущельями, идущими в разных направлениях, так что защищать его при случае было просто. Более того, тут размещались пастбища, рос строевой лес, текла река Славянка** и был наилучший климат на побережье.

Читателю может показаться странным, что вот так просто русский промышленник спокойно высадился на понравившийся ему берег и запросто договорился с кровожадными индейцами о приобретении у них земли за бесценок. На самом деле почва для овладения калифорнийскими берегами была подготовлена несколько лет назад другим русским — Тимофеем Никитовичем Таракановым. Позволю себе задержаться на этой воистину славной личности подробнее. Родился Тараканов в 1774 году, став одним из полутора тысяч крепостных помещика Никанора Переверзева. Когда началась русская экспансия на северо-восток, Переверзев, прихватив с собой несколько крепостных, среди которых был и Тараканов, в надежде на лёгкую наживу, отправился в Русскую Америку... В 1804 году на траверзе тлинкиской крепости на острове Ситка, которую собирались отбить русские, рядом с «Невой» встало судно «О'Кейн». Соседство американского судна под началом капитана Джозефа О'Кейна из Бостона смутило лишь Лисянского, который видел, как американцы тайно продают оружие индейцам накануне штурма. Баранов оно несколько не удивило. Зная деловую хватку американцев, Баранов решил сыграть на их предприимчивости. Не вступая в конфликт с О'Кейном, он предложил молодому амбициозному капитану совместный проект по ловле калана у берегов Калифорнии, на что американец с радостью согласился, даже не

подозревая, что Баранов убивает этим договором нескольких зайцев — во-первых, избавляется от третьей силы, снабжающей индейцев оружием, во-вторых, отправляет чужой корабль с чужим капитаном к чёрту на кулички (или к чёрту на рога, если произойдёт встреча с испанцами), которые будут действовать в его интересах и интересах Компании, собирая чужими руками мех для русских, и, в-третьих, будет произведена разведка южных пределов владений Компании на предмет наличия калана и общей обстановки в регионе. А чтобы у О'Кейна не появились дурные мысли, Баранов представил к нему Тимофея Тараканова, который, согласно контракту, разделит с американцем руководство новым нелёгким делом. Тараканов полностью оправдал доверие Баранова и по возвращении уговорил американца продать Российско-американской компании своё судно. Следующий голодный год и успешный рейд «Юноны» в Калифорнию вынудили Баранова снарядить новую экспедицию, единоличным руководителем которой был назначен Тараканов. Вот и вышло, что пока неудачливый барин пытался разобраться в пушном деле, его крепостной крестьянин руководил экспедициями. Во время плавания Тараканов завёл своё судно в залив Бодега, в непосредственной близости от Сан-Франциско, где удачно промыслял калана. Там, где вскоре возникнет самое южное поселение русских на Американском континенте. Но это будет позже, а пока Тараканову, вернувшемуся с большой добычей, предстояла новая экспедиция. Именно она стала самым захватывающим событием в биографии Тимофея Тараканова.

Экспедиция 1808 года стала второй полностью русской экспедицией к берегам Калифорнии. Шхуне «Святой Николай», построенной на верфи Новоархангельска, предстояло пройти вдоль побережья и подробно разведать береговую линию с целью найти подходящее место для основания поселения. Инструкции, данные начальнику экспедиции Тараканову и капитану Николаю Булыгину, требовали «испытывать нравы обычаи всех тамошних коренных обитателей», на предмет установления торговых и прочих отношений. 29 сентября 1808 года «Святой Николай» с экипажем из 11 матросов и пяти алеутов-байдарщиков, двое из которых шли со своими женами, покинул порт Новоархангельска и отправился на юг. Вслед за ним через три недели в том же направлении вышло другое русское судно, «Кадьяк». Оба корабля должны были встретиться в условленном месте. Однако встреча не произошла.

В течение четырёх недель «Святой Николай» шёл на юг вдоль восточного побережья Америки. Первое время погода была благо-

* Сейчас — залив Малый Бодега.

** Сейчас — Рашен-ривер.

приятна для плавания, однако затем начались сильные бури, продолжавшиеся с перерывами всё время. Несколько раз корабль чуть не вбросило на берег, и учитывая то, что в тех местах было немало скал и подводных камней, это могло привести к гибели судна и экипажа. До определённого момента путешественникам везло, но в один далеко не прекрасный день везение закончилось. Утром 1 ноября, почти лишенный возможности маневрировать, корабль с поврежденным ветром такелажем выбросило на прибрежную каменную отмель. Это случилось неподалеку от современного города Сиэтл, столицы штата Вашингтон.

Экипаж не пострадал при крушении, однако корабль был безнадежно поврежден. Ремонтировать его было бесполезно. Поэтому экипаж стал выгружать и переносить на берег корабельное имущество, готовясь разбить лагерь. Места эти были негостеприимные и дело было совсем не в природе этих мест, а в её обитателях — индейцах. Населявшие здешние места племена квилеутов и хо были воинственными, часто захватывавшими пленных для выкупа или обращения в рабство. Поэтому необходимо было хорошо подготовиться к встрече, благо оружия было достаточно.

Самые мрачные предположения, впрочем, довольно скоро сбылись и после нескольких вооруженных стычек с индейцами, из которых русские выходили с минимальными потерями, было решено отправиться пешком, вдоль побережья на север. Успешно перезимовав, группа решила продолжить свой путь, но в очередной стычке с индейцами в плен попала жена капитана «Святого Николая» — штурмана Булыгина, Анна. Тогда руководитель экспедиции пошёл на мирные переговоры с противником, резонно создавая, что расстояние большое, припасы продовольствия и боеприпасы рано или поздно закончатся и шансы добраться живыми до Новоархангельска минимальны. И предприимчивый крестьянин принял единственно верное решение — не сдаваясь в плен на правах почётных гостей, остаться в одном из местных индейских племён. При этом, согласно договору, часть команды при первой же возможности, с любым приставшим к берегу кораблём, покидает гостеприимное племя.

Условия содержания действительно были вполне сносными. Вот как писал об этом периоде сам Тараканов, «осенью занимался я стрельбей птиц, а зимою делал для своего хозяина и на продажу разного рода деревянную посуду». В общем, он жил скорее на положении гостя, нежели раба и был вполне доволен своим пребыванием у «доброего моего хозяина Ютрамаки, который обходился со мною, как с другом, а не как с пленником».

Также он делал для индейцев бочки, которые те изготавливать не умели и ещё много полезных вещей. В результате «Талаканиа», как прозвали Тимофея, завоевал уважение индейцев и пользовался почти полной независимостью. Достаточно сказать, что ему оставили огнестрельное оружие, а готовясь к зиме 1809—1810 годов, он построил себе собственную землянку. А ещё через некоторое время его фактически приняли в племя, причем, как он писал, «в качестве старшины», который принимал решения наравне с другими вождями.

Перезимовав вторую зиму, Тараканов и его товарищи с первым же американским судном «Лидия» покинули гостеприимное племя и летом 1810 года добрались до Новоархангельска. Одиссея длиной в два года закончилась.

Казалось бы, всё это должно было отбить всякую охоту кключениям, но нет! В этот же сезон байдарочная артель Тараканова вновь уходит на промысел в калифорнийские воды. И сезон становится вполне успешным — добыча составила две с половиной тысячи шкур калана. На одном из званых ужинов в доме Баранова Тараканов, раздобывший от водки, поведал подробности своего пребывания в индейском плену. В голове Баранова тут же созрел план. Он вспомнил предписание камергера Резанова и описанные им перспективы новой русской колонии, в случае, если удастся закрепиться на калифорнийских берегах. Лучшего момента вряд ли можно было бы и ожидать. Баранов тут же отдал распоряжение о подготовке новой экспедиции, руководителем которой был назначен Кусков. На Тараканова же возлагалась функция парламентария. И вот «в феврале месяце 1812 года, на судне “Чириков” отправлен был к берегам Нового Альбиона отряд промышленных под предводительством Кускова, которому поручалось на избранном им месте основать поселение и крепость, при небольшой бухте, под 38° сев. шир. и 123° вост. долг. (по гринвичскому меридиану) в 18 итальянских милях от порта Сан-Франциско. Спустя три месяца главные сооружения были окончены, и 30 августа, в день тезоименитства государя императора Александра Павловича, последовало, при пушечной пальбе, открытие крепости, которая по вынужденному жребью, положенному пред иконой Спасителя, названа была Россом».

И именно Тараканов договорился с индейцами о покупке места под его постройку. Это был невысокий холм, на котором произошло первое столкновение русских с местными индейцами. Цена, уплаченная за участок земли, составила «три одеяла, три пары брюк, два топора и три мотыги, не считая различных бус».

Кусков прибыл на это место с 40 русскими и 80 алеутами. Русские высадились на калифорнийские берега в апреле, а к сентябрю уже были построены крепость и деревня. Чтобы ни у кого не возникало сомнений в принадлежности этих земель Российской империи, новое укрепление получило гордое название «форт Росс». Удержать новую колонию было нелегко, но несмотря на трудности, через несколько лет здесь развернулось производство судов, были распаханы земли. Северные территории Русской Америки стали получать мясо калифорнийских коров. Так был реализован ещё один замысел Резанова...

3 ноября 1811 года. Из окна конторы Российско-американской компании была видна вся Петропавловская гавань. Частые шторма предупреждали жителей Камчатки о надвигающейся зиме. Не замёрзшая ещё Авачинская бухта ожидала последний в этом году транспорт с продовольствием. Но буря, разыгравшаяся за окном, лишала жителей Петропавловска возможности увидеть долгожданный парус у Кошки в этот сумрачный день.

У Хлебникова за годы жизни в Петропавловске выработалась привычка после обеда на часик расслабляться и предаваться сну. Не изменил он этой своей привычке и в этот день, тем более что погода более чем располагала к подобным действиям, глаза слипались, а перо выпадало из рук. Накануне ночью было написано немало, и Кирилл Тимофеевич счёл за благо возможность отжаться в объятья Морфея. Правитель канцелярии Российско-американской компании Зеленский, занимавшийся подсчётом предполагаемой прибыли от прихода судна, восседал за соседним столом.

— Люди пришли? — во сне пробормотал Хлебников

Зеленский оторвался от бумаг. Вся контора знала, что Хлебников во сне разговаривает и мало кто отказывал себе в удовольствии пообщаться со спящим Кириллом Тимофеевичем. Как правило, такие разговоры заканчивались громким смехом, будившим приказчика.

— Какие люди? — улыбаясь, спросил Зеленский.

— Люди с судна, которое недалеко отсюда разбилось, пришли? — пересказывая сон, вопрошал Хлебников.

Зеленский разразился смехом. Проснувшийся Хлебников недоумённо посмотрел на него и нахмурился.

— Сон... Дурной сон приснился! А о чём — не помню, — то ли оправдываясь, то ли пытаясь вспомнить увиденное, пробормотал Кирилл Тимофеевич. — Ничего не помню. Только лицо... Страшное такое, напряжённое, а в глазах слёзы, как у ребёнка...

— Охстись, Кирилл Тимофеевич! — успокоил его Зеленский. — Это всё погода. Смотри-ка, поет как, крутит. Отдохни, Кирилл Тимофеевич. Сон — это пустое!

К вечеру того же дня, когда пережитое днём было забыто и новые проблемы, связанные с подготовкой к зиме, заняли головы всех конторских служащих, в светлицу ввалился незнакомец. Взглянув на него, Хлебников обомлел, узнав лицо, виденное во сне, и вздрогнул от удивления. На незнакомце была промокшая насквозь парка. Несмотря на свои впечатляющие размеры он подетски протягивал к огню замерзшие руки. Его трясло от холода, а по морщинистым щекам катились крупные слёзы. Прежде чем этот человек что-то успел произнести, Хлебников с Зеленским раздели его донага и предложили чистое бельё, укутав незнакомца в медвежье одеяло. Хлебникову показалось, что он видел этого человека когда-то давно, в Новозархгельске. Не тот ли этот человек, который по прибытии «Юноны» из калифорнийского рейса первым выскочил из лодки и, высоко подняв над головой тяжёлый мешок, закричал: «Хлеб!»...

— Корабль «Юнона» потерпел крушение при устье речки Вилюя во время сильного шторма. При этом погибли командир судна и весь экипаж, кроме меня и еще двух матросов, спасшихся случайно, — сообщил незнакомец, в котором Хлебников наконец-то узнал плотника Корюкина. — Мы нашли бывших там за ловлею рыбы промышленных и были ими сюда доставлены. Тело нашего командира, штурмана Мартынова, выброшено на берег. В его руках был зажат этот кожаный пакет.

Корюкин протянул пакет, из которого Хлебников извлёк лист бумаги. Несмотря на размытые чернила ему удалось прочесть: «С вверенным мне судном пришёл из Новозархгельского порта в положении самом бедственном. Три месяца находясь в море от северо-западных берегов Америки и борясь с беспрерывными бурями, теперь уже 19-е сутки в виду здешнего берега. Имея только из матросов 3 человек и тех утомленных, 5 малолетних учеников взятых мною для обучения, из коих два побольше, кроме своей, исправляя матросские должности, а остальные трое стояли на руле, у выливания воды (которой прибыль ежечасно была в крепкие ветры до 5 дюймов в час), у бросания лага и ведения журнала. Управление с сими 8 человеками было трудное трехмачтовым судном, прочие же команды моей...» На этом последний доклад последнего капитана «Юноны» обрывался. Прочтённое Хлебниковым дополнил Корюкин:

— Этим летом Баранов затеял большой торг с бostonцами. Колличество выменянного у них товара оказалось столь велико, что

Правитель решил отправить часть грузов в Камчатку, для чего приказал снарядить судно «Юнону», отдав его в командование штурману Мартынову. Однако он хоть и ходил под командованием лейтенанта Хвостова, но искусством управления судном владел не столь хорошо, как господин лейтенант. При последнем шторме у судна вырвало рулевые петли и цепи, повышибло фальшборты. После сего мы еще носились несколько времени в намерении зайти в какую-нибудь бухту камчатского берега. Наконец нам это удалось. Мы бросили якорь на глубине 35 саженей, но ветер окреп и судно стало дрейфовать. Тогда мы бросили другой якорь, но канат оного скоро лопнул и корабль бросило на каменный риф, параллельный с берегом. Тут сильными валами жестоко, но недолго судно било, и, вероятно, приливом или усилившимся волнением «Юнону» перекинуло через риф и бросило на камни у берега.

Чрезвычайно сильным волнением било корабль ужаснейшим образом: огромные валы обрушивались на палубу, снося все надстройки. Обшивка «Юноны» трещала при каждом ударе. Оцепеневшие от страха и холода, мы держались кто где мог. Один набежавший вал вдруг сорвал шесть человек, державшихся на вантах, в том числе и капитана. После многих подобных ударов, увлекавших за собою людей, корабль перекинуло через риф, прижало к утесистому берегу при устье речки Вилюя и повалило на бок. Из двадцати шести человек экипажа в то время на судне нас осталось только четверо, удержавшихся на русленях. В сем ужасном положении корабль находился часов шесть, беспрестанно покрываемый волнами и подвигаемый к берегу. Тогда я, ещё имевший немного сил, пополз по грот-мачте, а потом, придерживаясь за судовые обломки, брошенные на утесы, выбрался на скалы. Обмокший и оцепенелый, я пал от изнеможения на утёсе. Больные товарищи, видя моё чудесное спасение, ободрились, собрали последние силы и последовали моему примеру: двое счастливо вскарабкались на утесы, а третий был накрыт волною и исчез в пучине.

Получив это нерадостное известие, Хлебников с одним из зимовавших в Петропавловске капитанов, лейтенантом Подушкиным немедленно отправились к месту кораблекрушения. Там, в устье речки Вилюя, их изору предстала ужасная картина: разбросанные проливом на расстоянии более 3 верст мертвые тела или изуродованные части тел, наполовину зарытые волнами в песок. Несколько человеческих тел были развешены на ближайших деревьях и утёсах. Похоронить удалось только девять человек. Выброшенные товары кусками и доскутками валялись по берегам моря и речки.

Так в истории «Юноны» и «Авось» была поставлена точка. Плотник Корюкин, тесно связанный с судьбами обоих кораблей, остался единственной связующей нитью, соединяющей истории кораблей и их капитанов с настоящим и будущим. Вечером, после нескольких чарок водки, Корюкин рассказал едва успевающему делать свои записи Хлебникову о жизни этих славных кораблей. Но лишь почти год спустя, в тот день, когда на Бородинском поле решалась судьба России, 27 августа 1812 года правитель канцелярии Российско-американской компании Зеленский составил донесение Александру I о гибели фрегата «Юнона», в котором подробно описал обстоятельства кораблекрушения: «1 числа текущего месяца правление компании получило чрез нарочную из Охотска эстафету известие, что в прошлом, 1810 году управляющий Российско-американскими компанейскими колониями коллежский советник Баранов, посылая пушные промысловые товары в Кантон на продажу на судне североамериканского из Бостона корабельщика, получил оттоль оборотной груз китайских товаров, но знаменитую сумму, из коих отделив более нежели на 200 тысяч рублей, отправил с острова своего имени 29 июля 1811 года в Камчатку на компанейском фрегате «Юноне» под управлением штурмана Мартынова с 26 человеками экипажа. Хотя время сего вояжа было самое удобное и то судно при попутных и благоприятных ветрах могло бы достигнуть места своего назначения менее месяца, но случившееся противные и жестокие ветры и бури продержали оное на пути к Камчатке три месяца, а пред самою Петропавловскою гаванью в виду берега — 19 суток, а наконец, 31 октября при NO жестоком ветре выкинуто на берег в 40 верстах от гавани при устье речки Вилюйчика и разбилось до основания. Сие несчастье случилось наиболее от того, что от продолжительной борьбы с жестокостью погод все люди, утомившись, заболели, в числе коих и сам штурман, которой поутру того несчастного дня натурально окончил свою жизнь, и только восьмеро из них при всем своем ослаблении еще кое-как управляли парусами, рулём и отливанием воды. При разбитии же спаслось только три человека, а прочие 23 учинились невозвратно жертвою волн так, как и весь компанейский груз китайских товаров, исключая самой малости, выкинутой на берег и повреждённой, равно и все сведения на бумаге от Баранова посланные.

За всем тем однако ж утешает компанию хотя то, как уверяют трое спасшихся, что в колониях при отплытии их состояло все благополучно, и что возвратился туда посланной в экспедицию бриг «Чириков» с богатым промыслом пушных товаров, и что ожида-

лось туда же ещё из Кантона бостонское судно с знатным грузом китайских товаров, принадлежавших Компании.

О всех сих сведениях правление компании должным поставило Вашему императорскому величеству всеподданнейше донести.

С подлинным сверял правитель канцелярии Зеленский».

Когда письмо с подробностями гибели «Юноны» прибыло в Санкт-Петербург, Охотск покинуло последнее судно, с которым так или иначе была связана судьба Резанова. Этим судном была «Нева». А случилось это так: в 1812 году Баранов наконец-то дождался преемника. Им должен был стать коллежский советник Терентий Степанович Борноволоков*. Для доставки Борноволокова в Америку директора Компании решили отправить его на недавно прибывшей в Охотск «Неве», очередным капитаном которой стал лейтенант Подушкин — тот самый морской офицер, который с Хлебниковым осматривал место кораблекрушения «Юноны». Также по стечению обстоятельств на «Неву» пассажиром попал бывший её штурман Калинин, плававший на шлюпе без малого десять лет и переживший на судне всех его капитанов...

...Хлебников тяжело вздохнул, в очередной раз вспомнив расправу Резанова над ним за стяжательство и желание обогатиться за счёт промышленников. Когда-то Резанов ломал его характер, заперев в наказание за жадность в карцере, но, веруя в доброе начало человека, в целях перевоспитания на живых примерах взял с собой в Новоархангельск. Урок, преподнесённый камергером, пошёл впрок. Путешествие в далёкий Новоархангельск, пережитый там голод, существование на грани выживания отрезвили Кирилла Тимофеевича и, вернувшись при первой же возможности с Джоном д'Вольфом на его «Ростиславе» в Петропавловск, Хлебников стал совершенно иначе относиться к товарообороту и ценообразованию в Русской Америке. Кстати, сам термин «Русская Америка» придумал он — простой приказчик Российско-американской компании, вложив в прилагательное «Русская» своё, родное, а в слово «Америка» — новое, неизведанное, манящее.

На какое-то мгновение Кириллу Тимофеевичу показалось, что за окном мелькнула тень Резанова. Как бы он хотел, чтобы слухи о его смерти оказались только слухами... Но увы — Николай Пе-

* Т.С. Борноволоков — сорокалетний коллежский советник, знавший в совершенстве английский, немецкий и французский языки. Занимался геологией, химией, ботаникой, медициной. Решением главного правления Российско-американской компании назначен на должность Правителя Русской Америки на смену Александру Андреевичу Баранову. Отправился в Новоархангельск посуху. Летом 1812 года прибыл в Охотск, где и ступил на палубу «Невы».

трович никогда больше не откроет дверь компанейской конторы и не устроит избушку за махинации с ценами. Удивительнее всего было то, что корабли — эти безмолвные свидетели морских приключений камергера, разделили печальную участь Резанова. «Авось», затем «Надежда», после — «Юнона»... «Где же сейчас «Нева» — последний свидетель путешествий Резанова?» — подумал Кирилл Тимофеевич, переворачивая очередной чистый лист своей тетради. С судьбой этого корабля Хлебников был неразрывно связан по долгу своей службы, ведь судно принадлежало Российско-американской компании и курсировало между Новоархангельском, Петропавловском и Охотском.

20 октября 1806 года корабль «Нева» под командою лейтенанта Леонтия Адриановича Гagemейстера снялся с Большого Кронштадтского рейда и стал под паруса. Двадцатисемилетний капитан был хорошо образованным человеком, обладал глубокими познаниями в математике и астрономии, свободно писал и говорил на русском, немецком, английском, французском, испанском и португальском языках.

Гagemейстер принял командование шлюпом «Нева» у Юрия Фёдоровича Лисянского, только что завершившего первое российское кругосветное плавание. За неполные три месяца «Нева» была полностью подготовлена к новому дальнему плаванью, пройдя за это время докование, ремонт, комплектование всеми необходимыми припасами и грузами. Задержки в пути привели к тому, что после захода в Бразилию, в феврале 1807 года, Гagemейстеру стало очевидно, что идти в Русскую Америку традиционным путём вокруг мыса Горн в это осеннее штормовое время слишком рискованно, и он выбрал новый маршрут — через Атлантический и Индийский океаны, в «ревуших сороковых»*. Гagemейстер за 98 суток непрерывного плавания добрался от берегов Бразилии до Австралийского континента, первым из русских моряков избрав восточный вариант перехода в Русскую Америку — вокруг мыса Доброй Надежды. 3 июня 1807 года «Нева» была у входа в Порт-Джексон, ставшая таким образом первым российским кораблём, посетившим Австралию.

19 июня 1807 года «Нева» покинула гостеприимные берега Порт-Джексона и в сентябре благополучно прибыла в сердце Русской Америки — порт Новоархангельск. Посетив Ситку, Гagemейстер отправился на Кадык, где и застал Баранова. Здесь новый

* Данное моряками название океаническим пространствам между 40° и 50° широтами в Южном полушарии Земли, где дуют сильные и устойчивые западные ветры, вызывающие частые штормы.

капитан «Невы» вручил Баранову пожалованный ему за управление колониями орден Святой Анны 2-й степени, а его заместитель Кусков узнал, что ему присвоено звание коммерции советника. Тут же команда узнала о начавшейся Шведской войне, где союзниками шведов выступила «владычица морей» Англия. Во избежание неприятностей было решено отправить капитана и часть офицеров в столицу через Сибирь, а «Неву» оставить для нужд Российско-американской компании на островах.

Второму капитану «Невы», Гегемейстеру, предстояло еще дважды совершить кругосветное плавание — на «Суворове» в 1816—1819 годах и на «Кротком» в 1828—1830 годах. Позднее он принял должность Правителя Российско-американской компании, а по возвращении в континентальную Россию — директора училища торгового мореплавания в Кронштадте.

Однако до своего отбытия Гегемейстер стал тем человеком, которому предстояло положить начало воплощению в жизнь ещё одного плана Резанова по укреплению Русской Америки — налаживанию связей с Сандвичевыми островами. Весной 1808 года Баранов направил его туда для установления торговых отношений. Главная цель торговли, естественно, заключалась в приобретении продовольствия. В обмен Русская Америка предлагала пушнину и товары морского промысла.

За год до прихода Гегемейстера в Новоархангельск один из помощников Баранова — Слободчиков уже побывал на Гавайских островах. Завершив промысел у калифорнийских берегов, он выгодно приобрел у американского шкипера небольшое судно, на котором и отправился на Гавайи. Посетив остров Оаху, Слободчиков вступил в переговоры с королем Камеамеа I. «Король Камеамеа принял русских весьма благосклонно и послал Баранову, о делах которого много слышал от американцев, в знак особого уважения почетный шишак и плащ из разноцветных птичьих перьев», — впоследствии напишет Хлебников. Хотя Слободчикову и удалось приобрести для колонии немного продовольствия в обмен на меха, но заключить торговое соглашение с Камеамеа он не смог. С хитрым монополистом, торговцем сандаловым деревом — Камеамеа не сумел договориться и Гегемейстер. Налившись водой и пополнив провизию, «Нева» покинула Гавайи с подарками от короля и увещеваниями, что торговля в будущем будет обязательно налажена. Прибыв в Петропавловскую гавань 8 июля 1809 года и наполнив магазины Российско-американской компании более чем тысячей пудов соли, купленной на Гавайях, «Нева» снова вышла в море и 2 сентября достигла Новоархангельска. Гегемейстер пока только

учился дипломатии, в то время как это искусство вполне усвоил другой служитель Российско-американской компании — капитан брига «Беринг» Георг Шеффер — тшеславный авантюрист, присоединивший Гавайские, или, как их тогда называли, Сандвичевы острова, к России.

Георг Антон Алоис Шеффер родился в 1779 году в Мюннерштадте. В юности он изучал фармакологию в Вюрцбурге. В январе 1808 года, получив звание доктора медицины, эмигрировал с женой в Россию. Послужив в Санкт-Петербурге военным медиком, Шеффер в 1812 году переехал в Москву, наделенный за свои заслуги титулом барона. Помимо медицинской практики доктор много времени уделял изучению ботаники и минералов.

В 1813 году Шеффер принял участие в морской экспедиции на Аляску на военном шлюпе «Суворов». На Аляске был списан с борта корабля как «лицо, нетерпимое на судне». Впрочем, вспомним судьбу Резанова — вряд ли эта характеристика отражает сущность человека. Оказавшись лишним на военном корабле, Шеффер на новых землях оказался незаменимым человеком благодаря своим познаниям врача и вскоре, став доверенным человеком Баранова, невольно возглавил новую экспедицию на Сандвичевы острова.

31 января 1815 года судно Российско-американской компании «Беринг»* зашло в гавань Ваймеа на острове Кауаи для пополнения запасов воды и продовольствия. Во время стоянки губернатор острова Кауаи Томари неожиданно объявил о конфискации судна и груза мехов на сумму 100 000 рублей. Не дождавшись возвращения «Беринга» к запланированному сроку, Баранов велел готовить к отправке на выручку кораблю вооружённую экспедицию на судне «Открытие».

Сейчас тяжело точно установить как и когда Шеффер попал в форт Росс, но случилось это как раз в тот момент, когда закрепление русских на берегах Калифорнии начало раздражать испанцев и они стали настойчиво искать повод избавиться от незваных соседей. Промысел калана в заливе Сан-Франциско и близость новой русской крепости, естественным образом вызвали недовольство у испанских властей Калифорнии. В конце концов в сентябре 1815 года произошло столкновение с испанцами, о чём будет упомянуто ниже. Так или иначе, но русский пушной промысел в этих краях был прекращен. Осенью того же года Баранов отдал распоряжение готовить к отправке бывшее американское судно «Изабелла», уже переименованное в «Ильмень», доктора Георга Антона Шеффера, переименованного русскими в Егора Николаевича.

* В прошлом судно «Атауальпа», купленное у американцев.

Вместе с Шеффером на «Ильмене» находился и сын Александра Андреевича Баранова — креол Антипатр. Шеффер на судне «Ильмень», командование которым принял наш старый знакомый — крепостной крестьянин Тараканов, отправился в Ситку.

И тут случилось непредвиденное. Сильной бурей судно было унесено далеко в океан. Когда же шторм стих, выяснилось, что «Ильмень» получил серьёзные повреждения и требовал ремонта в ближайшем порту. Выбор пал на Гавайи по двум причинам. Во-первых, местоположение повреждённого корабля было ближе к островам в океане, чем к материку и, во-вторых, — на Гавайских островах продвинутый король Камеамеа I имел мощный развитый флот европейского образца и мощную ремонтную базу, в отличие от Калифорнии, где не применялись и не строились даже простые лодки.

Русское судно достигло островов через 20 дней. А прибыв на Гавайи, Шеффер и Тараканов со своими спутниками попали в новое приключение.

Вначале Шеффер прибыл на Оаху, где его дружелюбно встретил король Камеамеа. Доктор Шеффер вылечил Камеамеа от водяной болезни, а его любимую жену — от лихорадки. Это обеспечило ему не только расположение короля, но и неограниченное доверие. Камеамеа даровал Шефферу несколько десятков голов скота, рыболовные угодья, землю и здания под факторию. Однако, видя активность незваного гостя в реализации своих планов, Камеамеа, ещё недавно отзывавшийся Крузенштерну о русских как о самых лучших людях на земле постепенно стал подозревать Шеффера в не совсем честных намерениях, и вскоре доктору пришлось покинуть гостеприимного короля. В мае 1816 года немецкий авантюрист с российским подданством на подошедшем корабле «Открытие» и своём «Ильмене» отплыл на остров Кауаи, чтобы силой освободить пленённое русское судно «Беринг». Но оружия не потребовалось — король Томари был готов вернуть корабль и груз. Король искал могущественного покровителя в своём желании быть независимым от Камеамеа, с которым находился в состоянии войны, и решил использовать в этом качестве Россию. Это обстоятельство полностью совпало и с намерениями Шеффера завладеть островом и использовать его как промежуточный порт для кораблей Российско-американской компании.

В результате Томари согласился выполнить все условия Баранова и заключил с Шеффером соглашение. Оно звучало так:

«1. Корабль «Беринг» и захваченный на нём груз будут возвращены русским, за исключением некоторых вещей, нужных королю. За них он заплатит сандаловым деревом.

2. Король берёт на себя обязательства доставлять ежегодно в колонию полный корабль сушёной тары.

3. Все сандаловое дерево на его острове поступит в распоряжение Шеффера. Торговля им будет производиться только с Русской Америкой.

4. Русские получают право учреждать фактории на всех островах, принадлежащих Томари».

Несомненно, самым главным и важным являлся 4-й пункт соглашения. В течение нескольких месяцев Шеффер утверждал русское присутствие на Кауаи и в результате получил королевский подарок — долину Ханалеи на севере острова, которую он переименовал в Шефферталь, с рекой Ханапепе, переименованной в Дон.

21 мая 1816 года король Томари в торжественной обстановке просил Александра I принять свои владения под покровительство и поклялся в верности российскому скипетру. В заявлении Томари говорилось: «король острова Атуа со всем подвластным ему народом поступает под покровительство Российского императора».

Воспользовавшись ситуацией, Шеффер начал укрепляться на новых российских землях с удвоенной энергией. Под руководством предприимчивого доктора в 1816 году были построены три укрепления: форт Елизавета, форт Александр и форт Барклай. Затем на Гавайских островах Шеффер силами предоставленных ему королём нескольких сотен работников разбил сады и построил здания для будущей фактории. На территории Елизаветинской крепости была построена небольшая церковь, а на территории Александровской — часовня. Это была первая на Гавайях православная церковь, по иронии судьбы построенная немцем-лютеранином.

Выполняя обещания, данные Томари, Шеффер купил у короля острова корабль стоимостью 200 тысяч рублей и шхуну за 21 тысячу рублей, рассчитавшись мехами с «Открытия». Узнав об этом по прибытии новых судов в Новоархангельск, Баранов немедленно известил Шеффера, что без разрешения главного правления Компании в Санкт-Петербурге он не может одобрить соглашения, заключённые с королем Томари, равно как и признать покупку судов. В докладе главному правлению РАК Баранов отметил: «не внимая голосу рассудка, увлеченный единственно честолюбием заслужить себе славу основателя новых колоний для компании, Шеффер уже приступил к постройке укреплений и фактории, употребляя для этого строевой лес, пришедший на одном из судов из Новоархангельска, и к разведению садов и огородов, произведениями которых он мечтал снабжать колонию».

В это время произошёл ещё один казус. Капитан «Ильменя» Тимофей Тараканов и Георг Шеффер развернули бурную деятельность по обустройству новых российских владений. Хотя личные отношения Шеффера и Тараканова нельзя было назвать хорошими, последний оказывал доктору как старшему всевозможную помощь и содействие. Его деятельность не осталась незамеченной, и в конце года гавайский король подарил Тимофею участок земли и... 13 семей в личную собственность. Ситуация тем более пикантная, что сам Тараканов на тот момент формально являлся крепостным. Впрочем, капитан «Ильменя» отнесся к подарку совершенно равнодушно.

По возвращении в Ново-Архангельск Тараканов получил такую вольную и в 1820 году вернулся на родину в Курск, где благополучно дожил до 1844 года.

Всё шло как по маслу, но здесь случилось неожиданное — то, чего никак не могло бы произойти, доживи Резанов до этого дня. Шеффер переоценил свои силы. Отсутствие обещанной им военной помощи, которую, несмотря на просьбы Шеффера, Баранов так и не выслал на Гавайи, и угроза войны с Камеамеа, которого поддерживали владельцы английских и американских судов, привели к тому, что в мае 1817 года Томари в конце концов изгнал Шеффера из Виамеа. Тогда доктор-авантюрист перебрался в Елизаветинский форт. Однако враждебно настроенные туземцы вынудили его покинуть последнее русское укрепление. Единственным спасением для Шеффера оставалось судно «Кадык». Туземцы хотели утопить доктора, сделав несколько отверстий в шлюпке, перевозившей его на судно, «но он каким-то особым чудом спасся от смерти». «Кадык» не был пригоден для дальнего плавания и смелый доктор смог дойти на нём только до Гонолулу на Оаху, столицы Камеамеа. Здесь судно разоружили и 7 июля 1817 года Шефферу разрешили покинуть Оаху на американском корабле, шедшем в Кантон.

Но первоначальный успех и дальнейшее поражение начинаний Шеффера полностью зависели от решения Компании и российского правительства. Пользуясь междоусобицей гавайских королей, одной лишь демонстрацией военной силы Россия могла бы закрепить за собой новые фактории на райских островах и тем самым ещё более упрочить своё присутствие в Тихом океане, но нерешительность Баранова и недальновидность Александра I победили честолюбивые замыслы Шеффера. Добравшийся до российских берегов, в конце 1817 года Шеффер подал записку на имя императора, в которой обосновывалась необходимость захвата всех Гавайских островов и описывались выгоды от этого предприятия. Запис-

ку проанализировали Министерство иностранных дел, Департамент мануфактур и внутренней торговли, после чего в феврале 1818 года новый министр иностранных дел Нессельроде изложил окончательное решение: «Государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принести России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами...». Невероятно, но факт — в то время как европейские державы немалой кровью захватывали всё новые и новые колонии по всему миру, невзирая на дальность их расположения от метрополий и неудобство обеспечения, Россия одним росчерком пера отказывалась от уже приобретенных земель и отнекивалась от своего покровительства туземным королям, добровольно принявшим российское подданство.

Единственным кондиционным актом со стороны императора Александра I стала посылка подарков королю Томари. Вождю тихоокеанских островитян была пожалована золотая медаль на ленте Святой Анны с надписью: «Владельцу Сандвичевых островов Томари в знак дружбы его к россиянам», морской кортик с приличной оправой, плащ с золотыми кистями и позументом. Всё это было бы кстати в случае присоединения островов к России, а в данном случае выглядело как расшаркивание властителя одной шестой части суши Земли перед туземным королём и демонстрация слабости российской политики. Удивительно, но так себя вёл победитель Наполеона в годы триумфа России в Европе.

В итоге глупость либерального правительства России заложила предпосылки для потери Аляски и всей Русской Америки, которым без японских и гавайских продуктов и товаров выжить было невозможно. Поэтому Российско-американская компания до последнего не оставляла надежд на приобретение островов, считая их единственной возможностью соскочить с американского продовольственного крючка. В итоге на Сандвичевых островах возникло противостояние, вылившееся в вооружённый конфликт между русскими, защищавшими свои приобретения, и американцами, оценившими достоинства островов, лежащих в центре Тихого океана.

Последнюю попытку убедить правительство присоединить Гавайи предпринял русский консул в Маниле Добелл, некогда предложивший через посредство Крузенштерна свои услуги российскому правительству в качестве капитана и купца. Так уж сложилось, что честолюбивые иностранцы радели о пользах нового Отечества более, чем российские власти.

После блистательной победы в войне с наполеоновской Францией правительство Российской империи сконцентрировало своё внимание на установлении официальных дипломатических отношений с Филиппинами, что диктовалось фактической потерей контроля над странами Юго-Восточной Азии со стороны Франции и Испании.

В 1812 году Добелл по собственной инициативе и на свой страх и риск отправил из Манилы на Камчатку три судна с различными продуктами. С Филиппин через Петропавловский порт в Авачу он завез продовольственных и иных товаров на общую сумму в 1 млн 200 тыс. рублей, собираясь продать всё, в чем нуждалось тогда население этого отдаленного района империи, по себестоимости с учётом только провозных расходов, то есть практически без какой-либо прибыли. Однако, к сожалению, из-за проволочки царских бюрократов разрешение на продажу этого ценного иностранного груза пришло из Санкт-Петербурга, когда от морозов и небрежного хранения почти всё пришло в полную негодность: бочки с манильским ромом лопнули, а зерно сгнило...

Несмотря на первую неудачу с налаживанием торгового снабжения в 1813—1814 годах Добелл представил российскому правительству подробный план развертывания регулярного продовольственного снабжения русских владений на Дальнем Востоке. При этом он имел в виду установление постоянных русско-филиппинских торговых связей с Манилой. Это предложение было рассмотрено на самом высшем уровне: генерал-губернатором Сибири Пестелем, министром иностранных дел России графом Нессельроде и другими, а затем одобрено самим царем Александром I в 1816 году. На том же заседании Кабинета министров было решено отказаться от Сандвичевых островов. Однако одного взгляда на карту Тихого океана достаточно, чтобы понять абсурдность принятых решений: обеспечение продовольствием Русской Америки с Сандвичевых островов было бы безопаснее и занимало бы меньше времени. Год спустя, в 1817 году, было принято правительственное решение о создании в Маниле российского Генерального консульства. Генеральным консулом Российской империи на Филиппинских островах был назначен Питер Добелл.

Добелла пригласили в Россию, и он проехал по всей стране, опубликовал в 1815—1816 годах в «Сыне Отечества» свои рассказы о Сибири. В 1817 году он прибыл в Санкт-Петербург, где принял российское подданство, и ему был присвоен гражданский чин 6-го класса — коллежский советник. В России его стали именовать Пётр Васильевич Добель.

Пока шло урегулирование дипломатических вопросов между Петербургом и Мадридом, Добелю было позволено действовать в Маниле в качестве неофициального представителя российского правительства на Филиппинских островах.

В 1819 году Добель через Сибирь вновь выехал на Камчатку. К сожалению, он уже не застал там фрегат «Камчатка» и капитана Василия Головнина, которому было предписано доставить в Манилу императорского генерального консула России на Филиппинских островах. Зато в долгом пути из Санкт-Петербурга Пётр Васильевич успел жениться на сибирячке. Добель относился к тому редкому сорту людей, в жизни которых трудности лишь добавляют азарт. Прикинув все «преlestи» зимовки на Камчатке и потери драгоценного времени, Добель принимает решение, граничащее с безумством: на собственные средства он снаряжает 250-тонный бриг, на котором с молодой женой и грудной дочерью с помощью семи случайно подобранных матросов самостоятельно отправляется к назначенному месту службы — в Манилу. В этом трудном и опасном рейсе для пополнения провизии и свежей воды ему пришлось зайти на Сандвичевы острова.

Встретив там новый, 1820 год Добель нашёл Гавайское королевство раздираемым внутренними смутами. Король Сандвичевых островов Кемеамеа II просил Александра I оказать ему «помощь и покровительство для поддержания власти и престола». В своих письмах Александру I и Нессельроде Добель утверждал, что присоединение Гавайев необходимо даже для сохранения уже имеющихся у России земель. Однако ответа он так и не получил. С 1807 по 1825 год на Сандвичевых островах побывало не менее 9 торговых судов Российско-американской компании, не считая судов кругосветных экспедиций, пополнявших продовольствие.

Точку в этом вопросе поставил бывший капитан «Невы» Гегемейстер, в итоге сменивший Баранова на посту главного Правителя Русской Америки, переключив внимание Компании с Гавайев на Калифорнию. Сандвичевы острова были утеряны для России навсегда...

Так окончилась история русской экспансии в центральной части Тихого океана, начатая «Невой», дважды заходившей на Гавайи. А Гавайи аж до 1925 года оставались никому не нужным куском суши посреди океанских просторов, пока наконец-то окрепшие США не решили заложить в заливе Пёрл-Харбор военно-морскую базу...

Но вернёмся к судьбе «Невы». По возвращении её с Гавайских островов осенью 1809 года Барановым были получены достоверные сведения из России о разрыве с Англией. И Александр Ая-

дреевич не решился послать шлюп «Нева» в Петербург с добытой в колониях пушниной. С другой стороны, испытывая в Новоархангельске затруднения с продовольствием, Баранов 24 сентября 1809 года по соглашению с Гагемейстером отослал корабль для зимовки на Кадьяк. Оттуда весной будущего года шлюп должен был следовать в Петропавловск. Гагемейстер благополучно прибыл туда 29 мая 1810 года. В Авачинской бухте команда «Невы», состоявшая из военных моряков, оставила корабль и вместе со своим командиром отправилась через Охотск для продолжения службы в Россию. На борту шлюпа с острова Баранова были доставлены бунтовщики — подмастерье Попов и Наплавков. Обратным рейсом «Нева» должна была доставить в Новоархангельск человека, который бы сменил Баранова на должности Правителя.

Но новому кандидату в Правители не суждено было добраться до Новоархангельска. Вскоре у Хлебникова появился новый материал для его будущей книги о жизни в Русской Америке: «В половине января 1813 года явились с Ситке на шлюпке несколько наших матросов, изнурённых от холода и голода. Они известили Баранова, что корабль «Нева», вышедший прошлого года из Охотска, под командованием лейтенанта Подушкина, на коем находился, назначенный на смену Баранов Главным Правителем колоний Коллежский Советник Борноволоков, по причине крепких противных ветров, не мог достигнуть осенью Ситки и заходил в Воскресенскую гавань. Оттуда они отправились под командою штурмана Калинина и потерпели кораблекрушение у мыса Эджкомб в ночь на 9 января. При сем случае утонули Борноволоков, командир судна штурман Калинин, жена и сын штурмана Неродова, боцман, ученик, приказчик, 27 промысленных и 4 женщины; а спаслись: лейтенант Подушкин, штурман Неродов, кадет Терпигорев, приказчик и 21 промышленной; из них трое сильно ушибленные об утёсы вскоре умерли. На пути их Охотска от сырой погоды у них было много больных цингой и умерло в разное время 15 человек. Баранов, по 23-летию пребыванию в колониях, на 67 году деятельности жизни ожидал со дня на день себе преемника, как избавителя, который бы наконец снял с него бремя забот и попечений, так долго им несомое. Смиранный всегда пред волею Всемогущего, Баранов не роптал более и продолжал отправлять свою должность с тем же усердием, как и прежде».

История гибели «Невы» не менее трагична, чем гибель «Юноны». Ещё до начала плавания случился неприятный конфуз. Назначенный на «Неву» новым капитаном лейтенант Васильев накануне на радостях изрядно выпил и, решив наутро показать свою удаль,

в одиночку на ялике отправился на корабль, но не доплыл. У гряды рифов ялик накрыло волной, и Васильев утонул. Тогда очередным капитаном «Невы» решено было назначить болтавшегося в Петропавловске без дела лейтенанта Подушкина. В свой последний рейс «Нева» отправилась в погожий день 24 августа 1812 года, снявшись с якоря на рейде Охотска. На борту «Невы» находились 62 члена команды и пассажиров. Переход начался благополучно и ничто не предвещало беды. Рейс этот мало чем отличался от предыдущих, кроме одного: на борту корабля присутствовал новый Правитель Русской Америки Борноволоков. Используя благоприятные ветры, Калинин предложил идти сразу в Новоархангельск, но капитан наотрез отказался от здравых рекомендаций опытного и искусного штурмана и повел судно вдоль Алеутской гряды, где уже начало ощущаться близкое дыхание приближающейся осени с её свирепыми северо-восточными штормами. 8 ноября, изрядно потрепанная почти непрерывными встречными бурями, «Нева» оказалась в бедственном состоянии. Осознав это, лейтенант Подушкин обратился к Борноволокову с заявлением, что он не в силах управлять кораблем и находит только одно средство к спасению — ссадить команду и пассажиров на берег, а само судно отдать на волю волн.

— Господин Подушкин! — возмутился Борноволоков. — Я ещё не вступил в должность Правителя и пока ещё являюсь простым пассажиром. Но даже будь я должностным лицом, на каком основании вы, лейтенант морского флота, перекладываете на меня ответственность за решение о судьбе судна. Вы — капитан, с вас и весь спрос, хотя лично я против такого безумства. И раз уж вы соизволили ожидать от меня решения, предлагаю сдать вам командование судном штурману Калинину, который более вас понимает в морском деле, как я успел заметить, хотя Морского корпуса он не оканчивал.

— Терентий Степанович, да как же это? — растерялся Подушкин.

— А вот так! — спокойно ответил Борноволоков и, переведя взгляд на прежнего штурмана «Невы», продолжил: — Уважаемый Даниил Васильевич, примите начальство над сим судном и заведите корабль в спокойную гавань, где мы бы могли отдохнуть, исправиться починкой и налиться водою.

— Но, господин Борноволоков, судно имеет в штате своего штурмана Неродова... — попытался возразить Калинин.

— Однако сей штурман редко и на палубе появляется, а вы на «Неве» полтора раза вокруг света обошли. Кому же, как не вам, я могу доверить судно и самую свою жизнь?

Калинину, который не был к тому моменту членом экипажа «Невы», пришлось принять командование судном на себя. В условиях обычной для тех широт в это время года непогоды, только в ночь на 16 ноября «Неве», руководимой его твёрдою рукою, удалось войти в Чугацкий залив и бросить якорь в Воскресенской гавани, где была пресная вода и относительно спокойная стоянка. Пробиваясь сквозь холодные осенние штормы, самый жестокий из которых случился 8 ноября, «Нева» пришла в бухту потрепанной и избитой: на судне была сломана грот-стенёга, изорваны в клочья фок, грот и грот-марсель. Одиннадцать суток, потраченных командой на ремонт судна и отдых, дали о себе знать. «Нева» шла кратчайшим маршрутом в сторону острова Баранова, и марсовый на корабле уже на третьи сутки заметил на горизонте гору Эджкомб.

— Терентий Степанович, — начал не без радости свой доклад штурман Калинин, — до Новоархангельска около 130 верст по прямой или почти сутки такого же хода. Дозвольте ставить все паруса?

— Конечно! — обрадовался Борноволоков. — Какова же ты, новая земля, где мне служить России?

К сожалению, ответа на этот вопрос Борноволоков так и не дождался. В ночь на 1 декабря вновь задул жесткий норд-ост.

— Убрать лисели и закрепить бом-брамсели! — скомандовал Калинин, когда на горизонте появилась тёмная полоса — предвестница непогоды.

— Идём восемь узлов в бейдевинде, — доложил кадет-креол Тровин.

— Убирайте брамсели! — отдал новое распоряжение Калинин.

В 6 часов вечера на корабле взяли рифы на марселях. Встретила «Нева» надвигающуюся бурю с одним гротом, стакселем и фор-триселем.

Когда шторм начал расходиться по-настоящему, по свидетельствам очевидцев, «матросы выпили по чарке и беззаботно стояли кучками на баке, у камбуза и на юте. Они вели между собою разговоры, временами прерываемые смехом. Наступавшая буря не страшилась их. Не в первый раз им приходилось встречать её; они давно свыклись с нею и спокойно стояли над бездной, зная, что нет такой продолжительной бури, после которой не настало бы ясного дня.

С самого утра внутри корабля никого не было; какое-то безотчетное, томительное предчувствие вызвало всех наверх. Жены и дети пассажиров смиренно сидели на юте у гак-борта, и робко жались друг к другу, в боязливом ожидании чего-то непонятного, но

близкого и страшного. Волны беспрестанно окатывали их соленой водой, но им страшней казалось быть внизу, в каютах и в кубрике, и слышать вокруг себя скрип перегородак, а в трюме — глухой стук бочек, ударявшихся одна об другую от сильной качки, а над головою частые раскаты бурунов, которые, перекатывались через палубу, еще громче отдавались во внутренности опустевшего пространства».

— Важная буря! — заметил Борноволоков, поднявшись на шканцы и приблизившись к Калинин, стоявшему у штурвала.

— Да, — ответил штурман, — много походов мне довелось сделать, но такого что-то не припомню, Терентий Степанович.

Почти на целый месяц шлюп «Нева» превратился в игрушку волн и ветров, и Калинин вынужден был менять курс судна пять-шесть раз в сутки. Как свидетельствовал позже один из спасшихся, гардемарин Михаил Терпигорев*, в таких ужасных условиях Калинин почти не сходил со шканцев и всегда знал местоположение судна, хотя солнце и звезды не показывались неделями. К январю на «Неве» работоспособных оказалось лишь человек десять, а штатный штурман Неродов за компанию с Подушкиным отказался от своей должности. Его примеру последовал и боцман Григорьев, не считавший Калинина, который не был к тому моменту членом команды «Невы», своим командиром. В сложнейших условиях, когда помощь каждого человека была значимой, на «Неве» возник молчаливый бунт — своеобразная форма бойкота, объявленная бывшим командованием корабля Калинин, Борноволокову и тем немногим матросам, что посчитали спасение судна и людей превыше каких-либо принципов и условностей. Этот десяток смельчаков сутками стоял вахты, которые усложнялись ещё и тем, что приходилось сбивать лёд с бортов и счищать снег с палубы корабля. Истощённые остатки команды тем не менее до последнего боролась за живучесть судна. Дополнительной обузой становились пассажиры, среди которых были женщины и малолетние дети. Когда, казалось, предел людских возможностей был достигнут, Бог смилоствовал над утомлённой командой, и день 2 января 1813 года встретил людей, пробившихся сквозь непогоду, ясным искрящимся солнцем. Менее чем за неделю Калинин удалось вновь добраться до окрестностей Новоархангельска и войти в Ситкинский залив.

* М. Терпигорев — выпускник Морского кадетского училища, племянник Борноволокова, по договору с Российско-американской компанией отправившийся на службу в Русскую Америку. Один из немногих выживших, кто оставил описание крушения «Невы».

Измученный непрерывными вахтами, Калинин, ещё раз определив курс «Невы» по хорошо знакомым ориентирам, к часу ночи устало произнёс, обращаясь к Борноволокову:

— Пойду-ка я выпью стакан чаю и лягу отдохнуть часа на два. Надеюсь стать на якорь под самой гаванью прежде рассвета. На вахте останется штурманский ученик Тровин, из креолов, выпускник нашего Морского училища. Он эти места хорошо знает.

Ночью полупрозрачной кисейой опустился обманчивый туман. В условиях ухудшившийся видимости «Нева» устремилась навстречу своей судьбе на зарифленых марселях и фор-марселях. В предрассветной мгле вперёдсмотрящий окутанный туманом «Невы» вдруг увидел землю — прямо перед форштевнем сквозь сизую дымку на судно напал скалистый берег. На борту началась паника. Никто не слушал команд, царил полный хаос. Кое-как убрали паруса, стали отдавать якорь, но он быстро ушел на дно — в спешке не застопорили! На полной скорости «Нева» с ходу выскочила на камни у скалистых берегов острова Круза. По иронии судьбы этот остров был нанесён на карту и описан именно Даниилом Калининым. Людей с севшего на мель судна можно было бы ещё спасти, однако неожиданно разыгравшийся шторм довершил своё злое дело.

Сгрудившиеся на палубе пассажиры мешали работе команды. Крик грудных детей портил и без того унылое настроение, даже капитанская собака, которую пытались загнать в каюту, чтобы не возилась под ногами, выла и наотрез оказывалась спускаться вниз. Порванные бурей марселя захлопали на ветру. Лопнули ванты и не выдержавшая ветровой нагрузки грот-мачта рухнула за борт, накрывая судно и увлекая в бушующую морскую пучину людей.

В самый разгар бури боцман-бунтовщик Григорьев растолкал безмятежно спящего экс-капитана Подушкина:

— Яков Аникеевич, упала грот-мачта!

— Пошёл прочь, каналья! Нашёл из-за чего будить! — перевернувшись на другой бок, рывкнул горе-капитан.

Только вода, заполняющая кормовые каюты, заставила Подушкина покинуть своё ложе. В это время на «Неве» творилось что-то невообразимое: самые сообразительные матросы зарядили несколько пушек и начали стрелять, давая знать о бедствии судна на берег, но ревущий океан поглощал эти сигналы. Выпущенные с борта судна ракеты также не были замечены.

— Очистить шлюпки и спустить на воду! — прохрипел сорванным голосом Калинин.

Когда распоряжение Калинина было выполнено, он отдал следующую команду:

— Руби мачты!

Грот-мачты судно уже лишилось и матросы повалили фок-мачту, но до бизани добраться не успели. Очередная волна смыла остатки дееспособной команды за борт вместе с уже незакреплёнными шлюпками.

По палубе металась женщина с младенцем — жена лейтенанта Подушкина. Выбежав на шканцы, она протянула Калинингу кошелёк с деньгами, умоляя о спасении. Резкий рывок штурвала, который начал свободно вращаться, сломал руку отважному штурману, и Калинин присел на палубу как раз в тот момент, когда сорвавшийся гафель с силой ударил по голове несчастную женщину, а набежавший шквал смыл уже мёртвую жену Подушкина, судорожно прижимавшую к себе сынишку-младенца. Сорванный с петель руль пролетел над палубой и сбросил за борт ещё несколько несчастных. Следующая волна подняла неуправляемый корабль и швырнула на рифы с такой силой, что носовая часть судна мгновенно разлетелась на щепки.

Боцман Григорьев, наконец-то выбравшийся на палубу из каюты капитана, схватился за шпиль, но был тут же смыт за борт. Сверхъестественными усилиями он сумел добраться до руслена и ухватиться за него. Сорванная шлюпка с силой ударила о борт как раз в том месте, где находился боцман. Каким-то чудом он оказался в ней.

Калинин одной действующей рукой продолжал держать бесполезный штурвал — у судна уже не было руля. Следующий удар о скалы отделил палубу от остатков судна, и гордая фигура последнего капитана «Невы», не покинувшего до самого смертного часа свой корабль, исчезла в морской пучине.

Спаслись и добрались до берега в различном состоянии лишь 27 человек, остальных погребли волны. Погибли все женщины и дети, не помогла даже чудотворная икона Архангела Михаила, выброшенная на берег. Икона лежала на береговых скалах рядом с обезглавленным трупом Калинина. Борноволоков, истекая кровью, сумел добраться до берега, но проломленная грудная клетка не оставила ему шансов на спасение. Зато экс-командир Яков Подушкин сразу сообразил, что в этой гибельной кутерьме главное — позаботиться о собственной персоне. Предусмотрительно переодевшись в тёплое бельё и надев сверху фланелевый костюм, он спустился за борт через выбитую кормовую галерею и, срезав фалы, преспокойно добрался на кормовом ялике до берега. Подушкин оказался едва ли не единственным, кто остался цел из командного состава «Невы». Боцман Григорьев сошёл с ума уже на

суше, и уцелевшая часть команды и пассажиров вынуждена была добить боцмана, бросавшегося на несчастных людей с кортиком. Разбросанная по побережью горстка спасшихся едва не стала жертвой кровожадных индейцев-глинкетов, но канонир и мичман Терпигорев, найдя на берегу байдарку, сумели добраться на ней до Новоархангельска и сообщить Баранову о гибели «Невы». Подоспевшая три дня спустя подмога спасла остатки команды и пассажиров разбившегося шлюпа. Так последним из легендарных кораблей погибла «Нева», закрепившая за русскими тихоокеанское побережье и принесящая славу России.

Вместе с корреспонденцией, в которой Баранов делился с Хлебниковым последними новостями с островов, в том числе и о гибели «Невы», на стол Кирилла Тимофеевича легло очередное письмо Джона д'Вольфа, некогда доставившего его в Петропавловск. Из письма Хлебников узнал подробности гибели второго судна русских кругосветчиков — «Надежды». Начавшаяся Шведская война грозила американскому путешественнику надолго увязнуть в России. Джордж Мартин, любезно согласившийся доставить Джона д'Вольфа в Америку, привёл «Надежду» под нейтральным голландским флагом в Копенгаген. Здесь, к удивлению Джона, на рейде мирно покачивалась его старая знакомая по океанскому плаванью — «Мэри». Разыскав в кабаках датской столицы капитана Трескотта, Джон д'Вольф заключил старого приятеля-капитана в объятия.

Бывшего капитана «Юноны» судьба хранила от разного рода неприятностей. И в этот раз случайная встреча двух морских волков спасла Джона от гибели. Узнав все новости, которые привёз капитан Трескотт с другого конца Атлантики, юный д'Вольф, извинившись перед Джорджем Мартином, решил задержаться в Европе и весной отплыть на «Мэри». Капитан Мартин, решив, что успеет доставить товары Российско-американской компании в Северо-Американские Соединённые Штаты ещё в текущую навигацию, в начале декабря 1808 года снял с якорей «Надежду» и вышел из гавани. Три часа спустя на Копенгаген обрушился первый зимний ураган, принёсший первый снег. К утру ударивший мороз сковал воды Балтики. Редкий для Балтийского моря случай, когда вся водная поверхность оказалась покрытой льдом, даровал России две новости. Первая, счастливая, была описана выше — русские полки под командованием Барклая де Толли перешли по этому льду Ботнический залив и подошли под стены Стокгольма. Вторая новость оказалась печальной: в декабре «Надежда» — флагман экспедиции россиян вокруг света — погибла, затертая льдами у берегов Дании.

А Джон на борту «Мэри» после остановок в Ливерпуле и Портленде благополучно вернулся 1 апреля 1808 года в Бристоль. С момента его отплытия на «Юноне» прошло почти четыре года...

Капитан Джон д'Вольф дожил до глубокой старости. По возвращении в Америку он был судьёй, налаживал торговые отношения с Россией. Свои приключения Д'Вольф описал в книге «Путешествие в северной части Тихого океана и путешествие по Сибири», увидевшей свет в 1861 году. Всё восточное побережье США знало Северо-западного Джона, который умер в Дорчестере на руках своей дочери, Маргарет, 8 марта 1872 года. Придя в этот мир в век пиратов и белоснежных парусников, Джон д'Вольф покинул его в эпоху грозных морских исполинов, закованных в броню — пароходов и броненосных крейсеров, пережив в свои 93 года всех своих друзей и Русскую Америку, которая за пять лет до его смерти перестала быть русской.

Глава 12 ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В ВЕЧНОСТЬ

Аллилуйя свирепому нересту!
Аллилуйя бобрам алеутским!
Лишь любовью оправдана ненависть.
Аллилуйя любви! Аллилуйя!

А. Вознесенский

А прозрачном ещё до недавнего горизонте забелел парус. Даже невооружённым глазом было заметно, что судно, на котором волею судьбы и благодаря своей настойчивости оказался Лангсдорф, заметно уступает в скорости кораблю, pursuing им в погоню.

Шёл 1812 год. Год для России страшный. Незадолго до начала Отечественной войны против европейской армии Наполеона русское правительство, стремившееся к расширению познаний о мире более, чем к войне, отправила неумолимого и уже этим полезного профессора Георга фон Лангсдорфа в Бразилию генеральным консулом. Судно ещё не успело отойти от родных берегов, как неутомимый немец начал суетиться по поводу нехватки клеток, ловушек и прочих мелочей, необходимых для сбора богатой коллекции фауны, на которую Лангсдорф очень рассчитывал. Благодаря участию в первой русской кругосветке и выпущенной им книги имя профессора гремело по всей Европе. Затаив дыхание, научный мир ждал от него новых открытий. Понимая, что пальма первенства

может ускользнуть от России, Российская академия наук вызвалась снарядить новую исследовательскую экспедицию, руководителем которой был назначен Лангсдорф. Чтобы придать все этому предприятию, профессор получил дипломатический статус генерального консула, который ограждал нового посланника России от непредвиденных политических конфузов в ходе путешествия.

Пока что всё шло гладко. Но сейчас надвигавшаяся на российское судно громада парусов неизвестных кораблей грозила неприятностями. Попросив у капитана трубу, Лангсдорф опешил от увиденного. Три быстроходных клипера шли наперерез русскому кораблю. Открывающиеся портики ошестинились изготовленными к залпу орудиями. Капитан судна решил без боя не сдаваться и в тот момент, когда на гафеле взвился Андреевский флаг, флагман маленькой, по всей видимости, пиратской эскадры окутался дымом. Ядро упало в воду с явным недолётом, но фонтан воды, поднятый им, окатил палубу. Русские канониры уже раздували фитили, чтобы дать достойный ответ незнакомцам, как вдруг произошло непредвиденное: все три клипера, завидев российский военноморской флаг, по сигналу командующего этой маленькой эскадрой прекратили преследование и легли в дрейф.

Команда русского судна с облегчением вздохнула. Но радость экипажа длилась недолго. Словно опомнившись, быстроходные суда выстроились в одну линию и, используя попутный ветер, уже через полчаса поравнялись с русским судном. Канониры держали фитили зажженными, из трюма на палубу в спешке выгружался порох. Судно сдаваться без боя не собиралось. И вот, когда страсти были накалены до предела, на клотике головного клипера взвился триколор с голубым перекрестием у основания — российский гюйс. В тот же миг все три борта небольшой эскадры, преследовавшей судно, на котором плыл в Бразилию первый российский генеральный консул Георг фон Лангсдорф, салютовали единым залпом, приветствуя экипаж корабля, идущего под Андреевским флагом. Через какое-то время на русскую палубу ступил подтянутый человек с выправкой военного-морского офицера и, отдав честь, коротко представился:

— Педро Луис Брион!

Перед профессором стоял просоленный моряк в испанском морском мундире, его португезу украшала шпала с позолоченным эфесом. Держался он с достоинством, но без высокомерия, присущего испанцам. Бронзовый загар и морщины сильно изменили знакомый облик, но лихо закрученные усы и смеющиеся глаза капитана корвета возвращали Лангсдорфа в уже почти позабытую

жизнь на острове Баранова и в Калифорнию, на Алеуты и Камчатку. Спустил три года Лангсдорф пожал руку человеку, вверившему свою судьбу и честь ему, своему другу.

— Резанов всегда утверждал, что мир слишком тесен и логичен. Где-то в глубине души я, конечно же, надеялся услышать о вас, но никогда не предполагал, что мы встретимся вновь! — произнёс Лангсдорф по-русски.

— Ваш русский, милый Георг, стал несравненно лучше — надо отдать должное вашим учителям, но псковский говор всё ещё выдаёт вашего первого учителя.

Лангсдорф и Брион обнялись. По щекам обоих текли слёзы и никто не мог понять, что происходит здесь, в центре Атлантического океана, и как могут быть знакомы пират и русский дипломат и учёный немецкого происхождения, между которыми, как позже выяснилось, уже давно существовала крепкая дружба.

Пригласив Бриона в свою каюту, Лангсдорф услышал удивительный рассказ:

— После того как вы с Джоном организовали нашу гибель, на судне, зафрахтованном д'Вольфом, мы навсегда покинули Петербург. Я перестал быть Хвостовым, а мой друг — Давыдовым. Судя по словам Джона, в нашу смерть быстро поверили, тем более что зрители моста видели, как мы упали в воду. Вода, должен признаться, была ледяная и мы и вправду едва не пошли ко дну, но умелые действия моряков с барки спасли наши жизни. Они же и доставили нас с Давыдовым на «Надежду». Во всей этой истории наши души грело одно: мы покидаем Россию на судне первых русских кругосветчиков. При этом не имея более ни имён, ни документов, ни будущего, мы только об одном молили Бога, чтобы он направил нас и дал нам силы спокойно перенести расставание с родными, которые оплакали и в сердцах своих схоронили нас. В России мы оставаться не могли более, поскольку Шведская война подходила к концу, а по её окончании суд над нами должен был возобновиться. Тут бы уже ни Румянцев, ни Шишков, ни Мордвинов не помогли бы. Дождавшись, когда Гаврила окончит свою рукопись о нашем плавании, решено было бежать от суда подальше. А Джон всё-таки большой умница — всё организовал идеально. На таможне его судно даже не подверглось досмотру.

Покинув «Надежду» в Дании, мы вместе с Джоном, отправились в Америку. Давыдов всё бредил Олечкой Ларионовой и, нанявшись на судно д'Вольфа, отплыл к берегам Русской Америки. Что с ним стало — не ведаю. Известно лишь, что судно вернулось без Давыдова.

Я же, поскитавшись по американскому континенту, нанялся офицером на корабль к крупному судовладельцу, имя которого я сейчас и ношу, Луису Бриону. Брион сам плавал на судах. В смелых морских рейсах, которые он считал особым видом ведения дел и торговли, — а попросту в пиратстве — Брион преуспел. Мы сдружились. Матросы из-за нашего внешнего сходства вскоре стали считать нас братьями. Однажды вечером он рассказал историю своей жизни. Педро Луис Брион родился 6 июля 1782 года в Кюрасао. Его родителями были выходцы из Бельгии — мелкий торговец Луис Брион и Мария Детроке. Они прибыли в Кюрасао в 1777 году. В 1794 году родители отправили своего единственного сына в Нидерланды, чтобы он получил образование. Пребывание в охваченной революциями Европе не позволило Бриону отсиживаться на университетской скамье и при первой же возможности он завербовался в армию Батавской Республики отражавшей британское вторжение на севере Голландии. Он принял участие в битвах при Бергене и Кастрикуме, где был взят в плен британцами. После нескольких месяцев тюрьмы Брион был освобождён по конвенции об обмене пленными. Вернувшись в Кюрасау в сентябре 1800 года, Брион тут же принял активное участие в революционном движении на острове. Вскоре остров был оккупирован англичанами, и он сбежал от новых британских властей в Соединенные Штаты. Там он изучал военно-морскую науку и основы торговли. Сразу после возвращения острова голландской короне Брион вернулся на родину и принял различные меры для предотвращения повторной оккупации острова британцами. Тем не менее английские солдаты вновь заняли остров в 1807 году, и Брион отправился в изгнание на датский остров Сент-Томас.

Курсируя между Карибами и Америкой, он нажил состояние. А в 1810 году я попал на его судно. Мы быстро сошлись и он всё чаще стал приглашать меня к себе в каюту, чтобы разделить со мной ужин или просто поболтать.

В этих вечерних беседах капитан, своими порывами и благородством всё более напоминающий мне моего незабвенного Давыдова, рассказал о Боливаре. Вы, Георг, наверное, слышали о человеке, который решил установить республику здесь, на новых землях? Он зажёг меня идеей независимости от испанского владычества. Помните, каких трудов стоило уговорить испанцев в Калифорнии произвести торг с нами, когда мы вместе плавали на «Юноне»? Они нуждались в сукне и железных предметах, как мы в хлебе, а торг из-за глупой политики испанского короля вести не могли. Вспомнили? То-то же. Здесь ровно то же самое! Местные

торговцы готовы заниматься товарообменом и открыты для торговли, однако законы Испании вяжут их по рукам и ногам. Освобождение от законов испанской короны позволит им свободно торговать и думать о своем благосостоянии, а не посылать «золотые» и «серебряные» галеоны в метрополию.

Всё это было мне понятно, и я воспылал страстью к народу, созревшему для свободы.

— Так вы в армии Боливара?

— Пока что занимаюсь морским промыслом и оказываю кое-какие услуги. Сейчас, например, мы вернулись из Лондона, где пытались договориться о поставках оружия для нашей армии.

— А как же всё-таки вы, морской офицер Николай Хвостов, стали Брионом?

— Это произошло после разгрома армии Боливара испанскими войсками. У стен Картахены я был послан Луисом Брионом сообщить «Освободителю», как здесь называют Боливара, о том, что судно, готовое его спасти, ждёт на рейде. Когда же мы спустились к кромке воды, то увидели, что наше судно взято на abordаж испанским фрегатом. Испанцы, знавшие, чем занимается Брион, не пожалели никого и вся команда пала под испанскими саблями и пистолетами. Мой капитан разделил судьбу экипажа. Боливар оказался в безвыходном положении, и тогда я предложил ему дерзкий, но единственно возможный план ночного захвата нашего брига. Для этих целей Боливар выделил мне не более десятка отчаянных сорвиголов. Ночью, пробравшись на корабль, мы перебили охрану и обрубили концы, тянущиеся с испанского фрегата. Был густой туман и нам удалось ускользнуть. Фрегат бросился в погоню, но напоролся на рифы и затонул. Уже наутро следующего дня спасённый Боливар произнёс: «Брион, своей отчаянной храбростью вы спасли мне жизнь. Но свобода, которая столь необходима нашему народу, утеряна!» Я сообразил, что Боливар принял меня за капитана корабля, о котором много слышал, но ни разу не видел. У меня наконец-то за столько лет появился шанс проявить себя. «Мы соберём людей, новую армию, — произнёс я в порыве чувств. — Мы снова вернёмся в Венесуэлу победителями! Этот корабль станет первенцем свободной флотилии!» «У меня нет средств для постройки флота, для вербовки людей», — развёл руками Боливар. «Средства есть у меня! — возразил я, надеясь использовать ценные бумаги Бриона. — А флот я вам добуду в боях с испанскими судами!» Так что, милый Лангсдорф, эти три корвета, салютовавшие русскому флагу, лишь первенцы свободного флота.

— А где сейчас Боливар? — поинтересовался Лангсдорф.

— В Новой Гранаде. Он планирует по примеру Соединённых Штатов Америки объединить земли южноамериканского континента в единое мощное государство и подарить ему конституцию.

— А вы сейчас куда, Николай?

— На поиск испанских фрегатов и бригов. Я обещал флот Боливару и я его добуду! На Сан-Томас дорога заказана, так как Бриона там все знали в лицо. Остался один путь — в Картахену. Но в свободную Картахену! А русский корабль, на котором вы плывёте, всю дорогу будет охранять один из моих корветов! Мне же пора!

Уже выходя за двери Хвостов резко обернулся и, понизив голос, добавил:

— Надеюсь, тайна моего перевоплощения так и останется тайной?

— Клянусь молчать, Николай! Там не менее, поверьте, лучшего подарка от судьбы я и не смел ожидать!

— Георг, спасибо за участие в нашем побеге из России! Мы ещё встретимся!

Друзья обнялись и Хвостов вышел на палубу. Больше им не суждено было увидеться, зато слухи о Луисе Брионе поражали воображение. Именно он, правая рука Боливара, в который раз привёл его к власти, на этот раз окончательно и пожизненно. Именно он разгромил грозу морей — испанский флот в открытом морском сражении и доказал, что военно-морской флот колоний не уступает морским армадам метрополии.

Между тем 5 апреля 1813 года Лангсдорф прибыл в Рио-де-Жанейро — город своей мечты. Деятельный ум и бурный темперамент профессора недолго оставались в покое. Вскоре в Российскую академию наук были отправлены рисунки и описания жителей местных племён. Шкуры, чучела, гербарии текли нескончаемым потоком. В письме от 30 марта 1814 года Лангсдорф сообщает, что посылает «продолжение напечатанных бабочек», вероятно, для какой-то публикуемой работы. Он обещает послать образцы голубого бразильского топаза для минералогического кабинета Академии. В декабре 1815 года ученый сам совершает экспедицию в Сьерра дос Оргас со специальной целью добыть в коллекцию шкуру тапира. И уже в мае следующего года ценная шкура пополняет коллекцию Академии наук.

Усилиями Лангсдорфа латиноамериканская коллекция Академии стала самой большой и разнообразной в мире. Купив поместье в Мандиоке, недалеко от бразильской столицы, Лангсдорф сделал его учёным центром страны, куда наведывались многие европейские и бразильские учёные. Туда же в конце 1815 года он пригласил

участников второй российской кругосветной экспедиции, которую возглавлял его старинный приятель, в прошлом кадет «Надежды», племянник Крузенштерна Отто фон Коцебу.

Здесь, в солнечной Бразилии, произошла тёплая встреча двух кругосветчиков, проводивших в совместном плаванье на «Надежде» два незабываемых года. О Резанове старались не говорить, но узнав о намерении Коцебу зайти в Сан-Франциско, Лангсдорф нарушил негласное табу:

— Отто, — обратился он по-немецки к капитану «Рюрика», — коль уж будете в тех краях, выполните мою просьбу. В бытность нашу в Калифорнии у Резанова случился бурный роман с прелестной дочерью коменданта Сан-Франциско, Консепсьон д'Аргуэльо. Они помолвились и бедная донья ждёт его до сих пор. По крайней мере, так говорят. Окажите милость — сообщите, что Резанова вот уж восемь лет как нет в живых. Донна д'Аргуэльо ещё достаточно молода, чтобы обрести счастье замужества и материнства. Смерть Резанова снимает с неё обет ожидания. Он просил её ждать два года, а прошло уже в четыре раза больше времени.

— Я выполню вашу просьбу, если узнаю её, — уверил Лангсдорфа Коцебу.

— О-о! Её не узнать невозможно! Краса Калифорнии! Женщины подобной красоты и ума столь редки, что каждая из них сияет алмазным самородком на бесконечном песчаном берегу!

— Подумать только! И подобной красавице разбил сердце наш Резанов. Сколько же ей теперь?

— Во время нашего пребывания в Калифорнии в 1806 году ей было пятнадцать. Значит, сейчас ей двадцать четыре.

— Она, наверное, захочет знать подробности смерти камергера. Вы были при нём, когда он скончался?

— Нет. Поэтому и подробностей не знаю. С Резановым вместе мы пережили голодную зиму в Новоархангельске и отправились в Калифорнию за хлебом. Мне казалось, что появился наконец-то шанс достойно послужить науке. Но Резанов, боясь недовольства властей и шаткости нашего положения, попросил свести до минимума мои научные изыскания, чтобы не раздражать испанцев. Пока Резанов у всех на виду ухаживал за Консепсией, я незаметно изучал естественную историю Калифорнии.

— Резанов, пригласив вас с собой для удовлетворения ваших стремлений к познаниям, запретил заниматься наукой с самого начала?

— Что вы! Камергер всячески способствовал этому на Алеутах и даже выделил мне помощника — егеря-чучельщика! С острова

Баранова мы отправили в Петербург более четырёхсот экземпляров птиц, зверей, насекомых. Но именно в Калифорнии я встретил со стороны нашей экспедиции больше затруднений для науки, чем можно было бы себе представить. Резанов, видимо, имел какие-то дипломатические виды на красавицу Консепсьон более, чем страсти. Однако не мне судить.

— В вас говорит уязвлённое самолюбие! Уж не были ли вы сами влюблены?

— Не влюбиться в такую прелестницу невозможно. Но шансов у меня не было, равно как не было их и у моей калифорнийской коллекции. Ради лишнего пуда хлеба сушившиеся шкурки сбрасывались за борт «Юноны», бумагу гербария спрятали на дно трюма, пойманных птиц выпускали на волю, а стреляной птице ночью отрывали головы и съедали её. Такими приключениями и сотнями подобных я был так притуплён и подавлен, что пришлось отказаться от всякой мысли работать по естественной истории и, согласно желанию господина Резанова, превратиться в переводчика. Несмотря на наши разногласия он щедро рассчитал меня по прибытии в Новоархангельск. С меня же было достаточно рыбы, тюленей и ракушек и при первой оказии я покинул столицу русских тихоокеанских колоний. Мне казалось, что стало легче дышать, когда гора Эджкумб скрылась из виду. Зато сейчас я предоставлен сам себе. Будучи послан с коммерческими целями в Бразилию, пока что здесь особых условий для ведения товарообмена я не нахожу, зато богатый природный мир Бразилии расстилается у моих ног. Кроме того, из русских ошибок в колонизации Америки я сделал для себя вывод, породивший новую идею: Бразилия станет центром немецкой колонизации. С этой целью, как только управлюсь с научной деятельностью, я отправлюсь в Европу и Россию и поспособствую заселению этого райского уголка своими земляками и единоверцами.

Тепло попрощавшись с Лангсдорфом, Коцебу отбыл на судно, и уже через год, 1 октября 1816 года, бриг «Рюрик» бросил якоря в заливе Сан-Франциско, но в первое своё пребывание в Калифорнии Коцебу не застал Кончиту. Вместе с отцом и матерью юная донья переехала сначала в Санта-Барбару, а в октябре 1815 года — в Лорето. Дон Хосе и донна Мария, родители Консепсьон, разорились. Здоровье их ухудшилось. Тем не менее, даже не получая жалованья, дон Хосе д'Аргуэльо остался верен испанской короне, за что и поплатился.

К Консепсьон сватались женихи. В одном из писем брату Луису от 20 апреля 1818 года она упоминает некоего дона Сантьяго

Джеймса Смита: «Я не дала ему никакого повода, но он был столь настойчив, что однажды я была уже не прочь изменить религию. "Этим ты спасёшь свою душу!" — говорил он мне, и я начала в это верить. Видя мои сомнения, он стал более откровенен, и тут я поняла, что дон Сантьяго интересуется не столько я сама, сколько высокое положение в обществе нашей семьи. Воспользовавшись добрым именем нашим, он планировал с твоей, Луис, помощью обрести высокую должность. Высокое положение должен был обеспечить дону Сантьяго наш с ним совместный брак. Это ещё более утвердило меня в прежних моих мыслях».

В феврале 1822 года на Лорейтинский рейд встала шхуна. Команда, подняв флаг независимой Перуанской республики, тут же бросилась грабить дом несчастного дона Хосе. Они унесли все семейные ценности, включая серебряный сервиз, которым в своё время восхищался Лангсдорф, и золотую диадему, подаренную Резановым. Попытка покуситься на честь Консепсьон едва не закончилась для обидчиков плачевно. Молодая женщина загнала матросов в свою комнату и едва не подожгла дом. После столь неприятного инцидента команда судна поспешила ретироваться. И всё же одного из нападавших, молодого юнгу, дон Хосе оставил своим пленником и устроил настоящий допрос, на котором выяснилось, что шхуна принадлежит эскадре адмирала Томаса Кокрейна.

Дон Хосе прищурил глаза, что-то вспоминая. Неужели это был тот самый Кокрейн, гроза испанского флота? Начав свою карьеру гардемаринном на бриге «Спиди» и к двадцати пяти годам командуя тем же судном, он захватил, каперствуя, более пятидесяти испанских и французских судов, включая испанский фрегат «Эль Гумо»! В 1809 году, атакуя французский флот, Кокрейн примерил на себе славу великого Нельсона. В британском Адмиралтействе ему этого не простили и уволили со службы. Кокрейн, недолго думая, отправляется в армию мятежного Боливара и вместе с Луисом Брионом громит испанцев по всему побережью Южной Америки. Попав в Перу, он вместе с генералом Сен-Мартинем возглавляет восстание и извбавляет Перу от испанского владычества. И вот эскадра этого нового Дрейка добралась до самых отдалённых испанских колоний. Дон Хосе ещё не знал, что земли, на которых он живёт, уже полгода как являлись землями независимой Мексики. Не знали об этом и нападавшие.

Подав в отставку, дон Хосе д'Аргуэльо покинул Лорето 27 октября 1822 года. Он намеревался отправиться к одному из своих сыновей в Гвадалахару, однако слабое здоровье бывшего коменданта Сан-Франциско не оставляло надежды перенести столь утоми-

отца, лейтенант Луис д'Аргуэльо, и новый управляющий фортом Росс Карл Иванович Шульдц о чём-то оживлённо беседовали на балконе.

Посвятив три недели дипломатии, правитель де Сола отправился в Лорето отдать визит вежливости губернатору Нижней Калифорнии (и отцу будущего губернатора Верхней) — дону Хосе д'Аргуэльо.

Всего полгода спустя губернатор де Сола был сменён братом Консепсьон, который принял одновременно две должности: и коменданта крепости Сан-Франциско, и губернатора Верхней Калифорнии. Русские даже не скрывали, чья это работа. Доказать присутствие «русской руки» в этом назначении не трудно. Сохранился даже документ, способный служить косвенной уликой, — строка из годового отчёта конторы форта Росс, через которую проходили все сделки с Калифорнией. Неделью спустя из казны русского форта наличными было выдано: «4 тыс. пиастров Рафаилу Манхину и 4 тыс. пиастров Раису Кабанису». Странные типы, заработавшие в 1822 году такие деньги, — это спикер мексиканского парламента Рафаэль Манхино и епископ Мехико Руис де Кабаньяс. А одними из первых решений нового губернатора д'Аргуэльо был указ о совместном промысле и разрешение компанейским охотникам «устроить временное охотничье поселение на Фараллонских островах».

Дон Луис стал посредником между новообразованным государством — независимой Мексикой и Россией. О его лояльности к русским говорит тот факт, что ещё в 1816 году брат Консепсьон через капитана «Рюрика» Отто фон Коцебу предложил России всю Новую Калифорнию в качестве взятки за признание независимости тогда ещё ведущей борьбу Мексики. Но Александр I, который при всех сложившихся обстоятельствах ничего с этой сделкой не терял, широким жестом отверг это щедрое предложение. Ещё один замысел Резанова мог претвориться в жизнь, и снова недалёковидная политика императора Александра I и его канцлера Нессельроде привела к краху этих планов. А ведь мексиканцы видели в сильной России гаранта безопасности их границ от агрессивных США. Кроме того, когда Мексика объявила независимость, Калифорния оказалась в некоем политическом и экономическом вакууме. Она не присоединилась к Мексике, продолжая считать себя частью Испанской империи, хотя перестала получать из Испании даже содержание для солдат крепости и коменданта. И вот, когда оскудели миссии и обеднели президио, калифорнийцы чётко осознали, что торговля с русскими стала неизбежностью. Но возникшая в 1821 году Мексика сделала несколько попыток дипломатическими

методами изгнать русских из форта Росс, однако все они закончились тем же, чем и в 1816 году.

Дон Хосе Дарио д'Аргуэльо, проживающий в Лорето уже седьмой год, радушно встретил русских мореплавателей.

«Это хорошо известный и самый влиятельный человек в Новой Калифорнии, — напишет о нём капитан «Предприятия», — где он честно служил в течение 34 лет. Хороший офицер, поборник строгой дисциплины и вообще очень популярный человек. Тут в Лорето все ему не по нраву. Он уже несколько лет не получал жалованья. Возраст и ухудшающееся здоровье добавилось к бедности. В феврале сего года экипаж шхуны из эскадры адмирала Томаса Кокрейна разграбила его дом. Они забрали все ценное, включая сервиз из серебряной посуды, который вызвал восхищение д-ра Лангсдорфа во время посещения Резановым этой счастливой тогда семьи. Дон Хосе думает подать в отставку и уехать к сыну Гervазиио в Гвадалахару, но он ныне нездоров и сомнительно, что он сможет добраться туда живым. Донья Консепсия несмотря на почтенный возраст, ей уж минуло 30, остается молодой и прелестной, что я лично могу подтвердить бывши ей представленным. Оставаясь верной своей любви, она посвятила себя благотворительности и обучению индейцев. Тут к ней относятся с огромным уважением и зовут Благославенная (La Beata)».

При встрече Коцебу, как и обещал, сообщил Кончите о гибели Резанова, но не сумел убедить её, так как не знал подробности произошедшего. Донна Консепсьон пыталась выяснить у лейтенанта Муравьёва хоть что-то о судьбе суженого, но новый Правитель Русской Америки знал ещё меньше, чем Коцебу. Удивительно, но книга Лангсдорфа, которая могла бы послужить более убедительным аргументом, будучи популярной во всей Европе и Америке, здесь была вовсе неизвестна. Как назло, на борту «Предприятия» её тоже не оказалось.

Сам же Коцебу отметил, что Консепсьон оставалась столь же юной и красивой, какой предстала перед русскими путешественниками впервые. Её звонкий смех радовал окружающих и душевное тепло и добро, исходящие от неё, заполняли собой всё пространство. Консепсьон и Луис д'Аргуэльо стали посредниками в сношениях российских мореплавателей с испанскими властями.

С тех пор ни одно из судов русских кругосветных путешественников не прошло мимо Сан-Франциско. И каждый раз встреча с русскими людьми заканчивалась необычными происшествиями.

К тому времени российское правительство, всё-таки озабочившись охраной промыслов Русской Америки и военным присут-

ствием в Тихом океане, регулярно посылало суда, которые должны были курсировать вдоль северо-западного побережья Америки. «Предприятие» ещё стояло на Калифорнийском рейде, когда 10 декабря 1823 года в порт Сан-Франциско прибыло ещё одно русское судно, фрегат «Крейсер», под командованием одного из первооткрывателей Антарктиды — Михаила Лазарева.

Следующее посещение испанских земель русскими также оставило заметный след.

Дело в том, что к экипажу «Крейсера» был причислен девятнадцатилетний мичман Дмитрий Завалишин — идеалист и мечтатель, ставший впоследствии декабристом. Калифорния стала для него плацдармом для реализации высоких целей усовершенствования человечества. Едва ступив на берег, Завалишин, подговорив монахов-францисканцев и увлечши их своими утопиями, основал некий духовный орден. Но на этом деятельность энергичного юноши не закончилась. Он, быстро оценив обстановку, попытался убедить самого царя в целесообразности захвата Калифорнии с помощью военной силы: «Подчинение Калифорнии России принесло бы собою значительные выгоды... Всем разумеющим дело известны были причины, по которым ключ ко владычеству над Великим океаном надобно было искать не на азиатском берегу, а на западном берегу Северной Америки. Только на этом берегу, даже далеко к Северу, можно было найти никогда не замерзающие гавани, допускающие во всякое время свободный вход и выход. Что касается до Гишпании, то единственное средство, как они сами видели, состояло в том, чтобы соединиться с Россией. Все, что разумно могли желать они, было бы им обеспечено. Монахам были предоставлены доказательства веротерпимости России, имевшей у себя несколько миллионов католиков, военным являлась возможность зачисления на службу, постоянное пребывание судов увеличило бы средства жителей и дало бы поощрение хозяйству, сделав его более выгодным и так далее. К чести гишпанцев надобно сказать, что все условия, или точнее сказать, покамест еще желания, какие выражали в разговорах со мною влиятельнейшие из них, были как нельзя более удобоисполнительны и разумны. Такими признали их в свое время Н.С. Мордвинов и тогдашние директора Российско-американской компании. Разумеется, если бы правительство согласилось на присоединение всей Калифорнии, то, по возвращении моем в Калифорнию или по прибытии другого какого-нибудь уполномоченного лица, должен быть заключён письменный договор, подобно договору, который гишпанский губернатор самостоятельно заключил с Хлебниковым...»

До царя оказалось далеко, а Калифорния — вот она, под ногами. И тогда Завалишин решил действовать самостоятельно. Калифорния находилась в состоянии безначалия, не подчинялась Мексике и в то же время не считалась независимой. Сложившаяся ситуация позволила Завалишину всерьёз задуматься о добровольном присоединении этой мексиканской провинции к России. Русский мичман стал готовить заговор с целью свержения Луиса д'Аргуэлью — нового губернатора, управлявшего Калифорнией, и замену его президентом. Завалишин даже не придавал значения тому факту, что семейство д'Аргуэлью более чем симпатизировало русским. Новый президент по плану заговорщика должен будет разрешить русское заселение Калифорнии и обратиться к Александру I с просьбой о принятии провинции в российское подданство. Опорой заговора Завалишин видел настоятелей миссий, а кандидатом в президенты — коменданта Санта-Барбары, Хосе Антонио де ла Герра-и-Нориегу.

Великолепно владея испанским языком, Завалишин нашёл среди монахов очень внимательных слушателей, которые в целом одобряли его замыслы, хотя и выражали опасение, что император «Александр слишком занят, чтобы помнить о таком бедном уголке земли, как Калифорния».

Как назло, в момент, когда страсти были накалены до предела, с «Крейсера» сбежало несколько музыкантов. Были все основания подозревать, что побег состоялся не без участия францисканских монахов, управлявших миссиями и издавна крайне нуждавшихся в музыкантах. Так или иначе, но командовать поимкой беглецов назначили именно Завалишина. Решив действовать скрытно ночью, Завалишин тем не менее, по его же словам, перебудил и поставил на уши весь Сан-Франциско. Монахи, втянутые в заговор, решили уж было, что смелый мичман принялся за его реализацию, а отважные испанские солдаты тут же сдали ему оружие. Мичману стоило больших трудов убедить и тех и других, что он всего лишь ищет беглых музыкантов, а не присоединяет Калифорнию к России. Хотя, положа руку на сердце, даже индейцы жаждали этого. Вождь Помпонио заявлял, что русские «...и сами по себе были всегда ласковы и милостивы к бедному индейцу; ведь вас довольно знают везде, и в миссиях и ранчериях; но кроме того, ведь мы знаем, что вы пришли отнять эту землю у проклятых испанцев и освободить бедных индейцев! Индейцу тогда будет хорошо!» На основании всего увиденного Завалишин сделал незамысловатый вывод: «Занятие Калифорнии русскими, какое предполагалось самими жителями этой страны, казалось и самим наиболее заинтересованным в том сторонам и очень естественным, и очень возможным».

Ко всему прочему юный мичман влюбился в премилую четырнадцатилетнюю племянницу монтерейского губернатора, кузину Кончиты, Марию-Антонию, прозванную русскими офицерами «Мадонною». Тут уж святым отцам стало не до заговоров — история Кончиты и Николая Резанова была ещё свежа в памяти! А женитьба русского возмутителя спокойствия на племяннице губернатора и впрямь могла закончиться водворением на этих землях России.

Итак, интересы совпали: миссионерам нужны были российские товары, солдатам — жалованье, индейцам — свобода от испанцев, Завалишину — племянница губернатора, а России... А России, оказалось, ничего не нужно! И долгое время Калифорния не принадлежала никому, пока наконец-то не отошла сначала к Мексике, а затем к США.

Сложно сказать, чем закончилась бы авантюра с переворотом и женитьбой, если бы не внезапное отплытие фрегата «Крейсер» из Сан-Франциско в Русскую Америку.

Судьба же самого Завалишина до конца жизни была насыщена событиями, и даже ссылка в Сибирь после восстания декабристов не стала поводом для огорчения. Нетерпимый к любым человеческим слабостям и недостаткам, самоуверенный, желчный, бывший мичман так допек читинского генерал-губернатора своими замечаниями и претензиями, что в русской истории возник уникальный прецедент: Завалишин оказался дважды сосланным, во второй раз уже обратно — из Сибири в европейскую часть России!

А Кончита парила над бренностью мира как мотылёк, отдавая всю себя служению людям. Щедрость Консепсьон была столь безгранична, что она сама залезала в долги, лишь бы оказать милость страждущим. «Она поддерживала своё существование в Санта-Барбаре в 1838 году ценою огромных усилий, — сообщает губернатор Калифорнии Альварado. — Причём никто не мог убеждать, что у неё в этот момент не было средств. Её имя мы находим в списке кредиторов 1840 года дышавшей на ладан миссии Сан-Буэневентура. Одну тысячу долларов ей остались должны».

30 декабря 1841 года в бухту Уэрба Буэна, ровно в том самом месте, где 35 лет назад бросила свои якоря «Юнона», вошло торговое судно сэра Джорджа Симпсона «Ковлита». 24 января 1842 года «Ковлита» Симпсона уже стояла на рейде Санта-Барбары. На приёме у епископа Калифорнии Франциско Гарсиа Диего, Симпсон, восторгаясь пирожными, поинтересовался, кто их так вкусно го-

— Это наша Консепсьон д'Аргуэльо! — похвастался епископ.

— Уж не является она родственницей некоей д'Аргуэльо, являвшейся некогда в русского камергера Резанова?

Сердце Кончиты, уставшей от ожидания, оборвалось. Взгляды всего стола устремились на Симпсона. В них читалось одно: «Молчи!» Но недалёкий англосак, истолковав их по-своему, решил, что всех интересует история, которую он планировал рассказать. Но на самом деле, по-настоящему она интересовала только одного человека за этим столом — её, Кончиту!

— Вы что-то слышали о Резанове? — стараясь говорить невозмутимо, спросила женщина.

— О, да! — обрадовался Симпсон. — О нём написал профессор Лангсдорф! Не слышали о таком?

— Слышала!

Люди за столом замерли, ожидая развязки. А Симпсон, так и не прочувствовав напряжения ситуации, выложил все подробности трагической гибели камергера.

— И всё же, — завершив свой рассказ, не унимался сэр Джордж, — вы, наверное, родственница той д'Аргуэльо? Жива ли она?

Кончита, гордая испанка, спокойно дослушав рассказ, вышла из-за стола и только у дверей удостоила ответом этого чужака:

— Нет! Кончита д'Аргуэльо умерла!

Симпсону было невдомёк, что к тому времени женщина, в которой он не признал героиню своей истории, уже была членом третьего ордена Белого Духовенства*. А когда в 1851 году сёстры-доминиканки основали в Калифорнии женский конвент** и семинарию, шестидесятилетняя донна Консепсьон стала первой послушницей и 11 апреля 1851 года облачилась в белые одеяния Ордена Святого Доминика. Епископ Хосе Соуок Алеманд нарёк её Марией Доминго***. Позже конвент, находившийся под покровительством Святой Екатерины Сиенской, перебрался в Венецию. Но и в монастыре Кончита не стала затворницей. Недаром святые сёстры её прозвали «танцующей монахиней». Она продолжала заниматься благотворительностью, была первым организатором школы для ту-

* Существуют три орденских типа: первый — мужской, второй — женский и третий — для мирян. Духовенство делится на Чёрное — монахи и Белое — священники. То есть по структуре третий орден Белого Духовенства представлял из себя прототип религиозной благотворительной организации, члены которого не были ограничены в мирской жизни обетами и послушанием.

** Монастырь.

*** De Domingo — (лат.) воскресшая.

земных детей. Консепсьон д'Аргуэльо не вызывала жалости, хотя всем было понятно, что её ожидание напрасно. Разве можно жалеть человека, сердце которого наполнено любовью? Жалости достоин тот, кто не познал этого чувства. В этом «бессмысленном», как многим казалось, ожидании таилась колоссальная духовная мощь. Кончита, эта пятнадцатилетняя девочка, совершила беспримерный подвиг любви, оставив после себя добрую память, с гордой улыбкой спокойно и размеренно ступая в вечность легенды.

Именно благодаря Кончите из глубины веков Резанов, незаслуженно забытый своими современниками, из глубины веков снова предстал в российской истории, чтобы быть воспетым и по достоинству оценённым своими потомками. Знала ли она, ждущая 35 лет, что её самоотверженная любовь станет отправной точкой в воскрешении Резанова в памяти его соотечественников и переосмыслении его деяний во благо России? И как же сильно надо любить земного человека, чтобы даже после его смерти отречься от всего остального мира ради одной только памяти о нём?

Консепсьон д'Аргуэльо, в монашестве Мария Доминго, ушла из жизни 23 декабря 1857 года, пережив Резанова на 50 лет.

Могила Кончиты, в отличие от могилы Резанова, сохранилась. Находится она на кладбище Ордена Святого Доминика, куда была перенесена в 1897 году. Могильный холм украшает простая мраморная плита...

Георг фон Лангсдорф посвятил остатки жизни борьбе с Российско-американской компанией. В донесении министру иностранных дел Нессельроде от 27 февраля 1815 года из Бразилии Лангсдорф осуждал монополию Компании, которой с таким трудом добился Румянцев, стремящуюся, по его словам, «обезлюдить Алеутские острова, Кадьяк и Аляску ради нескольких шкур котиков». Сообщение американцев об основании российского форта Росс в Калифорнии сразу побудило его озаботиться безопасностью «бедных алеутов», против которых в случае конфликтов могло быть направлено «оружие испанцев или индейцев».

«Я не могу не заметить, — не унимался Лангсдорф в письмах к Нессельроде, — что мне кажутся опасными и ненужными всякие предприятия, осуществляемые правительством вместе с императорской Российско-американской компанией. Всякая монополия должна быть отменена и в особенности та, которая является причиной обезлюдения и разорения многих стран». На Алеутских островах, Кадьяке, Аляске, указывал он там же, «из многих тысяч жителей осталось лишь по несколько сотен». Однако бедный профессор во многих своих заключениях ошибался.

Вернувшись в Петербург из Бразилии в 1821 году, он по секрету рассказал адмиралу Шишкову, что видел Хвостова и просил передать его матери, чтобы не переживала. Каким-то образом слух о том, что Хвостов жив и находится в армии Боливар, распространился по всей столице и оброс совершенно фантастическими подробностями. Стали поговаривать, что Боливар и есть пропавший некогда Хвостов. Впрочем, об этом скоро позабыли. Был ли этот слух выдумкой Лангсдорфа для того, чтобы утешить родителей, или и впрямь Хвостов был Луисом Брионом — сейчас судить трудно. Правда, уже тот факт, что Брион очень плохо говорил по-испански, а его подчинённые частенько слышали из уст первого латиноамериканского адмирала ругань на неизвестном им языке, косвенно подтверждает слова Лангсдорфа.

Сам же профессор, которому в это время было 47 лет, стал жертвой организованной им в 1821 году многолетней, а ныне почти позабытой экспедиции в глубь Амазонки. Картину самой крупной научной экспедиции Лангсдорфа удалось восстановить историку Дмитрию Иванову: «Участники этой широкомасштабной экспедиции преодолели по суше и воде более 15 000 километров, впервые осуществив комплексное изучение Бразильского нагорья и речных систем Амазонии — верхней Параны, верхнего Парагвая и Тапажоса. Даже в наше время маршрут экспедиции выглядит весьма не простым, а 180 лет назад для горстки энтузиастов, очутившихся в краю дикой, почти нетронутой человеком природы, этот путь оказался полным лишений. На фоне мучительных каждодневных трудностей, которыми изобиловал их маршрут, колоссальное наследие, оставленное экспедицией, выглядит еще внушительнее. Исследователю и его сподвижникам удалось создать коллекции, ставшие ядром южноамериканских собраний академических музеев России.

Получив отпуск для поездки в Европу, Лангсдорф в 1821 году прибыл в Петербург и во время аудиенции у императора Александра I изложил ему план организации большой русской экспедиции в Бразилию. Целью путешествия должны были стать «ученые открытия, географические, статистические и другие исследования, изучение неизвестных доселе в торговле продуктов, коллекций предметов из всех царств природы». На что и было получено высочайшее одобрение.

Окрыленный этой поддержкой, Лангсдорф отбыл в Германию и осенью прибыл во Фридберг, где к нему присоединился один из участников будущей экспедиции, 18-летний Жан-Морис-Эдуард Менестрие. В Бремене, куда отправились Лангсдорф и Мене-

трие, их уже ждал другой член экспедиции — молодой художник Иоганн Мориц Ругендас. Наконец, в январе 1822-го зафрахтованное Лангсдорфом судно «Дорис» покинуло берега Германии, чтобы по прошествии двух месяцев доставить путешественников в Бразилию. Там их ждал еще один участник экспедиции — астроном Нестор Гаврилович Рубцов, недавно окончивший штурманское училище Балтийского флота и рекомендованный Лангсдорфу В.М. Головинным.

В сентябре 1822-го состоялась первая проба сил экспедиционеров — поход по малоизученной горной местности Серра-душ-Оргауш, располагавшейся неподалеку от Рио-де-Жанейро. Но из-за плохой погоды, а также в связи со служебными обязанностями Лангсдорфа путешественникам не раз пришлось возвращаться в столицу. И тем не менее три месяца, проведенных в полевых условиях, показали, что группа эта вполне работоспособна. Правда, у Лангсдорфа никак не складывались отношения с Ругендасом — молодой художник хоть и был весьма одаренным, но его невероятная строптивость и постоянное желание настоять на своем приводили к частым стычкам между ними.

В мае следующего года экспедиция отправилась по новому маршруту — на север от Мандиоки, в Минас-Жераис. Двигаясь в так называемый Алмазный округ, исследователи совершали по пути радиальные экскурсии.

Во время этой поездки экспедиция обследовала окрестности города Барбасены, посетила прежде почти неизвестные и географически неопределенные районы Минас-Жераиса, прошла берегами рек Риу-дас-Мортес и Риу-дас-Помбас. Путешественникам удалось также побывать в селениях индейцев короадо, пури и коропо и собрать множество ценнейших материалов об их жизни. В начале августа исследователи достигли столицы провинции — города Оуру-Прету, где Лангсдорф начал собирать обширную коллекцию документов по истории экономики и этнографии Бразилии. Затем экспедиция направилась «по малопосещаемым и совсем неизвестным дорогам в район алмазов» и к началу ноября прибыла в местечко Барра-де-Жекитиба. Именно здесь произошла очередная стычка Лангсдорфа с Ругендасом, закончившаяся увольнением художника. Тот покинул экспедицию, не выполнив условий заключенного с ним договора, и увез с собой большую часть законченных рисунков.

«Из Барра-де-Жекитибы, — писал Лангсдорф в одном из своих донесений министру иностранных дел К.В. Нессельроде, — мы направились в малонаселенную, пустынную местность и внима-

тельно осмотрели неизвестную бразильскому правительству и не исследованную в научном отношении часть Серра-да-Ланпа, где вынуждены были, несмотря на недостаток продовольствия, задержаться на 14 дней из-за наступивших дождей. 4 декабря, когда погода наладилась, мы со всеми своими коллекциями двинулись в путь из этой очень интересной горной страны, возвышающейся на 500 футов над уровнем моря, и 11-го достигли главного города Алмазного округа — Тежуку...». В феврале экспедиция возвратилась в Мандиоку с огромным багажом. В 29 ящиках были минералы, в 15 — гербарий, включавший 1 400 видов растений, остальные ящики были заполнены 23 шкурами различных млекопитающих и 398 — птиц, различными этнографическими предметами, в их числе были «одежды из атласа, вышитые золотом и цветным шелком хлопчатобумажные ткани, кружева». Все эти ящики были переправлены в Петербург. Так был закончен начальноподготовительный этап первой большой российской экспедиции по землям Бразилии. Но планы, намеченные Лангсдорфом, были гораздо более обширными, а потому после непродолжительного отдыха путешественники начали подготовку к самому большому и многотрудному ее этапу.

В начале сентября 1825 года экспедиция отправилась в свой последний, наиболее протяженный, плодотворный и вместе с тем драматичный маршрут.

Лангсдорф предполагал исследовать провинцию Сан-Паулу, далее направиться в Гояс и Мату-Гросу, спуститься по рекам Мадейра или Такантис до Пара, а затем возвратиться в Рио-де-Жанейро через провинции Пиауи, Пернамбуку, Баия и малоизвестные районы Минас-Жераис. Однако уже спустя месяц с момента начала экспедиции, находясь в городке Иту, Лангсдорф пришел к заключению, что плавание по рекам провинции Мату-Гросу гораздо целесообразнее сухопутного маршрута.

Приготовление к плаванью и ожидание сухого сезона задержали путешественников. Однако 22 июня на восьми лодках с командой около 30 человек (исключая Гассе, который выбыл из состава экспедиции) путешественники отправились вниз по реке Тиете. На каждой лодке по приказу Лангсдорфа был укреплен русский военно-морской флаг. Плавание по извилистой, порожистой, изобиловавшей мелями Тиете было нелегким. Лодки очень часто приходилось разгружать и только после этого проводить через опасные места. Людей донимали москиты, муравьи портили вещи, многочисленные насекомые откладывали личинки в поры кожи. Ридель, Флоранс и Тонэй страдали от сильной сыпи и зуда. Хуже

всех приходилось последнему — художник почти не мог работать. Но великолепие окружающей природы было словно вознаграждением за все трудности походной жизни. «Всегда чарующая, эта природа заставляет нас жалеть о том, что мы не в состоянии воспроизвести ее во всех деталях, — писал впоследствии Флоранс, — Водопады вызывают чувство изумления, и это чувство не знакомо тем, кто никогда не плавал в утлом челноке, отданный на производ пенистых волн, когда берега исчезают с быстротой молнии».

В конце июля экспедиция преодолела два крупных водопада — Аваньяндава и Итапуре. В обоих случаях пришлось полностью разгрузить лодки и перенести весь груз по суше. «Водопад Итапуре — одно из прекраснейших мест природы, — отметил Лангсдорф в дневнике, — красота и великолепие которого может только удивлять, но не поддается описанию. От силы падающей воды дрожит под ногами земля. Шум и рев кажутся вечным громом. Радуги в любом направлении, куда ни обратится взор путешественника».

11 августа спуск по Тиете был завершён, пройдя около 600 километров, экспедиция добралась до широкой и спокойной Параны. 13 августа исследователи двинулись вниз по Паране и спустя несколько дней вошли в один из ее притоков — Риу-Парду. Теперь предстояло плавание против течения. Этот этап экспедиции оказался самым тяжелым, но и самым важным и интересным на пути в Куябу. Разнообразные коллекции увеличивались с каждым днём. «Мы застали весну в самом начале, степи были в полном цвету, радовали и занимали нашего ботаника», — писал Лангсдорф. Шкуры кабанов, тапиров и обезьян препарировали для коллекций, а мясо использовали в пищу. Путешественники ловили рыбу, собирали яйца черепах, несколько раз варили понравившийся всем бульон из удава.

В начале сентября экспедиция продолжала подниматься по Риу-Парду. И без того нелегкий путь против течения реки крайне осложняла бесконечная вереница водопадов. Изрядная усталость, накопившаяся в пути, начала сказываться на психологическом состоянии членов экспедиции. Астроном экспедиции Нестор Гаврилович Рубцов, будучи человеком дисциплинированным и трудолюбивым, пребывал в мрачном настроении, стал замкнутым и казался больным. Вечером 5 сентября уйдя с экспедиционной стоянки один, к ужину он не вернулся. Лишь на следующий день астронома нашли в 15 километрах от лагеря. Оказалось, что он решил покинуть экспедицию, считая, что его все презирают и ненавидят. Лангсдорфу пришлось потратить немало сил, чтобы вернуть Рубцову спокойствие и работоспособность.

Наконец, пройдя 2000 километров и преодолев на своём пути 32 водопада, экспедиция достигла фазенды Камапуан, где путешественники собирались отдохнуть и пополнить запасы продовольствия. Пребывание в Камапуане заняло почти полтора месяца.

21 ноября исследователи направились к реке Кошин, куда заранее были переведены лодки, и на следующий день экспедиция продолжила плавание. Стремительное течение Кошина заставляло всех пребывать в постоянном напряжении. Тем не менее 27 ноября одна из лодок затонула, хотя людям, по счастью, удалось спастись.

В начале декабря экспедиция вошла в более спокойную реку Такуари, по которой нужно было спуститься до реки Парагвай. Теперь почти до самой Куябы экспедиции предстояло странствовать по обширному болотистому району Пантанал. Мириады москитов были настоящим бичом этих мест. Стояла нестерпимая жара и даже ночь не приносила облегчения, свирепствующие насекомые совершенно лишили людей сна. Из дневника Лангсдорфа: «Вода медленно текущего Парагвая была покрыта блеклыми, гниющими листьями, деревьями, корнями, рыбами, крокодилами, красной глиной и желтой пеной».

Она выглядела отвратительно и была почти непригодна для питья». Стаи кровожадных пираний не позволяли искупаться. Рискнувший окунуться Лангсдорф тотчас выскочил на берег и был счастлив, что отделался только раной.

4 января 1827 года экспедиция добралась до реки Куяба и стала подниматься вверх по ее течению. Начался период дождей, и разлившиеся воды Пантанала превратились в огромное безбрежное озеро. Выдержать нужное направление помогала только опытность проводника. Несколько недель члены экспедиции вынуждены были провести в лодках, на одной из них соорудили глиняный очаг, чтобы готовить еду. Спали, кто в лодках, кто в гамаках, привязанных к торчащим из воды деревьям. За день удавалось пройти не более 15 километров. Лишь 30 января 1827 года, спустя семь месяцев после отплытия из Порту-Фелис, экспедиция достигла наконец города Куяба, оставив позади 4000 километров. Там путешественники несколько недель отдыхали и приводили в порядок коллекции и составленные в пути карты и документы. Вскоре представился случай отправить богатейшие собрания экспедиции сначала в Рио-де-Жанейро, а затем в Петербург.

С середины апреля участники экспедиции принялись за исследование провинции Мату-Гросу, огромная и малонаселённая территория которой в то время была почти не изучена. Базой экс-

педиции стал городок Гимараэс, расположенный в 20 километрах от столицы. Оттуда путешественники совершили несколько радиальных маршрутов. В конце июня они возвратились в Куябу и весь июль и август провели в разнообразных экскурсиях по провинции. В конце сентября в Рио-де-Жанейро в очередной раз были отправлены самые ценные рисунки и документы, естественнонаучные коллекции и множество этнографических экспонатов.

В ноябре путешественники готовы были вновь отправиться в путь. На сей раз им предстояло разделиться: Лангсдорф, Рубцов и Флоранс направлялись к истокам Парагвая, Куябы и Аринуса, а Ридель и Тонэй должны были двигаться на запад и по рекам Гуапоре, Маморе, Мадейра и Амазонка достичь устья Риу-Негру и там ждать других путешественников.

21 ноября Ридель и Тонэй выехали из столицы. А спустя две недели выступил и отряд Лангсдорфа. Для Тонэя это путешествие оказалось последним — в январе 1828-го он утонул в реке Гуапоре, пытаясь переплыть ее. Тело молодого художника было найдено лишь на второй день на берегу реки. После гибели Тонэя, потрясшей всех участников экспедиции, Ридель один продолжал путешествие по намеченному ранее плану. Несмотря на болезнь и все трудности, которыми изобилдовал его путь, Ридель прошел своим маршрутом, собрав великолепный гербарий, и в начале января 1829 года прибыл в Пара.

Планам же Лангсдорфа не суждено было осуществиться. В середине декабря его отряд прибыл в Диамантину — небольшой городок, центр добычи алмазов в северной части провинции Мату-Гросу. Здесь путешественники пробыли почти два месяца, в течение которых они изучали местность в южном и юго-западном направлениях.

В марте 1828 года экспедиция выступила на север, к Риу-Прету. «Эти места бояться посещать даже в сухое время года, а в период дождей здесь каждый непременно заболевает гнилой горячкой, лихорадкой, тифом. Жертвами этих болезней стали многие сотни людей», — писал Лангсдорф. Однако участникам экспедиции из-за проволочек местной администрации пришлось прожить на берегу Риу-Прету более двух недель. Эта задержка стала для экспедиции роковой — заболели Рубцов, Флоранс, лихорадило и Лангсдорфа, всего же больных было более 10 человек. Тем не менее 31 марта лодки экспедиции пустились в плавание по Риу-Прету. Оно оказалось очень тяжёлым — упавшие во время наводнения деревья то и дело преграждали реку, нередко путь для лодок приходилось просто прорубать.

Между тем число заболевших возрастало с каждым днём. У Лангсдорфа начались сильные приступы лихорадки, но, несмотря на это, он по-прежнему продолжал свои наблюдения и делал записи в дневнике. Всеми доступными ему средствами Лангсдорф лечил и себя, и своих спутников. В апреле во время пребывания в селениях индейцев апика Лангсдорф мог передвигаться уже только при помощи сопровождающего.

Из воспоминаний Рубцова: «Начальник экспедиции, несмотря на болезнь свою, неуспынно пекся о здоровье каждого и по приходе к жилищу индейцев, видя, что старания его больным мало помогали, то таковое положение заставляло Григория Ивановича Лангсдорфа при всей жестокости болезни его много беспокоиться, а через то, как кажется, он делался слабее». В конце апреля, когда экспедиция спускалась по реке Журуэне, из 34 членов отряда здоровы были лишь 15, из них семь уже переболели лихорадкой. Впереди экспедицию ожидали еще большие неприятности. Разбилась одна из лодок, другая была серьезно повреждена. Путешественникам пришлось сделать почти двухнедельную стоянку, чтобы изготовить новую лодку. Запасы провизии быстро кончались, а охотиться и рыбачить практически не удавалось. Так что к болезням добавился еще и голод.

Больные неделями лежали без сознания. Лангсдорфа и Рубцова зачастую переносили в гамаках, поскольку они уже не могли двигаться и часто впадали в беспамятство.

К 20 мая новая лодка была готова, и экспедиция продолжила плавание. Именно в тот день Лангсдорф сделал последнюю запись в своём дневнике: «Обрушившиеся дожди нарушили весь покой. Мы намереваемся теперь идти в Сантарен. Наша провизия убывает на глазах, мы должны стараться ускорить наше движение. Мы должны еще перейти водопады и другие опасные места на реке. Если захочет бог, мы сегодня продолжим наш путь. Провизия уменьшается, но мы ещё имеем порох и дробь». На этом записи Лангсдорфа обрываются. Болезнь совершенно изнурила ученого, и через несколько дней его спутники с ужасом заметили у своего начальника признаки помешательства и потери памяти.

Теперь уже нечего было и думать об осуществлении ранее намеченных планов. Единственной целью путешественников стало желание как можно быстрее добраться до Рио-де-Жанейро. Дальнейшее плавание изобиловало трудностями и опасностями. Вереница водопадов, порогов и мелей не давала путешественникам ни минуты отдыха. На одном из водопадов вновь разбилась лодка, все находящиеся в ней люди погибли.

18 июня, к неопишуемой радости путешественников, они встретили шхуну, идущую в Сантарен. Теперь они могли передвигаться с удобствами, но это обстоятельство никак не сказалось на самочувствии Лангсдорфа. «Он совсем помешался в разуме и даже не знал, где находится и что кушает», — вспоминал позднее Рубцов, впрочем, и сам он был тоже плох.

16 сентября участники экспедиции прибыли в Пара (Белен), откуда к концу марта 1829 года морем добрались до Рио-де-Жанейро. Во время этого морского вояжа Лангсдорф пошёл на поправку — его физическое здоровье постепенно восстановилось, частично вернулась и память, но на полное выздоровление рассчитывать уже не приходилось. «Болезнь такова, — писал о состоянии Лангсдорфа Флоранс, — что не позволит когда бы то ни было в дальнейшем путешествовать с научной целью». Всеми материалами и коллекциями экспедиции занимался теперь Рубцов, который в том же году доставил в Петербург 32 ящика архива, а еще год спустя 84 ящика привез в столицу России и Ридель.

Вернувшись в Европу совершенно больным и неспособным к работе ввиду психического расстройства, Лангсдорф, конечно, не мог обработать собранные экспедицией научные материалы, а после его смерти в 1852 году уже и само местонахождение архива оказалось неизвестным. Он, содержащий дневниковые записи, карты, рисунки, донесения, многочисленные рукописные материалы, в отличие от коллекций, хранившихся и выставлявшихся в различных музеях, долгое время считался утерянным. Постепенно ушли из жизни и люди, имевшие отношение к этому путешествию. Все эти обстоятельства и послужили причиной совершенного забвения экспедиции академика Лангсдорфа в течение почти 100 лет.

Сегодня в Зоологическом музее Санкт-Петербурга можно увидеть часть коллекций, собранных Лангсдорфом и его спутниками, — это более половины всех южноамериканских птиц, многим из которых до сих пор нет равноценной замены. Часть минералогической коллекции бразильской экспедиции поныне хранится в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана.

Уникальными и представляющими огромную ценность считаются гербарий, дендрологическая коллекция, коллекция плодов и семян, являющиеся предметом особой гордости русских ботаников. Многие материалы экспедиции по социально-экономической и этнической истории, языкам индейских племен, экономической и физической географии являются единственными в своём роде, ставшими истинными раритетами.

Во время сложнейшего путешествия Лангсдорф заболел очень острой формой малярии, отразившейся на нервной системе потерей памяти и другими нарушениями душевной деятельности, — это случилось в июне 1828 года. Вернувшись едва живым из джунглей Амазонки, Лангсдорф по советам врачей поехал в 1830 году в Европу на излечение. Физически он скоро совсем поправился и поселился во Фрейбурге, но душевные силы уже никогда не возвращались к нему. В следующем, 1831 году профессор был отправлен в отставку с сохранением пенсии, которую Российская академия наук продолжала ему выплачивать профессору Лангсдорфу до самой смерти. Умер он в том же Фрейбурге 29 июня 1852 года в возрасте 78 лет, не оставив после себя потомства.

Лангсдорф явил собой пример, каким ничтожным становится мужчина, даже носящий громкие титулы, добившийся славы и величия ещё при жизни, если его сердце не было опалено любовью к женщине, ответившей взаимностью. Отказ молодому профессору со стороны гордой испанской красавицы Консепсьон д'Аргуэльо поставил крест на его серьёзном отношении к представительницам слабого пола. Всё, что ему осталось, — это воспоминания о чудесной жизни, полной приключений и опасностей. До конца дней безумный профессор рассказывал о своих русских друзьях, якобы сражавшихся в рядах армии Боливара, о своём участии в русской кругосветке, об Аляске, Калифорнии, Камчатке, Японии, о Сибири и Бразилии, но мало кто верил сумасшедшему старику, доживающему свой век в захудалом немецком городишке...

Глава 13 ПОГИБШИЙ ЗАМЫСЕЛ РЕЗАНОВА

Он мечтал, закусив удила,
Свесть Америку и Россию.
Но затея не удалась.
За попытку... спасибо.

А. Вознесенский

Казалось, на этом можно было бы поставить точку, но читателю, думаю, будет интересно узнать судьбы тех, кто практически присоединил Аляску и Алеутские острова к России.

Колонизация новых земель носила партнёрский характер. Пережив первые пятнадцать труднейших лет, Российско-американская компания — это чудное детище Шелихова и Резанова — наконец-

то укрепляла настолько, что начала не только приносить прибыль государству, но и самостоятельно решать проблемы края.

В отношениях с коренными жителями русские не противопоставляли себя ни алеутам, ни эскимосам, ни индейцам. Русским людям всегда были чужды не только геноцид, но и расизм. Русский путь колонизации представлял собой ассимиляцию с коренными народами, а не их уничтожение и заселение новых земель представителями своего народа. А потому русские промышленники безо всяких стеснений брали в жёны местных женщин из алеутов и индейцев северо-западного побережья Америки, умножая тем самым население новых земель России и создавая новую расу от таких смешанных браков — креолов. К середине 1810-х годов перед Российско-американской компанией возникла проблема креольского населения русских колоний. Его численность возрастала довольно быстрыми темпами, и к 1816 году в Русской Америке насчитывалось более трёхсот креолов, включая детей, в то время как самих русских на новых землях насчитывалось менее двухсот человек. Отцами креолов были русские из различных губерний и сословий, а матерями — главным образом, эскимоски Кадыяка и алеутки, но встречались и русско-индейские метисы. Сам Правитель Русской Америки — Александр Андреевич Баранов — был женат на дочери одного из индейских племён — танаина, которая была взята как аманатка еще в начале пребывания Баранова на Аляске. При крещении ее назвали Анна Григорьевна Кенайская, по имени матери Баранова и названию залива, на берегу которого обитало племя. Баранов имел от неё троих детей — сына Антипатра, родившегося в 1795 году, Ирину 1804 года рождения и Екатерину, появившуюся на свет в 1808 году. В 1806 году в далёкой России умерла первая жена Баранова. Узнав об этом, Баранов через Резанова отправил прошение царю от 15 февраля 1806 года с просьбой об усыновлении Антипатра и Ирины, а в 1808 году, незадолго до рождения третьего ребёнка, Александр Андреевич женился на их матери.

Помощник Баранова, Кусков, также был женат на дочери одного из индейских тойонов, получившей в крещении имя Екатерина Прокофьевна. Позже она последовала за своим мужем в город Тотью Вологодской губернии по возвращении его из Америки.

За время правления Барановым территории и доходы Российско-американской компании значительно выросли. Если в 1799 году совокупный капитал Компании составлял 2 млн 588 тыс. руб. (при внутреннем долге Компании 1 374 957 руб.), то в 1816 году — 4 млн 800 тыс. руб. (без учета находившихся в обороте 7 млн руб.).

РАК полностью рассчиталась с долгами и выплатила дивиденды акционерам — 2 млн 380 тыс. рублей. С 1808 по 1819 год из колоний поступило пушнины более чем на 15 млн рублей, а еще на 1,5 млн руб. товара было на складах во время смены Баранова. Со своей стороны, главное правление Компании послало в колонии товаров только на 2,8 млн руб., что вынудило Баранова приобретать товары у иностранцев примерно на 1,2 млн рублей. Еще не менее 2,5 млн рублей РАК потеряла в результате кораблекрушений, беспорядочности и нападений туземцев. Общая прибыль составила огромную сумму — более 12,8 млн руб., из которых треть ушла на содержание бюрократического аппарата Российско-американской компании в Петербурге. С 1797 по 1816 год государство получило от РАК в виде налогов и пошлин более 1,6 млн рублей.

Основывая Российско-американскую компанию, Шелихов интуитивно подобрал уникального в своём роде Правителя приобретённых земель — Александра Андреевича Баранова. Если бы русские владения возглавлял не Баранов, то они, равно как и сама РАК, неминуемо потерпели бы крах еще в начале 1800-х, когда колонии фактически были брошены на произвол судьбы. Баранов, сам едва сводя концы с концами, вынужден был местное сырьё превращать в ценный товар, удерживая Компанию в состоянии платежеспособности, а также обеспечивать запасами пищи все население колоний. У эскимосов и алеутов не было привычки и обычая делать запасы на голодное время года, промышленным приходилось организовывать ловчие партии и принуждать их к работам. Это главные статьи, на которых обвинители Баранова основывали свои доказательства и какие послужили поводом для снятия его с должности. Но в руках Баранова были жизни многих людей, а Компания не выполняла его просьбы и обеспечивала Русскую Америку товарами и продовольствием крайне плохо и нерегулярно. После смерти Резанова люди на островах были брошены буквально на произвол судьбы и только деятельный ум Баранова спас соотечественников от голодной гибели и истребления индейцами.

Кроме Аляски в состав Русской Америки входили и южные территории Американского континента. 15 мая 1812 года в Калифорнии помощником Баранова, Иваном Кусковым, был основан форт Росс, снабжавший продовольствием северные территории до 1841 года, когда ввиду осложнившейся политической обстановки и низкой рентабельности производства форт Росс был продан мексиканцу швейцарского происхождения Джону Саттеру.

Как уже описывалось выше, Баранов не безуспешно пытался торговать с Сандвичевыми островами, испанской, а позже — мек-

сианской Калифорнией, американскими и английскими меховыми трейдерами, сумел наладить деловые и дружеские связи с индейцами, да и вообще, наверное, не было в то время человека на всём северо-западном побережье Америки, с которым бы не сумел договориться Баранов.

28 лет провел Баранов в Русской Америке. В ноябре 1818 года 72-летний Правитель, оставивший за спиной огромную по территории и возможностям меховую империю, принужденный Василием Головинным отказаться от должности, отплыл в Россию. Но увидеть Родину ему было не суждено...

Совершая кругосветное плавание, в 1817 году воды Русской Америки посетил корабль «Кутузов» под командой капитан-лейтенанта Леонтия Адриановича Гагемейстера. Сначала «Кутузов» зашёл в форт Росс, привезя туда виноградную лозу из Перу. Капитан «Кутузова» имел повеление юридически закрепить за Россией новую колонию. Он собрал ближайших к поселению индейских вождей-тойонов, и они подписали протокол о правах России на эту землю. Однако Испания, а позже и Мексика эти права не признали. Выполняя политико-юридическую часть миссии, капитан «Кутузова» принял на борт в форте Росс груз продовольствия для северных поселений: 1400 пудов пшеницы, 995 пудов ячменя, по 200 пудов гороха и бобов, 144 пуда соли. 20 июля 1817 года судно прибыло в Новоархангельск. Гагемейстер заменил Баранова на посту главного Правителя в январе 1818 года. Его старший офицер, лейтенант Яновский женился на тринадцатилетней дочери Баранова — Ирине.

Вступив в должностные обязанности, Леонтий Адрианович Гагемейстер ревностно взялся за порученное дело и быстро навёл в поселениях флотский порядок. Но этот порядок начал тормозить коммерческие механизмы, налаженные Барановым, и оказался не нужным ни промышленникам Аляски, ни чиновникам в Петербурге. На него посыпались доносы и в октябре 1818 года главным Правителем назначили более «управляемого» Яновского, а Гагемейстер с 72-летним Барановым стали готовиться к отплытию в Россию.

27 ноября 1818 года Александр Андреевич Баранов отплыл с Гагемейстером на «Кутузове» в Санкт-Петербург для отчета Российско-американской компании. Проводить Баранова явилось всё население Новоархангельска; прибыли даже тлинкиты во главе с Катлианом. Одному из индейских вождей, своему старому другу, бывший Правитель подарил свою железную кольчугу, которую постоянно носил под одеждой. После того как Баранов покинул берега Нового Света, последовала череда событий, которые до сих пор вызывают вопросы у специалистов, а ответы на них до

сих пор не найдены. И первый из них: зачем так уж срочно понадобилось тащить через три океана Правителя русских колоний, а не оставить почтенного старика коротать свой век в построенной им «республике»? Неужто отчёт Компании не мог быть доставлен Гагемейстером или Головинным и личное присутствие Баранова в столице было вызвано насущной необходимостью? Странности продолжались на протяжении всего его плавания в сторону родных берегов. 7 марта 1819 года судно зашло в Батавию на ремонт. Сильно больного и измождённого Баранова оставили на берегу в гостинице в совершенном одиночестве. Еще на корабле он заболел горячкой, но надлежащей медицинской помощи ему не оказали. Мало того, что возраст Баранова уже требовал заботы о нём, но на совести капитана «Кутузова» остаётся и должностное преступление — рангом Правитель был выше капитана и его распоряжения Гагемейстер обязан был выполнять, при этом как человек, на которого возложена доставка должностного лица, он обязан был приложить все усилия для этого. Однако в течение всех 36 дней, что судно простояло на ремонте, то есть более месяца в тропических условиях, капитан ни разу не появился у Баранова. Ситуация, очень напоминающая конфликт Крузенштерна и Резанова. Но самое странное произошло сразу после выхода в море: 16 апреля 1819 года Баранов умер на борту «Кутузова». Судно только что отошло от берега, но Баранова решением командира хоронят в море, в водах Зондского пролива между островами Ява и Суматра. Александр Андреевич Баранов вез с собой все документы для отчета главному правлению Российско-американской компании, но не было никого, кто видел бы указанные материалы после возвращения корабля «Кутузов» в Петербург. Они бесследно исчезли. А это, ни много ни мало, более десяти томов записок, охватывающих всю двадцатипятилетнюю деятельность Баранова на русском тихоокеанском побережье. Что произошло между Гагемейстером и Барановым, открыто недолюбливавших друг друга, до сих пор остаётся загадкой. Добил ли Правителя конфликт с капитаном или этому способствовало длительное плавание — об этом судить не берётся никто. Вполне возможно, что Баранов умер от старости, будучи на корабле по роковому стечению обстоятельств. Это сейчас плавание на белоснежном паруснике нам кажется чем-то романтическим. На самом деле трудности путешествия на парусном судне в то время были столь велики, что редкий морской вояж обходился без человеческих жертв.

Со смертью Баранова управление Российско-американской компанией перешло к офицерам морского ведомства. На каждые

пять лет назначался новый Правитель. В целом это были хорошие служаки и славные офицеры, но не было среди них Баранова. Все чувствовали себя на Аляске временщиками. Получали чины, продвигались по службе, а дела Компании приходили в упадок. Уже через шесть лет после смерти Баранова в высших кругах государственной власти придерживались мнения, что для России содержание Русской Америки бесполезно. Просматривается вина и за правлением Российско-американской компании. Военные чины особо не вникали в хозяйственные проблемы, а гражданские — боясь утраты монопольного владения на колонии, не афишировали обнаружение в недрах Аляски золота, меди и угля. В правительственных кругах России господствовало мнение, что это бесплодная, промерзлая и продуваемая холодными ветрами земля мало кого интересует. На Аляску смотрели сквозь пальцы. Никто не желал вникать в ее проблемы.

И если в самом начале августейший почетный председатель правления Российско-американской компании — император Всероссийский Александр I, фактический владелец Русской Америки, ничуть не сомневался в ее полезности: «Отторжение, утрата Аляски, вне зависимости от внутренних и внешних политических и иных веяний, должны расцениваться как вредительство, как удар по сокровенным интересам России», то менее чем через пять лет его мнение не было столь выразительным. По крайней мере проекты уже мёртвого Резанова «завести в новых землях Русь», то есть заселить новые земли и укрепиться на Сахалине и Курилах, не нашли должной поддержки у царя. Сегодня тяжело представить, но к такой перемене царских взглядов самое непосредственное отношение имел Крузенштерн. По мнению Владимира Трофимова, «Крузенштерн, подавший в 1799 году на имя президента Коммерц-коллегии Соймонова записку о развитии торговли и коммерции на Дальнем Востоке и в Америке, а также о необходимости совершения кругосветного плавания, после окончания одного вдруг резко изменил свое отношение к значению для России ее земель на Дальнем Востоке. Не потому ли, что дальнейшее освоение этих земель тесно связано с именем его заклятого врага — Резанова... Это с уверенций Крузенштерна министр морских сил Чичагов, в честь которого Крузенштерн назвал залив на Нукагиве, стал распространять среди ближайшего окружения российского императора слухи о ненадобности для России Сахалина».

Об этом косвенно свидетельствует и отношение Александра I к проблемам Компании. Если при жизни камергера до окончания плавания «Надежды» император живо интересовался проблемами

своих самых дальних земель, то после возвращения Крузенштерна он не просто потерял этот интерес, но и стал всячески препятствовать деятельности Компании на административном уровне.

К счастью, главное правление Российско-американской компании, потерявшее в лице погибшего Резанова поддержку при дворе, вовремя спохватилось и в апреле 1808 года решило юридически оформить статус министра коммерции Румянцева как покровителя Компании. На общем собрании акционеров было специально рассмотрено дело о трудностях, возникших у Компании в отношениях с дальневосточным начальством. Акционеры обратились с просьбой к Николаю Петровичу принять звание ходатая по делам Российско-американской компании у престола. Предложение общего собрания было неожиданным для министра коммерции. Однако вскоре он ответил директорам: «В прошлом компания неоднократно имела опыт моего попечения в ее пользах, да и впредь всегда найдёт готовым стараться в оных». В конце апреля директора рапортовали Александру I о том, что на пост ходатая Компании избран министр коммерции граф Николай Петрович Румянцев.

Но если ещё при жизни Резанова в апреле 1806 года царь одобрил решение Государственного совета о продлении привилегий Российско-американской компании ещё на 20 лет, то всего два года спустя, даже имея такого покровителя, как министр коммерции Румянцев, инициативы Российско-американской компании начали разбиваться о стену равнодушия к проблемам Компании, появившуюся усилиями Крузенштерна, Чичагова и фон Дизена.

Деятельный граф Румянцев, фактически став во главе Компании, тут же взял быка за рога. Он принялся развивать ещё одну идею Резанова, ходатайствуя перед императором и правительством о разрешении промышленникам навсегда оставаться в колониях, тем более что часть из них обзавелась там домами, хозяйством и семьями. Обращаясь 22 мая 1808 года к Александру I с прошением по поводу заселения территорий Русской Америки, Румянцев предлагал освободить «поселившихся людей от податей по прежним местам», а чтобы казна не понесла убытков, возложить эти подати на Компанию. Всю весну граф буквально забрасывал письмами канцелярию императора. Румянцев знал, что его письма не останутся без ответа только потому, что он Румянцев. Он знал, что Россия развернула широкомасштабные военные действия против Швеции, и Александру I, занятому новой войной, совсем не до проблем Компании, но тем не менее настойчиво требовал обратить августейшее внимание и на Восток. Но сторонник континентальной политики, император Александр потерял интерес к далекой

идущим тихоокеанским планам Компании. В августе 1808 года Государственный совет империи отклонил просьбы Российской-Американской компании и самого Румянцева о возможности навсегда поселиться на Аляске и русском тихоокеанском побережье и оставил все «на том же основании, как доселе было», ссылаясь на обязанность всех без исключения «податных» отбывать государственные повинности, рекрутчину и платить налоги, являясь для этого незамедлительно по первому требованию начальства к месту своего «первоначального проживания». Царю нужны были средства на войну и новые солдаты, а здесь просили освободить от налогов часть подданных и оставить их у чёрта на куличках. Административный аппарат, созданный Петром I, явился тем камнем преткновения, о который разбились многие замыслы великих умов России. Поэтому даже не столько крепостное право, сколько вся существовавшая в России фискально-бюрократическая система в целом препятствовала развитию русских колоний в Новом Свете, что в конечном итоге привело к их потере.

Правлению Российской-американской компании становилось ясно одно — после смерти Резанова действия правительства перестали носить характер чётко обозначенной позиции и последовательной политики относительно Тихоокеанского региона, оставляя Компанию решать свои проблемы самостоятельно.

Ошибка Крузенштерна, посчитавшего Сахалин полуостровом, соединённым перешейком с материком, могла дорого обойтись России и привела бы к неминуемой потере острова. Тем не менее следует отметить, что до Крузенштерна попытки отыскать пролив между материком и Сахалином не удавались никому. Сперва пролив между материком и Сахалином пытался найти французский капитан Лаперуз, убедивший весь мир в том, что Сахалин — полуостров; потом англичанин Браутон. Русский капитан Гаврилов, командуя бригам «Константин», тоже не нашел пролива. И только спустя полвека благодаря усилиям генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва и капитана Геннадия Ивановича Невельского, исследовавшего Татарский пролив, было установлено, что Сахалин — остров, а река Амур устьем упирается в пролив. Открытие огромной важности, означавшее, что Сибирь получает выход к морю. После этого открытия последовало присоединение к России Приморья. Но тем не менее на всех русских картах с момента выхода России к Охотскому морю, то есть с середины XVIII века, Сахалин всегда был обозначен как остров. Современникам это может показаться мелочью — ну какая разница: остров или полуостров, в конце концов? Однако эта

разница стоила России спасения зарождавшегося Тихоокеанского флота, когда пользовавшийся картами Крузенштерна английский контр-адмирал Прайс, зайдя в Татарский пролив с юга в 1857 году во время Русско-турецкой войны, в которой Англия выступала союзницей Турции, не обнаружил там русской эскадры и, посчитав, что в заливе (а не проливе, как было на самом деле) её нет, вынужден был покинуть территориальные воды России. Это спасло наши корабли, вошедшие в устье Амура, от уничтожения мощным англо-французским флотом. Но это, пожалуй, единственный случай, когда ошибка Крузенштерна сыграла на руку России.

Когда царь и его окружение хотели бросить на произвол судьбы Дальний Восток, а японцы вели военные приготовления против России, ситуацию всё-таки спас самый активный член Российско-американской компании, единомышленник и последователь Резанова — граф Румянцев. Не получив одобрения на закрепление русских в новых местах пребывания, хитрый граф буквально «выпросил» у адмирала Павла Васильевича Чичагова Сахалин. В архиве Военно-морского флота имеется любопытный документ — письмо министра иностранных дел Румянцева министру морских сил Чичагову об учреждении поселений Российской-американской компании на Сахалине от 9 августа 1808 года: «Вследствие изустного отзыва вашего высокопревосходительства о ненужности острова Сахалина к занятию Морским департаментом, я докладывал Государю Императору о домогательстве правления Американской компании учредить на оном свои заселения по примеру прочих. Его Величество изъявил на сие высочайшее соизволение. Вследствие чего я обязываюсь просить вас, милостивый государь мой, уведомить о сем начальника Охотского порта и других, до кого сие следовать будет. Честь имею быть с совершенным почтением вашего превосходительства покорнейший слуга граф Николай Румянцев».

Так, Сахалин, казавшийся ненужным ни Крузенштерну, ни Чичагову, ни Александру I, спас от неминуемого захвата или продажи министр коммерции, граф Румянцев — идейный вдохновитель первой русской кругосветки, основной целью которой было как раз закрепление России на Дальнем Востоке и в Русской Америке.

Главное правление Российской-американской компании, полностью разделявшее мнение Резанова относительно вероломства и наглости торговых конкурентов из Англии и США, не решалось тем не менее применить против них силу, поскольку, как отмечалось в докладе Румянцева императору, «без особого от в. и. в-ва позволения приступить к сему не смеет». Однако Александр I и его правительство, эволюционируя всё более в сторону политики

«легитимизма», предпочли сделать ставку на дипломатические переговоры с вашингтонским кабинетом, оказавшиеся абсолютно неэффективными, о чём ранее и предупреждал покойный Резанов.

Александр I к концу первого десятилетия XIX века начал сознавать, что Российско-американская компания всё чаще предпринимает действия, которые могут иметь для России самые непредсказуемые политические последствия. Поэтому следующий шаг правительства в отношении Компании был вполне закономерен. В 1811 году в связи с расширением круга деятельности Российско-американской компании, затрагивающего интересы государства, в Министерстве внутренних дел возникла идея подчинения её Департаменту мануфактур и внутренней торговли. Так Компания перестала быть гибким механизмом, реагирующим на новые вызовы, а медленно, но верно влилась в костную и инертную систему российской административной бюрократии.

Тем не менее Компания, вдохновителями которой были такие выдающиеся государственники, как Шелихов, Резанов, Баранов и Румянцев, не остановилась в своём развитии, продолжая являть России, да и всему миру, новую, необычную систему политического, экономического и юридического взаимодействия с партнёрами и сопредельными государствами.

Изначально, в отличие от предыдущих купеческих объединений, Компания Шелихова—Голикова была учреждена не на один «вояж», а на десять лет, причем она ставила своей целью не просто добычу пушны в Новом Свете, а основание там постоянных поселений. При этом компаньоны добивались непосредственного патронажа иркутских губернаторов и над своей Компанией, и над основанными в Америке колониями. Это был прорыв на Север и попытка закрепиться на Аляске на правах хозяев. Американские купцы, в частности Гудзон-Бейская компания, рассматривали её берега только как промысловые угодья, и это давало возможность русским заявить права на эти земли в качестве поселенцев. Этот импульс развития, данный первопроходцами-исследователями, до последнего дня оставался фактической идеологией Российско-американской компании.

Кто-то недавно сравнил Шелихова с современными «хозяевами» русских земель. Не ставьте рядом неравное, так неравенство видно ещё яснее. Шелихов сам ходил на промысел и завоёвывал Аляску на кораблях, построенных практически на последние деньги. Читая записки о том, на чём плавали русские промышленники, понимаешь, что такие люди, как Шелихов, не просто рисковали, а совершали откровенное безумство. Построить корабль еще не зна-

чило благополучно доплыть на нём. Неприступные берега гряды Алеутских островов могли стать братской могилой для всей команды. Штормы в северной части Тихого океана — явление практически постоянное. Но если всё-таки кому и удавалось достичь богатой живностью Аляски, то первой, на что наткнулись пришельцы, была жестокость местных жителей — алеутов и индейцев-тлинкитов. Шелихов описал их зверства. Без содрогания прочесть это невозможно. А Шелихову, человеку, победившему страх, стигию, врагов, себя, в конце концов достался главный приз — богатства завоёванных земель. А какими подвигами покрыли себя нынешние владельцы Чукотки, Сахалина, Курил, Сибири?

Григорий Шелихов, основатель Российско-американской компании, является уникальным во многом. Даже то, что русскому купцу — «подлому человеку»*, проводившему на собственные средства исследовательские экспедиции, разрешили возглавить предприятие, уже является достижением.

О начальниках экспедиций, исследовавших новые земли в конце XVIII века, следует упомянуть отдельно. Екатерине почему-то казалось, что подобными предприятиями могут руководить только иностранцы, поэтому и назначала императрица их начальниками экспедиций. Типичный пример — «Северо-восточная секретная географическая и астрономическая экспедиция» Биллингса-Сарычева 1785 года. «Секретная» — потому что в последней четверти XVIII века русское правительство было очень обеспокоено активностью иностранцев, особенно англичан, в северной части Тихого океана. Но вот что странно: почему-то начальником её был назначен именно англичанин Джозеф Биллингс. Одним словом, пустили козла в огород. Такая честь Биллингсу выпала только потому, что он ранее участвовал в третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука, выполняя работу помощника астронома. Никаких иных достижений у начальника «Секретной экспедиции» не было. Единственным верным шагом Биллингса как руководителя было то, что он пригласил 22-летнего лейтенанта Сарычева, чьи талантливые труды впоследствии принесли славу экспедиции.

Биллингс должен был попытаться пройти в Тихий океан из Колымы через Берингов пролив. В 1786 году экспедиция проехала через Сибирь в Охотск, а оттуда перебралась в Верхне-Колымск, где заложила два судна. В 1787 году Биллингс, командовавший судном «Паллас», и Сарычев, командовавший судном «Ясашна», спустились вниз по Колыме к ее устью. В июле они трижды пы-

* К концу XVIII века слово «подлый» употреблялось в значении «особенно низкий», «человек простого сословия».

тались, выйдя из устья Колымы в море, обогнуть Чукотский полуостров, но из-за тяжёлых льдов могли продвинуться на восток лишь немногим далее мыса Большого Баранова. Высадившись там на берег, Сарычев нашел и раскопал древние жилища приморских зверобоев — «шелогов». Это были первые в мире предпринятые с научной целью археологические раскопки древних памятников Арктики. Потерпев неудачу, экспедиция сухим путём вернулась в Охотск, где в это время строились два судна. Сарычев в апреле 1789 года описал на байдарках западный берег Охотского моря — от Охотска до реки Улькан, около 450 километров за восемь дней, причём открыл там два небольших залива — Феодота и Фёдора. Продолжая опись в юго-западном направлении, он обследовал залив Алдома, где в июне неожиданно встретился с капитаном 1-го ранга Иваном Константиновичем Фоминым, описавшим на байдаре морской берег от Удской губы до Алдомы. Таким образом, в 1789 году была произведена опись всего западного побережья Охотского моря. Осенью 1789 года на новом, построенном в Охотске, корабле «Слава России» Биллингс и Сарычев перешли из Охотска в Петропавловск. Во время перехода из-за крепкого восточного ветра корабль отклонился от курса, благодаря чему был открыт необитаемый небольшой скалистый остров Святого Ионы. В мае—октябре 1790 года «Слава России» плавала в залив Аляска, к острову Кадьяк и вернулась в Петропавловск. Летом 1791 года корабль перешел от Петропавловска к Уналашке, а оттуда — на север, к острову Святого Матвея. Сарычев открыл к северо-западу от него небольшой остров Хол и обследовал пролив, отделяющий последний от Святого Матвея, назвал его своим именем. Продвигаясь далее на север, экспедиция обследовала остров Святого Лаврентия, затем восточный американский берег Берингова пролива и расположенные в проливе острова Диомиды. У чукотского берега, в заливе Лаврентия, Биллингс сдал командование «Славой России» Сарычеву, а сам отправился сухим путём исследовать Чукотский полуостров: отказавшись от мысли обогнуть его с северо-востока на судне, он решил описать его берегом и перебрался с небольшим отрядом на байдарках в соседнюю Мечигменскую губу. На байдарке он послал сержанта-геодезиста Гилева описать берега северо-восточного выступа Чукотки, сам же с отрядом зимой 1791—1792 года прошёл на оленях через полуостров до Нижне-Колымска. Гилев превосходно справился с поручением: он описал на байдаре восточный берег Чукотского полуострова от Мечигменской губы до мыса Дежнёва, прошёл пешком через мыс, а затем — частично на байдарке, частично пешком — впервые

описал большую часть северного берега Чукотки — до Колочинской губы Чукотского моря включительно. Между тем Сарычев в 1791 году вернулся на Уналашку, куда через месяц прибыл на зимовку старший по чину участник экспедиции Роман Галл на новом тендере «Чёрный орёл». Во время зимовки были приведены в российское подданство и обложены ясаком алеуты на Уналашке и соседних островах. В начале 1792 года Сарычев послал для описи Алеутских островов, лежащих к востоку от Уналашки, геодезиста унтер-офицера Худякова, и тот открыл у северного берега Аляски небольшие острова, названные впоследствии его именем. В июне 1792 года «Слава России» и «Чёрный орёл» прибыли в Петропавловск. В Петербург члены экспедиции вернулись в 1794 году.

Работу экспедиции Биллингса Сарычев описал в своих трудах: «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции... капитана Биллингса с 1785 по 1793 год», увидевшее свет в 1802 году, и «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю... и плавание капитана Галла на судне «Чёрный орёл» по Северо-восточному океану в 1791 году...» 1811 года издания. Эти книги, особенно первая, стали образцами описаний для мореплавателей первой половины XIX века и сохраняют интерес до настоящего времени. Только вряд ли их может прочесть обыкновенный любитель истории. Их переизданий не было, а любая книга двухсотлетней давности сама по себе уже является библиографической ценностью.

Всю основную исследовательскую и научную работу экспедиции проделал Гаврила Сарычев. Желание познавать новое и расширять мир вокруг себя двигало этим незаурядным человеком до конца дней, трудолюбию, выносливости и настойчивости которого остаётся только поражаться.

Но вернёмся к Биллингсу. Чем же в это время занимался английский руководитель русской экспедиции? Вернувшегося в Петропавловск «начальника» имел удовольствие лицезреть Володя Штейнгель, будущий друг мичмана Давыдова, тогда ещё мальчишка, рассуждающий не по годам разумно: «Он как наемник не столько думал о выполнении воли монаршей и о пользах отечества, сколько о своеугодности... С прибытием экспедиции в Камчатку началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, зверские представления и пр. Денег они убили пропасть, а пользы на грош не наделали. Перед отбытием их из Охотска получено было повеление об остановке экспедиции, но Кох взялся услужить в этом слу-

чае... Если бы экспедиция была обращена, то, во-первых, труден был бы отчёт в передержанных суммах и не получили бы по два чина... Известно, как щедро наградила императрица английского мичмана Биллингса. Он кончил жизнь русским баринком в Крыму и бригадиром. А всё его достоинство состояло в том, что он был в вояже с Куком, но Кук возил с собой и свиней... Мне этот Биллингс особенно как-то гнусен. Я и маленький смотрел на него с отвращением».

Может быть, потому, что «благородный» Биллингс предложил Варваре Марковне Штейнгель, матери Володи, сделку: он заступается и выгораживает ее мужа перед императрицей, а Варвара Марковна расплачивается за это своей женской честью? «С омерзением и горькими слезами, о! я помню эту минуту, мать моя отвергла сие гнусное предложение», — напишет впоследствии Владимир Штейнгель в «Сибирских сатрапах».

Можно ли представить Шелихова или Резанова на месте Биллингса? Нет! Русские первопроходцы и руководители Компании, радители о пользах Отечеству, в дальних и опасных вояжах подорвали здоровье и в итоге погибли во славу России, а Россия о них поспешила забыть. Имя ещё одного русского исследователя, настойчиво претворявшего в жизнь замысел Екатерины, Сарычева, вряд ли кто и знает, в то время как начальника «Секретной экспедиции» помнят. По крайней мере, сама экспедиция названа сначала именем Биллингса, а потом уже Сарычева. А ведь именно русский исследователь Сарычев представил тот самый проект кругосветки, который «протолкнул» по коридорам власти русский министр Румянцев и взялся осуществить русский чиновник Резанов. Первым закончил плавание русский мореплаватель Лисянский. Но и в этом случае вся слава досталась курляндскому капитану Крузенштерну. Не хочется умалять достоинств Крузенштерна, но как-то обидно за всех остальных организаторов и участников экспедиции.

Адмиралы фон Дизен и Павел Чичагов, протекцией которых так успешно пользовался Крузенштерн, были великими реформаторами только в собственных сочинениях. Сахалин не стал их жертвой только потому, что в дело вовремя вмешался Румянцев. А вот, например, у Кулибина и его колёсного парохода такого заступника не нашлось. Не мог граф Румянцев охватить всех проблем России — от Петербурга до Волги было слишком далеко.

В наше время в одном из архивов было найдено одно любопытное заключение, подписанное фон Дезином, в котором точно и ясно изложены мотивы, побудившие отклонить одно из изобретений великого русского инженера Кулибина. Там говорится, что

машинное судно Кулибина не вынырывает в скорости по сравнению с судами, водимыми бурлаками, и что судно Кулибина не грузоподъемнее прежних судов. Мотивы эти, конечно, только мимо серьезны. Изобретение, высвобождающее людей из-под лямки и ярма раба, уже этим самым экономично и гуманно. Гуманный довод, впрочем, только раздражал закоренелых крепостников. Но доводы чиновников отпали бы при ознакомлении с судном на месте. Однако военно-морской министр Чичагов не захотел послать в Нижний Новгород специального человека для проверки заключения чиновников Адмиралтейств-коллегии. Отметим при этом, что чиновники Адмиралтейств-коллегии сознательно замолчали чисто техническое выполнение изобретения. Дормидонтов, изучивший этот вопрос, пришёл к выводу, что «машинное судно» Кулибина является для своего времени совершенным с технической точки зрения.

Чертежи второго и третьего машинных судов настолько детально разработаны, что по ним вполне можно осуществить модель изобретения. В этом варианте у Кулибина продуманы и отдельные детали и все устройство в целом. С технической точки зрения судно Кулибина не было слишком сложным, как утверждали чиновники. Оно вполне могло быть пущено в эксплуатацию. А зная упорство изобретателя и его привычку все проверять опытом, можно с уверенностью утверждать, что в условиях плавания суда эти постепенно улучшались бы. Но правительство погубило и это изобретение Кулибина.

Пароход Кулибина стоял на Оке, доставляя большое беспокойство городским властям. Губернатор вызвал однажды изобретателя и спросил его, в каком состоянии находится судно. Изобретатель объяснил, что судно сгнило на воде и теперь совершенно непригодно для эксплуатации. Обрадовавшийся такому исходу дела губернатор обратился к министру внутренних дел князю Куракину, прося разрешения продать судно с аукциона. Куракин спросил согласия царя. Александр I разрешил продать судно с аукциона. Тогда губернатор выделил оценщиков, которые и оценили судно в 88 рублей 44 копейки*. 26 ноября 1808 года первый русский пароход с аукциона за 200 рублей приобрели на дрова штабс-капитан Копеечкин и купец Фёдор Курдюков. Так изобретателю довелось увидеть растащенным своё судно на дрова, тогда как пароход английского производства вскоре плавал по Волге, хотя во всех отношениях был хуже кулибинского.

* На постройку судна Кулибин истратил 6080 рублей и 25 копеек из средств Морского министерства.

К счастью, ни Чичагову, ни фон Дизену не было никакого дела и до Русской Америки. Это позволило русским промышленникам обрести торговый, а затем и военно-морской флот. О судах, построенных на Новоархангельской верфи и на Алеутских островах, уже было упомянуто, но вскоре суда начали строиться и на новых землях.

Начиная с 1812 года форт Росс начал спускать на воду корабли, построенные из местных материалов. В 1818 году промышленником Грудининым была выстроена шхуна «Румянцев» в 160 тонн. В 1819 году появились 200-тонные бриги «Булдаков», «Волга» и судно корабельного типа «Кяхта». Все эти корабли были обшиты калифорнийским дубом. Управляющий Чистяков между 1825 и 1830 годами построил несколько судов в 300 тонн каждое: «Уналашка», «Бобр», «Сивуч», «Карлюк», «Алеут» и «Уруп». При бароне фон Врангеле на воду были спущены шхуны «Квичпак», «Чилкот» и «Госпожа Врангель». Первые паровые пароходы в северо-западной части Америки были построены на верфях Новоархангельска между 1839 и 1840 годами. Паровой первенец в 60 лошадиных сил назывался «Николай I». Его машина и котел были привезены из Бостона. «Николай I» погиб во время снежной бури возле Нелтушкина. Промышленник Лебедев в 1847 году купил в Сан-Франциско американский учебный пароход «Муир», все детали паровой машины для которого были изготовлены в мастерских Новоархангельска. «Муир» впоследствии переименовали в «Наследника» и он начал осуществлять регулярные рейсы по реке Сакраменто. Это был первый пароход в Калифорнии. В 1860 году появился 67-футовый пароход «Баранов», который после покупки Аляски Америкой был переименован в «Розу». Последний пароход с котлами, выплавленными из аляскинской меди, был построен русскими в 1863 году. Этот 255-тонный красавец носил имя «Политовский»... В итоге Российско-американская компания на своих верфях в Русской Америке построила 33 судна, которые в течение семидесяти лет обслуживали берега Америки и Азии.

А в 1816 году в Русской Америке реализовался ещё один из проектов Резанова — здесь появились первые русские деньги. Российско-американская компания с разрешения правительства в Петербурге приступила к выпуску собственных местных денег, называвшихся «Марка в Америке», достоинством 10, 25 и 50 копеек. Они печатались на обработанной коже тюленей или котиков и назывались в просторечии «лавтаки», или «колонияльные марки». «Марки в Америке» были не только первыми русскими деньгами в Америке, но и единственными деньгами в истории человечества,

печатавшимися на коже. Правда, второй выпуск тех же номиналов печатался уже не на коже, а на плотной пергаментной бумаге.

В 1820—1860 годах произошёл настоящий прорыв в освоении полуострова Аляска: русские перешли на материковую часть принадлежащих им земель. Результатом такого перехода стали карты с нанесёнными на них месторождениями полезных ископаемых, объём исследований был таков, что записи и ценные сведения первопроездов не успевали обрабатываться в столице. Было описано — насколько это было возможно — всё побережье Аляски. Чтобы закрепиться в глубине материка, в самых перспективных местах русские люди строили крепости и земляные укрепления, которые ныне превратились в американские города. В результате русские владения в Северной Америке, включая внутренние части Аляски и морское побережье, были настолько хорошо изучены, что карты некоторых районов использовались в дальнейшем в течение целого столетия.

Продолжилось и промышленное освоение этой территории. К середине 50-х годов XIX века добыча угля на Аляске превышала 20 000 пудов. Тогда же началась добыча меди, выплавка железа и производство слюды. А в 1862 году американской Компанией Гудзонова залива началась разработка золотых россыпей реки Стики. Золото на Аляске было найдено ещё в ту пору, когда она принадлежала России.

Начавшее набирать силу судостроение привело к тому, что в порту Новоархангельска появилось единственное на западном побережье в Северной Америке адмиралтейство. Оно было способно не только строить морские суда, но и производить всеобъемлющий ремонт. Причём на верфях, стапелях, кузнице, в мастерских (слесарная, токарная, мореходных инструментов, кожевенная, прядильная, малярная) и на заводах (медно- и чугунолитейный, кожевенный, лесопильный) работали только русские мастера, что говорит о высокой технической подготовке представителей титульной нации. Вскоре Новоархангельск за его неповторимость и красоту стали называть «Тихоокеанским Парижем». Население столицы Русской Америки выросло до 3000 человек.

Сумели наладить и доставку продовольствия из дальних колоний. Из форта Росс, например, ежегодно вывозилось по 800 пудов пшеницы для русских поселенцев на Аляске. В латиноамериканские страны русские люди доставляли меха, лососину, лес. Но самым прибыльным делом для русских поселенцев на Аляске стала транспортировка льда в Калифорнию. Начавшаяся там «золотая лихорадка» дала новый импульс для развития тогда еще захудалого городишки — Сан-Франциско. Американцы и мексиканцы хлыну-

ли в Калифорнию. Обогатились единицы, остальные вынуждены были влачить жалкое существование, топя своё горе в рюмке виски со льдом, который в то время ценился в прямом смысле на вес золота. Русские обитатели Аляски не поддались соблазну быстрого обогащения в надежде найти золотую жилу, а решили наживать капитал трудом. В почти что тропических калифорнийских широтах лёд считался роскошью, а на Аляске его было с избытком. Когда спрос на русский лёд стал превышать предложение, капитаны судов Российско-американской компании решили перевозить его не небольшими партиями, а целыми айсбергами. Сегодня тяжело это представить, но ледовая индустрия позволила Компании выкабаться из очередного финансового кризиса и умножить капитал. На Аляске были вырыты искусственные водоёмы, которые за зиму промерзали до дна, а весной, с началом навигации, эти замёрзшие озёра целиком буксировались вдоль американского побережья кораблями Компании.

Аляска стала одним из очагов отечественного технического прогресса. Русский тихоокеанский центр начал смещаться с Камчатки на Аляску. Недостаточное число православных священников в Русской Америке вызвало в 1845 году необходимость перевода духовного училища из Петропавловска в Новоархангельск и перереорганизацию этого училища в семинарию. Начало, положенное сподвижником Резанова, отцом Гедеоном, в образовании края и обращении местных жителей в лоно Православия, было продолжено его наместником — монахом, отцом Германом, ставшим первым православным святым Аляски. Сам отец Гедeon в 1807 году покинул остров Кадык на бриге «Ситка» и направился в Петербург. Синод высоко оценил его миссионерскую деятельность, и в 1809 году его назначили наместником Александрo-Невской лавры и архимандритом Троицкого Зеленецкого монастыря Петербургской епархии. Отец Гедeon стал первым православным священником, совершившим кругосветное путешествие.

Все эти достижения были лишь слабой тенью того, во что могли превратить этот суровый край русские люди. Но как раз их малочисленность и стала ахиллесовой пятой Русской Америки. Слова Крузенштерна о невыгодности населения новых русских колоний не остались без внимания престола. В 1808 году Сенат не только отказал «промышленникам» в праве переселения крепостных крестьян на Аляску, но и освободившимся от крепостной неволи людям запретил там селиться.

К сожалению, Русская Америка так и осталась мечтой, «благословенным раем» для Румянцева, Резанова, Баранова, положивших

жизни ради её процветания. И если при императорах Александре I и Николае I правительство поддерживало связи с Новым Светом через Российско-американскую компанию и хоть как-то интересовалось новыми землями, то с восшествием на престол Александра II всё изменилось с точностью до наоборот. Под надуманным предлогом, будто русских на Аляске не осталось, а дети смешанных браков — креолы — отлично приспособились к трудным климатическим условиям и «превосходно кормят сами себя», поставки провианта, оружия, товаров упали до нуля. Сложилась критическая ситуация, о которой свидетель изгнания россияно-колонистов лейтенант Иван Терехов доносил петербургскому начальству: «Если здесь не умирали с голоду, то ели скудную, отвратительную пищу, держась на терпении и мужестве. Это положение, сдается не только мне, было специально подстроено теми, кто искал фальшивого расположения и поддержки американцев». Даже простой морской офицер середины XIX века понимал, чем может закончиться царское безразличие. Или всё же это был продуманный план отказа от русских колоний в Америке?

Истинные, не надуманные, причины гибели Русской Америки волнуют современных историков России и США. Выводы последних, имеющих доступ к документам-первоисточникам, могут быть расценены как соответствующие действительному положению вещей. В частности, доктор Клайв Сигмэн, автор книги «Сомнительные сделки прошлого», пишет: «Российский монарх, бездарно проигравший Крымскую войну, искал союзнической поддержки за океаном. Наша страна никому никогда не оказывала и не будет оказывать никаких бескорыстных, тем более бесплатных услуг. Отданные за гроши земли Аляски, во всех отношениях бесценные, вопреки ожиданиям Александра II, не сдружили Россию с Америкой».

Подобную мысль озвучил один из американских капитанов, высказавший её когда-то Хвостову: «Мы покупаем у русских товары за деньги. Никто не обещает им взамен оказанных ими услуг своей дружбы».

Уже после выступления в конгрессе США президента Джеймса Монро, ставшего реакцией на попытку России повлиять на политическую обстановку в бывших испанских колониях американского континента, стало ясно, что молодое американское государство больше не позволит России расширять свою экспансию, прежде всего торговую, в этой части света. Так, политически мы проиграли Аляску ещё 2 декабря 1823 года, когда была утверждена «доктрина Монро», в которой, в частности, говорилось: «...В интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих

между Соединёнными Штатами и этими [европейскими]* державами, мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого [северного] полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности». В итоге, как и все «добрые» начинания США, «Доктрина Монро» в 1840-е годы и призывы к континентальной солидарности послужили прикрытием для присоединения к США более половины тогдашней территории Мексики, а затем вмешательства во внутренние дела сначала Южной Америки, а затем и всего мира.

Спустя ещё 25 лет, 30 марта 1867 года, достояние Российско-американской компании — часть территории России — Аляску и Алеутские острова — Россия продала США по причине якобы убыточности самой Компании. Но какое дело было государству до одной из коммерческих компаний? Неужели в России не было других убыточных предприятий? И почему понадобилось так срочно избавляться от части собственных территорий? К слову, «обанкротившаяся» Российско-американская компания ещё на протяжении целых 20 лет продолжала выплачивать дивиденды держателям своих акций, общая сумма которых составила два миллиона рублей. Интересно, из каких сбережений, ведь банкротство подразумевает неплатежеспособность? Вопросов много — ответ один: Аляску продали за бесценок из-за инертности недалёковидных политиков, чьи последователи так до сих пор и не избавились от синдрома излишней и часто бездумной щедрости. Оправдания, в которых утверждается, что мы бы и так, якобы, не смогли бы защитить Аляску, малоубедительны. Ярким примером может послужить та же Русско-турецкая война 1853—1856 годов. Англо-французская эскадра направилась почему-то не к Новоархангельску, а к Петропавловску. Причина проста: в отличие от континентальной части России, её колонии, в частности Аляска, были попросту никому не нужны, даже американцам, которым правительство Александра II чуть ли не силком всучила территорию, равную по площади трети современных США. Так что и защищать, кроме разве что американских и английских пиратов и браконьеров, Русскую Америку было особо не от кого.

Территория площадью 1 миллион 519 тысяч км² была продана Америке за 7 миллионов 200 тысяч долларов золотом, то есть по

* Имеются в виду страны, участницы Вронского конгресса — Россия, Пруссия, Австрия и Франция. Великобритания заняла американскую позицию, видя в Соединённых Штатах нового мощного союзника, сумевшего противопоставить себя Европе.

4,74 доллара за 1 км² (по тогдашнему курсу — одиннадцать копеек за гектар!). Только за следующее десятилетие новый хозяин этих территорий — Соединённые Штаты — сумел извлечь из них выгоды на 7 миллиардов долларов. Кстати, эти деньги были пущены в основном на военную промышленность. Неудивительно, что своим щедрым подарком Россия собственноручно не только взрастила в Северном полушарии ещё одного мощного финансового игрока и своего конкурента, но и буквально укрепила его обороноспособность.

В Новоархангельске, некогда спасённом Резановым, состоялась передача территории. Намокший под проливным дождём русский триколор с двуглавым орлом в центре, державшим в цепких когтях надпись «Российско-американская компания», заело на мачте. Его полез снимать русский солдат, но не удержал, и флаг порывом ветра отнесло на солдатские штыки. Американцы свой флаг предусмотрительно укрыли от дождя и вскоре он весело затрепетал в небе. В это же время индейцы-тлинкиты — некогда закоренелые враги русских промышленников — провели обряд Плача и церемонию прощания с русскими друзьями, с которыми их объединяли не просто товарищеские, но и зачастую родственные отношения.

1 января 1868 года 69 солдат и офицеров Новоархангельского гарнизона выехали в Николаевск-на-Амуре на судне Российско-американской компании «Нахимов». Группа, состоящая из колониальных граждан и креолов, покинула столицу Русской Америки 24 апреля 1868 года на судне «Император Александр II». Последняя группа русских покинула Новоархангельск 30 ноября 1868 года на специально купленном для этих целей судне «Крылатая стрела», которое доставило последних желающих покинуть остров Баранова в Кронштадт. Всего на этом судне выехало 309 человек. С самого начала русским людям было предложено: кто хочет оставаться тут — оставайтесь, кто не хочет — готовьтесь к отплытию. Всего в колонии русских на тот момент было 823 представителя. Остаться из них пожелало только 90 человек. Но когда состоявший из разного сброда гарнизон американских солдат начал бесчинствовать, некоторые из желавших поначалу остаться поспешили на последний корабль.

Сразу после передачи территорий в 1867 году Русская Америка перешла в ведение военного министерства США и получила наименование «Округ Аляска». В 1912 году «Округ», так и не сумевший обзавестись даже собственными органами власти, был переименован в «Территорию», не имевшую какого-либо определённого статуса. И только в 1959 году бывшие русские колонии были преобразованы в отдельный штат США.

Имена русских героев освоения Аляски вычеркнуты из американских учебников, но их помнят, любят и чтят на самой Аляске. Потомки креолов до сих пор носят русские фамилии и гордятся своим происхождением. Помнят и Николая Петровича Резанова, купившего корабль для смелого плавания к берегам Калифорнии, чтобы спасти от голода своих соотечественников. Это был поступок настоящего русского — ведь камергер мог отсидеться на «Надежде» или, опередив Крузенштерна, добраться до Петербурга раньше него и примерить лавры первого россиянина, совершившего путешествие вокруг света. Вряд ли бы в этом случае первенство было отдано Крузенштерну. Но камергер до конца дней целью своей жизни видел служение людям, а не собственной славе.

Лесная служба США в 1933 году назвала именем Резанова озеро на архипелаге Александра. Имена Баранова, Кукова, Баннера, русские названия кораблей и фамилии многих других известных российских деятелей XIX века носят географические объекты по всему северо-западному побережью США. Форт Росс сохранён как национальное достояние и превращён в музей. У Сахалина есть мыс Ююны. На Курилах, в Охотском море, возвышаются над водой скалы Авось. И самым лучшим и вечным памятником их капитанам в цепи Алеутских островов гордо расположились два небольших скальных островка, ютящихся поодаль от основной гряды. Остров Хвостова и остров Давыдова — так имена отважных капитанов, столь много сделавших для России, которых их потомки несправедливо и грубо обозвали пиратами, были увековечены американцами.

Справедливости ради следует отметить, что Россия потеряла Америку не в 1867 году, а в на 60 лет раньше, со смертью Резанова. И не потому, что Баранов не выполнил инструкции Резанова. Отнюдь! Он старался, как мог. Здесь другое: не добравшемуся до Петербурга, Резанову не было дано судьбой описать все перспективы России в Америке и привлечь туда капитал, ресурсы, людей. Собственно, именно после этого интерес государства к Америке ослаб и отстаивать перспективы русских на новом континенте стало некому. В отличие от Резанова, граф Румянцев, если бы понадобилось это вновь, никогда бы не отправился на край света, на задворки империи, в Русскую Америку. Резанов же, наоборот, стремился обязательно вернуться в Америку, чтобы жениться на Консепсьон. Случись это — попала бы Калифорния со всем своим золотом и земельными угодьями, позволявшими кормить Север, в зону стратегических интересов России, и возможно, и поныне была бы русской.

Многие исследователи Русской Америки заканчивают тома своих произведений на дате 30 марта 1867 года — дате продажи

Аляски. Их то ли не интересует, что случилось дальше с населением бывших русских земель, то ли они считают, что американцы принесли «свет просвещения» туземцам и креолам. Но давайте проследим дальнейшие судьбы наших бывших соотечественников — алеутов и индейцев северо-западного побережья Америки.

По словам Хлебникова, при американцах, сразу после ухода русских, началась кровавая ссора между кланами. Но и это были только цветочки. Ягодки пошли тогда, когда населению Алеутских островов и Аляски было объявлено о том, что они не являются гражданами США и не имеют прав и свобод, полагавшихся гражданам по закону. Новые земли не были даже преобразованы в отдельный штат, так и оставшись почти на столетие «самым дорогим куском льда, когда-либо приобретённым США» или «зоопарком белых медведей», как писали о бывшей Русской Америке тогдашние нью-йоркские газеты. В далёком Нью-Йорке не осознавали, что на Аляске кроме медведей жили также и люди, а о природных богатствах рядовой американский обыватель даже и не догадывался. Тем не менее после продажи Аляски бывшие российские подданные, жившие практически при республиканском строе, в один момент были лишены всех тех прогрессивных привилегий, которых для них сумела добиться Российско-американская компания, и были отброшены чуть ли не к первобытно-общинному строю. Америка высасывала ресурсы из новых областей, не утруждаясь вкладывать в них средства. Своего Баранова, который бы поправил ситуацию, у США не нашлось.

Через четыре года после ухода русских с Аляски Новоархангельск из «Тихоокеанского Парижа» превратился в заброшенную захолустную рыбацкую деревеньку, население которой сократилось в десять раз и состояло из одних американских солдат и креолов — добытчиков меха. Уникальная цивилизация скатилась до нуля, потеряв свою самобытность, промышленность, науку. Уже то, что основным продуктом импорта стал алкоголь, говорит об уровне падения нравов нового аляскинского общества.

И если США было всё равно, как и чем живут на далёком севере континента его коренные обитатели, то Великобритания, которая также владела частью северо-западного побережья Америки*, нанесла самый существенный удар по культуре индейцев. Ярким

* Имеются в виду территории современной Канады (Британская Колумбия), в XIX веке входившие в состав британских североамериканских колоний. Канада до сих пор является доминионом Великобритании — фактически независимым государством в составе Британской империи, признающим главой государства британского монарха, представленного в доминионе генерал-губернатором.

примером насильственного уничтожения национальных корней может служить обращение с детьми индейцев клана хайда, обитавших на островах Шарлотты. В 1867—1869 годах были приняты федеральные законы о принудительном образовании индейцев в целях интеграции их в современное (британское) общество. Так как на архипелаге не было ни одной школы-интерната, за детьми хайда приехали на больших кораблях и, насильно отобрав от родителей, увезли их на материк. Чтобы прервать связь детей и родителей и «воспитать детей индейцев в современных членах общества», при живых родителях их отбирали в фактические детские дома строгого режима. За попытки говорить на родном языке, поклонение своим богам или соблюдение индейских традиций следовали жёсткие телесные наказания. Смертность в таких канадских «школах» достигала 60 процентов. Последняя индейская школа-интернат была закрыта в Канаде только в 1996 году. Премьер-министр Канады извинился перед индейцами только в 2007 году, а римский папа — спустя год. Всё современное поколение индейцев — люди, прошедшие через ад таких школ, насильно лишённые связи с родителями, с предками, со своей культурой. Поколение детдомовцев, не умеющих и не могущих делать множество самых обычных бытовых вещей, которым могут научить только мама с папой, моральных и часто физических калек. Только 45 человек на Земле, глубоких стариков, сейчас знают язык хайда как родной. И всего несколько лет назад хайда смогли начать процесс восстановления своего языка, который теперь преподают детям в школе на архипелаге Королевы Шарлотты, но уже как иностранный.

Как это было не похоже на образование алеутов и тлинкитов русскими, которые сделали всю молодёжь покорённых земель поголовно грамотными! К детям креолов и местных народов русские священники, взявшие образование на себя, относились не просто толерантно, но и зачастую кормили и лечили их за свой счёт. Конечно же, такие дети вырастали настоящими строителями империи, любящими родные земли и понимавшими смысл своего труда для процветания этих земель. Именно они — бывшие дикари, руководимые русскими — создали собственную промышленность и науку, не потеряв при этом ни национальных особенностей, ни языка. Испанский подход к образованию индейцев был в чём-то схож с русским. И испанцы, и русские понимали, что колонизировать новые земли представителями титульной нации не удастся. Смысл вкладывать средства и силы в дикие земли, а не развивать их, существует до тех пор, пока их ресурсы добываются легко. Но рано или поздно приходит второй этап — этап развития. И очень

важно выйти на этот этап с квалифицированной рабочей силой, которую проще всего воспитать как раз из местного населения. Резанов вовремя разглядел этап упадка пушного промысла, и потому первоочередной задачей для Русской Америки определил именно развитие науки и ремёсел, прекрасно сознавая, что с исчезновением последнего калана людям придётся выживать за счёт чего-то другого. И было это в один из самых голодных годов за всю историю продвижения русских людей вдоль побережья американского континента. Зная, что новые земли может спасти только торговля, русский камергер сделал всё возможное, чтобы образованные чучахи, тлинкиты, алеуты, креолы смогли обогатить и осчастливить землю, на которой родились. То же самое прекрасно понимали и испанские обитатели Америки. Чего только стоит пример Консепсьон д'Аргуэльо, которая, будучи лишена собственного личного счастья, отдала жизнь просвещению индейцев и калифорнийских креолов.

Другое дело — Америка или Великобритания, которые рассматривали население покорённых ими земель исключительно как дешёвую рабочую силу, лишённую самосознания и самоидентификации. И если американцы просто забросили пока ещё действительно непонятно для чего купленные земли, то ангlosаксы не остановились на достигнутом. Они буквально объявили крестовый поход национальной культуре индейцев Северо-запада. В 1885 году, по рекомендации священников, называвших потлач* главным препятствием к цивилизации у индейцев, правительство Канады запретило потлач под страхом заключения до шести месяцев. Лишь немногие представители индейских племён продолжали чтить традицию, маскируя потлач под христианские собрания.

Об этом обряде вспомнили совсем недавно потомки славного тлинкитского воина Катлиана. В сентябре 2004 года, в двухсотую годовщину битвы на Ситке, индейские и русские потомки её участников совершили вместе обряд традиционного тлинкитского потлача, а на следующий день клан Киксади провёл церемонию примирения, знаменующую формальное окончание двухвековой вражды. Хотя и до этого тлинкиты и русские, находившиеся в состоянии войны, всё-таки сумели наладить дружеские отношения. Вождь тлинкитского клана Киксади Катлиан, перекрещённый Барановым в Михаила, со временем стал приятелем Правителя Русской Америки и поверх всех одежд надевал серебряную медаль на владимирской ленте с надписью «Союзные России», считая её

* Традиционный индейский обряд Плача, занимающий центральное место в культовых традициях индейцев северо-запада Америки.

самой большой своей ценностью. А в языке индейцев так и осели русские слова: «япалка» — яблоко, «кушка» — кошка, «молок-ко» — молоко.

То, что осознали индейцы, до сих пор не могут понять японцы, война с которыми была начата тоже двести лет назад Хвостовым и Давыдовым, но не окончена до сих пор — Сахалин и Южные Курилы так и остаются камнем преткновения двух держав.

Современному человеку кажется, что он достиг совершенства в науках, но если взглянуть на себя со стороны беспристрастным взглядом, то становится очевидным, что наличие механизмов и машин, компьютеров и технологий вряд ли делает нас умнее наших предков. В этой книге рассказано о людях, которые кроме своих великих душевных порывов обладали колоссальными знаниями. Они свободно владели пятью-шестью языками, разбирались в астронавигации, гидрологии, гидрографии, умели водить сложные в управлении парусные корабли, то есть в совершенстве овладели морской наукой, разбирались в ботанике и зоологии, антропологии и психологии, политике, этнографии, юриспруденции, в военном искусстве. Кроме этого они обладали прекрасными манерами и красноречием. Их энциклопедические знания позволяли братья за любое новое дело, которое они с успехом доводили до конца, обогащая свою душу, государство и науку. К своим тридцати-сорока годам каждый из них добивался того, на что порой уходят силы целых научно-исследовательских институтов. Капитаны маленьких судов с экипажем в несколько десятков человек расширяли границы государства на сотни, а то и тысячи километров. Только для защиты этих территорий впоследствии были построены целые флоты. Отвага и мужество людей, добровольно подвергших себя лишениям, были подчинены одной цели — служению Отечеству. Нам остаётся только позавидовать нашим предкам — великим людям эпохи императора Александра I. И преклонить головы перед подвигом двух русских капитанов, Давыдова и Хвостова, явившихся образцами исполнения государственной воли посредством личного мужества, заряженного великой идеей. В истории России Николай Хвостов и Гаврила Давыдов оказались воистину уникальными людьми. Смелые капитаны «Юноны» и «Авось» оказались единственными людьми, которые сумели поучаствовать в расширении границ государства Российского как на Востоке (плавание в Сан-Франциско, Курильско-Сахалинский рейд, положившие начало закреплению русских в Калифорнии, на Южных Курилах и Сахалине), так и на Западе (Шведская война, в результате которой России отошла Финляндия).

Идея Резанова насчёт Курильских островов разлилась не спонтанно, и о каждом своём шаге он докладывал императору. Так что обвинения в самоуправстве в адрес Николая Петровича безосновательны. Все свои действия Резанов осуществлял с молчаливого согласия правительства и царя. А отмалчивались они как раз для того, чтобы в случае неудачи экспедиции всё свалить на Резанова. Но экспедиция не просто удалась. Её результаты превзошли все ожидания и только огромные расстояния не позволили России узнать о той реакции, которую действия капитанов «Юноны» и «Авось» вызвали в Японии. Уже на следующий год сёгунат готов был рассмотреть возможность торговли, более того, напуганные действиями Хвостова и Давыдова японцы ожидали военного вторжения в Страну восходящего солнца. Однако бездействие правительства России из-за отсутствия понимания действий Резанова (сам Николай Петрович был уже мёртв и не мог раскрыть перспектив России на Дальнем Востоке) превратили победу в поражение, причём самих победителей примерно наказали. Но даже несмотря на это, восточные границы России, установленные предписаниями Резанова и действиями Хвостова и Давыдова, действительно до сих пор. А вину за спор, продолжающийся между Японией и Россией до сих пор, можно смело перекладывать на Чичагова и Крузенштерна, который из-за своей неприязни к уже мёртвому Резанову постарался вычеркнуть все его заслуги или придать им оттенок безнаказанного своеволия. И надо отдать ему должное в этом — Крузенштерн преуспел, причём настолько, что имя великого дипломата и политика Резанова известно современникам, в основном благодаря рок-опере «Юнона» и «Авось». И мало кому приходит в голову мысль, что если б не «проекты» Николая Петровича, акватория Охотского моря являлась бы территориальными водами Японии, баночки с рыбными деликатесами и икрой украшали бы японские иероглифы, а российская история никогда бы не знала такого словосочетания, как «Русская Америка».

По иронии судьбы Николай Александрович Хвостов и Гаврила Иванович Давыдов, российские офицеры, честно исполнившие свой долг перед Отечеством, выполнившие приказ Уполномоченного российского императора, камергера Резанова, были преданы суду, а офицер Крузенштерн, отказавшийся подчиняться своему начальнику, тому же камергеру Резанову, наоборот, оказался в чести, купаясь в лучах славы руководителя первого русского кругосветного плавания.

Ермак, чей образ на Руси едва ли не канонизирован, считается героем, а Давыдов с Хвостовым, идущие по следам Ермака и действующие его же методами, в угоду толерантности и дружбе с Япо-

нией признаны бандитами, пиратами — демонами, одним словом. «А демонов-то и нет» — выражаясь словами героев одного киноисторического фильма. А есть двое молодых людей с разными характерами, со своими чувствами, с настоящими русскими душами, противоречивыми и оттого ещё более близкими сердцу. Люди, во имя будущего нас — их предков, пересекавшие океаны, жившие в условиях не приспособленных для человека, демонстрирующие сквозь века пример любви к Родине, к своему делу и даже к врагу. Мы, их потомки, должны помнить и почитать таких людей. Тот, кто относится неуважительно к предкам, подарившим нам землю, на которой мы живём или могли бы жить, лишен не просто логики, но и, в первую очередь, совести.

Был в истории такой период, когда воды Тихого океана омывали русские берега с трёх сторон: со стороны запада — Курилы и Сахалин, с севера — Аляску и Алеуты, освоенные русскими промышленниками, а на востоке волны океана разбивались о Калифорнийские утёсы, где в устье реки с таким родным названием Славянка грозно возвышался форт Росс. Очень хочется, чтобы каждый читающий эти строки ощущал гордость. Нет, не просто за страну, а за величие духа тех людей, усилиями которых было всё это завоёвано. А ещё хотелось бы, чтобы мы поняли, что пустяшная обида гордого честолюбца может превратить усилия многих людей с широким мышлением в прах. Людей, которые не ради собственной славы, а ради любви к человечеству положили свои жизни на алтарь величия Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	5
ГЛАВА 1	
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДЖОН	7
ГЛАВА 2	
ОСТРОВА В ОКЕАНЕ	30
ГЛАВА 3	
«ЮНОНА»	69
ГЛАВА 4	
КАЛИФОРНИЙСКИЙ РЕЙД	103
ГЛАВА 5	
ДОМОЙ!	139
ГЛАВА 6	
ПОД ДЕВИЗОМ «АВОСЬ!»	169
ГЛАВА 7	
СМЕРТЬ РЕЗАНОВА	220
ГЛАВА 8	
ПОБЕГ	250
ГЛАВА 9	
ВОЗВРАЩЕНИЕ	271
ГЛАВА 10	
ШВЕДСКАЯ ВОЙНА	297
ГЛАВА 11	
СУДЬБЫ ЛЕГЕНДАРНЫХ КОРАБЛЕЙ	329
ГЛАВА 12	
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В ВЕЧНОСТЬ	359
ГЛАВА 13	
ПОГИБШИЙ ЗАМЫСЕЛ РЕЗАНОВА	385

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

В СЕРИИ ПЛАНИРУЕТСЯ:

Г. Эмар. Короли океана (Грозный Олоннэ)

Д. Володихин. Царь Гильгамеш

М. Загоскин. Аскольдова могила

А. де Кок. Последние из Валуа

Ю. Андреева. Фридрих Барбаросса

П. Феваль. Шевалье Фортюн

М. Алексашин. «Надежда» и «Нева»

М. Зевако. Трибуле

Б. Васильев. Вещий Олег

В. Пронин. Завешание мессера Марко

С. Булыга. Железный волк

В. Гладкий. Ассасины

Т. Беспалова. Последний бой Пересвета

Б. Сушинский. Жребий викинга

М. Алексашин. «Юнона» и «Авось»

А. Майборода. Последняя амазонка

А. Гурин, И. Асе. Русский Ришелье

П.-А. де Понсон дю Террайль. Западня

КАКИЕ ГЕРОИ? КАКИЕ ЭПОХИ? КАКИЕ СТРАНЫ?

Присоединяйтесь к читательской редколлегии,

присылайте свои предложения!

Ваше участие определит состав серии

исторических романов.

E-mail: history@lovetoread.ru

Следующая книга серии исторических романов: *А. Майборода. Последняя амазонка*

В районе современного Цимлянска, на правом высоком берегу Дона, откуда открывается вид на многие километры вниз и вверх по течению, возвышаются остатки красивой белокаменной крепости.

В начале IX века здесь, где бурный Дон делал излучину и становился мелководным, проходил Великий шёлковый путь. Охраняли переправу и взимали пошлину амазонки. На Руси их называли поляницы. Царство амазонок находилось на узкой полосе от Северского Донца до Волги между могущественным Хазарским каганатом и славянскими племенами.

В 804 году хазары, узнав о гибели великого словенского князя Буревоя, пошли войной на славян. Препградой на их пути стали грозные воительницы, которые готовы были стоять насмерть.

Литературно-художественное издание

Серия исторических романов

Алексашин Максим Иванович

«ЮНОНА» И «АВОСЬ»

Выпускающий редактор *В.Ф. Матющенко*

Художник *П.Л. Парамонов*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *И.В. Хренов*

Художественное оформление и дизайн обложки *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 05.11.2014. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 13. Тираж 5000 экз. Заказ № 9746.

ООО «Имидж Принт»

300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70, оф. 129.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Роман Максима Алексашина рассказывает о жизни выдающегося русского дипломата и путешественника Николая Петровича Резанова (1764—1807). В результате большой исследовательской работы в отечественных и зарубежных архивах писателю удалось собрать огромный материал, дающий яркое представление о реальной истории событий, связанных со знаменитыми русскими кораблями «Юнона» и «Авось» и героической судьбой их капитанов.

ISBN 978-5-4444-2584-8

9 785444 425848